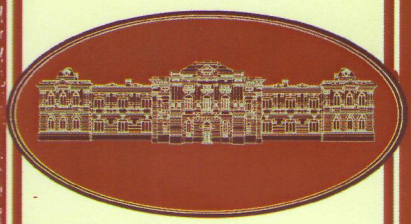
ISSN 2307-1834



Гуманитарный вектор

2014/4 (40)

Серия «Филология. Востоковедение»

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Серия «Филология. Востоковедение»

№ 4(40)
2014

ISSN 2307–1834

Гуманитарный вектор

Серия «Филология. Востоковедение»

Humanitarian Vector

Series Philology, Oriental Studies

Gumanitarnyi Vektor

Seriya Filologiya, Vostokovedenie

Издаётся с 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель:
ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание учёных степеней доктора
и кандидата наук

Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов,
содержащихся в статьях;
высказываемые взгляды
могут не отражать
точку зрения редакции

Рукописи, присланные в редакцию,
не возвращаются

Перепечатка материалов
журнала допускается
только по согласованию
с редакцией

Адрес редакции
672007, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35–24–79
факс: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Сайт журнала в Интернете
http://www.zabvektor.com

Подписной индекс журнала в каталоге
«Пресса России» ***42407***

Электронная версия журнала
размещена на платформе
Российской универсальной
научной электронной библиотеки
www.elibrary.ru

© Забайкальский государственный
университет, 2014

Founded in 1997
Quarterly

Founder:
FSBEI HPE **«**Zabaikalsky State University**»**

The journal is registered
by the Federal Supervision Service in the Field
of Communication, Information Technologies
and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС77–54189 от 17.05.2013

The journal is in the List
of the leading refereed
scientific journals and editions which
publish the main results
of dissertations for academic degrees
of doctors and candidates of sciences

The authors are fully responsible
for the selection and presentation
of the facts contained
in their articles;
the views expressed
by them do not necessarily reflect
the views of the editorial board

Reproduction of any materials
from the journal is allowed
only in coordination with the editorial board

The manuscripts submitted to the journal
are not returned

Address:
672007, Chita, 129 Babushkin St.
Phone: 8 (3022) 35–24–79
Fax: 8 (3022) 41–64–44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Journal web site
http://www.zabvektor.com

Subscription index of the journal in the Catalog
in ‘‘Press of Russia’’ ***42407***

The electronic version of the journal
is placed on the platform of the Russian Universal
Scientific Electronic Library:
www.elibrary.ru

© Transbaikal State University, 2014

Гуманитарный вектор

Серия «Филология. Востоковедение»

Humanitarian Vector

Series Philology, Oriental Studies

Gumanitarnyi Vektor

Seriya Filologiya, Vostokovedenie

Редакционный совет:

Борис Ванданович Базаров, д-р ист. н., проф., член-корр. РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия),
Андре Буржо, д-р социал. н., акад., Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция),
Дэн Цзюнь, проф., Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР),
Кейдзи Идэ, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония),
Чжен Шупу, д-р филол. н., проф. (Харбин, КНР),
Михаил Иванович Эпов, д-р техн. н., проф., акад. РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия:

Выпускающий редактор:
Г. Д. Ахметова, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия),
Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия)

Члены редколлегии:
Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия)
Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия)
В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США),
Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР),
Сонг Чжон Су, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея)

Главный редактор
И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент

Ответственный секретарь
Е. В. Седина, канд. культурологии

Editors:

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the RAS, The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB of the RAS (Ulan-Ude, Russia).
Andre Bourget, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France)
Den Tszun, professor, the Institute of the Russian language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China).
Keidzy Ide, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation
Zhen Chupu, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China)
Mikhail Ivanovich Epov, Doctor of Engineering Science, Professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the Siberian Branch of the RAS

Editorial Board:

Main Handing Editors:
G. D. Akhmetova, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia)
Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia)

Editorial board members:
T. V. Voronchenco, Doctor of Philology, Professor (Chia, Rusia),
T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chia, Russia)
V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA)
Zhao Xiabing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People`s Republic of China)
Song Chon Su, Professor (Seoul, Korea)

Editor-in-chief
I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Execute Secretary
E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по русской и зарубежной филологии, языковой картине мира, медиалингвистике, востоковедению, профессиональному образованию, по вопросам стилистики, лингвистики, литературоведения, переводоведения, а также смежным проблемам, связанные с культурологией, журналистикой.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

The journal is a collection of original and review scientific papers on the Russian and world philology, linguistic picture of the world, media-linguistics, oriental studies, professional education, stylistics, linguistics, literary studies, theory of translation, and related problems, connected with cultural studies, journalism.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, postgraduate students, students, workers in culture and education.

ГУМАНИТАРНЫЙ вектор

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Ахметова Г. Д. Эсхатологические традиции в современной русской прозе 6
Голованов И. А. Народный юмор в пьесах А. Платонова 14
Камедина Л. В. О православной доминанте в творчестве О. Димова 20
Нелюбина Ю. А. Кинотекст в кругу смежных понятий 26
Потапчук М. А. Специфика вербализации концепта в песенном дискурсе 30

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Гречишкина С. В. Малые жанровые формы в корпусе современной англоязычной литературы о природе: вопрос разграничения жанров 34
Керимов Р. Д. Политическая метафорика как лингвокогнитивный феномен (на примере немецкоязычного фрейма «Спортсмены и состязания») 44
Терзиева М. Т. Экологические послания канадской литературы для юношества и их переводная рецепция в Болгарии 53
Уржа А. В. Перцептивизация как элемент переводческой тактики 57

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Бутыльская Л. В. Лингвокультурное пространство поэзии Лариссы Андерсен 63
Олзоева Я. В, Хамаганова В. М. О возможных путях исследования текстов русских старожилов Байкальской Сибири 68

МЕДИАЛИНГВИСТИКА

Дзялошинский И. М. Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа 74
Ерофеева И. В. Правда и истина в пространстве медиатекста: дихотомия справедливости 84
Кузнецова Е. В. О, Дивный новый мир: постижение постмодернизма в русской философской публицистике (2010–2012 гг.) 92
Мельник Г. С., Мисонжников Б. Я. Тактические медиа: социальные приоритеты и прагматика текста 104

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Гашинова Ю. С. Лексико-семантическое поле «пространственного предела» в китайском языке (на материале ассоциативного эксперимента) 110
Желтов П. В. Реликты среднебулгарской эпохи в чувашском языке: отглагольные имена существительные на -ăх/-ĕх 117
Исрафилов Н. Р. Метафора как типологический фактор обогащения языка и культуры: интерпретация в грамматике и лексике 121
Курас Л. В. Монголия в начале XXI века: гримасы демократии 125
Ламожапова И. А. Типология фонетического освоения бурятско-монгольских топонимов Забайкалья 133
Санжанов Ж. Ш. Фонетический способ словообразования общественно-политической лексики бурятского языка (на примере чередования h/c) 138

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ахметова М. Н. Письменная речь школьника как педагогическая проблема (синергетический закон «возвращения» технологий живого образа) 144
Иванова Т. М. Системно-деятельностный подход в преподавании русского языка как иностранного при обучении основным видам речевой деятельности 148

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

RUSSIAN PHILOLOGY

Akhmetova G. D. Eschatological Traditions in the Modern Russian Prose 6
Golovanov I. A. Folk Humor in A. Platonov's Plays 14
Kamedina L. V. On the Orthodox Dominant in the Works by O. Dimov 20
Nelyubina Yu. A. Film Text in the Field of Related Concepts 26
Potapchuk M. A. Specificity of Verbalization of the Concept in Song Discourse 30

FOREIGN PHILOLOGY

Grechishkina S. V. Short Literary Compositions in the Body of Nature Prose in English: the Problem of Genre Division. 34
Kerimov R. D. Political Metaphor as a Linguistic Cognitive Phenomenon (on the example of German frame "Athletes and Competitions") 44
Terziyeva M. T. Ecological Messages in the Canadian Literature for Young People and their Translation Reception in Bulgaria. 53
Urzha A. V. Perceptivisation as an Element of the Interpreter's Tactics 57

LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Butylskaya L. V. Linguistic-Cultural Space of Poetry by Larissa Andersen 63
Olzoyeva Ya. V., Khamaganova V. M. On Possible Researching Ways of the Baikal Siberia Old-Timers' Texts 68

MEDIALINGUISTICS

Dzyaloshinsky I. M. Media Linguistic in the Context of Transforming Media. 74
Erofeeva I. V. Subjective Truth and Objective Truth in Space of Media Text: Dichotomy of Justice. 84
Kuznetsova E. V. Oh, Brave New World: Understanding of Postmodernism in the Russian Philosophical Publicism (2010–2012) 92
Melnik G. S., Misonzhnikov B. Ya. Tactical Media: Social Priorities and Text Pragmatics 104

ORIENTAL STUDIES

Gashinova Yu. S. The Lexical-Semantic Field of «Spatial Limit» in the Chinese Language (on the Results of Associative Experiment). 110
Zheltov P. V. The Relicts of Middle-Bulgharian Epoch in the Chuvash Language: Verbal Nouns with –ăx/-ĕx Affixes 117
Israfilov N. R. Metaphor as a Typological Factor of Language and Culture Enrichment: Interpretation In Grammar And Vocabulary. 121
Kuras L. V. Mongolia at the Beginning of the XXI Century: Faces of Democracy 125
Lamozhapova I. A. Typology of Phonetic Development of Buryat-MongolianToponyms of Transbaikalia. 133
Sanzhanov Zh. Sh. Phonetic Method of Derivation of Political Lexicon of the Buryat Language (on the example of Alternation h/s) 138

VOCATIONAL EDUCATION

Akhmetova M. N. Written Pupil's Speech a as a Pedagogical Problem (Synergetic Law of "Returns" of a Live Image Technologies 144
Ivanova T. M. System-Active Approach in the Teaching of Russian as a Foreign Language in the Principal Types Teaching of Speech Activity 148

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
RUSSIAN PHILOLOGY

УДК 882
ББК Ш 5(2=Р)7–09

***Галия Дуфаровна Ахметова**,*
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Эсхатологические традиции в современной русской прозе[1]

В статье раскрывается проблема эсхатологических традиций в современной русской прозе. Эсхатологическая тема связана с проблемой танатогенеза. Исследование выполнено в рамках стилистики текста, что обусловило научную новизну, хотя в целом эта работа не языковая, а именно филологическая. Такой подход позволяет анализировать индивидуальный стиль писателя. Автор подробно анализирует роман С. Есина «Соглядатай», написанный в 1989 году.

Таким образом, намечаются линии традиций, направленные не только в прежние литературные эпохи (М. Ю. Лермонтов, А. П. Чехов и др.), но и в эпоху начала XXI века (З. Прилепин). В статье даётся подробный анализ языковых процессов, нашедших отражение в романе. Исследователь приходит к выводу, что языковые процессы представляют собой развитие языковых традиций. В духовном пространстве текста происходит их взаимодействие друг с другом. Эсхатологические традиции в русской прозе продолжаются.

Ключевые слова: эсхатология, традиции, языковые процессы, роман «Соглядатай», индивидуальный стиль.

***Galiya Dufarovna Akhmetova**,*
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Eschatological Traditions in the Modern Russian Prose[1]

The problem of eschatological traditions in the modern Russian prose is revealed in the article. The eschatological subject is connected with a problem of Thanatos. The research is done within the text stylistics that caused scientific novelty, though as a whole this work is not linguistic, but philological. Such approach allows to analyze individual style of the writer. The author analyzes in detail S. Yesin's novel the "Observer" written in 1989.

Thus, the lines of traditions, directed not only during former literary eras (M. Yu. Lermontov, A. P. Chekhov, etc.), but also during an era of the beginning of the XXI century (Z. Prilepin) are outlined. The detailed analysis of the language processes which have found reflection in the novel is given in article. The researcher comes to a conclusion that language processes represent development of language traditions. In spiritual space of the text there is their interaction with each other. Eschatological traditions in the Russian prose are carried on.

Keywords: eschatology, traditions, language processes, novel "Observer", individual style.

Роман С. Есина «Соглядатай» (1989 г.) имел первоначально другое название – «Бег в обратную сторону, или Эсхатология». Об этом напоминает эпиграф, взятый из «Советского энциклопедического словаря»: «Различается индивидуальная эсхатология, т. е. учение о загробной жизни единичной человеческой души, и всемирная эсхатология, т. е.

[1] Работа выполнена при финансировании темы в рамках государственного задания вузу (№ 6. 3652. 2011)
[1] The work is performed with funding from the state task to the higher education institution (№ 6. 3652. 2011)

© Г. Д. Ахметова, 2014

учение о цели Космоса и истории и их конце». Напоминают о первоначальном заглавии и эсхатологические традиции, проходящие через весь роман. Одна из таких традиций лежит буквально на поверхности – это название романа, повторяющее название повести В. Набокова «Соглядатай» (1930 г.), главный герой которой кончает жизнь самоубийством. Но сознание умершего человека остается живым и продолжает исследовать мир. Не все так просто и однозначно в повести В. Набокова, но мы сейчас не занимаемся сопоставлением двух произведений. Само слово «соглядатай» имеет неодобрительное значение и употребляется для обозначения человека, тайно наблюдающего за кем-нибудь или за чем-нибудь.

Проблемы эсхатологии волнуют писателей, поэтов, философов, ученых. С. Казначеев, исследуя творчество Ю. Кузнецова, пишет: «Практически любой поэт, а тем более – русский, не проходит в своём творчестве мимо темы эсхатологии. Важно пояснить, что речь идёт здесь не о конкретной, личной смерти (об этом думает каждый человек, даже если он не имеет отношения ни к творчеству, ни к философии), а о предстоящей гибели всего человечества – своего рода Армагеддоне, конце света, Страшном Суде» [5, с. 208].

Защищены кандидатские диссертации по проблемам эсхатологии. Например, анализируя современную мифологию, об эсхатологическом образе мира пишет М. В. Ахметова [1]. И. А. Бессонов посвящает свою диссертацию анализу русской эсхатологической легенды [2]. Можно назвать и другие работы, но, пожалуй, нет исследований, посвященных стилистическому аспекту эсхатологических русских традиций в современной прозе.

Можно согласиться с мнением, что роман С. Есина – это книга о страхе. Главный герой романа режиссер Сумаедов в своем страхе отрекается от репрессированного отца, забывает историю собственной семьи: «А как робок был он в том, что сам делал в искусстве! А чего, спрашивается, боялся, где сейчас эти вершители судеб художников и их работ?» [13, с. 597]. Но ведь в то же время он является соглядатаем, то есть тайно наблюдает, изучает все вокруг, в том числе и нелюбимого отца, отношение к которому противоречивое, болезненное. И уже на первой странице романа появляется река и фантастический кинокадр с Хароном. И словно уже теперь видит он лица своих родных. Автор (или сам герой, близкий автору) обращается к Сумаедову: «Отмотаем пленку, Сумаедов. Назад пошла лодка с перевозчиком, в обратную сторону махает веслом гребец, вспять течет вода. Как давно стали посещать тебя античные кошмары? Ты ведь, как и положено, в соответствии с учебником психологии пережил «страх смерти», то ли в десять, то ли в двенадцать лет, так чего опять жмешься к покойникам, вспоминаешь былое и даже начинаешь вести какие-то немыслимые записки» [13, с. 486]. Наверное, пленка в этом романе является неким символом, она обозначает и пленку фильма, и пленку жизни. Синяя лента жизни со всеми своими кадрами движется без остановок. С. Есин пишет в романе: «Воистину – судьбы наши лежат в тумане» [13, с. 515]; «<…> клочки жизненного тумана <…>» [13, с. 518].

Роман «Соглядатай», как и все романы писателя, отличается философской глубиной, некоторой отстраненностью от действительности в сочетании с реалистичностью повествования. Писатель не раз возвращается к этой теме в романе: «Можно ли в собственном сознании отделить правду от видений?» [13, с. 518]. Но, пожалуй, наиболее явно в романе развивается эсхатологическая тема. Н. Цветова пишет: «Мотив смерти – конституциональный знак мировой литературной традиции, ключевой философско-символический мотив для русской прозы, содержание и художественная форма воплощения которого позволяют судить о литературной ситуации, складывающейся под воздействием системы объективных причин и влияний» [9].

Классические традиции проявляются в романе появлением межтекстовых литературных образов. Включение в композиционное развертывание текста виртуальных романных образов способствует усилению «литературности», «романности» повествования, в котором объединяются реальные и ирреальные сюжетные линии. Эсхатология, как явление книжное, проявляет себя в этих сюжетных переходах: «Того подвело вечное любопытство пишущего человека к новизне человеческого состояния – а вдруг пригодится? Коробков такой: мать будет помирать – приглядит за агонией: нельзя ли какую-нибудь детальку вставить потом в сценарий?» [13, с. 508]. Подобная сцена появляется и в романе С. Есина «Имитатор».

Автор-писатель намеренно проявляет себя в романе, он направляет повествование: «Значит, направление сюжета в сторону, уже разработанную классиками. Каковы были побудительные мотивы у Смердякова? О, счастливые классики, творящие на вечной, общечеловеческой основе. <…> Но что же

мешало уничтожать эти письма совсем? Ну, сжечь, как положено в классических романах, было достаточно трудно. Только в романах всегда под рукой растопленный камин или тлеющие угли» [13, с. 489]. Через образ Смердякова проявляются в романе более ранние традиции (тема отношений отца и сына; тема сожженных писем), в том числе эсхатологические. Т. Н. Сморжко, исследуя художественную эсхатологию в романах Ф. М. Достоевского, пишет: «Обращаясь к творчеству Ф. М. Достоевского, мы оказываемся в христианской традиции, следовательно, выбираем определенный тип эсхатологического сознания. Библейская эсхатологическая традиция, включая и тексты ветхозаветных пророков, и евангельские речи Иисуса Христа, и высказывания апостолов из новозаветных Посланий, сконцентрирована, прежде всего, в “Откровении Иоанна Богослова”, которое завершает Новый Завет и Библию в целом. Хорошо известен интерес Достоевского к этой книге» [8, с. 5].

Авторская оценка, авторское «вмешательство» в литературный процесс написания романа является классической традицией. Такое построение текста отличает романный стиль С. Есина: «В этом-то и особенность художественного мировосприятия, чтобы суметь поставить себя на место другого и чужие страхи, стыд и сомненья пропустить через свою кровь» [13, с. 664].

Тема сожженного письма также является довольно традиционной в русской литературе. В какой-то мере сожжение письма тоже можно назвать эсхатологическим мотивом, как, например, в стихотворении А. С. Пушкина «Сожженное письмо»: «Готов я; ничему душа моя не внемлет. / Уж пламя жадное листы твои приемлет... / Минуту!.. вспыхнули... пылают... легкий дым, / Виясь, теряется с молением моим». Для творчества А. С. Пушкина эсхатологические мотивы не были настолько характерны, как, например, для поэзии и прозы М. Ю. Лермонтова, однако дальнейшее развитие традиций (Пушкин – Лермонтов) нельзя отрицать.

Ирреальность повествования в романе «Соглядатай» поддерживается вводом монтажного приема построения текста в его прямом, кинематографическом значении: «Но если этот рассказ строить по законам кино, по законам драматургии, то здесь уместна была бы трехкратная просьба и трехкратный отказ. Ритм кадров с молодым и старым лицом» [13, с. 494]; «В то время он, Сумаедов, придавал этой сцене смыслоорганизующее фильм начало. Тонкая рука… пейзаж… ровный… ровный бег коней… судьба… и тонкие бронзовые зубчики, терпеливо перемалывающие и превращающие былое в воспоминания <…>» [13, с. 523]; «Он, сам Сумаедов, виноват, что не получился третий, более полный план или что недопроявился, оказалось, сдернута наводка с первого, общего плана» [13, с. 536]; «<…> Через полуоткрытые глаза Сумаедов видел замедленные, как при специальной съемке, движения» [13, с. 537]; «Но дальше все очень резко: крупный план-портрет, батистовая белая блузка, кожаная комиссарская куртка. Потом на среднем плане женщина улыбается <…>» [13, с. 623].

Именно этот прием монтажа является важным в художественной организации главного героя – режиссера Дениса Сумаедова: «Потом он, Сумаедов (нет, герой, от лица которого идет киноповествование), сходит вниз по трапу самолета» [13, с. 669]; «В сегодняшнем условно-кинематографическом переложении этот диалог звучит почти героически <…>. И не было бы фильмов, фестивалей, зарубежных стран, славы, орденов, премий, удовлетворенного тщеславия, падения, позора… Ничего бы не было. «Пустота, летите в звезды врезываясь?» О слава тебе, жизнь, любая, лишь бы существовать, дышать и вновь подняться…» [13, с. 493].

Произведения прошлых лет, прочитанные заново, открывают исследователю новые традиционные связи. Так, например, традиции поэтического авангарда начала XX в. (в том числе и поэзия В. Маяковского) продолжаются в русской рок-поэзии. Эсхатология в поэзии В. Маяковского проявляется в пространстве города, в то же время теперь пишут о космогоничности произведений поэта. Д. Ю. Шалков, обращаясь к библейским мотивам и образам в творчестве В. Маяковского, отмечает: «Вырабатывая «технические» приемы интегрирования культурно-исторической памяти в художественный текст, автор «Войны и мира» и «Мистерии-буфф» в определенной мере оказался предтечей эсхатологического и космогонического мифотворчества, предпринятогопоэтами, творившими не только в эпоху Серебряного века, но и в первые десятилетия после Октябрьского переворота» [10, с. 219].

Герой романа в своих внутренних изнурительных спорах с отцом часто обращается к ирреальному постижению действительности. В то же время такое познание мира является для С. Есина характерным – при всей его явной реалистичности. В этом и заключается

тайна творчества: «Так, может быть, все же не исчезает душа? Ее нерастворимый остаток, основа летают где-нибудь в эфире невидимыми бабочками сгустков энергии, и каждая душа – эдакое закрученное в восьмерку и излучающее благоухание электрополе. Или это электрические невидимые электроленты, которые плывут в эфире, словно водоросли в океане. <…>. Ну что же, папочка, продолжим счеты?» [13, с. 500]; «Так может быть, фотографическая карточка способна консервировать взгляд, материализовать и нести его через европейско-российскую географию <…>» [13, с. 529].

В романе «Маркиз» писатель вновь возвращается к неразгаданной теме души человека, к образу бабочки в полете. Но то, что сейчас, почти в середине XXI века, уже не является запретной темой, в 80-е годы еще только робко и слабо нащупывалось писателями и оставалось часто неразгаданным ни читателями, ни критиками.

Вряд ли бы наш анализ, наша попытка интерпретации оказалась бы полной и объективной, если бы мы не обратились к языку романа, в котором также продолжаются традиции. Например, в сравнениях часто проявляется именно реалистичность повествования, скрывается внутренняя авторская усмешка, тонко маскирующая философичность текста, «прикрывающая» ранимый внутренний мир от чужого взгляда: «И что он мог противопоставить их мнению, тихой, как шуршание клопов, кабинетной работе, справкам, их богатой интуиции?» [13, с. 504]; «Он уже устал от своей вечной улыбки на лице, от безотказной, как канализация, доброжелательности» [13, с. 662]; «<…> он не задал ей простенького, как мычание, вопроса <…>» [13, с. 680]. Сравнения в романе нечасты, они носят обычный характер, не отличаются излишней метафоричностью, но употребленные с ними рядом «живые» метафорические определения придают тексту истинную образность: «И вот из-под уставной косынки ненароком выбивается нежный, как весенний подснежник, испуганный завиток <…>» [13, с. 525]; «<…> чуть мигающий, будто вздохи, электрический свет в настольной лампе <…>» [13, 670]. Антропоцентричность метафоры в современной прозе стала наиболее популярным приемом повествования, но С. Есин пользуется этим приемом осторожно, как и положено в классической литературе, традиции которой мы наблюдаем в романе: «<…> водка в графине притворялась беззащитной водой и водичкой <…>» [13, с. 534]; «<…> бутсы лежали на полу возле двери комнаты брезгливой кучкой <…>» [13, с. 607]; «<…> и даже дворничья метла еще не скребла утреннюю болезненную тишину» [13, с. 654]. Сравнения в сочетании с повторами во многом формируют монтажное повествование, придавая ему лиричность, столь редкую в прозе С. Есина: «Смутно Сумаедов помнит – а может быть, конструирует в своей памяти? – другие световые состояния за итальянским окном: серый мрак и изморось, серый мрак и крупные, как клочья мокрой шерсти, хлопья снега, сползающие по стеклу, тусклое падение дня и желтый лист, будто прильнувший к теплому окну, желтый осенний лист…» [13, с. 532]. Справедливо отмечает в своем диссертационном исследовании Е. Р. Боровская, хотя диссертация автора не языковая, а литературоведческая: «Справедливости ради нужно сказать, что в современной критике произведения В. Крупина, С. Есина имеют определенный резонанс, только этиписателизатрагивают темы настолько актуальные, что в прессе в первую очередь обращается внимание не на художественные особенности их новых романов и повестей, а на их проблематику» [3, с. 25]. В языковом плане исследовала прозу С. Есина В. Г. Глушкова. Отметим вывод, к которому пришел исследователь: «В художественной прозе С. Н. Есина эпитет семантически и эстетически взаимодействует не только с микроконтекстом, непосредственно его окружающим, но и с макроконтекстом, более того, с идеей художественного целого. Особенно это проявляется в романе «Соглядатай», в котором именно эпитеты создают мощныйподтекстовый слой, регулирующий восприятие текста в целом» [4, с. 168].

Композиционно-стилистической особенностью современного русского текста можно назвать резкую смену грамматического времени повествования (прошлое – будущее) – при этом может появиться в сюжете романа эсхатологический мотив. Данный приём позволяет наиболее ярко, наиболее выпукло создать образность повествования, не прибегая к традиционным приемам – метафоре, сравнению: «В вестибюле кинулась к нему четырнадцатилетняя девчонка Зойка, сводная сестра, ровесница его собственного сына. <…>. Еще щелкнет, как затвор фотоаппарата, десять с небольшим лет, умрет сравнительно молодой Олька, выживет после операции отец <…>» [13, с. 506].

Межтекстовые связи, межтекстовые образы органичны в романе. Именно этот межтекстовый план повествования чаще всего

уходит в русские классические традиции. Как и в романе «Имитатор», появляется в «Соглядатае» межтекстовая перекличка с К. Бальмонтом – и неназванная, не озвученная эсхатология проникает в повествование, усиливая вечную русскую тоску: «О, мой брат, о бедный страдающий брат. Коробков не вошел в прихожую, он упал в объятия Сумаедова» [13, с. 513]. Дословные межтекстовые вставки в романе часто являются самостоятельными предложениями и не всегда выделяются кавычками («Но пораженье от победы…»; Что ему Гекуба; «Будут внуки, потом все опять повторится сначала»; «О, если навеки так было!»; В Москву, в Москву!). Но это может быть и часть авторского предложения, что придает повествованию иной раз юмористический оттенок: «Из глубины сибирских руд тоже, в свою очередь, поступали письма» [13, с. 573]; «В Москву, в Москву, но сначала – в Хабаровск!» [13, с. 635]; «Плюньте на все, берите билет и прямо сейчас… в Москву, в Москву» [13, с. 637]. Межтекстовые связи иногда превращаются в межтекстовые намеки, происходит контаминация стилей двух авторов: «О, Горацио, сколько, оказывается, занятного в этом мире, что и в страшном сне не могло присниться всем нашим мудрецам!..» [13, с. 601]; «<…> чтобы мальчик мог наблюдать вечно разнообразный пейзаж: улица, фонарь, перебегающая дорогу курица, аптека, куст сирени» [13, с. 634]; «<…> тайно любовалась мальчиком в матроске и дышащей духами молодой дамой» [13, с. 636]. Межтекстовая вставка может остаться недоговоренной: «Ведь из всех искусств наиболее важным для нас является…» [13, с. 662]; «Что за комиссия, создатель!» [13, с. 683]. В романе М. Шишкина «Венерин волос», написанном много лет спустя после романа С. Есина «Соглядатай», подобный прием превращается в пастиш: «На старт, внимание, марш! И вот он бежит, а его бьют. Помилосердствуйте, братцы. Он бежит, а его бьют. Помилосердствуйте, братцы. Всё, не может больше бежать. Упал».

Авторство включенных в текст романа межтекстовых вставок почти никогда не указывается: романы С. Есина отличаются литературностью повествования, они предназначены для подготовленного читателя, как и проза В. Дегтева, например, в которой межтекстовые связи отражают особенность индивидуального стиля писателя.

Афористичность – важная композиционно-языковая особенность романов, ориентированных на «литературность» повествования: «Сейчас бы все это он сделал по-другому, но ведь в искусстве с мудростью уходит и свежесть» [13, с. 523]; «В природе творческого человека есть еще и некий момент самовнушения» [13, с. 589]; «Но в природе творческого человека есть еще и некий душевный холодок, который позволяет ему жить в двух плоскостях сразу» [13, с. 589]; «Искусство всегда над жизнью, но питается, как ни странно, оно ее навозом» [13, с. 647]; «Важнее не то, что ты скажешь, а что подумают, как определят мотивы твоих речей» [13, с. 663]; «Судьба обычно дает людям возможность развязаться с земными делами» [13, с. 679]. Наряду с афористичностью в романе встречаются вечные философские вопросы: «А все очень просто: реализуется ли до конца человеческая жизнь или не реализуется?» [13, с. 562]; «И должно ли искусство быть так автобиографично?» [13, с. 614]; «Разве исследование прошедшего не есть забота о будущем?» [13, с. 642]; «Время не воронка ли, в которую Харон сыплет мусор жизни, чтобы на дне сосуда получить субстанцию тяжелее всего святого?» [13, с. 643]; «Или в несовершенной природе человека эта боязнь – как изначальное основополагающее чувство?» [13, с. 661]. Встречаются философские умозаключения-наблюдения: «Все-таки очень доброму, не желающему никому зла и очень порядочному человеку масть иногда идет в руку. Господь простирает над ним свою охраняющую длань» [13, с. 568]; «С возрастом все отчетливее чувствуешь одиночество, все больше хочешь опереться на ближних, иллюзии становятся ближе и ближе. Выясняется даже, что привязанность и любовь – не совсем пустые звуки <…>» [13, с. 586]; «Но ведь по миру ведет нас рука божья, хорошо, назовем это случаем. Но только безумец считает, что случай случаен» [13, с. 622].

Синтаксическая несочетаемость компонентов предложения – это одна из языковых особенностей современной прозы. Употребляется этот прием главным образом при описании портрета героя или персонажа. Например, у С. Шаргунова («Книга без фотографий»): «Через год после того, как останки у нас появились, к нам (и сейчас помню, в сильный дождь) пришла Жанна, француженка-дипломат, розовое простое крестьянское лицо». Или же прием используется при простом описании предмета, как у А. Рекемчука («Тридцать шесть и шесть»): «Еще тут было два стула с клеенчатыми сиденьями и клеенчатыми спинками, медные граненые головки гвоздей по краешку обивки». В самое последнее время вместо запятых стали употреблять тире

в подобных описательных контекстах. Тире увеличивает необходимую в данном случае паузу. В прозе С. Есина уже встречается подобное написание: «Случай величествен уже тем, что познакомил его – легкий полупоклон, улыбка – с Лией Исааковной» [13, с. 633].

Для языка прозы С. Есина характерно такое построение субъективированного повествования, в котором происходит синтаксическое сгущение в единстве с синтаксической несочетаемостью компонентов предложения друг с другом и с явлениями субстантивации. Это позволяет проникнуть в тонкие детали, разглядеть то, что скрыто от глаз – как у В. Ф. Одоевского в «Городке в табакерке»: «Мама подносила часы к уху сына, и он, скосив глаза, слушал, как внутри стеклянного домика кто-то бил молоточком и тряс крошечные серебряные бубенчики.

Потом за ручку – медная кнопочка – мама открывала ящичек, стеклянная дверка поворачивалась <…>. Какая удивительная картинка: движущееся живое и движущееся неживое» [13, с. 523]. В сказке В. Ф. Одоевского также представлено субъективированное повествование – точка зрения мальчика: «С этими словами папенька поднял крышку на табакерке, и что же увидел Миша? И колокольчики, и молоточки, и валик, и колеса… Миша удивился: «Зачем эти колокольчики? зачем молоточки? зачем валик с крючками?» – спрашивал Миша у папеньки». К образу городка в табакерке писатель обращается в последующем повествовании: «Но самое поразительное, что в этом механическом аду циклопических шестеренок и осей каждый раз Сумаедов во сне видит и себя. Это как бы кадр из детского приключенческого фильма. Мальчик из города «Динь-динь», паренек из музыкальной табакерки» [13, с. 538–539]. Явление субстантивации является в современной прозе активным языковым явлением, иногда даже авторы переигрывают, используя эти формы. В прозе С. Есина происходит органичное объединение новых языковых явлений на фоне классических традиций – именно такое построение текста создает его динамичность и способствует развитию литературного языка. Примеры субстантивации нечасты: «А коридор существовал привычным <…>» [13, с. 612]; «Некое напоминание о том, как живое, прыгающее, любящее и пищащее переходит в мертвое и неотзывающееся» [13, с. 636].

Мы уже писали о сравнениях в романе. Приведем пример сравнения, в котором сочетается явная межтекстовая традиция с оттенком юмористичности и некоторой отстраненности от классического образа, созданного А. П. Чеховым: «<…> луна, как осколок ресторанной бутылки, лузгает в окно <…>» [13, с. 612]. Это вечное «горлышко разбитой бутылки» встречается и у М. Шишкина в «Венерином волосе»: «На плотине, видите, блестит горлышко разбитой бутылки».

Современная проза отличается словотворчеством. Но, как и другие языковые процессы, словотворчество также представлено у современных авторов слишком активно, что снижает образность. Новые слова в романе С. Есина встречаются – но, в согласии с классическими традициями, таких новообразований не слишком много (предскандалье; нечестничать; заколдовье; оракулует; предсюжет; предсценарий).

Примеров виртуального произношения (они сочетаются с графической маркированностью) тоже не слишком много: «Как? Тако-е ему? Предлагать» [13, с. 551]; «<…> он получил твердое указание – ни-ко-му!» [13, с. 607]. Приведём еще пример: «В то время он, Сумаедов, оперировал такими всеобщими дефинициями, как “ндра” и “не ндра”» [13, с. 613]. Подобным образом используется в современной молодежной речи сокращение «нра» – от «нравиться»: «Мне это больше нра»; «Это не пиар, мне правда нра»; «Мне это не нра»; «А мне нра это слово»; «Раньше мне нра».

Привлекает внимание такой достаточно традиционный, но по-прежнему действенный прием, как игра с фразеологизмами. Юмористический эффект достигается, в частности, и этим приемом: «<…> Зойка почувствовала это и, пряча не очень ловкие психологические концы в воду, сразу сменила тактику» [13, с. 589].

Даже такой краткий обзор языковых явлений романа позволяет сделать вывод о разнообразии языкового пространства. И это языковое пространство ориентировано во многом на эсхатологические традиции русской литературы.

Герои романов С. Есина – Сумаедов, Семираев – в чем-то похожи между собой, и мы отметили уже точки пересечения в построении этих образов. Отмечают эту особенность и критики. Например, Е. Щеглова отмечает: «Его художник Семираев (“Имитатор”), режиссер Сумаедов («Соглядатай», он же «Бег в обратную сторону»), журналист и редактор Пылаев («Временщик и временитель», он же «Гладиатор») – типичные середнячки, не более того» [11]. Тема героя в русской литературе становится в последнее время наи-

более актуальной. А для индивидуального стиля писателя характерно обращение к избранному им герою, которого он постигает, изучает, сравнивает. Именно об этом пишет И. Лобановская о героях романов С. Есина: «Взгляд прозаика беспощаден и проникает в самую суть души человеческой, вытаскивая ее тайное тайных на свет Божий и высвечивая, словно ярчайшим прожектором, подлинное, настоящее, поворачивая характер героя самыми разными сторонами. И неожиданно, в непредвиденный момент писатель дает им, своим героям, маленький, крохотный, пусть незначительный, но очевидный шанс на покаяние, на изменение и спасение. Вдруг нечаянно прорывается нескрываемая нота жалости, сочувствия к ним, погрязшим во всех грехах. И мы понимаем: перед нами исконно русская, именно наша, родная, российская, психологическая проза с ее богатейшим наследием Достоевского и Гончарова, призывающая к всепрощению и милосердию, к состраданию и пониманию с ее часто надрывной интонацией и определенной стилистикой. И смысл такого покаяния у писателя – возвращение героя к самому себе, к своей душе, давно забытой и затоптанной. Порой такое возвращение у Есина совершенно непредсказуемо и фантастично» [7].

Герои С. Есина падают, чтобы подняться. Может быть, именно в глубинах этой прозы формируется новый герой – человек обыкновенный? Надо очень внимательно читать прозу С. Есина, чтобы сквозь горькие эсхатологические строки разглядеть и услышать шелест крыльев за спиной: «Может быть, в этом падении его, Сумаедова, взлет. Взлетим! Он чувствует уже шелест крыльев за своею спиной. Белоснежное, мощное оперение музы. <…> Жизнь продолжалась. И сразу же перед глазами Сумаедова возникли: эпизод из будущей картины, видение, кадр… Седобородый Харон медленно, как гондольер в Венеции, напрягает весло…» [13, с. 518]. Потом, позже, в романе «Твербуль, или Логово вымысла» эта тема полета продолжится.

Эсхатологическая тема связана с проблемой танатогенеза, о чем пишет в своей книге М. Лаврентьев: «Поэтические произведения, тематически обращенные к смерти, принято объединять понятием «эсхатологическая лирика». <…> Танатогенез – процесс наступления смерти, динамика умирания. Задача настоящего исследования заключается в том, чтобы на нескольких достаточно известных интересующемуся читателю примерах продемонстрировать, как отражается процесс наступления смерти в поэтическом тексте, а также предложить свое истолкование этого феномена» [6, с. 5]. С. Есин в интервью 2001 г. («В зоне Танатоса») размышлял: «В нашей жизни нет ничего случайного. <…> …зона Танатоса охватывает всех вокруг. Она действует по-разному – через ум, через эмоции. Уйти от нее, вырваться – невозможно» [12]. Обе эти проблемы пересекаются с духовным знанием. Духовное пространство текста открыто для эсхатологического феномена. Духовное пространство романа С. Есина открыто для читателя: энергия духовного пространства является живой: «Значит, дух первичен! Иначе откуда тело брало бы энергию, чтобы выжить и жить?» [13, с. 760]; «Бессонница для творческого человека – ниспосланное сверху состояние, предшествующее откровению. Дух, как голубь, нисходит из ночной тьмы» [13, с. 676]; «Но, видимо, человек, как храм, стоит, пока свеча теплится на алтаре» [13, с. 676]; «И все же истинный творец предчувствует каждый виток самой головокружительной фабулы» [13, с. 682].

Эсхатологические традиции продолжаются в современной русской прозе. Ярко проявилась эсхатологическая тема в романе З. Прилепина «Обитель».

Наверное, жизнь наша в какой-то мере является задуманной Богом игрой, и мы предчувствуем ее завершение, и в какие-то минуты земного существования смотрим на себя со стороны. Роман заканчивается вопросом умирающего сознания: «А может быть, это тоже из будущего фильма?»

Список литературы

1. Ахметова М. В. Эсхатологические мотивы современной мифологии в России конца XX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 24 с.

2. Бессонов И. А. Русская эсхатологическая легенда: источники, сюжетный состав, поэтика: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 179 с.

3. Боровская Е. Р. Герой-художник в русской прозе начала и конца XX века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 193 с.

4. Глушкова В. Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С. Н. Есина: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2000. 170 с.

5. Казначеев С. Эсхатологические мотивы в поэзии Юрия Кузнецова // Встречи. № 1 (14). 2014. С. 208–211.

6. Лаврентьев М. И. Поэзия и смерть. М.: Спутник +, 2012. 160 с.

7. Лобановская И. И. Эффект поединка [Электронный ресурс]: URL: http://lit.lib.ru/l/lobanowskaja_i_i/text_0440.shtml (дата обращения: 14.08.2014).

8. Сморжко Т. Н. Художественная эсхатология в романах Ф. М. Достоевского 1860–1870-х годов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 24 с.

9. Цветова Н. С. Эсхатологический мотив в современной русской прозе [Электронный ресурс]: URL: http://www.rospisatel.ru/konferenzija/zvetova.htm (дата обращения: 14.08.2014).

10. Шалков Д. Ю. Библейские мотивы и образы в творчестве В. В. Маяковского 1912–1918 гг.: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2009. 230 с.

11. Щеглова Е. Сам себе имитатор: Сергей Есин и его герои // Урал. № 7. 2014.

Источники

12. Есин С. Н. В зоне Танатоса. Интервью из собственной жизни // Собр. соч.: в 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. Т. 5. С. 599–607. Впервые опубликовано в «Литературной газете» (2001).

13. Есин С. Н. Избранное. М.: ТЕРРА, 1994. 693 с.

References

1. Akhmetova M. V. Eskhatologicheskie motivy sovremennoi mifologii v Rossii kontsa XX – nachala XXI vv.: avtoref.dis. … kand. filol. nauk. M., 2004. 24 s.

2. Bessonov I. A. Russkaya eskhatologicheskaya legenda: istochniki, syuzhetnyi sostav, poetika: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2010. 179 s.

3. Borovskaya E. R. Geroi-khudozhnik v russkoi proze nachala i kontsa XX veka: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000. 193 s.

4. Glushkova V. G. Lingvostilisticheskie osobennosti epitetov v khudozhestvennoi proze S. N. Esina: dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2000. 170 s.

5. Kaznacheev S. Eskhatologicheskie motivy v poezii Yuriya Kuznetsova // Vstrechi. № 1 (14). 2014. S. 208 – 211.

6. Lavrent'ev M. I. Poeziya i smert'. M.: Sputnik +, 2012. 160 s.

7. Lobanovskaya I. I. Effekt poedinka [Elektronnyi resurs]: URL: http://lit.lib.ru/l/lobanowskaja_i_i/text_0440.shtml (data obrashcheniya: 14.08.2014).

8. Smorzhko T. N. Khudozhestvennaya eskhatologiya v romanakh F. M. Dostoevskogo 1860–1870-kh godov: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Krasnodar, 2007. 24 s.

9. Tsvetova N. S. Eskhatologicheskii motiv v sovremennoi russkoi proze [Elektronnyi resurs]:URL: http://www.rospisatel.ru/konferenzija/zvetova.htm (data obrashcheniya: 14.08.2014).

10. Shalkov D. Yu. Bibleiskie motivy i obrazy v tvorchestve V. V. Mayakovskogo 1912–1918 gg.: dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2009. 230 s.

11. Shcheglova E. Sam sebe imitator: Sergei Esin i ego geroi // Ural. № 7. 2014.

Istochniki

12. Esin S. N. V zone Tanatosa. Interv'yu iz sobstvennoi zhizni // Sobr. soch.: v 5 t. M.: Knizhnyi Klub Knigovek, 2013. T. 5. S. 599–607. Vpervye opublikovano v «Literaturnoi gazete» (2001).

13. Esin S. N. Izbrannoe. M.: TERRA, 1994. 693 s.

Статья поступила в редакцию 20.08.2014

УДК 801.73
ББК 83.3

Игорь Анатольевич Голованов,
доктор филологических наук, доцент,
Челябинский государственный университет
(454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129)
e-mail: ligol@csu.ru

Народный юмор в пьесах А. Платонова[1]

В статье раскрываются особенности образной и смысловой организации драматических произведений А. Платонова, восходящие к традициям народного юмора. Метатекстовая природа платоновских произведений подразумевает извлечение смысла не только из «написанного» и не только «между строк», но и из сопряженных с его творчеством текстов и явлений культуры. На примере двух пьес – сатирической драмы «Дураки на периферии» и трагедии «14 Красных избушек» – исследователь показывает, что для писателя значимы традиции русской народной драмы. Комическое в творчестве А. Платонова связано не с шутовством и весельем, а необходимо для «просвечивания идеала», для утверждения гармонии и света. Смех писателя «обнажает» действительность, выявляя в ней оборотную сторону. Ориентируясь на А. С. Пушкина, Платонов вводит в текст пьес фрагменты песенного фольклора, обращается к народно-поэтическим образам и мотивам, благодаря чему возникает новая художественная парадигма русской литературы. Именно специфический народный юмор в сочетании с универсальными фольклорными образами и мотивами становится ключом к многомерной концептуальной организации анализируемых произведений, проясняет глубоко скрытые в них особенности авторского мировидения.

Ключевые слова: юмор, комическое, А. Платонов, художественный текст, фольклорный образ, мотив.

Igor Anatolyevich Golovanov,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Chelyabinsk State University
(129 Brothers Kashirinykh St., Chelyabinsk, Russia, 454001)
e-mail: ligol@csu.ru

Folk Humor in A. Platonov's Plays[2]

In article features the figurative and semantic organization of drama by A. Platonov, going back to traditions of folk humor. The metatext nature of Platonov's works means sense extraction not only from "written" and not only "between lines", but also from the texts interfaced to his creativity and the culture phenomena. On the example of two plays – the satirical drama "Fools on the Periphery" and the tragedy "14 Red Huts" – the researcher shows that the traditions of the Russian national drama are significant for the writer. Comic in A. Platonov's creativity is connected not with a buffoonery and fun, but it is necessary for "ideal raying", for the statement of harmony and light. Writer's laughter "exposes" the reality, revealing it downside. Focusing on A. Pushkin, Platonov introduces in plays text some fragments of folk song, poetic images and motives, so there is a new artistic paradigm of the Russian literature. Specific folk humor in combination with universal folklore images and motives becomes a key to the multidimensional conceptual organization of analyzed works, clears up features of an author's deeply hidden worldview.

Key words: humor, comic, A. Platonov, art text, folklore image, motive.

А. Платонов не только глубоко воспринял и осознал природу народного юмора, но и сумел выразить его особенности в своем творчестве. В основе платоновского понимания этого феномена лежит представление о том, что народ производит *светоносную* энергию. Писатель словно опровергает широко распространенное мнение, что уделом народа и народного творчества является «грубый», «низший» или «внешний» комизм. Самобытный русский ум, по его мнению, горазд и на едкую насмешку, и на добродушную улыбку, поэтому сводить народный юмор к низменно-комическому – упрощение и заблуждение.

Рассуждая о роли А. С. Пушкина в русской литературе, о его пророческом даре

[1] Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (проект «Трансформация жанров в русской литературе и фольклоре: коммуникативный и когнитивный аспекты»), № 2014/396.

[2] The research is performed within the State task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, (Project "Genre Transformation in the Russia Literature and Folklore: Communicative and Cognitive Aspects"), № 2014/396.

© И. А. Голованов, 2014

(«Пушкин и Горький», 1937) и умении выразить душу народа, А. Платонов акцентирует внимание на способности великого русского поэта проникнуть «в тот, пусть еще более удаленный, тайник народа, в котором хранится и действует прогрессивная, счастливая сила жизненного развития» [10, с. 107]. Платонов утверждает, что «народ живет особой, самостоятельной жизнью», обладает скрытыми «секретными средствами для питания собственной души <…>. В народе своя политика, своя поэзия, свое утешение и свое большое горе…» [10, с. 91]. Так характеризуя народ, его предназначение, А. Платонов проясняет свое понимание взаимоотношений народа и писателя.

Метатекстовая природа платоновских произведений (см. об этом: [5]) подразумевает извлечение смысла не только из «написанного» и не только «между строк», но и из сопряженных с его творчеством текстов, явлений культуры и реальной общественной жизни 1920–1930-х гг. Обратимся с этих позиций к своеобразию отражения юмора в двух пьесах писателя – «Дураки на периферии» (1928) и «14 Красных избушек» (1933).

Ключевыми в интерпретации комического в системе кодов и смыслов драмы «Дураки на периферии» являются вопросы: кого писатель называет дураками? в чем их дурость? чем они так не похожи на «нормальных»? И отсюда – в чем состоит норма, от которой «отклонились» «периферийные дураки»? Ответы на эти вопросы, по платоновской традиции («и так, и обратно»), сложны, неоднозначны. Простых ответов для художника вообще не существовало, как и сама жизнь той эпохи не могла быть измерена «одним аршином».

По Платонову, «дураки» – те, кто живет «первой функцией жизни человека», не сознанием, а половой страстью, стремлением к продлению жизни [10, с. 12]. Об этом он неоднократно высказывался в начале 1920-х гг. в своих публицистических статьях и литературной критике. Молодой писатель-публицист размышлял о смысле человеческого существования в новых условиях победившей диктатуры пролетариата и ждал, даже – требовал освобождения от власти прежних буржуазных ценностей, где мерилом блага человеческого были явления и качества, которые в своей художественной концепции А. Платонов считал проявлением неразвитости сознания, бессознательной жизни, подобно животным («Культура пролетариата», 1920) [10, с. 19].

Таким образом, героев пьесы драматург называет дураками не потому, что отказывает им в уме, считает их глупыми, тупыми, непонятливыми или безрассудными. В бытовом смысле они, скорее, умники (ср. у В. И. Даля: умный – «смышленый; понимающий и заключающий здраво, прямо, верно» [7, с. 405]).

Хотя о генетической зависимости «дураков» в художественном сознании автора от сказочных дурачков и глупцов говорить с абсолютной уверенностью вряд ли возможно, но типологическая их близость для нас очевидна. Словно сказочные дурни, члены комиссии охматмлада («охраны матерей и младенцев») страдают за свои поступки: жены решили с ними развестись, подозревая, что ребенок, которого они защищают, им «не чужой», что они имеют «принадлежность к отцовству». «Но сказочные дураки обладают одним свойством: они *жалостливы*», – писал В. Я. Пропп [6, с. 141]. А герои пьесы, скорее, из разряда дураков, которых «заставь богу молиться, они и лоб расшибут»: в бюрократическом упоении властью доводят все до абсурда, до нелепости, что рождает у писателя и читателей не смех, а горькую усмешку, сожаление об утраченных надеждах.

«Комизм уже без всякой примеси грусти, а наоборот, с некоторой долей злорадства получается в тех случаях, когда человеком руководят не просто маленькие житейские, а эгоистические, ничтожные побуждения и стремления; неудача, вызванная внешними обстоятельствами, в этих случаях вскрывает ничтожество устремлений, убожество человека и имеет характер заслуженного наказания» [6, с. 115]. Объясняется это тем, что в фольклоре, как замечает В. В. Блажес, «точность социальной, классовой, национальной позиции выражена настолько предельно, что у современного читателя может вызвать иногда недоумение» [1, с. 6]. Развивая эту мысль далее, исследователь указывает: «Пропп по этому поводу очень правильно сказал, что народ или любит, или ненавидит, средних чувств в его поэзии не бывает» [1, с. 7].

«Евтюшкин и Лутьин сидят рядом на столе и тоскуют.

Евтюшкин. Мы по закону поступили или нет?

Лутьин. По закону-то по закону, а получается одна слитная тьма» [9, с. 35].

Одним словом, тьма кромешная или тоска смертная. Именно так Д. С. Лихачев определил особенность смехового мира Древней Руси, назвав его недействительным, «кромешным» [4]. Подобный смех раздваивает, «обнажает» действительность, выявляет в ней оборотную сторону. Но Платонов не отделяет себя от этой действительности, он часть ее, а значит, выставляет на посмешище и самого себя. О такой направленности народного смеха на себя писали М. М. Бахтин, П. Г. Богатырев, Д. С. Лихачев и В. Я. Пропп.

События вокруг семьи Башмаковых нарушили обычный ход жизни в периферийном уездном городишке: разрушились привычные отношения и связи, перестали быть нормальными, стали смешными.

Нелепы и смешны страхи Евтюшкина и Лутьина по поводу развода, они уже «примеряют» на себя роль «великомучеников»:

Лутьин. А твоя баба как?

Евтюшкин. Да как и твоя – вторую ночь здесь от нее спасаюсь.

Лутьин. Неужели разведутся?

Евтюшкин. Факт – разведутся. Вбить им в голову сочувствие власти никак не возможно. Это же империалистические существа.

Лутьин. А моя пятый день даже не ругается – вот что самое паршивое [9, с. 35].

Ащеулов, «выдвиженец в начальники», боится потерять должность и все преимущества городской жизни: «Все-таки лучше за власть держаться, чем за бабу. Баба дело текущее. <…> Все-таки выгодней алименты платить, чем в низовую деревню возвращаться, там одни массы, а более ничего» [9, с. 35].

В городе суматоха, напоминающая мир гоголевского «Ревизора» или «Мертвых душ»: Ащеулов. <…> Что в городе производится – уму не понять!.. Нас все за разбойников считают и даже за хороших людей, как мы на сторону принципиально деньги жертвуем. А зеленей не топчем. Очень большие в городе разногласия… [9, с. 37].

В словах «зеленей не топчем» содержится авторская аллюзия на свадебную песню о сватах, в которой зеленую травушку повытоптали, например: «*У ворот трава шелковая: / Кто траву топтал, / А кто травушку вытоптал? / Топтали травушку / Все боярские сватья, / Сватали за красную девушку*».

Однако эта песня неуместна в ситуации, которая описывается устами героев пьесы: Ащеулова. <…> Сказывают у нас в деревне, будто мой-то в компании с жуликами разбой учинил, – будто втроем они одну бабочку оскоромили, – и будут платить за это большие деньги… [9, с. 38].

Так в пьесе тема разбойников из важной, характеризующей социальную дисгармонию в городе *Пере*учетске преобразуется в разговор о действительности, где все *пере*вернулось, встало с ног на голову, превратившись в своеобразный ярмарочно-карнавальный мир городского праздника. Возникает ощущение языческого антимира, в котором нет Христа:

Ащеулова. Ну спаси те Христос.

Ащеулов. Какой Христос? – Бога теперь нет.

Ащеулова. Как нет? А где же он?

Ащеулов. Не знаю. Только нет.

Ащеулова. Это почему ж такое?

Ащеулов. А потому, что я есть, иначе б меня не было… [9, с. 39].

В IV акте создание этого смехового антимира завершается с репликой странника: «Да пришел осмотреть ваши достижения. Сказывают, здесь мужики женщинами стали» [9, с. 45]. Перед нами события, соотносимые с календарно-обрядовым действом, дающим выход, выплеск хаотических, природных, животных сил: мужики стали бабами, и наоборот. Не случайно Марья Ивановна заявляет: «Я не баба, я атаман», на что странник только и смог ответить: «О?»

Мотив «превращения» мужиков в баб встречается в широко известной народной песне, возникшей на основе стихотворения Д. Н. Садовникова (1847–1883). В ее сюжете Стенька Разин возвращается из похода с плененной персиянкой-«княжной»: «*На переднем Стенька Разин, / Обнявшись с своей княжной, / Свадьбу новую справляет / И веселый, и хмельной*».

Народная свадьба – обрядовое действие, где через веселье, смеховое начало витальные силы побеждают мир хаоса (антимир) и проецируют благополучие молодой семьи. Очередная свадьба С. Разина («свадьба новая») – это перевертыш, злая усмешка судьбы над планами хмельного атамана. Песенный атаман забыл о своих соратниках, о своем предназначении, и потому казаки-разбойники насмешливо «шепчут»: «*Ишь ты, братцы, атаман-то / Нас на бабу променял! / Ночку с нею повозился – / Сам наутро бабой стал…*»

Герою песни народ дал возможность одуматься, вернуться к своим товарищам, но персонажам Платонова – членам комиссии – одуматься не дано. В его драме тема «вольнолюбивых и благородных» разбойников травестийно оборачивается своей противоположностью – ярмарочной потехой всех над всеми.

Обращение Платонова к народно-поэтическим образам и мотивам оказывается не столько переосмыслением либо разворачиванием определенной фольклорной метафоры или темы, сколько созданием новой художественной парадигмы для советской, а в известной мере – для русской литературы. Он с горечью писал: «… некая «великая существенность», именно – происхождение русского рабочего класса и родство его с обездоленным большинством крестьянства – осталось для многих русских писателей невидимым» [10, с. 106]. Не всем русским писателям было дано осознать тайны народной философии жизни, раскрыть для себя «образ мыслей и чувствований» народа, «мысль народную». В этом движении к соединению со своим народом А. С. Пушкин по-прежнему для Платонова ориентир и образец.

Вслед за Пушкиным, обладающим «универсальным, творческим сознанием», А. Платонов шутит, но «эта шутка не забавна», а «утомительна и печальна» [10, с. 79]. Писатель не одномерно подходит к сущности человека, не соглашаясь с выводом, извлеченным из «главнейших работ Достоевского», о том, что «человек – это ничтожество, урод,

дурак, тщетное, лживое, преступное существо, губящее природу и себя» [10, с. 79]. Ему ближе «универсальная, мудрая и мужественная человечность» в пушкинском понимании: ничто не должно мешать «человеку изжить священную энергию своего сердца, чувства и ума» [10, с. 83].

В 1937 году в статье «Общие размышления о сатире – по поводу, однако, частного случая» писатель замечает: «Забавность, смехотворность, потеха сами по себе не могут являться смыслом сатирического произведения, нужна еще исторически истинная мысль и, скажем прямо, просвечивание идеала или намерения сатирика сквозь кажущуюся суету анекдотических пустяков» [10, с. 165]. Таким образом, А. Платонов вновь утверждает необходимость юмора и сатиры не ради веселья и шутовства (как говорили в Древней Руси – глумления), а ради гармонии и света.

В сатирической драме «Дураки на периферии» и трагедии «14 Красных избушек» *просвечивание идеала* невозможно для писателя без «мысли народной», которая обнаруживается в фольклорных аллюзиях и реминисценциях, и не только. «Истинная мысль» автора раскрывается в этих пьесах через образы и мотивы, многие из которых содержат в своей семантике иронию и самоиронию.

Теме разбойников принадлежит ключевая роль в развитии сюжета драмы «Дураки на периферии», что прямо подчеркнуто автором через включение в текст мотивов удалой разбойничьей песни «Из-за острова на стрежень…». Эта тема контрастирует здесь с реализацией гоголевских мотивов мертвенности мира, который существует по нормам и правилам чиновников и бюрократов, а также мотивов «духоты» (по Ф. М. Достоевскому), «внутренней несвободы», экзистенциального одиночества и тупика.

Общая картина неблагополучия жизни подчеркнута судьбой главной героини – Марьи Ивановны: «Уйду я от вас, чертей, в разбойники, в леса, в атаманы, в батьки и матки» [9, с. 17]. Слова об уходе в разбойники – лейтмотив всей пьесы, ритмически организующий ее действие, только ритм этот не приводит к возникновению марша жизни, а сродни похоронному маршу: хоронят мечты, надежды людей, которые погрязли в «болоте» быта, и в конце концов похоронят и будущее – родившегося ребенка.

Анализ пьесы подводит к мысли, что для А. Платонова значимы традиции русской народной драмы («Лодка», «Шайка разбойников» и др.). В соответствии с фольклорным сюжетом, но в «снятом», юмористическом, ироническом виде перед зрителем и читателем предстают *атаман* Евтюшкин – председатель комиссии охматмлада, его непременный спутник и помощник *есаул* Ащеулов – секретарь комиссии, фамилия которого созвучна популярному персонажу казачьего фольклора, воспроизводятся также черты и функции других действующих лиц.

Марья Ивановна – первопричина всех описываемых событий, ее реплики-вздохи служат фоном для разворачивающихся действий. Образ Марьи Ивановны – сложный, понять его можно лишь в многоаспектном комплексе мифологических универсалий, литературных архетипов и фольклорных констант, во взаимодействии смыслов языческой, христианской и авторской мифологии: Марья Ивановна – это и архетип Хаоса, и Мать-сыра земля, и Богородица.

Кажется, что в пьесе сатирически «обыгрывается» христианский миф о непорочном зачатии, но упреки в неверности отсутствуют, соитие Марии со многими, по Платонову, не блуд, а поиск гармонии в разъятом, разрушенном мире. «Старая» семейная мораль разрушена, а «новая» (по А. Коллонтай) не прижилась, так как противоречит изначальной сути русской женщины, предназначение которой – быть не просто женой, подругой, но прежде всего матерью. Напомним, что в русском фольклорном сознании сформировалось два типа женских персонажей: в текстах волшебных сказок это Василиса Премудрая и Елена Прекрасная. Но Платонову важна не абсолютная мудрость (пусть даже царственная – как у Василисы) и не идеальная красота (как у Елены), а способность быть (бого)матерью (Марией).

Писатель вводит в текст пьесы строки из известной народной лирической песни: «Э-эх, ва субботу, да в день ненастный, нельзя в поле работать…», что позволяет ему выразить «мнение народное» о ситуации в городе, а через нее и в стране в целом. Русская народная песня у А. Платонова ассоциируется со стихийным началом, с хаосом и эпохой бессознательности: «Теперь русский народ в ногу со всем человечеством переходит из царства стихии, песни и бессознательности в царство сознания, в мир мысли и точных форм», а возникает она (песня) из «тысячелетней неизбывной тоски» [10, с. 36].

В одном из вариантов текста этой песни есть значимый фрагмент, где звучит осуждение поступков молодца и девицы: «*Не про нас ли, друг мой милый, / Люди бают, эх, / Люди бают, говорят? / Тебя, молодца, ругают, / Меня, девицу, эх, / Меня, девицу, бранят?..*»

Именно о таком типе народного юмора пишет В. В. Блажес в своей книге «Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала», когда «веселость, или шутливость» становится «результатом горестной жизни, предельной бедности и неустроенности – испытав это, русский человек зачастую обретает беззаботность, доходящую до бесшабашности». Такой веселости, ука-

зывает автор, соответствуют поговорки типа «и то смешно, что в животе тощо», «и смех, и горе». «Смех бедного, неимущего, иногда просто голодного человека сопряжен с печалью, с горькой усмешкой, это народный “смех сквозь слезы”» [1, с. 8].

Картина «ненастного дня» является символическим выражением эмоционального состояния героев. В сюжете лирической песни после картины непогоды говорится, что возлюбленные пойдут гулять «в зеленый сад», где им будет петь соловей – в фольклоре не только певец любви, но и вестник разлуки. Отметим, что и «зеленый сад» в народной лирике – тоже амбивалентный образ, это не только символ радости и счастья, но и печали, будущего расставанья (ср. *сад – досада*).

От частного случая автор через песню поднимается до обобщения: неустроенность жизни героев связана с нерешенностью проблем семьи и брака в советском обществе 1920-х годов. Мы понимаем, что Платонов явно выражает прежнюю, так называемую «крестьянскую мораль» и традиционное представление о семье и противопоставляет свою художественную позицию новой морали, идеологами которой были А. Коллонтай и М. Горький [9, с. 687–688].

Платонов следует художественному закону, по которому сатирическое нельзя противопоставлять трагическому и возвышенному. Созвучны смыслу платоновских пьес размышления В. Я. Проппа: «Крушение каких-нибудь великих или героических начинаний не комично, а трагично. Комична будет неудача в мелких, житейских человеческих делах, вызванная столь же мелкими обстоятельствами» [6, с. 114].

Финал пьесы «Дураки на периферии» трагичен: пока все «судили-рядили», кому забрать ребенка, с кем будет жить Марья Ивановна, оказалось, что «мальчик мертв». Все комиссии-суды, разговоры-споры бессмысленны и никчемны, если утрачен ребенок. Мотив смерти в творчестве А. Платонова воссоздается и интерпретируется и как философская (онтологическая), и как аксиологическая проблема. Факт смерти героя часто ставит точку в размышлениях автора и читателя о сути происходящего, «по плодам» мы постигаем истинный смысл существования этого мира.

В пьесе «14 Красных избушек» тема разбоя и разбойников позволяет драматургу высказать свое мнение «о времени и о себе» в ключевых, полных абсурда, сатирического алогизма словах новой эпохи (где «бантики» – это белогвардейские антиколхозники), а также по-новому подойти к традиционной для художника метафизической теме смерти и мифологеме жертвы ради возрождения всего человечества.

В народном сознании у разбойника два пути: вечная благодарная память тому, кто был «народным заступником», «благородным» разбойником, либо проклятие в веках, страшные посмертные мучения. Иногда оценка того или иного разбойника, бунтовщика в фольклоре двоится – в силу противоречивости дел и их последствий. Бунт платоновского героя Ашуркова спровоцирован, но он от неосознанности, от непонимания того, что происходит.

Важным для определения действительного отношения автора к происходящему оказывается линия Суенита – Ашурков, председатель колхоза и бандит, разбойник. В этимологии фамилии героя, как это традиционно для платоновского текста, скрыт двойной смысл, который неоднократно уже возникал в творчестве писателя (подробнее см.: [2; 3]). В русских диалектах *ошур, ошурок* означает «остатки, вытопки, крошки, лоскутки, обрезки» [8, с. 87]. Прозвищем Ашур могли назвать и последнего ребенка в крестьянской семье («поскребыша») [11], с ним связана в тяжелую эпоху идея будущего возрождения, тем самым подчеркивается особость, избранничество героя, т. е. опять «высокое» и «низкое», комичное и трагическое оказываются рядом.

Первоначальное умаление, «приземление» сказочного персонажа в фольклористике получило название *низкий герой*. Это самый обездоленный, приниженный герой, совершающий несуразные поступки (отсюда – Иванушка-*дурачок* в волшебной сказке), но впоследствии именно с ним в фольклорной традиции связан благополучный исход – восстановление социальной справедливости.

В ходе «расследования» в пьесе «14 Красных избушек» выясняется, что Федора Ашуркова подговорил к налету «премированный ударник» колхозного труда Ф. Вершков. Иначе говоря, выясняется, что истинный классовый враг не тот, кто таковым кажется, а тот, кто жульничает, надевая личину. Таких Ксения – подруга Суениты – называет «колхозными притворщиками»: «Уж, по-моему, бантик и то лучше. Его арестуй, он и работает. Да ей-ей как!» [9, с. 185].

Суенита возглавляет погоню за парусником, на котором «бантики» увезли награбленный хлеб и овец и случайно – младенцев, детей Ксении и Суениты. К Федору Ашуркову она относится милосердно, прощает его – в соответствии с народной пословицей:«Кающегося разбойника Спаситель помиловал». Трагикомично данное ею описание: «А ребятишки наши, мой и Ксюшин, в трюме лежали, их сам Ашурков нянчил и плакал по ним, когда его арестовали…» [9, с. 183]. По ее логике, если он и совершил проступок, то поправимый: «А Федьку Ашуркова я велела ГПУ простить

и дать мне на воспитание, я из него колхозника-ударника сделаю, он годится лучше наших, я знаю! Он кроткий будет!» [9, с. 183].

В заключение отметим, что именно специфический народный юмор в сочетании с универсальными фольклорными образами и мотивами становится ключом для понимания многомерной концептуальной организации рассмотренных драматургических произведений А. Платонова, проясняет глубоко скрытые в них особенности авторского мировидения. По мнению писателя, сатира должна вызывать у читателей ненависть, «хотя бы печаль или содрогания», но при этом она «должна остаться великим искусством ума и гневного сердца, любовью к истинному человеку и защитой его» [10, с. 186].

Список литературы

1. Блажес В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 204 с.

2. Голованов И. А. Своеобразие художественного дискурса Андрея Платонова // Вестн. Омск. ун-та. 2012. № 4. С. 215–217.

3. Голованов И. А. Слово – миф – фольклор в рассказе А. Платонова «Иван Жох» // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 41–46.

4. Лихачев Д. С. Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 213 с.

5. Малыгина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005. 334 с.

6. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. СПб.: Алатейя, 1997. 288 с.

Источники

7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989–1990. Т. 1. 699 с.

8. Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий. М.: Школа-Пресс, 1993. 224 с.

9. Платонов А. Дураки на периферии: Пьесы. Сценарии / сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. М.: Время, 2011. 720 с.

10. Платонов А. Фабрика литературы: литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н. В. Корниенко; подг. текста Н. В. Корниенко, Е. В. Антоновой. М.: Время, 2011. 720 с.

11. Словарь русских фамилий. URL: ohttp://mirslovarei.com/content_fam/oshurkov-8665.html#ixzz2GH4ETBg3 (дата обращения: 08.12.2012)

References

1. Blazhes V. V. Satira i yumor v dorevolyutsionnom fol’klore rabochikh Urala. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1987. 204 c.

2. Golovanov I. A. Svoeobrazie khudozhestvennogo diskursa Andreya Platonova // Vestn. Omsk. un-ta. 2012. № 4. S. 215–217.

3. Golovanov I. A. Slovo – mif – fol’klor v rasskaze A. Platonova «Ivan Zhokh» // Mir russkogo slova. 2012. № 1. S. 41–46.

4. Likhachev D. S. Panchenko A. M. «Smekhovoi mir» Drevnei Rusi. L.: Nauka, 1976. 213 s.

5. Malygina N. M. Andrei Platonov: poetika «vozvrashcheniya». M.: TEIS, 2005. 334 s.

6. Propp V. Ya. Problemy komizma i smekha. SPb.: Alateiya, 1997. 288 s.

Istochniki

7. Dal’ V. I. Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. M.: Russkii yazyk, 1989–1990. T. 1. 699 c.

8. Nikonov V. A. Slovar’ russkikh familii / sost. E. L. Krushel’nitskii. M.: Shkola-Press, 1993. 224 s.

9. Platonov A. Duraki na periferii: P’esy. Stsenarii / sost., podgot. teksta, komment. N. V. Kornienko. M.: Vremya, 2011. 720 s.

10. Platonov A. Fabrika literatury: literaturnaya kritika, publitsistika / sost., komment. N. V. Kornienko; podg. teksta N. V. Kornienko, E. V. Antonovoi. M.: Vremya, 2011. 720 s.

11. Slovar’ russkikh familii. URL: ohttp://mirslovarei.com/content_fam/oshurkov-8665.html#ixzz2GH4ETBg3 (data obrashcheniya: 08.12.2012)

Статья поступила в редакцию 27.08.2014

УДК 821.0
ББК 83.3

Людмила Васильевна Камедина,
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александро-Заводская, 30)
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

О православной доминанте в творчестве О. Димова

В статье впервые раскрывается творчество забайкальского писателя Олега Димова с позиций духовного реализма. Через наиболее характерные черты духовного реализма просматриваются последние работы писателя. Контекстом художественного творчества О. Димова становится его духовная биография, обозначенная как путь к Богу. В бытие забайкальского писателя всегда включено бытие забайкальского читателя, поэтому творчество Димова востребовано и актуально. Региональный текст О. Димова может быть интересен и российскому читателю, т. к. он органичен православному контексту русской культуры. Писатель использует в своих художественных произведениях цитаты, образы, символы, реминисценции из библейского текста. Доказывается, что димовский текст христоцентричен, энергия его духовных смыслов направлена на восстановление духовных традиций народа. Писатель органично включает в свои произведения ценности метода духовного реализма как удивлённого и радостного способа познания окружающего мира. Его персонажи – это герои нашего времени, которые в хаосе современного постмодернизма выглядят непривычно, но именно они, сердечные и мужественные, трогают сердца читателей. В статье обращается внимание на особый диалог в димовском тексте, который носит не прикладной характер, а именно характер духовной сопричастности мыслей, слов, ритмов и интонаций автора и читателя друг другу. Делаются выводы о православной доминанте в художественном и публицистическом творчестве забайкальского писателя.

Ключевые слова: духовный реализм, духовная биография, христоцентризм, региональный текст, русская культура.

Lyudmila Vasiljevna Kamedina,
Doctor of Culturology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

On the Orthodox Dominant in the Works by O. Dimov

The article firstly disclosed creativity of Transbaikalian writer Oleg Dimov from the standpoint of spiritual realism. The latest works of the writer are considered through the most characteristic features of the spiritual realism. His spiritual biography becomes an artistic context of creation by O. Dimov, and is designated as a path to God. A being of transbaikalian reader is always included in the transbaikalian writer's being, so Dimov's creativity is vital and interesting. Regional O. Dimov's text may be interesting to the Russian reader, because it is organic to Orthodox context of the Russian culture. In his works the writer uses of art quotes, images, symbols, allusions to the biblical text. It is proved that the texts by Dimov are «centered-to-the-Christ», the energy of his spiritual meanings aimed to restoring the spiritual traditions of the peoples. Writer organically includes in his works values of the method of spiritual realism as a surprised and joyful way of world investigation. His characters are the heroes of our time that in the chaos of contemporary postmodern are look unusual, but they, having courageous heart, touched the hearts of readers. The article draws the attention to the special dialogue in Dimov's text, which is not of applied nature, but the nature of the spiritual communion of thoughts, words, rhythms and intonations of the author and the reader with each other. There are some conclusions about the dominant Orthodox in artistic and journalistic works of transbaikalian writer.

***Keywords*:** spiritual realism, spiritual biography, Christocentrism, regional text, the Russian culture.

Памяти писателя

Среди многочисленных методов в литературе по-прежнему главным остаётся реализм. Реализм возник ещё в Античности, в культуре Древнего Рима и Древней Греции, трансформировался в эпоху Средневековья и дожил до наших дней. В словарях и энциклопедиях реализму отводится много места. Пик славы русского реализма пришёлся на XIX в. Тогда же были определены и уточнены нюансы реалистической культуры. Это

© Л. В. Камедина, 2014

были реализмы различных направлений в искусстве: символический (у Тургенева), фантастический (у Гоголя), мифологический (у Гончарова), утопический (у Чернышевского), метафизический (у Лермонтова), романтический (у Некрасова), социалистический (у Маяковского) и т. д. В недрах разрушительного постмодернизма в последней четверти XX в. стал зарождаться, так называемый, магический реализм (предтеча – Достоевский, в XX в. – Мамлеев) и параллельно ему, противоположный ему по ощущениям, появляется духовный реализм.

Понятие духовного реализма ввёл в русскую культуру А. М. Любомудров [2]. Духовный реализм прижился. Его стали употреблять по отношению к духовным сторонам культуры. Например, в современной русской культуре есть группа художников, которые позиционируют себя как православные художники, а о своём творчестве говорят как о реализме духовном. Это такие живописцы, как И. С. Глазунов, В. И. Нестеренко, Ф. А. Москвитин, П. В. Рыженко, К. В. Киселёв, Ю. П. Пантюхин и многие другие. Нестеренко расписывал Храм Христа Спасителя, его картины висят в залах кремлёвских заседаний и встреч. В классической литературе метод духовного реализма стали распространять на творчество таких писателей, как Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, И. С. Шмелёв, Б. К. Зайцев. Из современных писателей можно назвать В. Н. Ганичева, В. В. Личутина, Л. И. Бородина, В. Н. Крупина, О. А. Николаеву и др. В авторской песне творчество иеромонаха Романа, И. Талькова, В. Цыгановой, С. Копыловой также рассматривают в русле духовного реализма.

Несомненно, последние художественные работы недавно ушедшего из жизни забайкальского писателя О. А. Димова принадлежат этому новому для XXI в. способу освоения реальной действительности – духовному реализму.

Что же включает в себя метод духовного постижения реальности. Во-первых, способность *удивляться миру*, его загадочности, неисчерпаемости. Тексты древнерусской литературы XI–XVII вв. наполнены именно таким удивлением: «О светло-светлая и красно украшенная земля Русская! И многими красотами дивишь ты: озёрами многими, дивишь ты реками и источниками местночтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами частыми, полями дивными, зверьми различными, птицами бесчисленными, городами великими, сёлами дивными, садами монастырскими, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими – всего ты исполнена, земля Русская, о правоверная вера христианская»! [9, с. 195]. Так удивляется неизвестный древнерусский автор XIII в. А вот как удивляется современный забайкальский автор, восхищаясь своей землёй: «Если смотреть на мир с вершины этой сопки, кажется, что именно отсюда стекает, образуясь, лесистое всхолмленное Забайкалье. Расплёскивается во все стороны высокими волнами хребтов, между которых, в затишках, укрылись покойные степи на юге, а на севере – елани да мари. Ближний север – малый, а ведь спрячь там какую-нибудь страну Лапландию вместе с её оленным народом лопарями, и не найдёшь днём с огнём. Вот они какие, Тунгиро-Олёкминские дали <…> А если исполниться дерзости и шагнуть ещё севернее, где зелёные волны тайги уже не катятся вольно и широко, образуя горы и долины, а взметнулись и застыли валами хребтов, на которые тайга уже не в силах взойти, там совсем погибнешь, не телом, но сердцем, потому что потеряешь его навсегда. Ум, сокрушённый невиданной красотой каньонов и водопадов, ледниковых озёр и альпийских лугов, ослеплённый сиянием снегов на вершинах, неверяще воскликнет: ужель и это – Забайкалье»? [8, с. 218–219]. Удивление перед красотами забайкальской земли Олега Димова сродни удивлению древнерусского книжника. Они удивляются в одной тональности, в одних интонациях и ритмах.

Вместе с удивлением, духовный реализм древнерусской литературы включал и *радость*. Русские писатели не уставали радоваться Божьему устроению. Радость является ценностью идеационального искусства, в котором Бог – определяющая доминанта. Источник такой радости передаётся, например, в жанре многочисленных акафистов. Радостная ментальность обозначается многократно повторяющимся словом «Радуйся», она определяет не только отношения между Небом и Землей, но и отношения на земле между людьми. Эта радость сродни удивлению,она есть неисчерпаемый источник и процесс познания. Поэты называют такое ощущение радости вдохновением. Акафист как жанр представляет собой праздничную, хвалебную песню, церковный гимн, славословие Творцу за красоту Русской земли. В акафисте нет рассудочных построений и убеждений. Цель гимна – радостно удивиться Божественной Красоте, вызвать у читателя чувство сопричастности ей. Творчество О. Димова вполне

вписывается в метод духовного реализма и с этой необходимой его чертой. Он органично включает в свои произведения ценности подобного удивлённого и радостного способа познания окружающего мира. В книги «Даурское чудо», «Рождение человека», «После Крещения» он включил рассказы о забайкальской природе, которые сродни жанру акафиста. Среди многочисленных рассказов писателя, в которых он славит свою малую (да не такую уж и малую) родину. Удивлённо-радостно звучит его «Слово о земле». Это восторженный гимн земле за Байкалом: «Что тебе швейцарские Альпы, известные на весь мир, спрячь их на севере Забайкалья между вершинами Кодара – и не найдёшь. Затеряются в гранитных объятиях горных отрогов невыразимой крепости <…>. Это вам не Кавказ, сложенный жалкими аргелитами. Дерзкий оскал гольцов на тёмном лице Забайкалья неподвластен никаким стихиям» [8, с. 217]. Забайкальский писатель создаёт хвалебную песнь, словословие Творцу за Красоту земли на русском Востоке. В тексте О. Димова, как и в текстах древнерусских авторов, нет рассудочных построений, убеждений, только радость и удивление Божьей Красоте, которой он хочет сделать сопричастным и читателя: забайкальского, русского, иностранца – все должны восхититься забайкальской землёй.

Центральной чертой духовного реализма является *кардиогнозис*. Это особая культура чтения, которая преподавалась ещё в древнерусских школах. Чтение сердцем – это не праздная выдумка, это сосредоточенность и ответственность в выборе добра, целостное восприятие духовного смысла текста именно сердцем, душой, а не рациональным познанием. На кардиогнозис духа указывают работы Л. И. Мерцаловой, С. А. Чурсанова [3; 4]. О. Димов выводит в своих рассказах людей запутавшихся, потерявших пути истинные, однако сохранивших доброту, милосердие, ответственность перед Богом. Надо заметить, что среди многочисленных персонажей писателя почти нет откровенно отрицательных типов. Редкие подлецы лишь мелькают на страницах его книг, как тени, призраки, из чуждого писателю мира, а потом исчезают, поглощаясь огромной массой любимых героев, стойких, мужественных, спокойно-созерцательных. Его персонажи – это герои нашего времени, которые, конечно, в хаосе современного постмодернизма выглядят непривычно, но именно они, сердечные и мужественные, трогают наши сердца. В последнем романе «Из жизни в жизнь» О. Димов рисует целую плеяду «сердечных» героев – коренной культурный тип забайкальца. Главной темой романа становится тема любви, сердечных близких отношений, мерцание сердца и жертвенное дарение своего сердца ближнему. Герой любит безнадёжно, проносит чувство любви к ближнему – любимой девушке, потом замужней женщине – через всю свою жизнь, и, когда ей понадобилось новое сердце, потому что старое износилось от болей и страданий, то герой, не раздумывая, уходит из жизни, чтобы отдать своё сердце на операционный стол для любимой. Кардиогнозис от сердца к сердцу включает безвозмездное дарение себя людям. Подари сердце людям – афористический мотив романа О. Димова «Из жизни в жизнь».

Духовный реализм опирается и на такое культурное явление, как *непротиворечивый диалог*. Раскрытию диалога в культуре посвятил свой труд М. М. Бахтин [1]. Учёный подчёркивает мысль о подлинном диалоге, который всегда искренний, адресован *другому*, которому автор уделяет много места и времени своей сердечности, автор живёт в интересах читателя. Как писатель О. Димов всегда жил для своего читателя. Его творчество не эгоцентрично, не индивидуализировано и не экспроприировано в свой личный интерес. Он весь обращён к сердцу читателя с целью передать духовный смысл своего творчества. Отношения в димовском диалоге носят не прикладной, не ролевой характер, а именно характер духовного общения, сопричастности мыслей, слов, ритмов и интонаций друг другу. Восхищение забайкальской природой, героизмом предков, мужеством современных таёжников, охотников, рыболовов – все эти отношения не содержат чувства враждебности. И писатель, и читатель знают то главное, что они должны понять, осмыслить, положить в своё сердце.

О. Димов создаёт открытый текст в забайкальской словесной культуре, этот текст не завершён и никогда не может быть завершённым, пока он соотнесён с мирами других забайкальцев, причастных этому миру. Текст Димова всегда предполагает *другого*, к которому писатель относится как к ближнему своему. В бытие забайкальского писателя всегда включено бытие забайкальского читателя.

Конечно, книги О. Димова будут интересны любому читателю, но именно во взаимоотношениях сопричастности друг другу, природе, Творцу более всего исчезает изоляция, отчуждённость между автором и читателем, когда их диалогическое существование при-

сутствует в забайкальском контексте. Автора О. Димова и забайкальского читателя объединяют любовь к Забайкалью, духовное отношение к его истории, природе, землякам. Димов не навязывает свою духовную точку зрения читателям, но под магическим воздействием его словесного искусства читатель сам освобождается от хаоса лоскутного, пёстрого постмодернистского мировоззрения и структурирует свои мысли и чувства к гармоническому целостному мировосприятию прошлого, настоящего и будущего Бытия.

Контекстом духовного реализма в идеациональной культуре является *духовная биография писателя*. С конца 1980-х гг. учёные заговорили о том, что писатели, прошедшие сложный духовный путь исканий Бога через своё художественное творчество, вполне могут претендовать на так называемую духовную биографию. Гоголевские искания завершались тем, что он собирался отказаться от художественного творчества и уйти в монахи; жизнь Ф. Достоевского, Н. Лескова, Л. Толстого проходила рядом с монастырями, скитами. И. Шмелёв и Б. Зайцев, находясь в эмиграции, посвятили свои писательские труды Русской православной церкви. Шмелёв умер в монастыре на юге Франции. Духовная биография как путь к Богу становится контекстом художественного творчества писателя О. Димова. Его герои проходят путь духовного становления от неверия к сомнению и твёрдой вере в Бога. Примером может служить цикл православных рассказов О. Димова «Рождение человека» [7; 6]. Название цикла не случайно, он структурирован образом почти маргинального героя, который попал в страсть алкогольного опьянения, «ушёл» от мира в запой, потерял работу, семью, друзей. Его пронизывает чувство отчуждения от окружающего мира, ненависть к людям, злоба на себя. Автор через принципы духовного реализма, через контекст своей непростой и в чём-то похожей на жизнь героя биографии, показывает путь духовного очищения личности от грехов гордыни, самонадеянности, самоуверенности, лености, тотального равнодушия к себе, ко всему и всем. Духовное очищение героя сопровождается нарождением новых и давно забытых качеств души: заботы, ответственности, милосердия и любви. Наконец, наступает день, когда добрые качества личности, как на весах, начинают перетягивать, переполнять душу героя, и он обретает силы к новому рождению. Рождество человека О. Димов сопоставляет с рождением Вселенной. Он включает в свой текст цитатный слой Библии. Как из Всемирного Потопа, по замыслу Творца, начинает показываться Земля и на ней вновь наступает торжество жизни, так и в духовном мире отягощённого грехами человека, под воздействием любви, прорастают ростки нового, неведомого доселе, духовного бытия.

Свои рассказы О. Димов расположил таким образом, что каждая последующая цепочка событий жизни героя становится ступенью его духовной Лествицы. В его культурный мир входит младенческая вера (рассказ «Островок»). Мальчик Темака с рассуждениями о вере и Вечности – это отражение внутреннего духовного состояния главного героя рассказа. Следующей ступенью становится постижение молитвы (рассказ «Девяностый»). Опасный таёжный случай, когда жизнь героини висела на волоске, неожиданно разрешился каким-то мистическим, загадочным для всех образом. Герой находит объяснение только в духовной силе 90-го псалма, который спасает от смерти. Словесная сила сакрального текста приковывает героиню к скале, тем самым спасая ей жизнь. Духовное восхождение героя продолжается через знакомство с монахом-старцем, который на глазах у всех творит чудеса: предсказывает шторм, потоп и гибель людей (рассказ «Новый год»). Он просит остановить распутство в окружающем мире, именно оно, по его мнению, является причиной надвигающегося гнева Божьего. Люди не верят своему пророку. О. Димов соткал рассказ из библейских смыслов: Россия – остров, Корабль спасения, Ноев Ковчег во время Потопа. Всё живое на земле гибнет, затем на земле произрастает новая жизнь. Вновь человеческое бытие вписано в жизнь Вселенной. Новая жизнь нарождается высоко в горах, в монастыре, с молящимися чистыми и мужественными людьми. Автор православного цикла рассказов вместе со своим героем поднимается по ступеням духовного познания. Следующая ступень духовной Лествицы привела автора и героя к простой до гениальности мысли – во всех жизненных встречах и разлуках нет случайностей (рассказ «Монастырский сосулечник»). Каждая встреча человека с человеком – это «на роду написанный», предопределённый факт. На первый взгляд кажется всё неожиданным и случайным. В творчестве О. Димова ставится не проблема рока, судьбы, как это нередко можно встретить к классической литературе, а проблема веры и безверия. Вера в Бога, по мнению автора, делает личность устойчивой, прозорливой, уверенной в правильности происходящего.

Наконец, духовный реализм художественного творчества О. Димова выводит его на высшую духовную ступень Лествицы жизни – постижение смысла жизни. Два последних рассказа О. Димова, «Хищники» и «История с зелёным луком», написанных незадолго до смерти, посвящены результату духовного поиска. Герой, а вместе с ним и автор, неожиданно постигают смысл жизни через весёлого, лучистого безрукого мальчика, преисполненного счастья. Автор и его герой приходят к простой мысли о том, что наука, создав прогресс жизни, цивилизацию для человечества, так и не ответила ни на один вопрос о чудесах в жизни, которые происходят почти каждый день: *и грядка с побитым морозом луком, вопреки здравому смыслу, в оттепель опять зазеленеет, в отличие от деревянных столбов, вбитых в забор. Так и человек, в свой час, войдя в мерзлоту, как корень лука, воскреснет в Царствии Небесном* [6, с. 62].

Размышлениями о духовном смысле жизни завершил своё художественное творчество забайкальский писатель О. А. Димов. Его духовный путь к Богу, который составил его духовную биографию, явился контекстом духовного реализма его православных рассказов и повестей. Свою духовную биографию он откорректировал и подвёл её итог в романе-жизнеописании, или, как сам автор назвал свой жанр, «художественных записках о жизни», – последней книге «Из жизни в жизнь». Соответственно принципам духовного реализма, писатель вводит своего читателя в контекст истории жизни предков, которая органично вписана в историю Российского государства и локально в героическую историю Забайкалья времён гражданской войны и Русского исхода [5].

Подтекстом сюжетной линии жизни героя опять же являются намёки из духовной биографии автора текста. Духовный смысл последнего романа О. Димова выявляется и через художественный язык произведения, авторский стиль, манеру повествования, восторженно-удивлённый, радостный ритм набегающих предложений, риторически-вопросительных забайкальских интонаций, мужественно-подвижнических жестов и умолчаний. Общекультурным контекстом и подтекстом творчества О. Димова является религиозное, летописное и фольклорное творчество русского народа, классическая русская литература, живой разговорный язык забайкальцев. Соответственно историческому социокультурному процессу меняются позиции и духовные смыслы русского бытия. Сталкиваются духовные смыслы веры и рациональные принципы идеологий. Обостряются конфликты между истинами веры и идеи, гибнут люди, перестраивается образ государства. Однако духовные смыслы бытия на родной забайкальской земле неразрывно связаны для О. Димова с духовным смыслом веры, жизнью в лоне Русской православной церкви внутри маленького острова – Забайкалья, который выдвигается из воды, как Корабль спасения, как Ноев Ковчег в Русском мире Вселенной, с красотой которого не сравнится ни одна земля мира.

Русский православный контекст является одновременно подтекстом большого Забайкальского текста, созданного художественным талантом О. Димова. Писатель делает Забайкальский текст христоцентричным, способным преобразить душу читателя в трансцензусе сопричастности с Духом Творца, духовного преображения и духовного совершенствования личности в рамках очевидного религиозного опыта.

Духовные смыслы автора и героя онтологичны, они присутствуют в культурном времени текста. Духовный смысл может в любое время репрезентироваться из культурной памяти авторского текста. Духовные смыслы Забайкальского текста О. Димова могут быть освоены каждым новым поколением для познания духовного смысла своего социокультурного бытия как в малой родине – Забайкалье, так и в общей для всех Родине – России.

О. Димов передаёт духовную истину Забайкальского текста через энергию духовного смысла для восстановления духовных традиций Бытия народа, для сопричастности удивлению, радости, сердечности и любви – всего того, что составляет метод его художественного видения – духовный реализм. Христианское сознание и духовная биография писателя в сочетании с избранным им направлением духовного реализма создают православную доминанту в художественном и публицистическом творчестве забайкальского писателя Олега Димова. В ней весь христианский опыт души писателя, с ней соотносится вся димовская антропология.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных знаний. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.

2. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе Русского Зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелёв: дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2001. 249 с.

3. Мерцалова Л. И. Проблема сердца в русской религиозной философии XIX века: этический аспект: дис. … канд. филос. наук. Чита, 2001. 188 с.

4. Чурсанов С. А. «Лицом к лицу». Понятие личности в православном богословии XX века. М.: ПСТГУ, 2008. 264 с.

Источники

5. Димов О. А. Из жизни в жизнь. Чита: Поиск, 2013. 536 с.

6. Димов О. А. После крещения: православные рассказы. Чита: Поиск, 2013. 64 с.

7. Димов О. А. Рождение человека. Чита: Поиск, 2013. 52 с.

8. Димов О. А. Слово о земле // Даурское диво. Чита: Поиск, 2007. 256 с.

9. Слово о погибели Русской земли // За землю Русскую!: Памятники литературы Древней Руси XI–XV вв.. М.: Советская Россия, 1981. 520 с.

References

1. Bakhtin M. M. Avtor i geroi: k filosofskim osnovam gumanitarnykh znanii. SPb.: Azbuka, 2000. 336 s.

2. Lyubomudrov A. M. Dukhovnyi realizm v literature Russkogo Zarubezh'ya: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev: dis. … d-ra filol. nauk. SPb., 2001. 249 s.

3. Mertsalova L. I. Problema serdtsa v russkoi religioznoi filosofii XIX veka: eticheskii aspekt: dis. … kand. filos. nauk. Chita, 2001. 188 s.

4. Chursanov S. A. «Litsom k litsu». Ponyatie lichnosti v pravoslavnom bogoslovii KhKh veka. M.: PSTGU, 2008. 264 s.

Istochniki

5. Dimov O. A. Iz zhizni v zhizn'. Chita: Poisk, 2013. 536 s.

6. Dimov O. A. Posle kreshcheniya: pravoslavnye rasskazy. Chita: Poisk, 2013. 64 s.

7. Dimov O. A. Rozhdenie cheloveka. Chita: Poisk, 2013. 52 s.

8. Dimov O. A. Slovo o zemle // Daurskoe divo. Chita: Poisk, 2007. 256 s.

9. Slovo o pogibeli Russkoi zemli // Za zemlyu Russkuyu!: Pamyatniki literatury Drevnei Rusi XI–XV vv.. M.: Sovetskaya Rossiya, 1981. 520 s.

Статья поступила в редакцию 28.03.2014 г.

УДК 801.73
ББК 83.3

Юлия Александровна Нелюбина,
преподаватель,
Челябинский государственный университет
(454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129)
e-mail: gerbera7489@mail.ru

Кинотекст в кругу смежных понятий

Активный интерес к произведениям кинематографа в психологии, философии, социологии и лингвистике привел к различным научным интерпретациям понятия «кинодискурс» и ряда смежных понятий. В данной статье предлагается обзор современных подходов к лингвистической трактовке кинодискурса и кинотекста, производится анализ содержания связанных с ними понятий «кинодиалог» и «кинообраз». Автор утверждает, что большинство исследователей рассматривают кинотекст и кинодискурс как часть и целое, при этом для языковедов наиболее значимым понятием является кинотекст, поскольку в нем сходятся все уровни анализа кинопроизведения. Кинотекст представляет собой сложное взаимодействие вербальных и невербальных компонентов и организуется в соответствии с замыслом коллективного автора. В качестве разновидностей кинотекста можно рассматривать жанры киноповести, кинороман, киноновеллы. За героями кинотекста, как правило, стоят идеализированные образы, выражающие социально-групповые ценности, убеждения и интересы, которые раскрываются в кинодиалогах. Особый интерес для исследователя представляют кинодиалоги, выступающие способом вербализации в кинотексте образов профессионалов: в них используются не только специальные термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы, но и общеупотребительная лексика, особым образом отобранная и маркированная.

Ключевые слова: кинотекст, кинодискурс, кинодиалог, кинообраз.

Yulia Aleksandrovna Nelyubina,
Teacher,
Chelyabinsk State University
(129 Brothers Kashirinykh St., Chelyabinsk, Russia, 454001)
e-mail: gerbera7489@mail.ru

Film Text in the Field of Related Concepts

Active interest to cinema works in psychology, philosophy, sociology and linguistics led to various scientific interpretations of the concept “film discourse” and a number of adjacent concepts. In this article the review of modern approaches to linguistic treatment of a film discourse and the film text is offered, the analysis of the content of the related concepts “film dialogue” and “film image” is made. The author claims that the majority of researchers is considered the film text and film discourse as a part and whole, thus for linguists the most significant concept is the film text as in it all levels of the analysis of film work meet. The film text represents difficult interaction of verbal and nonverbal components and will be organized according to a plan of the collective author. As kinds of the film text it is possible to consider genres of film story, film novel, film short story. As a rule there are the idealized images expressing social-group values, belief and interests behind film characters, which are revealed in film dialogues. The film dialogues acting in the way of verbalization in the film text of images of professionals are of special interest for a researcher: not only special terms, professionalisms and professional jargons are used in them, but also the common lexicon in a special way selected and marked.

Keywords: film text, film discourse, film dialogue, film image.

Большой интерес к исследованию произведений киноискусства с позиций разных наук: психологии, философии, социологии, лингвистики – породил множество смежных понятий. В настоящее время учеными активно используются такие понятия, как *кинотекст, кинодискурс, кинодиалог*. С их помощью ведутся исследования на основе семиотического, культурологического, когнитивного и других подходов. В сфере семиотики фундаментальные работы принадлежат Ю. М. Лотману, Ю. Г. Цивьян, Ю. В. Сургай, Я. Линцбаху, А. Хельману, У. Эко, значительный вклад в изучение продуктов кинотворчества внесли российские лингвисты Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова, А. Н. Зарецкая, Е. Б. Иванова, И. Н. Лавриненко, С. С. Назмутдинова, Т. А. Винникова, Л. В. Цыбина.

© Ю. А. Нелюбина, 2014

Наиболее всеобъемлющим при анализе произведений кинематографа выступает термин *кинодискурс*. С. С. Назмутдинова подразумевает под ним «семиотически осложненный динамичный процесс взаимодействия автора и кинореципиента, протекающий в межъязыковом и межкультурном пространстве с помощью средств киноязыка, обладающего свойствами синтаксичности, вербально-визуальной сцепленности элементов, интертекстуальности, множественности адресанта, контекстуальности значения, иконической точности, синтетичности» [11, с. 7]. Исследователь обращает внимание на то, что кинодискурс создается полифоничным автором (киносценаристом, режиссером, актерами, редакторами, операторами) [12, с. 86].

И. Н. Лавриненко интерпретирует кинодискурс как «поликодовое когнитивно-коммуникационное образование, сочетание различных семиотических единиц в их неразрывном единстве, которое характеризуется связностью, цельностью, завершенностью, адресностью. Кинодискурс выражается при помощи вербальных, невербальных (в том числе кинематографических) знаков в соответствии с замыслом коллективного автора <…>; он зафиксирован на материальном носителе и предназначен для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия кинозрителями» [9, с. 5].

А. Н. Зарецкая под кинодискурсом понимает «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, т. е. креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем)» [6, с. 32]. Автор обращает внимание на то, что хотя кинодискурс – отсроченная коммуникация между коллективным автором и зрителем, он всегда направлен на зрительское восприятие.

Наряду с термином *кинодискурс* в исследованиях широко используется понятие *кинотекст*. Отметим, что подход к кинопроизведению как к тексту имеет давнюю традицию. В частности, Ю. М. Лотман указывал, что фильмы являются текстами наряду с поэмами и симфониями [10, с. 14]. Ю. Г. Цивьян определяет кинотекст «как дискретную последовательность непрерывных участков текста <…>, цепочку ядерных кадров» [15, с. 109].

Большинство исследователей рассматривают *кинотекст* и *кинодискурс* как часть и целое. Например, А. И. Казакова предлагает следующее определение: «Кинодискурс – это кинотекст <…>, а также сам кинофильм, интерпретация фильма кинозрителями и тот смысл, что вложили в него создатели кинофильма, режиссеры и сценаристы» [7, с. 10].

М. Б. Ворошилова, М. А. Ефремова и Г. Г. Слышкин трактуют кинотекст как медиатекст и креолизованный текст, т. е. текст, обладающий как вербальными, так и невербальными составляющими [1; 14]. Под кинотекстом М. А. Ефремова и Г. Г. Слышкин подразумевают «постановочный кинофильм или, в наивной классификации, художественный фильм, за исключением тех случаев, когда особо оговорено, что речь идет о любом виде кинотекста» [14, с. 21–22]. По мнению авторов, кинотекст представляет собой «связное, цельное, завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, организованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов, зафиксированное на материальном носителе и предназначенное для воспроизведения на экране и аудиовизуального восприятия кинозрителями» [14, с. 37].

С. С. Зайченко отмечает сложность структуры кинотекста, ее открытость и взаимодействие с другими кинотекстами; кинотекст, по мнению исследователя, является саморазвивающейся и самоорганизующейся системой [4, с. 6]. Кинодискурс при этом рассматривается С. С. Зайченко как «совокупность кинотекстов, выступающих результатом взаимодействия коллективного авторского замысла, сложного комплекса возможных реакций кинозрителя и кинотекста, выводящего кинодискурс в пространство семиосферы» [5, с. 69].

Учёные отмечают, что кинотекст «состоит из образов, движущихся и статических, речи, устной или письменной, шумов, музыки, особым образом организованных и находящихся в неразрывном единстве» [14, с. 21–22]. В соответствии с таким подходом при исследовании кинотекста неизбежным оказывается анализ кинообразов.

По мнению В. Конецкой, *кинообраз* – это «единица, специфическая для кино, не имеющая аналога в вербальной коммуникации»,

«передающая в общеобразной форме смысловую и оценочную информацию о персонажах и их отношениях, о Времени и идеях, об обществе и социальных ценностях». Исследователь подчеркивает, что «эта информация интерпретируется адекватно лишь на фоне всего фильма, хотя формально складывается из информации эпизодов <…> по принципу концентра – повторяемости при помощи различных коммуникативных и выразительных средств кино». Важно отметить, что кинообразы, по В. Конецкой, могут служить определенным стереотипом поведения и оценки людей, в чем заключается их социальная значимость [8, с. 93].

В соответствии с этой точкой зрения киногерой (киноперсонаж) служит конкретным воплощением идеализированного кинообраза. Например, киногероем сериала «Личное дело следователя Савельева» является Николай Васильевич Савельев, который олицетворяет собой образ современного среднестатистического следователя. Полагаем, что в каждом художественном фильме персонажи (и не только главные герои фильма) выступают представителями определенных профессий, а значит, выражают социально-групповые ценности, взгляды и убеждения.

С. С. Зайченко считает, что «предмет, который становится кинообразом, обладает такими свойствами, как единообразие и детерминированность» [4, с. 99]. По мнению В. Е. Горшковой, кинематографический образ включает в себя три сферы: образ-смысл, образ-время и образ-движение. При этом исследователь обращается к понятию *кинодиалог*, который понимается ею как «вербальный компонент гетерогенной системы – фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается видеорядом последнего» [2, с. 52]. Ею даётся ещё одно определение кинодиалога: «вербальный компонент художественного фильма, включающий как звучащий текст, так и вкрапления письменного текста в виде различного рода вывесок или указателей, записок или писем, страницы которых отображаются видеорядом фильма» [3, с. 179].

Таким образом, можно утверждать, что в ряду понятий *кинодискурс, кинотекст, кинообраз* и *кинодиалог* значимое место занимает понятие кинотекста, поскольку именно в нем сходятся все уровни анализа кинематографического произведения.

Проиллюстрируем соотношение названных понятий на примере китайского кинофильма «Двойная рокировка» (Гонконг, 2002). В качестве главного кинообраза этой картины выступает образ полицейского, который раскрывается через кинотекст, вербальными составляющими которого являются термины, профессионализмы, жаргонизмы и общеупотребительные единицы (ими активно оперируют как сами полицейские, так и другие персонажи). Особенностью речевой коммуникации полицейских, помимо употребления профессиональной лексики, оказывается активное использование заимствований из языка преступного мира: «хозяин», «босс», (о начальнике), «брат», «братва» (по отношению к коллегам), «внутренний черт», «связной» (об агенте), «присматривать за птичкой, объектом» (следить за кем-либо), «бить воробья», «убирать черта» (атаковать), «дуть ветер» (отступать), «товар» (наркотики).

Лингвистический интерес представляет словесное оформление вертикальных и горизонтальных отношений между китайскими полицейскими, показанное в фильме. К начальнику полицейский обязан обращаться по фамилии и должности: «комиссар Ван». Вышестоящий по должности при адресации к подчиненному может использовать его личный номер (например, *27149, 4927*), позывной (*Слон*), название должности и фамилию или уменьшительное имя (*Младший Сяо*). В общении равных используются полные имена, краткие варианты имени (*Младший Ван, Старый (Старший) Лю*), а также прозвища (*Голова*) [13].

Образ полицейского, созданный в данном кинотексте, соотносится в целом с трактовкой его в китайском кинодискурсе, однако имеет и некоторые отличия, связанные с полнотой и характером отражения речевого облика представителя правоохранительных структур.

В заключение еще раз подчеркнем, что центральным в кругу рассматриваемых смежных понятий является кинотекст, который выступает составляющей кинодискурса и выполняет значимую роль в передаче замысла коллективного автора. Разновидностями кинотекста как родового понятия служат жанры киноповести, киноромана, кинооновеллы, а важной частью кинотекста является кинодиалог, с помощью которого создаются кинообразы произведения.

Список литературы

1. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: кинотекст // Политическая лингвистика. 2007. Вып. 22. С. 106–110.

2. Горшкова В. Е. Кинодиалог как единица перевода // Вестн. НГУ. Сер. Лингвистика и межкульт. коммуникация. 2006. Т. 4. С. 52–58.

3. Горшкова В. Е. Концепция «культурной дистанции» и перевод кинодиалога // Вестн. Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. М. Ф. Решетнева. 2006. Вып. 2 (9). С.178–181.

4. Зайченко С. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей организации художественного кинодискурса (на материале англоязычных художественных фильмов исторического жанра): автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 22 с.

5. Зайченко С. С. Художественный кинодискурс исторического жанра в пространстве семиосферы // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2013. Вып. 7 (25). Ч. 1. С. 69–72.

6. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе. Челябинск: Абрис, 2012. 192 с.

7. Казакова А. И. Особенности формирования фразеологической семантики в дискурсивном пространстве отечественного киноискусства: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 26 с.

8. Конецкая В. П. Социология коммуникации. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.

9. Лавриненко И. Н. Стратегии и тактики мены коммуникативных ролей в современном англоязычном кинодискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Харьков, 2011. 20 с.

10. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Александра, 1973. 63 с.

11. Назмутдинова С. С. Гармония как переводческая категория (на материале русского, английского, французского кинодискурса): автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2008. 18 с.

12. Назмутдинова С. С. Пути достижения гармонического перевода в кинодискурсе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 17. 2007. № 22 (100). С. 86–91.

13. Нелюбина Ю. А. Кинодискурс, кинотекст и кинообраз: соотношение понятий // STUDIUMJUVENIS: Межвуз. сб. тр. молодых ученых. Вып. 6. Челябинск: СИМАРС, 2013. С. 117–121.

14. Слышкин Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.

15. Цивьян Ю. Г. К метасемиотическому описанию повествования в кинематографе // Труды по знаковым системам. Вып. 17. Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Тарту: Тартус. гос. ун-т, 1984. С. 109–121.

References

1. Voroshilova M. B. Kreolizovannyi tekst: kinotekst // Politicheskaya lingvistika. 2007. Vyp. 22. S. 106–110.

2. Gorshkova V. E. Kinodialog kak edinitsa perevoda // Vestn. NGU. Ser. Lingvistika i mezhkul't. kommunikatsiya. 2006. T. 4. S. 52–58.

3. Gorshkova V. E. Kontseptsiya «kul'turnoi distantsii» i perevod kinodialoga // Vestn. Sibir. gos. aerokosm. un-ta im. M. F. Reshetneva. 2006. Vyp. 2 (9). S.178–181.

4. Zaichenko S. S. Semiotiko-sinergeticheskaya interpretatsiya osobennostei organizatsii khudozhestvennogo kinodiskursa (na materiale angloyazychnykh khudozhestvennykh fil'mov istoricheskogo zhanra): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2013. 22 s.

5. Zaichenko S. S. Khudozhestvennyi kinodiskurs istoricheskogo zhanra v prostranstve semiosfery // Filol. nauki. Vopr. teorii i praktiki. 2013. Vyp. 7 (25). Ch. 1. S. 69–72.

6. Zaretskaya A. N. Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse. Chelyabinsk: Abris, 2012. 192 s.

7. Kazakova A. I. Osobennosti formirovaniya frazeologicheskoi semantiki v diskursivnom prostranstve otechestvennogo kinoiskusstva: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2014. 26 s.

8. Konetskaya V. P. Sotsiologiya kommunikatsii. M.: Mezhdunar. un-t biznesa i upravleniya, 1997. 304 s.

9. Lavrinenko I. N. Strategii i taktiki meny kommunikativnykh rolei v sovremennom angloyazychnom kinodiskurse: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Khar'kov, 2011. 20 s.

10. Lotman Yu. M. Semiotika kino i problemy kinoestetiki. Tallin: Aleksandra, 1973. 63 s.

11. Nazmutdinova S. S. Garmoniya kak perevodcheskaya kategoriya (na materiale russkogo, angliiskogo, frantsuzskogo kinodiskursa): avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Tver', 2008. 18 s.

12. Nazmutdinova S. S. Puti dostizheniya garmonicheskogo perevoda v kinodiskurse // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 17. 2007. № 22 (100). S. 86–91.

13. Nelyubina Yu. A. Kinodiskurs, kinotekst i kinoobraz: sootnoshenie ponyatii // STUDIUMJUVENIS: Mezhvuz. sb. tr. molodykh uchenykh. Vyp. 6. Chelyabinsk: SIMARS, 2013. S. 117–121.

14. Slyshkin G. G. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza / G. G. Slyshkin, M. A. Efremova. M.: Vodolei Publishers, 2004. 153 s.

15. Tsiv'yan Yu. G. K metasemioticheskomu opisaniyu povestvovaniya v kinematografe // Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 17. Struktura dialoga kak printsip raboty semioticheskogo mekhanizma. Tartu: Tartus. gos. un-t, 1984. S. 109–121.

Статья поступила в редакцию 25.08.2014

УДК 81.572
ББК 81.0

Мария Александровна Потапчук,
преподаватель,
Челябинский государственный университет
(454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129)
e-mail: pasha.pg@mail.ru

Специфика вербализации концепта в песенном дискурсе

Статья посвящена особенностям репрезентации концепта в песенном дискурсе. В качестве центрального объекта исследования выступает концепт «война», обладающий особой значимостью в русской лингвокультуре. Автор утверждает, что данный концепт получил многообразное отражение в песнях XX века, вокруг него группируется целый пласт произведений с общей тематикой и национальным звучанием. Песенный дискурс рассматривается в статье как часть художественного дискурса, в нем получают своеобразное отражение значимые для этнокультурного сознания представления, смыслы и коллективные оценки. На примере песенных текстов о войне показывается, что в художественном дискурсе актуализируется прежде всего образное содержание концепта. Песенный образ не только отражает, но и обобщает действительность, раскрывая в единичном сущностное, благодаря чему война в песне предстает как социально-личностное событие. Цельность и внутреннее единство песенного образа обеспечивают его воспроизводимость и интенсивность эмоционального воздействия. В песне литературного происхождения могут воплощаться особенности индивидуально-авторского сознания, народные песни – это отражение коллективного, надындивидуального знания, в нем кристаллизуется то, что важно для представителей этнической общности в целом. Если авторы песни чутко улавливают и талантливо передают настроения и потребности большинства людей, она фольклоризируется, становится частью народного песенного дискурса. В результате анализа автор приходит к выводу, что в отечественном песенном дискурсе выделяется устойчивый набор образов, эксплицирующих концепт «война». Эти образы составляют ядро русской песенной поэтики и характеризуются культурологической ценностью, узнаваемостью и актуальностью для всего лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: концепт, образ, песенный дискурс, художественный дискурс, вербализация.

Maria Aleksandrovna Potapchuk,
Teacher,
Chelyabinsk State University
(129 Brothers Kashirinykh St., Chelyabinsk, Russia, 454001)
e-mail: pasha.pg@mail.ru

Specificity of Verbalization of the Concept in Song Discourse

The article is devoted to the peculiarities of representation of the concept in the song discourse. As the central object of research the concept of “war” has special significance in the Russian linguistic culture. The author asserts that this concept was reflected in the diverse songs of the twentieth century, which are grouped around it by stratum of works with a common theme and national colors. In this article song discourse is considered as a part of the artistic discourse, it produced a kind of reflection of the significant ethnic and cultural consciousness of notions, evaluation and collective meanings. On the example of song texts about war the author shows that in the artistic discourse, the figurative meaning of the concept is primarily actualized. Song image not only reflects, but also summarizes the reality, revealing in a single an essential, so that the war in the song appears as a social and personal event. Inner unity of song image ensures reproducibility and intensity of his emotional impact. In the song of the literary origin individual author’s consciousness may be implemented, in folk songs it is a reflection of the collective, under-individual knowledge, they crystallize what is important for members of the ethnic community as a whole. If the authors of the songs sensitively catch and skillfully convey the mood and needs of most people, it becomes folkloric and a part of the discourse of folk song. As a result of analysis, the author concludes that in the national song discourse a stable set of images stands out and it explicates the concept of “war”. These images form the core of the Russian song poetics and are characterized by cultural value, recognizability and relevance for all linguistic cultural community.

Keywords: concept, image, song discourse, artistic discourse, verbalization.

Понятия «концепт» и «дискурс» как ключевые понятия современной полипарадигмальной лингвистики находятся в отношениях взаимосвязи и взаимообусловленности. С одной стороны, конкретный тип дискурса предопределяет особенности языковой

© М. А. Потапчук, 2014

объективации концепта, полноту экспликации заключенных в нем знаний об объектах окружающего мира, их связях и отношениях (к тому же само содержание концепта в различных видах дискурса структурируется поразному [4, с. 5]). С другой стороны, некоторые концепты выступают основой формирования дискурса, являются дискурсообразующими.

Рассмотрим эти положения на примере вербализации концепта «война» в песенном дискурсе. Выбор названного концепта обусловлен его особой значимостью в русской лингвокультуре: опыт, пережитый людьми в периоды тяжелых испытаний, позволяет сохранять общенациональные чувства и переживания (см. об этом: [2]).

В XX в. концепт «война» стал организующим началом для возникновения и функционирования в отечественном песенном дискурсе целого пласта произведений с общей тематикой. Война в них предстает как «социально-личностное событие» [6, с. 66]. Тексты песен – и литературного, и фольклорного происхождения – в *художественной* форме транслируют знания о событиях военных лет через призму национальных ценностей, через особенности русского понимания и интерпретации мира.

Песенный дискурс является частью художественного дискурса и поэтому своеобразно отражает значимые для этнокультурного сознания представления, смыслы и коллективные оценки. Как указывает М. С. Каган, «деятельность человека реализуется в четырех основных формах: в *познании* действительности, в ее *ценностном осмыслении*, в её *преобразовании*, материально-практическом и проектно-идеальном, и в *общении* людей в процессе их совместной жизни и деятельности» [3, с. 14]. Художественное освоение действительности, по словам ученого, «носит синкретический характер, то есть в нем сливаются воедино, взаимно отождествляясь, все четыре исходных вида деятельности; формой этого слияния является художественный образ» [там же].

Следовательно, художественный дискурс предстает специфической сферой человеческой активности, имеющей образную природу. Именно образы выступают единицами художественного мышления и репрезентируют сложное и многомерное содержание культурных концептов. В соответствии с таким пониманием суть песенного образа состоит в том, что он «не просто отражает, но и обобщает действительность, раскрывая в единичном, случайном сущностное, неизменное, общее» [1, с. 44]. В отличие от расчлененного, рационально-логического знания, представленного в понятии, образ обладает целостностью и внутренним единством.

Если в литературном образе воплощаются особенности индивидуально-авторского сознания, а также характерные для конкретного художественного направления, школы и, наконец, национальной культуры, в рамках которой создается произведение, стереотипы, аллюзии и реминисценции, то фольклорный образ – это отражение коллективного, надындивидуального знания, в нем кристаллизуется то, что важно, значимо для представителей этнической общности как целого.

В случае, когда авторы песни чутко улавливают и талантливо передают настроения и потребности большинства людей, она фольклоризируется, становится частью народного песенного дискурса. Этот процесс затронул многие авторские песни военных и послевоенных лет.

Важно подчеркнуть, что ассоциации, связанные с ***войной*** в сознании человека, имеют не только негативную окраску (*кровь, разрушения, страдания, смерть*), но и, безусловно, положительную: *герой, солдат, верность, честь, память, Родина, фронтовик, ветеран, Победа*. Все это так и или иначе репрезентировано в рассматриваемом дискурсе.

В целом в отечественном песенном дискурсе выделяется устойчивый набор образов, эксплицирующих концепт «война». Эти образы составляют ядро русской песенной поэтики и характеризуются следующими свойствами: культурологической ценностью, возобновляемостью, узнаваемостью, актуальностью для всего лингвокультурного сообщества.

Как показывает анализ, в содержании концепта «война» в песенном дискурсе актуализируются три смыслообразующих оппозиции, соотносимые с важнейшими категориями человеческого бытия: *жизнь – смерть, любовь – разлука, верность – предательство.* Покажем значимость этих оппозиций на примере традиционных образов, вербализующих содержание концепта. Обращает на себя внимание, что в них проявляются все возможные измерения войны: физическое, социальное, этическое, психологическое, мифологическое.

В подавляющем большинстве песенных текстов война актуализируется через изображение огня, горящих домов, дыма пожарищ или пепелищ. Огонь здесь выступает прежде всего как олицетворение смерти, бесчисленных трагедий и испытаний. Ср.: *Через реки, горы и долины, / Сквозь пургу, **огонь** и черный **дым** / Мы вели машины. / Объезжая мины, / По путям-дорогам фронтовым* (Дорожка фронтовая)*; Эх, тридцатьчетверка и грозный КВ, / Как брат и сестренка, идут по траве, / Сквозь темные чащи, сквозь **пламя** идут, / Забытое счастье планете несут* (Сердце танкиста); *С «лейкой» и блокнотом, / А то и с пулемётом / Сквозь **огонь***

и стужу мы прошли (Песенка военных корреспондентов); *Вьется пыль над сапогами – степями, полями, / А кругом бушует* ***пламя*** */ Да пули свистят* (Дороги); ***Дымилась*** *роща под горою / И вместе с ней* ***горел*** *закат… / Нас оставалось только трое / Из восемнадцати ребят* (На безымянной высоте); ***Горит*** *и кружится планета. / Над нашей Родиною* ***дым*** (Нам нужна одна победа); ***Пылают*** *города, охваченные* ***дымом,*** */ Гремит в седых лесах суровый бог войны* (Песня артиллеристов); *Помним грохот огня, помним дальние страны, / Каждый год, каждый день,* ***опаленный*** *войной, / Не стареют душой ветераны* (Не стареют душой ветераны).

Противоположным огню с его символикой смерти в песнях выступает образ земли как витального начала. В условиях войны человек особенно отчетливо осознавал свою связь с землей: *Мне не думать об этом нельзя, / И не помнить об этом не вправе я, / Это наша с тобою* ***земля****, / Это наша с тобой биография!* (Наша биография); *Здесь птицы не поют, / Деревья не растут. / И только мы плечом к плечу / Врастаем* ***в землю*** *тут* (Нам нужна одна победа); *Здравствуй, мама, возвратились мы не все… / Босиком бы пробежаться по росе! / Пол-Европы, прошагали,* ***полземли,*** */ Этот день мы приближали, как могли* (День Победы).

Образ земли в песнях многогранен: это и территория родной страны, и плодородный слой, и планета в целом. В контексте песни солдат нередко выступает как труженик, пахарь: *Мы так давно, мы так давно не отдыхали. / Нам было просто не до отдыха с тобой. / Мы* ***пол-Европы*** *по-пластунски* ***пропахали*** (Последний бой); *Нежные речи, девичьи плечи / Помним в* ***страде*** *боевой* (Синий платочек); *Была война, но мы пришли живыми, / Чтоб новой жизни* ***сеять*** *семена, / Вы в битве Родину спасли, / Преодолели все преграды… / Спасибо вам от всей земли, / За все спасибо вам, солдаты* (Спасибо вам, солдаты).

Значительную часть песенного дискурса о войне составляют тексты с глубоко национальным образом дороги – символом судьбы: *До свиданья, города и хаты, Нас* ***дорога*** *дальняя зовет, Молодые, смелые ребята, На заре уходим мы в поход* (До свиданья, города и хаты); *Бой жестокий и победа – впереди / Сколько* ***дорог*** *нам осталось – / Огненных – прошагать!* (Путь солдата); *Эх,* ***дороги****… / Пыль да туман, / Холода, тревоги, / Да степной бурьян. / Снег ли, ветер / Вспомним, друзья. / … Нам дороги эти / Позабыть нельзя* (Дороги); *Эх,* ***дорожка*** *фронтовая. / Не страшна нам бомбежка любая. / Помирать нам рановато / Есть у нас еще дома дела* (Дорожка фронтовая).

Одним из самых значимых образов в русском песенном дискурсе является образ друга и обобщенный образ военного братства: *Играй, мой баян, / И скажи всем* ***друзьям****, / Отважным и смелым в бою, / Что, как подругу, / Мы Родину любим свою* (Играй, мой баян); *Ты помнишь,* ***друг****? / Ты помнишь все, солдат! / Мы всю войну прошли в боях с тобой… / Живых и павших помним мы ребят, / Нет крепче нашей* ***дружбы*** *фронтовой* (В День Победы нам встретиться надо); *В битвах за* ***друга*** *всю душу / Смело положат* ***друзья****. / Ни расколоть, ни нарушить /* ***Дружбы*** *военной нельзя!* (Только на фронте); *Об огнях-пожарищах, о* ***друзьях-товарищах*** */ Где-нибудь, когда-нибудь мы будем говорить* (Давай закурим); *Майскими короткими ночами, / Отгремев, закончились бои / Где же вы теперь,* ***друзья-однополчане****, / Боевые спутники мои?* (Где же вы теперь, друзья-однополчане?); *Мне часто снятся все ребята, /* ***Друзья*** *моих военных дней <…> Как много их,* ***друзей*** *хороших, / Лежать осталось в темноте / У незнакомого поселка, / На безымянной высоте* (На безымянной высоте).

Традиционно в лирических песнях о войне используется образ дома, актуализирующий «свое», привычное, «близкое» пространство: *В атаку стальными рядами / Мы поступью твердой идем. / Родная столица за нами, / За нами родимый наш* ***дом*** (Песня защитников Москвы); *Пробьет победы час, придет конец похода, / Но прежде, чем уйти к* ***домам*** *своим родным…* (Песня артиллеристов); *С войной покончили мы счеты… / Бери шинель, пошли* ***домой*** (Бери шинель, пошли домой); *Еще немного, еще чуть-чуть, / Последний бой, он трудный самый. / А я в Россию,* ***домой*** *хочу. / Я так давно не видел маму* (Последний бой).

Вместе с домом типичными персонажами песенного дискурса о войне выступают мать, жена, любимая: ***За них, родных,*** */* ***Желанных, любимых*** *таких, / Строчит пулеметчик за синий платочек, / Что был на плечах дорогих!* (Синий платочек). Гармоничный семейный мир образует оппозицию разрушительному пространству войны: *Темная ночь, / Только пули свистят по степи, / Только ветер гудит в проводах, / Тускло звезды мерцают. / В темную ночь / Ты, любимая, знаю, не спишь, / И* ***у детской кроватки*** *тайком ты слезу утираешь.* Воспоминания о доме и близких согревают лирического героя песен, воплощают в его представлении идеализированную модель нормы и порядка: *Радостно мне, я спокоен в смертельном бою, / Знаю, встретишь с любовью меня, / Что б со мной ни случилось* (Тёмная ночь).

Слёзы в песенных текстах становятся выражением неизбывных страданий людей в годы войны: *Это радость со* ***слезами*** *на*

глазах (День Победы); *Повстречали – огнем угощали. / Навсегда уложили в лесу. / За великие наши печали, / За горючую нашу* ***слезу*** (Ой, туманы мои, растуманы); *Я на подвиг тебя провожала, / Над страною гремела гроза. / Я тебя провожала / И* ***слезы*** *сдержала, / И были сухими глаза* (Я на подвиг тебя провожала); *Бьет фашистский сброд Украина-мать / Партизанкою по Днепру, / Скоро выйдет вновь сыновей встречать, /* ***Слезы*** *высохнут на ветру* (Песня о Днепре).

В ряде песен о войне актуализируется образ тишины – как воплощение мирной жизни, противопоставленный грохоту орудий, скрежету танков, свисту пуль и треску пулеметов: *На границе тучи ходят хмуро, / Край суровый* ***тишиной*** *объят. / У высоких берегов Амура / Часовые Родины стоят* (Марш танкистов); *Хотят ли русские войны? / Спросите вы у* ***тишины****, / Над ширью пашен и полей, / И у берез, и тополей* (Хотят ли русские войны?). Об актуальности образа тишины в рассматриваемом дискурсе свидетельствует одна из относительно новых песен о войне – «Пропавшим без вести» (муз. В. Кубышко, сл. А. Вулых): *Теплый дождь моросит весной, / Пряча слезы в закат. / До утра в* ***тишине*** *ночной / Наши вдовы не спят.* В этом тексте использованы традиционные песенные символы:птицы, земля, мать, небо, дождь. Повторяющийся в припеве фрагмент: *Мы не погибли, мы просто ушли, / Просто ушли в небеса. /* ***На безымянных высотах*** *земли / Наши слышны голоса* – связывает эту песню с известным текстом «На безымянной высоте» из кинофильма «Тишина». Упоминание о птицах, поднимающихся над рекой, вызывает ассоциацию с другой песней о войне – «Журавли». Все три текста посвящены памяти о неизвестном солдате, благодаря чему образуют единый художественный контекст.

Как видим, в дискурсе военных песен весьма широко используется традиционная песенная символика, в том числе архетипические образы. Как писал К. Г. Юнг: «Тот, кто говорит архетипами, глаголет как бы тысячей голосов <…>. Он подымает изображаемое им из мира единократного и преходящего в сферу вечного» [7, с. 37].

Таким образом, можно заключить, что концепт в песенном дискурсе репрезентируется через разветвленную систему художественно-образных средств. Благодаря синтезу в песне музыкального и вербального компонентов эти образы воспринимаются и переживаются как глубоко личные, но при этом они неотделимы от представлений об общей судьбе.

Список литературы

1. Голованов И. А. Фольклорное сознание как особый тип художественного освоения действительности // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 22 (160). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 43–47.

2. Голованова Е. И., Потапчук М. А. «За себя и за того парня…»: ментальные проекции Великой Отечественной войны в крылатых словах и выражениях // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 13 (267). Сер. Филология. Искусствоведение. Вып. 65. С. 29–33.

3. Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997. 544 с.

4. Прибылова О. В. Динамика вербализации концепта «терроризм» в институциональном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 20 с.

5. Присягаем победой: сборник стихов о Великой Отечественной войне / сост. А. Абрамов, В. Акаткин. М.: Детская литература, 1982. 143 с.

6. Эмер Ю. А. Концепт «война» в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. Сер. Филология. № 4 (20). С. 58–67.

7. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени; пер. с нем. А. М. Боковикова. М.: Прогресс-Универс, 1994. 329 с.

References

1. Golovanov I. A. Fol'klornoe soznanie kak osobyi tip khudozhestvennogo osvoeniya deistvitel'nosti // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2009. № 22 (160). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 33. S. 43–47.

2. Golovanova E. I., Potapchuk M. A. «Za sebya i za togo parnya…»: mental'nye proektsii Velikoi Otechestvennoi voiny v krylatykh slovakh i vyrazheniyakh // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2012. № 13 (267). Ser. Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 65. S. 29–33.

3. Kagan M. S. Estetika kak filosofskaya nauka. SPb.: Petropolis, 1997. 544 s.

4. Pribylova O. V. Dinamika verbalizatsii kontsepta «terrorizm» v institutsional'nom diskurse: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2011. 20 s.

5. Prisyagaem pobedoi: sbornik stikhov o Velikoi Otechestvennoi voine / sost. A. Abramov, V. Akatkin. M.: Detskaya literatura, 1982. 143 s.

6. Emer Yu. A. Kontsept «voina» v sovremennom pesennom fol'klore: kognitivno-diskursivnyi analiz // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. 2012. Ser. Filologiya. № 4 (20). S. 58–67.

7. Yung K. G. Problemy dushi nashego vremeni; per. s nem. A. M. Bokovikova. M.: Progress-Univers, 1994. 329 s.

Статья поступила в редакцию 25.08.2014

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
FOREIGN PHILOLOGY

УДК 82–32, 82–43
ББК 83.3(0)9

Светлана Викторовна Гречишкина,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: worldinteraction@mail.ru

Малые жанровые формы в корпусе современной англоязычной литературы о природе: вопрос разграничения жанров

Целью данного исследования является уточнение границ таких жанровых форм, как очерк, рассказ и эссе, а также анализ особенностей современных англоязычных произведений о природе. Автор статьи ставит перед собой следующие задачи: дать общую характеристику особенностям литературных произведений о природе малых жанровых форм; выявить различия между очерком, рассказом и эссе путём их сравнительного анализа; рассмотреть понятие «биорегиональная литература» и выделить характерные черты данной литературы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разрешить существующие разногласия исследователей в области изучения малых жанров. Материалом исследования служат произведения Джеймса Гальвина (1951 г. р.), Элис Манро (1931 г. р.), Гэри Снайдера (1930 г. р.) и Маргарет Этвуд (1939 г. р.), известных американских и канадских авторов. Всех этих авторов объединяет внимательное отношение, привязанность к регионам их проживания, что находит выражение в их произведениях. Несмотря на широкое признание произведений данных авторов за рубежом, российской аудитории они почти неизвестны. Новизна данной работы заключается в материале исследования и в подходе к нему. В работе применяется метод компаративного анализа, а также элементы композиционного анализа, которые позволяют точно определить жанровые черты анализируемых произведений. Используемый культурно-исторический метод позволяет выявить сходства и отличительные черты литературы о природе, создаваемой в разных культурно-исторических условиях.

Ключевые слова: биорегиональная литература, жанр, очерк, рассказ, типизация, эссе.

Svetlana Viktorovna Grechishkina,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: worldinteraction@mail.ru

Short Literary Compositions in the Body of Nature Prose in English: the Problem of Genre Division

The purpose of this research is to explore the borders of such genres as the sketch, the short story and the essay and to analyze the peculiarities of the contemporary literary works about nature. The author of the article sets the following tasks: to give general characteristics of short literary works about nature; to point out the differences between the sketch, the short story and the essay by the way of their comparative analysis; to define the notion of bioregional literature and to single out its peculiar features. The topicality of this research results from the necessity to conform existing contradictory views on the nature of short prose genres. The author of the article analyses James Galvin's (b. 1951), Alice Munro's (b. 1931), Gary Snyder's (b. 1930) and Margaret Atwood's (b. 1939) works. The common feature of all these famous American and Canadian writers is their attentiveness and attachment to the regions of their living which are expressed in their works. De-

© С. В. Гречишкина, 2014

spite the popularity of their works abroad, they stay practically unknown to the Russian audience. The novelty of this research is provided by the material of the research and the approach to it. The author of the article uses the methods of comparative and compositional analysis which helps to define precise generic features of the analyzed works. The author also uses cultural and historical method which helps to find common and differing features of literature about nature created under different cultural and historical conditions.

Keywords: bioregional literature, genre, sketch, short story, typification, essay.

Сравнительный анализ жанровых особенностей очерка, рассказа и эссе представляется актуальным. Несмотря на повышенный интерес к малым жанрам в последнее время, о чём, например, свидетельствует вручение в 2013 г. Нобелевской премии по литературе мастеру жанра рассказа Элис Манро, в России существует небольшое количество работ по теории литературы, в которых поднимается проблема определения границ этих жанров путём их сравнительного анализа. Заслуживает внимания работа Е. Г. Местергази по разработке теории литературы с главенствующим документальным началом. Существует ряд значительных работ, посвящённых рассмотрению особенностей в отдельности каждого из этих жанров. Отметим вклад в развитие теории жанра эссе Л. Г. Кайды, М. Н. Эпштейна, Ю. В. Чудиновой, вклад Н. И. Глушкова, В. Я. Канторович и В. П. Рослякова в развитие теории жанра очерка, а также работы В. И. Тюпы в развитии теории жанра рассказа. Наша работа проводится на новом для российского литературоведения материале, а именно произведениях, которые можно отнести к биорегиональной литературе, т. е. литературе, отличающейся повышенным вниманием к биологической системе региона.

Изучение жанров – задача сложная, поскольку категория жанра многоаспектна. Профессор И. В. Силантьев утверждает, что «в отечественном литературоведении сложились два различных подхода к изучению жанра – типологический и историко-генетический» [14, с. 166]. Первый, типологический, подход основан на принципе нахождения обобщающего признака. Поспелов, например, считает, что в основание типологии жанров можно положить категорию жанрового содержания – типологический, исторически повторяющийся аспект проблематики произведений [13, с. 96]. Типологический подход, по мнению Силантьева, необходимо сочетать с историко-генетическим, поскольку «не всякое сочетание обобщающих признаков является собственно *жанром*, даёт «результирующую» в виде реального жанра» [14, с. 167]. Д. С. Лихачёв, например, утверждает, что для точного и безошибочного восприятия художественного произведения «надо знать, кем, как и при каких обстоятельствах оно создавалось» [6, с. 205]. Чтобы точнее провести межжанровые границы между анализируемыми произведениями, нам потребуется обратиться к определению жанров и анализу признаков, на основании которых исследователи предлагают различать жанры.

В. И. Тюпа в статье «Коммуникативная стратегия анекдота и генезис литературных жанров», опираясь на выдвинутую Бахтиным концепцию «речевых жанров», определяет жанр как взаимную условленность общения, некоторую коммуникативную стратегию, объединяющую субъектов и адресатов высказываний в их отношении к предмету речи [14, с. 172]. Любой речевой жанр, по мнению Тюпы, характеризуется объектной референцией (типовой картиной мира и жанровым «типом героя»), формой авторства (типом речевой маски субъекта) и концепцией адресата [там же, с. 172].

М. М. Бахтин отмечает, что «для каждой эпохи, для каждого литературного направления и литературно-художественного стиля, для каждого литературного жанра в пределах эпохи и направления характерны свои особые концепции адресата литературного произведения, особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» [1, с. 204]. А. Б. Есин в свою очередь отмечает, что поэтика определённых жанров связана с поэтикой ситуации, под которой можно понимать «исходную «расстановку сил», те взаимоотношения характеров и обстоятельств, которые художественно осмысляются в произведении, прежде всего посредством определённого сюжетного построения» [3, с. 120]. Сюжетная ситуация, по мнению Есина, лежит в основе произведения и оказывает влияние на развитие сюжета и композиционное построение произведения [2, с. 120–121] имеет объективно-субъективный характер. Специфической для очерка «расстановкой сил» Есин считает определённые отношения между объектом изображения и повествующим о нём субъектом. Исходная ситуация очерка – отсутствие сколько-нибудь

полной и достоверной информации о предмете изображения [там же, с. 133]. Образ повествователя в очерке переходит от иронически-простодушного комментатора к персонажу, рассказывающему о своих впечатлениях, переживаниях и т. п. Таковым является, например, образ автора в очерке Василия Пескова «Речка моего детства».

В эссе можно выделить следующую сюжетную ситуацию: существует некая информация об объекте изображения, но она является либо неполной, либо неверной. Автор – уникальная индивидуальность, критично относящаяся к создавшемуся мнению о рассматриваемом объекте. Эссе возникает из-за трения между внутренним миром автора и внешним миром. Возникающие при трении вопросы порождают цепь размышлений, ассоциаций, выводов, которые автор пытается нам передать в диалогической форме, т. е. в виде беседы с читателем. Таковы произведения основателя жанра, М. Монтеня.

Немало внимания уделяется изучению жанров очерка и эссе исследователями в области журналистики. Авторы учебника «Риторические основы журналистики» относят очерк и эссе к жанрам художественно-публицистическим, основной целью которых является, по их мнению, оказание эмоционально-образного воздействия на читателя или слушателя [10, с. 206–207]. Отмечается, что очерк сближается с рассказом, но в отличие от рассказа в очерке точное время и место действия, реальные имена людей, факты сочетаются с анализом [12].

Помимо общих черт с рассказом очерк имеет много общего и с эссе. Некоторые исследователи, в том числе В. Е. Хализев, считают оба жанра внеродовыми формами. Хализев отмечает, что, несмотря на сосредоточение внимания автора на внешней реальности, дающее некоторое основание ставить жанр очерка в ряд эпических жанров, в очерке «событийные ряды и собственно повествование организующей роли не играют: доминируют описания, нередко сопровождающиеся рассуждениями» [11, с. 355]. Большая часть исследователей, среди них А. Я. Эсалнек и Г. Н. Поспелов, относят очерк, по указанной Хализевым причине, к эпическим жанрам [5, с. 708; 9]. Очерк близок жанру рассказа [9], поскольку описание явлений сохраняет художественную образность. Момент повествования в очерке, как правило, отделён по времени от описываемых в нём событий, что характерно для эпики. Эссе, по мнению Хализева, тоже не вписывается в общепринятую триаду родов литературы, однако он указывает на близость этого жанра лирике [там же, с. 356]. Эссе сближается с лирикой из-за ярко выраженного «я» писателя в теле произведения.

В англоязычном литературоведении проблемой разграничения жанров очерка и эссе занимаются исследователи, знакомые с русской литературой. Так, например, С. А. Сычов в своей диссертации о русском литературном эссе утверждает, что одним из отличительных свойств очерка от эссе является идеологически ограниченное сознание его автора, а другим – прорисовывание в очерке типичных черт объекта [30, с. 21–22]. С этой точкой зрения можно согласиться. Например, в очерке Паустовского «Письмо из Тарусы», где, по утверждению самого автора, город Тарус Калужской области взят в качестве типического примера, автор поднимает проблему маленьких городов, говоря о скрытых возможностях этих городов, которые можно реализовать, прислушавшись и присмотревшись к месту, к городу, внимательно.

Похожий по идейному содержанию очерк есть в творчестве Гэри Снайдера, американского писателя, обладателя Пулитцеровской премии, сторонника философии биорегионализма. В произведении «Киткитдиззе» Снайдер рассказывает о месте своего проживания, уделяя внимание таким деталям, как растительность, почва, животный мир, и размышляет о возможностях согласованного существования человека с природой, частью которой человек является. Снайдер говорит о необходимости восстановления биологического равновесия и мудрого использования ресурсов природы, указывая на то, что его место проживания – лишь небольшой узел в развёртывающейся сети биорегиональных земельных наделов Северной Америки [19, с. 237]. Автор в небольшом по объёму произведении, насыщенном описаниями определённого места, происходивших там событий, реализует характерную для очерка задачу типизации своего объекта за счёт непосредственного его изучения и сравнения со схожими объектами.

Очеркисты, как правило, детально описывают рассматриваемый объект произведения. Авторы-биорегионалисты описывают конкретное место, регион. Биорегион – это территориальная единица, границы которой определяются природными факторами. Биорегионализм – это направление экологической философии и в то же время социальное и политическое движение. Участники движения предлагают реформировать обще-

ство людей, формы производства и культуру [32, с. 131]. Сторонники биорегионализма отмечают важность гармоничных взаимоотношений с природой и необходимость интеграции человека в естественную экосистему. Оптимальной организацией жизни людей биорегионалисты считают жизнь в небольших сообществах, которые, однако, не должны быть изолированными друг от друга.

Понимание места, чувство принадлежности к этому месту, региону, по мнению биорегионалистов, может возникнуть при изучении его животного и растительного мира, геологических черт строения, культуры людей населявших и населяющих регион, его истории. Чувством принадлежности к конкретному региону пропитаны произведения писателей-биорегионалистов. Одни писатели, такие как Гэри Снайдер, активно занимаются продвижением философии биорегионализма в жизнь не только с помощью своих литературных произведений, другие причисляются к биорегионалистам в силу проявления их сильной привязанности к определённому месту в тексте произведений. О решаемых писателями-биорегионалистами задачах в книге «Биорегиональное воображение. Литература, экология и место» (*The Bioregional Imagination. Literature, Ecology and Place*) говорится, что писатели-биорегионалисты запечатлевают пейзажи, которые могут впоследствии застроить, истребляемых животных, которые могут быть в будущем забыты; писатели-биорегионалисты занимаются просветительской деятельностью, рассказывая жителям региона об их месте проживания, ритуалах, возникших в этом месте, возможных путях гармоничного сосуществования человека с остальным природным миром [31, с. 118–119]. Следует выделить черты биорегиональной литературы.

Во-первых, в произведениях, относящихся к биорегиональной литературе, действие, как правило, разворачивается в одном определённом месте, регионе. Например, действия в произведениях Тима Уинтона, австралийского романиста и эссеиста, разворачиваются, как правило, лишь на побережье Западной Австралии.

Во-вторых, автор прорисовывает особенности региона, даёт его «портрет», снабжая текст подробными описаниями местности. Известно, что литературный регионализм существует в США с XIX в. Однако, если раньше внимание в литературе уделялось, например, местному диалекту, особым обычаям, то сейчас уделяется внимание пейзажу, истории региона, его особенностям, тем чертам, внимание к которым обусловливает возникновение чувства принадлежности человека к региону, а не только к социуму, проживающему в нём.

В-третьих, в произведениях биорегиональной литературы широко используются метафоры для выражения идеи взаимосвязи человека с местом проживания, фольклорные мотивы, мифы, истории, рассказанные коренными жителями [16, с. 18]. В-четвёртых, отдельные писатели пытаются придумать новое название своему региону, используя язык автохтонного населения, в случае с американской литературой – язык американских индейцев. Гэри Снайдер, например, именует место своего проживания «Киткитдиззе», названием низкорослого кустарника, которое он позаимствовал из диалекта индейцев племени винту.

Сравнивая черты жанров, отметим, что авторское «я» играет организующую роль как в очерке, так и в эссе. В англоязычном словаре литературоведческих терминов эссе определяется как «любое короткое сочинение в прозе, в котором предпринимается попытка обсудить какой-либо предмет, выразить точку зрения, убедить читателя в чём-либо или просто развлечь. Эссе отличается от трактата или диссертации отсутствием претензии на систематичность и полноту освещения и своей обращённостью к обычной, а не подготовленной аудитории. Как результат, предмет обсуждается доступным языком, часто используются анекдоты, неожиданные иллюстрации и юмористические зарисовки для подтверждения мнения» [18, с. 103].

Необходимо отметить, что в эссе комментарии и ассоциации автора занимают больший, чем в очерке, удельный вес от всего произведения; мысль автора, его сознание превалирует над объектом исследования (именно поэтому чувствуется сближение эссе с философией). В очерке, напротив, главное – объект, его свойства. Интерес в эссе, в отличие от очерка, представляет не выявление типичных черт объекта, а угол зрения автора на него. Проводя параллель между изобразительным искусством и литературой, можно сказать, что очерк представляет собой натуралистическое, фактографически точное изображение, а эссе – импрессионистское.

По утверждению М. Н. Эпштейна, эссе постоянно пересекает границы других жанров, сближаясь, например, с автобиографией, дневником, исповедью, романом [15, с. 338–340]. Л. Г. Кайда подобрала удачный термин для обозначения этого свойства эссе – «подвижность жанровых границ» [4, с. 23]. Некоторые зару-

бежные исследователи, М. Абрамс, например, отмечают схожесть эссе, написанного в официальном стиле (the formal essay) с присущей ему объективностью с трактатом или научной работой [18, с. 103]. Таковым видом эссе, например, является произведение Гэри Снайдера «Место, регион и общинные земли» (*The Place, the Region, and the Commons*). Для создания эффекта объективности автор употребляет в подавляющем большинстве случаев неопределённо-личные или безличные конструкции, однако обозначает и своё «я», дважды используя местоимение «I» [29, с. 25–26].

Эссе разделено на четыре части, каждая из которых носит своё название. Первые три части носят теоретический характер, а четвёртая отличается лиричностью. В ней автор рассказывает о своём родном биорегионе [там же, с. 47]. Расширившееся до мировых пределов в предыдущих частях эссе пространство сужается до пределов одного места, одного региона. Локальность и в то же время широкая перспектива – это характерная черта биорегиональной литературы, которая является частным проявлением основной черты жанра эссе – перехода от частного к общему и от общего к частному. Задача эсеиста – раскрыть тему не за счёт глубокого её изучения, а за счёт расширения перспективы при одновременном вовлечении читателя в своеобразный диалог, который может быть откровенным или сдержанным. Эссеист вовлекает читателя в свои размышления, задавая ему вопросы. Снайдер, например, задаёт следующие вопросы.

М. М. Бахтин говорил о существовании фамильярных речевых жанров, отличающихся специфической откровенностью речи, доходящей иногда до цинизма. «В фамильярной речи, благодаря отпадению речевых запретов и условностей, возможен особый, неофициальный, вольный подход к действительности», который позволил фамильярным жанрам «сыграть большую и положительную роль в эпоху Возрождения в деле разрушения официальной средневековой картины мира; и в другие периоды, когда стоит задача разрушения традиционных официальных стилей и мировоззрения» [1, с. 202]. Эссе, на наш взгляд, можно отнести к фамильярным жанрам. Так американский исследователь Г. Д. Аткинс указывает на секулярность эссе, являющуюся продуктом эпохи Возрождения [20, с. 153]. Именно «фамильярность» как основную черту эссе выделяют некоторые исследователи в области журналистики: специфика жанра эссе, по их мнению, «требует прямого контакта с личностью» [12]. Эссе – это непринуждённая беседа с читателем, где мнение не навязывается автором, а предлагается как нечто альтернативное другим существующим точкам зрения. Как справедливо отмечено в англоязычном «Словаре литературных и тематических терминов», автор эссе «не стремится сказать последнее слово по поднимаемой теме, он скорее старается выразить свои личные размышления» [17, с. 146; 5, с. 1247].

Особым вопросом является целевая установка произведений. В эссе автор соотносит личное содержание, понимание предмета с общественным [27, с. 110]. Целью такого соотнесения, как правило, является желание убедить читателя в своей точке зрения. Другой важной целью эссе, по утверждению В. Вульф, является доставление наслаждения читателю [33].

В очерке ведущей целью является показать основные черты предмета или лица, описать его, не делая акцент на развитии действия или характера. В англоязычном литературоведении очерку соответствует понятие ‘sketch’, подразумевающее прозаическое произведение меньшего по объёму, чем рассказ, имеющее нарративный или описательный характер [23, с. 238]. Интересным является замечание зарубежного исследователя М. Лаустер о том, что очерковая традиция лежит у истоков когнитивистики, представляя собой форму социального знания. Представляя в своём исследовании очерки XIX в., она утверждает, что жанр очерка может служить посредником для социального знания, а также формировать его [26, с. 19].

Не всегда можно однозначно отнести произведение к тому или иному жанру. Согласимся с замечанием И. В. Силантьева о том, что «литературное произведение далеко не всегда развивается в своём окончательном статусе до уровня собственно жанрового состояния, что характерно для древних, средневековых литератур, а также для литературы нового времени» [14, с. 170]. На наш взгляд, в современной англоязычной литературе о природе существует ряд произведений, занимающих промежуточное, межжанровое, положение. Примером может служить произведение «Настоящий мир» (*The Real World*) Джеймса Гальвина (James Galvin), американского поэта и прозаика. «Настоящий мир» сочетает в себе признаки очерка, эссе и рассказа. В этом произведении есть и фактографическое описание, характерное для очерка, и размышления писателя, влияющие

на композицию произведения, его личный взгляд, не претендующий на догматичность, характерные для эссе, и, что особо примечательно – повествование, ведущееся рассказчиком, обладающее достаточно выраженным сюжетом, имплицитной оценкой, что характерно для рассказа.

В основе произведения лежит сюжетная линия, жизнь Лайла, человека, почти полностью слившегося с природой: «He lived so close to the real world it almost let him in» [19, с. 70]. Происходящие с этим человеком события мы видим глазами автора. Повествование сопровождается размышлениями автора, однако их удельный вес невелик [там же, с. 69].

Оценка в произведении Гальвина имплицитна, что является отличительной чертой рассказа, но не очерка или эссе. Оценку в произведении Гальвина можно обнаружить при анализе композиции. Автор намеренно изменяет последовательность событий: сначала он говорит о лете, когда Лайл умирает, а потом вставляет эпизод, когда Лайл жив. Жизнь и смерть рядом: люди, являясь частью природы, умирая физически, остаются в природе. Они не исчезают, но сливаются с природой, давая возможность существовать другим.

Природа в произведении Гальвина – живое существо, по сосудам которого течёт кровь [19, с. 80]. Повествование о жизни человека не является ведущим, оно равнозначно по объёму и значимости природным зарисовкам. Автор намеренно выстраивает произведение таким образом, чтобы показать, что люди и природа сосуществуют, а настоящая жизнь представляет собой непрерывное течение, одна форма жизни, исчезая, порождает другую. Писатель задаётся вопросом, нужны ли мы природе, как наблюдатели и как те, кто пользуется ею. В таком человеке, скорее всего, природа не нуждается. Как утверждает Лихачёв: «Человек – часть природы, и отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы «самосознание вселенной», лишает смысла существования не только человека, но и всё сущее, всё мироздание» [6, с. 98]. Человеку необходимо выстраивать свои культурные традиции в соответствии с особенностями природы, а не вразрез им.

На вопрос, относится ли «Настоящий мир» к жанру рассказ, можно дать скорее отрицательный ответ, чем положительный. В произведении «Настоящий мир» внешняя реальность носит невымышленный характер. В словарях отмечается, что события в рассказе вымышлены [17, с. 387; 27, с. 276]. Однако Е. Г. Местергази в своей диссертации говорит о возможности выделения особого типа литературы – литературы с главенствующим документальным началом, под которой она понимает художественную прозу, повествующую о реальных событиях и лицах с привлечением документальных свидетельств (как официальных документов, так и записей устных рассказов, невымышленных повествований писателей) [8, с. 47]. Местергази разделяет данные тип литературы на «чистые» (первичные) и «сложные» (вторичные) жанры, взяв за основу классификацию жанров Бахтина. К первичным Местергази относит письма, мемуары, биографию, автобиографию, очерк, эссе и некоторые другие жанры. Невыдуманный рассказ, документальную повесть и документальный роман она относит к группе вторичных жанров [7, с. 8–9].

В зарубежном литературоведении также рассматривается вопрос о том, насколько допустим вымысел в документальной литературе [32, с. 38]. Правомерность выделения литературы нон-фикшн как отдельного вида литературы вызывает сомнения у некоторых зарубежных исследователей. Эссе близко к понятию «документальная литература», поскольку автор эссе анализирует свой опыт. Эссе считают надёжным источником информации, ему доверяют, а вот рассказ считают вымыслом [20, с. 148]. В эссе личное «я» писателя и рассказчик – одно лицо. Несмотря на то, что материал в эссе неизбежно подвергается обработке, жанр эссе, как правило, относят к литературе нон-фикшн. В эссе автор поясняет сказанное, а в рассказе большая часть интерпретации производится читателем [там же, с. 148]. Эссе занимает промежуточную позицию между документальной литературой и литературой вымысла, хотя имеет общие черты и с тем, и с другим.

Мы не можем отнести произведение Гальвина «Настоящий мир» к жанру эссе, поскольку соотношение различных компонентов (опыта автора, сюжетного развития событий, природных зарисовок) сбалансировано, композиция произведения не полностью зависит от потока мыслей писателя, его ассоциаций, хотя очевидно, что восприятие действительности субъективное. На субъективность высказывания указывают, по большей части, грамматические конструкции.

В произведении Гальвина есть много сравнений, помогающих создать запоминающиеся образы, целью которых является эмоциональное воздействие на читателя: *«The first light hits the meadow and the kitchen window, and it's like Christmas lights going on» [19, с. 71];*

«White as death and twice as cold, mathematical, it offers itself as a symbol of all stillness» [там же, с. 72]. Такая целевая установка характерна как для очерка, так и для эссе.

Повествование о жизни человека сочетается с природными зарисовками в виде вставных конструкций, отделённых от повествования о Лайле. Можно найти такое описание природы: *«In spring the new grass grows in standing water. At sunset the white mirror-light shines through the grass. That's when the beaver ponds light up, too, and the rising trout make bull's eyes on the surface»* [19, с. 75]. Внимательное отношение к месту, к природе, которая вместе с Лайлом и рассказчиком выступает действующим лицом, позволяет утверждать, что произведение Гальвина относится к биорегиональной литературе. В произведении утверждается, что территория штатов Орегон, Айдахо, Невада и Юта является сердцем Америки [там же, с. 76]. Подчёркивание большого значения определённого места в жизни страны, в жизни всей планеты, подчёркивание связи культуры людей с местом их проживания является одной из ключевых черт биорегиональной литературы.

Зарубежные исследователи литературы о природе, подчёркивают, что, хотя именно биорегиональная литература уделяет особое внимание конкретному месту, создание всех текстов в той или иной мере зависит от реального географического места [31, с. 120]. Прекрасным примером такого рода зависимости могут служить произведения Элис Манро. Маргарет Этвуд, канадская писательница и литературный критик, отмечает, что образ округа, создаваемого Манро в своих произведениях, можно сравнить с Йокнапатофой Фолкнера, настолько мастерски этот образ прорисован [22]. Манро пристально всматривается в канадскую местность, пытается уловить связь человека с природой, проанализировать характер этой связи. Её произведения относятся к биорегиональной литературе.

Переходя к более тщательному рассмотрению жанра рассказ и его отличий от очерка и эссе, стоит сказать, что под рассказом обычно понимают малый прозаический эпический жанр, оформившийся в XIX в. [5, с. 857]. В одном из зарубежных словарей отмечается, что рассказ – это вымышленное повествование, объём которого, как правило, не превышает 20 000 слов. При этом в рассказе может быть два или три действующих лица, а сюжет может быть сосредоточен вокруг определённого события, внезапного разоблачения, открытия [17, с. 387]. Рассказ, по мнению Тюпы, отличается имитацией изустного (непосредственного) общения, а также взаимодополнительностью диаметрально противоположных интенций жанрового мышления – притчевой и анекдотической, двух разнородных коммуникативных стратегий [14, с. 180]. Н. Л. Лейдерман считает, что «в рассказе и даже повести "целый мир" существует "как некое предполагаемое, интуитивно ощущаемое единство действительности", а в романе это единство подвергается изучению» [там же, с. 185].

Элис Манро считают одним из самых выдающихся современных англоязычных писателей, работающих в жанре рассказа [24, с. 165]. Её рассказы напоминают романы в миниатюре, отличаются глубиной и сложностью характеров, особой психологичностью. Таковыми, например, являются рассказы «Страсть», «Побег», «Лес».

Как правило, её зрелые произведения включают различные версии одного и того же события [там же, с. 176]. Например, в рассказе Манро «Советы туристу в глуши» (*A Wilderness Station*) представлены различные версии смерти одного из героев рассказа. Рассказ «Советы туристу в глуши» – это последовательность писем и других документов, написанных различными людьми об одном и том же событии. Такой приём позволяет ввести большее количество героев и представить различные точки зрения на событие. Читателю приходится возвращаться к ранее прочитанным письмам, чтобы разгадать загадку: чья версия происшедшего является достоверной. Согласно сюжету, два брата Саймон и Джордж Херрон решают уехать в отдалённый уголок Канады. Саймон пишет письмо в приют и просит подобрать девушку, которая смогла бы выйти за него замуж и уехать жить на север Гурон. Ему подбирают девушку Анни МакКиллоп, которую после свадьбы Саймон забирает с собой. Находясь на заимке, Анни готовит для братьев, убирается, стирает. Однажды при рубке деревьев Саймон умирает. Что стало причиной смерти – вопрос, на который читатель не получает однозначного ответа, он должен сам разобраться, чья версия событий наиболее правдоподобна. Начало рассказа – письмо, написанное смотрительницей приюта, датировано 1852 г. Второй документ – газетная статья, представляющая воспоминания Джорджа, датирован 1907 г. За статьёй следует письмо священника Уолтера МакБейна, датированное вновь 1852 г. и т. д. Таким образом, рассказ, хотя и сосредоточенный вокруг основного события – смерти Саймона – насыщен второстепенными событиями и героями,

представляет различные точки зрения. Чётко выраженный сюжет, наличие различных точек зрения, имплицитная оценка являются чертами, позволяющими отделить жанр рассказа от очерка или эссе.

Переходя к особенностям изображения природы в произведениях Манро, можно отметить, что природа в них – одновременно и место спасения, и место эксплуатации, страха, насилия. Когда Саймон умирает, Анни, спасаясь от Джорджа, убегает в лес. Однако там она не приживается и идёт в тюрьму, заявляя, что это она убила Саймона. В одном из писем, адресованном своей подруге из приюта, Анни признаётся, что, когда она жила с Саймоном и Джорджем Херрон, они смотрели на неё недобрым взглядом, заставляя её опасаться за свою жизнь: *«I dreamed nearlay every night that one or other of them came and chased me with the axe»* [28]. Находясь на лоне природы, у одних героев возникает агрессия, у других – страх. Образ природы имеет двойственный характер.

Противоречивый взгляд на природу характерен для канадской литературы [24, с. 92]. Отвечая на вопрос, что становится причиной такого восприятия природы, сама реальность или писатели, исследователи отмечают, что во многом сами писатели конструируют восприятие конкретных географических мест людьми [там же, с. 93]. Не последнюю роль в создании определённого образа природы в Канаде играют произведения Маргарет Этвуд.

В рассказе Этвуд «Советы туристу в глуши», хотя природа и рассматривается как нечто святое, она не только оскверняется, но и является местом возникновения чувства ненависти, раздора. Джордж, главный герой рассказа, изменяет своей жене Порции, чья чистота и непорочность ассоциируются с природным началом. До женитьбы Джордж встречается с сестрой Порции – Пру, которую, однако, отвергает ради осуществления желания прикоснуться к чистому, природному началу: *«He didn't want to desecrate Wacousta Lodge: he wanted to marry it»* [21]. После женитьбы Джордж изменяет Порции и с третьей сестрой – Памелой.

Брат сестёр, Роланд, уважает и любит природу. Он ненавидит Джорджа, дельца, который, по его мнению, способен только на эксплуатацию природы, извлечение выгоды из неё. Роланд мысленно представляет убийство Джорджа, которого он считает её осквернителем: *«Down comes his axe on the head of George, which splits in two»* [там же].

Порция, жена Джорджа, человек с выраженным природным началом, не знает ненависти: *«She isn't sure what real hatred would feel like»* [там же]. Данной чертой Этвуд наделяет Порцию для подчёркивания мысли о том, что природе несвойственна ненависть и насилие. Природа обладает исцеляющим действием. Например, когда Порция, помышляя о самоубийстве после измены мужа, погружается в озеро, обладающее очищающим действием, то чувствует себя молодой и беззаботной. Таким образом, в рассказе Этвуд, также как и в рассказе Манро, реализуется два различных представления о природе: как места уединения и успокоения, и как места, где реализуется противостояние, жестокость и насилие.

Наличие двух современных признанных во всём мире мастеров рассказа в Канаде (Манро и Этвуд) говорит о высокой популярности этого жанра в стране. Литература США отличается тяготением к жанру эссе, что говорит об интересе к фактам. Американскую и канадскую литературы, однако, объединяет интерес к биорегиональным произведениям в целом.

В очерках, рассказах и эссе, относящихся к биорегиональной литературе, реализуются следующие общие черты: повышенное внимание к истории определённой местности, её географическим, биологическим характеристикам, к связанным с этой местностью мифам и рассказам, к культуре, которая возникает в этой местности. Как правило, авторов интересует взаимовлияние местности и человека. Природа уже не является чем-то безмолвным, скорее это активное начало, порождающее жизнь, обладающее голосом.

Ещё одним выводом является то, что, несмотря на схожие черты, малые прозаические жанры обладают своими уникальными характеристиками. В очерке эпическое начало выражено сильнее, чем в эссе, хотя оба характеризуются особой художественной образностью, использующейся автором для убеждения читателя в своей точке зрения. Очерк близок рассказу описательностью и наличием сюжета, хотя и неявно выраженным. В эссе, в отличие от очерка, выражено лирическое начало. Эссе тяготеет к философским произведениям, поскольку удельный вес размышлений автора довольно велик. Жанры очерка и эссе, на наш взгляд, позволяют авторам в большей степени, чем в рассказе, раскрыть особенности какого-либо региона, как и своё видение поднимаемых в произведениях проблем. Сочетание краткости, документальности, и художественной образности очерков и эссе привлекает многих читателей современной англоязычной литературы. Однако жанр рассказа позволяет достигнуть высокой степени психологичности, а значит – воздействия.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. С. 159–206.

2. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология: Избранные тр.: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 280 с.

3. Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения: учеб. пособие. М.: Флинта, 2011. 248 с.

4. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта: Наука, 2008. 98 с.

5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. 1596 с.

6. Лихачёв Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.

7. Местергази Е. Г. Литература нон-фикшн: Экспериментальная энциклопедия. Русская версия. М.: Совпадение, 2007. 328 с.

8. Местергази Е. Г. Художественная словесность и реальность (документальное начало в отечественной литературе XX в.): дис. … д-ра филол. наук. М., 2008. 246 с.

9. Поспелов Г. Н. Очерк // Большая советская энциклопедия. URL: http://bse-soviet-encyclopedia.info/ (дата обращения: 20.02.2014).

10. Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты / З. С. Смелкова [и др.]. М.: Флинта: Наука, 2003. 253 с.

11. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.

12. Цвик В. Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика. М.: Аспект Пресс, 2004. 382 с.

13. Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 192 с.

14. Школа теоретической поэтики: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Тюпы, О. В. Федуниной. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. С. 166–171.

15. Эпштейн М. Н. На перекрёстке образа и понятия (Эссеизм в культуре нового времени) // Парадоксы новизны. М.: Прогресс, 1987. С. 334–380. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/epsht_essay.htm (дата обращения: 20.02.2014).

16. A Companion to the Regional Literatures of America / ed. Ch. L. Crow. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2003. 606 p.

17. A Dictionary of Literary and Thematic Terms / ed. E. Quinn. New York: Facts On File, Inc. 2006. 474 p.

18. A Glossary of Literary Terms. M. H. Abrams, G. G. Harpham. Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2009. 393 p. P. 103–104.

19. A Place on Earth. An anthology of nature writing from Australia and North America / ed. M. Tredinnik. Sydney: University of New South Wales Press Ltd., 2003. 268 p.

20. Atkins G. D. Tracing the Essay: Through Experience to Truth. Athens and London: The University of Georgia Press. 2005. 180 p.

21. Atwood M. Wilderness Tips. URL: http://alfalib.com/book/read/id/117550 (дата обращения: 10.02.2014).

22. Atwood M. Introduction to Alice Munro's Best: Selected Stories. URL: http://www.rulit.net/books/alice-munro-039-s-best-a-selection-of-stories-read-311851–2.html (дата обращения: 10.02.2014).

23. Baldick Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. New York: Oxford University Press, Inc., 2001. 280 p.

24. Hammil F. Canadian Literature. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2007. 220 p.

25. Hunter A. The Cambridge Introduction to the Short Story in English. New York: Cambridge University Press, 2007. 202 p.

26. Lauster M. Sketches of the Nineteenth Century. European Journalism and its Physiologies,1830–50. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 366 p.

27. Mikics D. A New Handbook of Literary Terms. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 348 p.

28. Munro A. A Wilderness Station // Alice Munro's Best: Selected Stories. Douglas Gibson Books, 2008. 536 p. URL: http://www.rulit.net/books/alice-munro-039-s-best-a-selection-of-stories-read-311851–82.html (дата обращения: 10.02.2014).

29. Snyder, Gary. The Practice of the Wild. San Francisco: North Point Press,1990. P. 25–47.

30. Sychov S. A. The Essayistic Vision: Representations of America in Russian Literary Essays, 1991–2004 (thesis of Ph. D.). The University of Michigan, 2009. 175 p.

31. The Bioregional Imagination. Literature, Ecology, and Place / ed. Lynch T., Glotfelty Ch., Armbruster K. Athens and London: The University of Georgia Press, 2012. 438 p.

32. The Cambridge Introduction to Literature and the Environment / ed. Timothy Clark. New York: Cambridge University Press, 2011. 255 p.

33. Woolf V. Woolf Essays. URL: A Project Gutenberg of Australia eBook URL: http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200771.txt (дата обращения: 10.02.2014).

References

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov // Sobr. soch.: v 7 t. M.: Russkie slovari, 1997. T. 5. S. 159–206.

2. Esin A. B. Literaturovedenie. Kul'turologiya: Izbrannye tr.: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2011. 280 s.

3. Esin A. B. Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: ucheb. posobie. M.: Flinta, 2011. 248 s.

4. Kaida L. G. Esse: stilisticheskii portret. M.: Flinta: Nauka, 2008. 98 s.

5. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii / pod red. A. N. Nikolyukina. M.: Intelvak, 2001. 1596 s.

6. Likhachev D. S. Russkaya kul'tura. M.: Iskusstvo, 2000. 440 s.

7. Mestergazi E. G. Literatura non-fikshn: Eksperimental'naya entsiklopediya. Russkaya versiya. M.: Sovpadenie, 2007. 328 s.

8. Mestergazi E. G. Khudozhestvennaya slovesnost' i real'nost' (dokumental'noe nachalo v otechestvennoi literature XX v.): dis. … dokt. filol. nauk. M., 2008. 246 s.

9. Pospelov G. N. Ocherk // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. URL: http://bse-soviet-encyclopedia.info/ (data obrashcheniya: 20.02.2014).

10. Ritoricheskie osnovy zhurnalistiki. Rabota nad zhanrami gazety / Smelkova Z. S. [i dr.]. M.: Flinta: Nauka, 2003. 253 c.

11. Khalizev V. E. Teoriya literatury. M.: Vyssh. shk., 2002. 437 s.

12. Tsvik V. L. Televizionnaya zhurnalistika: Istoriya, teoriya, praktika. M.: Aspekt Press, 2004. 382 s.

13. Chernets L. V. Literaturnye zhanry (problemy tipologii i poetiki). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 192 s.

14. Shkola teoreticheskoi poetiki: sb. nauch. tr. / pod red. V. I. Tyupy, O. V. Feduninoi. M.: Izd-vo Kulaginoi – Intrada, 2010. S. 166–171.

15. Epshtein M. N. Na perekrestke obraza i ponyatiya (Esseizm v kul'ture novogo vremeni) // Paradoksy novizny. M.: Progress, 1987. S. 334–380. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/epsht_essay.htm (data obrashcheniya: 20.02.2014).

16. A Companion to the Regional Literatures of America / ed. Ch. L. Crow. Malden: Blackwell Publishing Ltd., 2003. 606 p.

17. A Dictionary of Literary and Thematic Terms / ed. E. Quinn. New York: Facts On File, Inc. 2006. 474 p.

18. A Glossary of Literary Terms. M. H. Abrams, G. G. Harpham. Boston: Wadsworth Cengage Learning, 2009. 393 p. P. 103–104.

19. A Place on Earth. An anthology of nature writing from Australia and North America / ed. M. Tredinnik. Sydney: University of New South Wales Press Ltd., 2003. 268 p.

20. Atkins G. D. Tracing the Essay: Through Experience to Truth. Athens and London: The University of Georgia Press. 2005. 180 p.

21. Atwood M. Wilderness Tips. URL: http://alfalib.com/book/read/id/117550 (data obrashcheniya: 10.02.2014).

22. Atwood M. Introduction to Alice Munro's Best: Selected Stories. URL: http://www.rulit.net/books/alice-munro-039-s-best-a-selection-of-stories-read-311851–2.html (data obrashcheniya: 10.02.2014).

23. Baldick Ch. The Concise Oxford Dictionary of Literary Terms. New York: Oxford University Press, Inc., 2001. 280 p.

24. Hammil F. Canadian Literature. Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd., 2007. 220 p.

25. Hunter A. The Cambridge Introduction to the Short Story in English. New York: Cambridge University Press, 2007. 202 p.

26. Lauster M. Sketches of the Nineteenth Century. European Journalism and its Physiologies,1830–50. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 366 p.

27. Mikics D. A New Handbook of Literary Terms. New Haven and London: Yale University Press, 2007. 348 p.

28. Munro A. A Wilderness Station // Alice Munro's Best: Selected Stories. Douglas Gibson Books, 2008. 536 p. URL: http://www.rulit.net/books/alice-munro-039-s-best-a-selection-of-stories-read-311851–82.html (data obrashcheniya: 10.02.2014).

29. Snyder, Gary. The Practice of the Wild. San Francisco: North Point Press,1990. P. 25–47.

30. Sychov S. A. The Essayistic Vision: Representations of America in Russian Literary Essays, 1991–2004 (thesis of Ph. D.). The University of Michigan, 2009. 175 p.

31. The Bioregional Imagination. Literature, Ecology, and Place / ed. Lynch T., Glotfelty Ch., Armbruster K. Athens and London: The University of Georgia Press, 2012. 438 p.

32. The Cambridge Introduction to Literature and the Environment / ed. Timothy Clark. New York: Cambridge University Press, 2011. 255 p.

33. Woolf V. Woolf Essays. URL: A Project Gutenberg of Australia eBook URL: http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200771.txt (data obrashcheniya: 10.02.2014).

Статья поступила в редакцию 01.09.2014

УДК 811.112.2’243
ББК Ш 143.24–7

Руслан Джаванширович Керимов,
кандидат филологических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет
(650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6)
e-mail: kerimovrus@rambler.ru

Политическая метафорика как лингвокогнитивный феномен (на примере немецкоязычного фрейма «Спортсмены и состязания»)

Статья посвящена рассмотрению проблематики лингвистического изучения немецкоязычной политической метафорики в когнитивном аспекте. В частности, автор представляет обзор современных политлингвистических исследований и отмечает особенности лингвокогнитивного подхода к анализу способов концептуализации знаний и опыта в языковых знаках лингвальной культуры. Метафора как когнитивный механизм познания отражает не только языковое, но и культурное своеобразие данного общества, а также выполняет важную идеологическую функцию, участвуя в процессах конструирования и трансформации социальной реальности. Немецкая концептуальная метафора описывает политические и экономические аспекты жизнедеятельности государства и общества в ФРГ, отражая в первую очередь стереотипы и представления немецкой политической культуры и языка в целом. На примере спортивной метафоры автор исследует узуальную и креативную экспликацию социально значимых реалий в современной немецкоязычной коммуникации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, спортивная метафорика, языковая картина мира, понятийная сфера, фрейм, социальная коммуникация, немецкий язык.

Ruslan Dzhavanshirovich Kerimov,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Kemerovo State University
(6 Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650043)
e-mail: kerimovrus@rambler.ru

Political Metaphor as a Linguistic Cognitive Phenomenon (on the example of German Frame “Athletes and Competitions”)

The paper provides a linguistic study of German political metaphor in the cognitive aspect. The author presents an overview of the current political linguistic research and describes the features specific to the cognitive linguistic approach to analyze the ways knowledge and experience are conceptualized through signs of a language culture. Metaphor, being a cognitive mechanism of knowledge, reflects both the language identity and the cultural identity of a given community; metaphor also performs an important ideological function as it contributes to designing and transforming the social reality. German conceptual metaphor describes various political and economic aspects in the state life and the society in Germany, reflecting the stereotypes and concepts of Germany’s political culture and language in general. The paper investigates the sports metaphor as an instance of the usage-based and the creative explications of the socially important realities in the current German-language communication.

Keywords: cognitive linguistics, sports metaphors, linguistic worldview, conceptual domain, frame, social communication, the German language.

Изучение различных языковых и речевых особенностей политических текстов в современном языкознании является одним из приоритетнейших направлений, которое оформилось как комплексная междисциплинарная наука – политическая лингвистика (полит(о)лингвистика). Она объединяет в себе в настоящее время всевозможные подходы языковедческого анализа вербализованной области политической коммуникации как объекта или материала исследования, в которых уделяется внимание семантической и лексической, грамматической, лингвостилистической и риторической, прагматической, дискурсивной, коммуникативно-речевой и семиотической сторонам данного явления [см., например: 2; 5; 7; 12; 13].

При этом политлингвистические изыскания в полной мере проявляют также и методологическую вариативность, поскольку современные учёные по максимуму используют весь методический и методологический арсе-

© Р. Д. Керимов, 2014

нал лингвистических дисциплин и смежных наук для описания актуальных явлений политического сегмента общественной массовой коммуникации.

Наиболее востребованным в этом ряду предстаёт лингвокогнитивный взгляд на функционирование и экспликацию вербализованного знания, так как именно когнитивная парадигма и концептуализм (как частный случай его реализации) предоставляет современным исследованиям широчайшие возможности для комплексного анализа не только формальной, но также и содержательной стороны языкового знака с учётом экстралингвальных факторов, влияющих на его узуальные особенности и потенциальную речевую дистрибуцию [см., например, работы: 3; 9; 11].

Одним из наиболее важных когнитивных механизмов познания, структурации и отражения социальной реальности в мышлении и языке выступает метафора, которая позволяет упорядочивать новый опыт через призму уже известного, сопоставлять различные политические объекты, конструировать и переконцептуализировать социальную действительность в той мере, как это обусловлено интересами правящей политической элиты в соответствующих общественно-социальных и экономических условиях данного государства [1; 4; 14]. Концептуальная метафора всегда культурно и национально специфична, поскольку она вбирает в себя и отражает не только собственно структурные характеристики языковых единиц, но и их понятийное содержание, репрезентирующее наивные взгляды и научные представления данного общества на реляции окружающего мира.

Лингвокогнитивный подход к рассмотрению процесса метафоризации делает возможным использование комплексной методики языковедческого анализа на разных уровнях лингвальной внутренней и внешней системы и моделирование механизмов экспликации логико-прагматических смыслов в дискурсивном пространстве общественной коммуникации, с учётом всех возможных разноуровневых реляций, имеющих языковую природу.

На материале современного немецкого языка проводились некоторые изыскания, затрагивающие проблемы политической лексики немецкого языка [6] и метафорические концептосистемы социально-политической коммуникации современной единой Германии [7; 8; 9; 10]. Социоморфная понятийная сфера-источник вторичных номинаций оперирует понятиями разных социально значимых и профессиональных аспектов человеческой жизнедеятельности, среди которых доминирующее место по показателям частотности и продуктивности занимает спортивная метафорика.

Особая популярность этой тематики в общественной коммуникации объясняется несколькими факторами, в том числе тем, что немецкая нация является активной как в вопросах физической культуры, массового спорта и здорового образа жизни, так и в области профессионального спорта, где у Германии имеются победные традиции в зимних и летних видах спорта, в том числе в настоящее время там особо популярны футбол, автогонки, велоспорт, гандбол, биатлон, разные лыжные дисциплины. Второй важный фактор, тесно связанный с первым, состоит в том, что данная сфера очень хорошо знакома каждому немцу, что способствует возможности свободно оперировать соответствующими терминопонятиями спортивной сферы в процессе общественной коммуникации, и все подобные образы без особых трудностей воспринимаются и дешифровываются реципиентами.

Большую часть номинативного пространства фрейма «Спортсмены и состязания» составляют креативные (индивидуально-авторские) образы и традиционные (для лингвальной и/или политической культуры) символы.

Данный фрейм представляет соревнующихся спортсменов, соперничающие команды и их предстартовый статус в качестве фаворита или аутсайдера, а также этапы (старт, финиш) и итоги (победители, чемпионы, проигравшие) спортивного состязания. Сюда же относятся наименования спортивных снарядов (инвентарь, мячи) и спортивных сооружений (спортивное поле), где проводятся публичные спортивные состязания.

Номинации игроков и команд в метафорическом смысле в немецком политическом дискурсе актуализируются как в специальных сферах, связанных с конкретными видами спорта, так и посредством обобщённых наименований, безотносительно конкретных видов спорта и спортивных развлечений (охота, рыбалка, туризм, азартные игры).

Из наименований спортсменов и спортивных команд наиболее частотными являются: не ассимилированное в немецком языке английское словосочетание „global player(s)“ в единственном и множественном числе (в первом случае – артикль мужского рода) («глобальный/мировой игрок») и редко встречающаяся соответствующая немецкая калька „der Spielmacher“ («игрок; делающий игру»), а также заимствованное из английского языка слово „das Team“ («команда»).

Выражение „der (die) global player(s)“ (как правило, закавыченное в тексте-оригинале политического выступления) подчёркивает процессы глобализации в мировой экономике и отражает необходимость крупных предприятий и фирм выходить на новые рынки сбыта и действовать во всём мире, опережая своих конкурентов, например:

• „Denn ansonsten gehen diese Leute ins Ausland, ansonsten muß der Fiskus das feststellen, was schon heute bei den global players, den Großunternehmen, dieses Landes festzustellen ist“ [25, S. 8].

• „Der Erfolg und die Überzeugungskraft der EU hängen nicht zuletzt davon ab, die Kräfte zu bündeln und als "global player“ im internationalen Wettbewerb mitzuhalten“ [22, S. 17].

• „Ich sehe die große Gefahr auf dem Arbeitsmarkt, daß er dreigespaltet wird. Die eine Gruppe bilden diejenigen, die ich die Global players nennen möchte, die mithalten können, die es allein schaffen, die uns nicht brauchen“ [1, S. 7].

Соответствующее немецкое слово „der Spielmacher“ отражает в большей степени (в том числе в зависимости от контекста) творческую, созидательную составляющую в осуществлении изменений в мировой и немецкой экономике: „Dabei setzen wir auf die vielen tausend Frauen und Männer, die in diesen Berichten engagiert tätig sind. Sie sind die Spielmacher des Wandels“ [37, S. 22].

Спортивное понятие «команда» („das Team“, „das Forschungsteam“, „die Regierungsmannschaft“) метафорически представляет собой в политике группу единомышленников, которые должны совместно решать поставленные задачи, развивать своё дело, двигать прогресс и т. п.

• „Die Schröder‘sche Regierungsmannschaft erweckte den Eindruck, dass sie gewillt war…“ [27].

• „Bundeskanzler Gerhard Schröder will sich und seine Regierungsmannschaft aber an spürbaren Erfolgen bei der Arbeitsmarktpolitik messen lassen – so war es lediglich eine Frage der Zeit, wann neue Reformvorschläge auf den Tisch kommen“ [16].

• „Wo alle ein Team sind, da schaffe der Betriebsrat nur eine künstliche Spaltung, von der niemand etwas habe“ [31, S. 242].

• „Zentrale neue Fragen und Chancen liegen zwischen den traditionellen Disziplinen und Branchen: So müssen sich Forschungsteams und Kooperationen nun bevorzugt interdisziplinär und branchenübergreifend zusammenfinden“ [18, S. 68].

Помимо этого, из английского языка в немецкий было заимствовано слово „das Teamwork“, имеющее прямое значение: «коллективная игра; коллективные действия» как спортивный термин и, как метафорическое развитие основного значения, «коллективная работа; коллективное достижение».

Достичь наибольших успехов (прежде всего – в экономике) можно, играя только в высшем дивизионе, в элитной лиге, как это объективировано в следующем контексте: «Wer in der Spitzenliga der Industrienationen mitspielen will, der sollte nicht versuchen, mit Niedriglöhnen zu operieren“ [32, S. 299] (букв.: «Тот, кто хочет играть в высшей лиге промышленных стран мира, не должен пытаться оперировать низкими зарплатами»).

Номинация „die Weltklasse“ представляет усечённый вариант выражения „ein Sportler von Weltklasse“ («спортсмен международного класса»), которым в спорте обозначают достигших определённых высоких результатов, в том числе – на международной арене, спортсменов. На выборах в бундестаг 1998 г. партия ХДС позиционировала (в том числе и в официальной предвыборной рекламе) своего кандидата Гельмута Коля (на тот момент – действующего федерального канцлера Германии), помимо прочего, и как «спортсмена мирового класса», то есть как такого политика, который достиг больших результатов как во внутренней, так и во внешней политике Германии, к которым, помимо прочего, относятся объединение ФРГ и ГДР в 1990 г., создание ЕС в 1992 г., вывод российских войск из Германии в 1995 г. и т. д., ср.:

• „Sehen Sie, auch das ersparen Sie mir jetzt nicht: Wenn Sie Helmut Kohl als Weltklasse plakatieren und ihn zum Stabilitätsanker erklären, dann möchte ich sagen: Kohl muß weg. (…) Herr Solms hat vorhin geklatscht, Herr Geißler hat das wenigstens nicht getan, als sie gesagt haben, Helmut Kohl sei der Fels in der Brandung. Meine Damen und Herren, wenn Sie auf der einen Seite den Rücktritt von Helmut Kohl fordern und ihn auf der anderen als Weltklasse und als Fels in der Brandung feiern, dann muß ich sagen, daß das irgendwie nicht zusammenpaßt“ [24, S. 5–6].

• „Wenn das die Weltklasse ist, von der die CDU/CSU-Plakate künden, dann sagen die Leute draußen zu Recht: Nein, danke, Herr Kohl, es reicht!“ [20, S. 10].

В политике и экономике, как и в спорте, есть преуспевающие и всегда есть отстающие („die Außenseiter“): „Es liegt in der paradoxen Logik der Gegenwart, dass wir zwar an-

geblich auf Zukunft und Wachstum ausgerichtet sind, dass sich aber gleichzeitig diejenigen, die sich trauen und zutrauen, ein Kind oder gar mehrere Kinder zu erziehen – und damit eben auch unser aller Zukunft sichern, – heute oft als gesellschaftliche Außenseiter und ökonomische Idioten vorkommen müssen“ [30, S. 82].

Некоторые выражения акцентируют преимущество одних спортсменов над другими в процессе соревнований, как, например, это может быть в футболе, если «игра идёт в одни ворота»: „auf ein Tor spielen“ – „das Spiel so überlegen führen, dass sich der Gegner ganz auf die Verteidigung beschränken muss“ [41].

Виртуальные чемпионы и неудачники как в политике, так и в экономике, как правило, определяются чисто субъективно, с учётом личных или партийных интересов. «Чемпионом» („der Champion“) в экономике считается та страна, у которой высокие показатели роста или производительности („der Produktivitätschampion“). ФРГ входит в этом отношении в когорту сильнейших стран мира: „Die Volkswirte der Deutschen Bank bezeichnen deshalb die heimische Industrie als neuen Produktivitäts-Champion. (…) Die Dresdener Bank spricht vom Produktivitätschampion“ [35, S. 8].

«Чемпионами» являются также и известные фирмы с мировым именем: „Die deutschen Champions, von denen „Financial Times“ schreibt, müssen ja nicht auf Dauer versteckt werden“ [32, S. 297].

Германия постоянно входит также в число крупнейших экспортёров мира, что отражается в таких номинациях: „der Exportweltmeister“ («чемпион мира по экспорту») и „der Export-Vizeweltmeister“ («вице-чемпион мира по экспорту»):

• „Niemand lebt so stark von der Globalisierung wie die deutsche Wirtschaft. Die Tatsache, dass wir seit 50 Jahren Exportweltmeister sind, ist eine Folge zunehmender Globalisierung“ [33, S. 598–599].

• „Unsere Position auf den Weltmärkten als Export-Vizeweltmeister, das Qualifikationsniveau unserer Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer, die Vielzahl der bei uns entwickelten Verfahren und Patente und die gute Infrastruktur sind Stärken, die wir weiter entwickeln müssen, um auch in Zeiten ungünstiger Weltkonjunktur bestehen zu können“ [37, S. 12–13].

Немецкие граждане являются самым путешествующим народом в мире, что дало повод федеральному президенту ФРГ Й. Рау (1999–2004) гордо назвать их «чемпионами мира по путешествиям» („die Weltmeister im Reisen“): „Die Deutschen reisen immer noch gern. Manche bezeichnen uns als „Weltmeister im Reisen““ [29, S. 95].

Антиномия «победитель» – «проигравший» („der Gewinner/Sieger“ – „der Verlierer“) реализуется по принципу получения или неполучения тех или иных выгодных условий для осуществления определённой деятельности (как правило – хозяйственно-экономической):

• „Mir fällt auf, hier ist immer nur von Eigenschaften die Rede im Passiv. Wer in Zukunft Gewinner sein soll, der soll flexibel sein – gegenüber welchen Zwängen eigentlich?“ [33, S. 197].

• „Wir können und wir müssen fragen: Wer sind – bisher – die Gewinner, wer sind – bisher – die Verlierer der Globalisierung?“ [33, S. 347].

• „Mittelstand und Handwerk sind Gewinner der Reform, so wie sie Gesetz geworden ist“ [26].

• „Wir haben also die Aufgabe dafür zu sorgen, dass es in der Welt der Globalisierung keine „Verlierer“ und keine „Sieger“ gibt, sondern alle Völker dieser Erde eine faire Chance zu einer nachhaltigen Entwicklung bekommen“ [38].

Ситуацию «победы» / «поражения» эксплицируют также соответствующие глаголы „gewinnen“ / „verlieren“ и глагол „verspielen“ («проиграть (что-либо)»): „Nach dem, was geschrieben wurde – ich habe es mir angeschaut –, mache ich mir Sorgen, dass in den nächsten Tagen und Wochen nicht mehr über das Gesetz, sondern nur noch über die Frage, wer bei der Abstimmung im Bundesrat gewinnt oder nicht, geredet wird. Das würde dem Gesetz nicht gerecht werden. (…) Ich fände es aber falsch, wenn die Wirksamkeit dieses Gesetzes, das ich in des Wortes wahrster Bedeutung für notwendig halte, davon abhinge, wer bei der Abstimmung im Bundesrat als Person gewinnt“ [34].

Итогом игры обычно является выигрыш какой-либо стороны, как и, соответственно, политическое решение представляется выгодным для одной из сторон, либо для всех участников, например: „Für die Europäischen Union, da bin ich sicher, wäre ein Beitritt Maltas ein Gewinn“ [32, S. 256].

Глагол „verspielen“ в переносном значении имеет негативную коннотацию, актуализируя внимание на лёгкую, бездарную потерю тех достижений, которые были достигнуты ранее: „Durch Haushaltsdisziplin und weitreichende Konsolidierungsmaßnahmen hat es die Bundesregierung geschafft, dass die Neuverschuldung des Bundes im letzten Jahr rund sechs Milliarden Euro niedriger lag, als in der Endphase der Regierung Kohl. Diesen Erfolg dürfen wir nicht leichtfertig verspielen“ [26].

В любом виде деятельности, по аналогии со спортом, выделяют «старт», «основную дистанцию» и «финиш». «Старт» – собственно, и начало состязания, и возможность оценить предстартовую расстановку сил и свои собственные силы, причём в контекстах представлены как немецкое слово „der Start“ («старт»), так и английское „Start-Up“ («стартующие (люди, проекты, фирмы и т. п.)»):

• „Sichtbarer Ausdruck dieses Vertrauens ist das deutsche Engagement bei der politischen und wirtschaftlichen Entwicklung Mexikos, zum Beispiel beim Deutschen Haus in Santa Fé, das kleinen und mittleren Unternehmen beim Start in Mexiko helfen wird“ [38].

• „Die ostdeutschen Sparkassen bieten den Unternehmen kompetente Beratung, und sie fördern Unternehmergeist – nicht zuletzt als Partner des bundesweiten Existenzgründerwettbewerbs StartUp, dessen Schirmherr der Bundespräsident ist“ [33, S. 432].

• „Da wird vom „multiplen Selbst“ geredet, einer Art Patchwork-Biographie, die angesichts der immer kürzeren Verfallszeiten des vorhandenen Wissens ein ständig „geupdatetes“ Wissen braucht. Dann werden Hochschulaufenthalte nur noch „Boxenstopps“ für immer neue Blitzkarrieren und „Start-ups““ [33, S. 197].

Чтобы достичь в своём деле положительного результата, нужно выходить на старт при благоприятных условиях, поэтому увеличивают шансы на успех хорошая «стартовая позиция», а также расчёт «собственных сил»:

• „Dass das Lernen heute das ganze Leben begleitet, betrifft alle, die Menschen in Ost wie in West – und nicht nur die Menschen in Deutschland. Die neuen Länder haben dabei keine schlechte Startposition: Beim Angebot für die Kinder- und Ganztagsbetreuung an Schulen, bei der Versorgungsquote mit Krippen- und Hortplätzen ist die Situation in Ostdeutschland besser als in den alten Ländern“ [19, S. 13].

• „Die Startchancen müssen auch für Studentinnen und Studenten sozial gerecht sein: Der Zugang zu einer qualifizierten Ausbildung darf nicht vom Geldbeutel der Eltern abhängen“ [19, S. 17].

Первоначальные действия по решению какой-либо проблемы именуются соответственно как «стартовая программа» („das Programm“): „Im “Startprogramm“ steht die nebulöse Idee von internationalen Übereinkünften in allen möglichen Bereichen“ [40, S. 4].

В сфере экономической деятельности ситуация «старта» актуализируется такими понятиями, как «стартовый (т. е. начальный) капитал» („das Startkapital“ (= „ursprüngliches Kapital“)) и «стартовая помощь» („die Starthilfe“), то есть свой собственный капитал, необходимый для начала торгово-экономической деятельности, и поддержка извне (финансовая, политическая, законодательная) в самом начале какого-либо нового проекта:

• „Die Ostdeutschen wollten den Neubeginn im Zeichen von Demokratie und sozialer Marktwirtschaft, sie erkämpften sich beides in der friedlichen Revolution, und sie waren dankbar für die unverzichtbare Starthilfe aus dem Westen“ [30, S. 396].

• „Dennoch plädiere ich dafür, dass die Institutionen Konzepte erarbeiten, die gerade den jungen Unternehmern, die ihre pfiffige Idee als Startkapital haben, sachgerechte Unterstützung bieten“ [29, S. 159].

«Стартовый выстрел» („den Startschussgeben“) выражает момент начала той или иной деятельности:

• „Am 30. März 1997 fiel unter Anwesenheit der Außenminister aller zehn Kandidaten aus Mittel- und Osteuropa sowie Zyperns der Startschuß für den eigentlichen Beitrittsprozeß“ [22, S. 16].

• „Ich stelle mir vor, daß wir in Köln den Startschuß geben für eine neue Regierungskonferenz, die um das 2001 zusammentreten könnte“ [23, S. 15].

• „Auch deswegen siedeln sich ja immer wieder neue Unternehmen an: Erst Anfang Mai fiel der Startschuss für eine weitere Großinvestition dieser zweiten Investitionswelle seit 1990“ [33, S. 429].

Удачный старт создаёт наибольшие предпосылки для достижения больших результатов: „Ich freue mich darüber, dass auch deutsche Experten daran mitgearbeitet haben. Nur dem Realitätssinn und der Kompromissbereitschaft derer, die unterdrückt waren, ist es zu danken, dass diese Verfassung verabschiedet werden konnte. Das hat dem Land den Start in eine gute Zukunft möglich gemacht“ [33, S. 68].

Однако в сфере политики и экономики чаще всего описывается ситуация неблагоприятных стартовых условий, трудного старта, а также возникновения препятствий сразу после старта, ср.:

• „Die Bedingungen, unter denen wir an den Start gehen, sind alles andere als günstig. Entgegen dem, was gelegentlich von der Opposition im Haus verbreitet wird, hat uns die alte Bundesregierung keineswegs ein bestelltes Haus hinterlassen“ [36, S. 6].

• „Manchmal bekomme ich zu diesen Briefen auch eine Unternehmenschronik. Wenn man darin blättert, kann man viel lesen über die Startschwierigkeiten, die es gegeben hat, über die Hürden, die die Unternehmer früher überwinden mussten“ [33, S. 459].

• „Heute stehen Existenzgründer vor anderen Schwierigkeiten: Wo finden sie geeignete Räume, wer finanziert den Start, welche öffentlichen Stellen passen, welche sind nützlich, wie überwindet man die Hürden auf dem Weg zu den nötigen Genehmigungen, ohne zu straucheln, wie und wo findet man Kunden und Abnehmer“ [29, S. 90].

Неудовлетворительное (с точки зрения оратора) начало какой-либо деятельности представляется как «фальстарт» („der Fehlstart“):

• „Andere Kommentatoren sprachen von einem „Fehlstart“ der neuen Regierung“ [36, S. 5].

• „Wo stünden wir denn heute, wenn wir Ihren Vorstellungen gefolgt wären? Selbst als die Diskussion um den blauen Brief schon eingesetzt hatte, hat es Herr Stoiber bei seinem klassischen Fehlstart fertig gebracht, zu erklären, es gebe doch zwischen 2,7 und drei Prozent noch eine Marge, die ein zusätzliches Programm zulasse“ [21].

Неудачно складывающийся ход состязаний можно исправить финишным спуртом. В следующем случае реализуется развёрнутый метафорический образ, эксплицированный преимущественно терминами автоспортивной сферы, где каждый фрагмент объективирует конкретную социальную ситуацию: «затор/пробка» означает приостановление какой-либо деятельности, «извилистая дорога/дистанция» – это осуществляемый процесс и преодоление различных трудностей, которые требуют большой затраты сил, а «финишный рывок (спурт)» – принятие решений в ускоренном режиме: „Wir haben eine historische Chance, ein Problem, das sich über Jahrzehnte aufgestauthat, einer vernünftigen Lösung zuzuführen. Wir dürfen diese historische Chance nicht versäumen; denn sie wird so schnell nicht wieder kommen. Hinter uns liegt eine kurvenreiche Strecke. Wir sind jetzt in der Zielgeraden. Ich bitte Sie einfach um Verständnis dafür, dass dieser Endspurt unter den Bedingungen, unter denen dieses Gesetzgebungswerk zustande gekommen ist, nicht vermeidbar war“ [34].

Помимо этого, этапы соревнования могут быть манифестированы номинацией „die Runde“ («круг, этап, раунд, тур и пр.»), которая в составе соответствующих узуальных устойчивых выражений актуализирует сценарий преодоления неких препятствий, трудностей, ср.:

• „über die Runden kommen“ – „mit seinen (finanziellen) Mitteln auskommen; Schwierigkeiten meistern, überwinden“ [41]: „Er muss im Monat mindestens 5000 Mark einnehmen, wenn er halbwegs über die Runden kommen will“. „Immer mehr Berliner Familien kommen mit ihrem Geld nicht mehr aus ... Die Familien verdienen zu wenig, um über die Runden zu kommen, aber zu viel, um staatliche Förderung in Anspruch nehmen zu können“ [39]. „Das Insolvenzgeld umfasst das letzte Nettogehalt mit allen Zuschlägen. Gezahlt wird es aber erst ab dem Tag nach Eröffnung oder Ablehnung des Insolvenzverfahrens. In der Zwischenzeit muss der Arbeitnehmer selbst über die Runden kommen“ [16].

• „etwas über die Runden bringen“ – „etwas trotz Schwierigkeiten zustande, zu einem guten Ende bringen“ [41];

• „j-n über die Runden bringen“ – „j-m helfen, etwas durchzustehen“ [41].

К этапам соревнований можно отнести и ситуацию совершения хода: „jemand ist am Zuge“ – „jemand muss handeln, etwas unternehmen“ [41]: „Bei den Wirtschaftsbossen ist kein Umdenken erkennbar. Deshalb ist nun Bundeskanzler Schröder am Zuge. Kann er den Herren nicht klar machen, was ihre Blockade für das Ansehen Deutschlands und die Interessen seiner Wirtschaft bedeutet, bleibt wohl nur eine Gesetzesänderung – zum Beispiel die, den Beitrag der Wirtschaft zwangsweise einzutreiben“ [28].

Образное переосмысление получило описание «затягивания времени»: „auf Zeit spielen“ – „das Spieltempo absichtlich verzögern, um das Ergebnis zu halten“ [41]: „Die Regierung will nun Schulden über 38 Milliarden Dollar mit inländischen Banken und Pensionsfonds neu verhandeln, um die Zinslast zu senken. Von Inländern erwartet sie mehr Entgegenkommen, und das Ausland würde nicht verprellt. Das Problem wäre vertagt. Die Regierung spielt auf Zeit. Sie hofft, dass die Wirtschaft trotz Steuererhöhung und Ausgabenkürzung bald anspringt...“ [16].

Спортивные аксессуары в современном немецком политическом языке представлены номинациями: „das Inventar“ («инвентарь») и „der Spielball“ («игровой мяч»).

Слово „das Inventar“ имеет значение, помимо прочего, „das Vermögen“, то есть определённые наличествующие материальные средства («имущество»). Так, например, по мнению Й. Рау, немецкие журналисты – «собственность Германии», соответственно, немецкие печатные издания должны работать, в первую очередь, на благо своей страны и немецкого общества, а потом уже ради своей собственной выгоды: „Sie alle – Journalistinnen und Journalisten – gehören eben – und Sie werden mir den saloppen Ausdruck nachsehen – zum „Inventar der Republik““ [29, S. 232].

Лексема „der Spielball“ в переносном значении характеризует ситуацию беспомощности кого-либо/чего-либо в определённых случаях и жизненных коллизиях: „Person oder Sache, die j-m oder einer Sache machtlos ausgeliefert ist“ [42] (ср. в рус. яз.: «игрушка в руках судьбы» и т. п.). Таким образом, описывается беспомощность политиков и государства в целом в некоторых негативных условиях, в которые они попадают по своей собственной вине, ср.:

• „Die Geschäftsgrundlage für den parlamentarischen Umgang miteinander darf nicht zum Spielball aktueller Parteiinteressen werden. Es liegt auf der Hand, daß dieses Ansinnen der CDU/CSU-Fraktion abgelehnt gehört“ [17, S. 4].

• „Das vereinte Europa richtet sich nicht gegen freien Handel. Es geht für Europa um nicht mehr, aber auch um nicht weniger als darum, ob wir ein starker und gleichberechtigter Partner unter den „global players“ bleiben oder ob wir zum Spielball weltweiter Uniformierung werden“ [33, S. 296].

В заключении следует отметить, что спортивная метафорика обладает лексической мультивалентностью, в окказиональных контекстах расширяя свой концептуально-сематический потенциал. Фрейм «Спортсмены и состязания» оперирует преимущественно именно креативными образами, хотя узуальные выражения также находят перманентную дискурсивную экспликацию, постоянно репродуктируясь в речевых процессах социально-политической коммуникации современной ФРГ, что способствует, в том числе, их постепенной трансформации и переходу в разряд традиционных немецкоязычных лингвокультурных символов.

Список литературы и источников примеров

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор / РАН, Ин-т русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
2. Будаев Э. В., Чудинов, А. П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 352 с.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2008. 248 с.
4. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта; Наука, 2008. 248 с.
5. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Дзюба Е. В. Современная политическая лингвистика: учеб. пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2011. 252 с.
6. Катаева С. Г. Немецкий политический язык. Основные направления и тенденции развития (194–2005): монография. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007. 204 с.
7. Керимов Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: учеб. пособие / Кемер. гос ун-т. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 168 с.
8. Керимов Р. Д. Метафорический антропоморфизм в немецкой социально-политической коммуникации: монография / Кемер. гос. ун-т. Кемерово: Офсет, 2012. 456 с.
9. Керимов Р. Д. Лингвокогнитивные аспекты изучения немецкой политической метафоры // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36): Сер. Филология. Востоковедение. С. 155–164.
10. Керимов Р. Д. Метафоры метасферы человека в немецкой социально-политической коммуникации: монография / Кемер. гос. ун-т. Кемерово: Офсет, 2013. 353 с.
11. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003. 250 с.
12. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: общие проблемы, метафора: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во УрГИ, 2003. 194 с.
13. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука. 2012. 254 с.
14. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии: монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2013. 176 с.
15. Blüm N. Solidarität beinhaltet Rechte und Pflichten // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7.
16. BZ (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2001.
17. Claus R. Wer anderen eine Grube gräbt // Das Parlament. 1998. Nr. 45. 30. Oktober. S. 4.
18. Clement W. Perspektiven für Deutschland: Unsere Strategie für eine Nachhaltige Entwicklung. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. 84 S.
19. Clement W. Perspektiven im Osten: Investitionen, Innovationen, Infrastruktur. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. 52 S.
20. Diller K. Defizit jenseits der Verfassungsgrenze // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 10.
21. Eichel H. Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung: „Vor einem neuen Aufschwung – Verlässliche Wirtschafts- und Finanzpolitik fortsetzen“ in der Debatte der 218. Sitzung im Deutschen Bundestag (Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–11–1.
22. Fischer J. Die EU im Aufbruch: Der Vertrag von Amsterdam // IN-Press: Sonderthema. 1998. ST 2. 18 S.

23. Fischer J. Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU: Rede vor dem Europäischen Parlament (am 12. Januar 1999 in Straßburg) // IN-Press: Sonderthema. 1999. ST 18. S. 10–20.

24. Lafontaine O. Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 4–6.

25. Metzger O. Dieser Haushalt ist verfassungswidrig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 7–8.

26. Müller W. Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–17–1.

27. Neues Deutschland (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2000.

28. Neues Deutschland (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2001.

29. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1. 336 S.

30. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. – Bd. 2.1. 400 S.

31. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. Bd. 2.2. 512 S.

32. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. Bd. 3.1. 480 S.

33. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. Bd. 3.2. 672 S.

34. Schily O. Rede zum Entwurf eines Zuwanderungsgesetzes in der Debatte der 222. Sitzung des Deutschen Bundestages (Berlin, den 1. März 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–14–2.

35. Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7–8.

36. Schröder G. Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1999. 88 S.

37. Schröder G. Gerechtigkeit im Zeitalter der Globalisierung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 29. Oktober 2002). Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. 48 S.

38. Schröder G. Rede bei der Teilnahme am Wirtschaftsforum der Außenhandelskammer Mexiko (Mexiko City, den 11. Februar 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–09–1.

39. Tagesspiegel (Zeitung). Berlin (Deutschland). 1996.

40. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 3–4.

Список словарей и их сокращений

41. CUGDR – Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / Chefred. A. Sendlinger. München: Compact Verlag, 2007.

42. DGWDS – Duden, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.

References

1. Baranov A. N., Karaulov Yu. N. Slovar’ russkikh politicheskikh metafor / RAN, In-t russkogo yazyka. M.: Pomovskii i partnery, 1994. 351 s.

2. Budaev E. V., Chudinov, A. P. Zarubezhnaya politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. M.: Flinta: Nauka, 2008. 352 s.

3. Budaev E. V., Chudinov A. P. Zarubezhnaya politicheskaya metaforologiya: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2008. 248 s.

4. Budaev E. V., Chudinov A. P. Metafora v politicheskoi kommunikatsii: monografiya. M.: Flinta; Nauka, 2008. 248 s.

5. Budaev E. V., Voroshilova M. B., Dzyuba E. V. Sovremennaya politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie / otv. red. A. P. Chudinov. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2011. 252 s.

6. Kataeva S. G. Nemetskii politicheskii yazyk. Osnovnye napravleniya i tendentsii razvitiya (194–2005): monografiya. Lipetsk: Izd-vo LGPU, 2007. 204 s.

7. Kerimov R. D. Artefaktnaya metaforika v politicheskom diskurse FRG: ucheb. posobie / Kemer. gos un-t. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. 168 s.

8. Kerimov R. D. Metaforicheskii antropomorfizm v nemetskoi sotsial’no-politicheskoi kommunikatsii: monografiya / Kemer. gos. un-t. Kemerovo: Ofset, 2012. 456 s.

9. Kerimov R. D. Lingvokognitivnye aspekty izucheniya nemetskoi politicheskoi metafory // Gumanitarnyi vektor. 2013. № 4 (36): Ser. Filologiya. Vostokovedenie. S. 155–164.

10. Kerimov R. D. Metafory metasfery cheloveka v nemetskoi sotsial’no-politicheskoi kommunikatsii: monografiya / Kemer. gos. un-t. Kemerovo: Ofset, 2013. 353 s.

11. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2003. 250 s.

12. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: obshchie problemy, metafora: ucheb. posobie. Ekaterinburg: Izd-vo UrGI, 2003. 194 s.

13. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 4-e izd. M.: Flinta: Nauka. 2012. 254 s.

14. Chudinov A. P. Ocherki po sovremennoi politicheskoi metaforologii: monografiya. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2013. 176 s.

15. Blüm N. Solidarität beinhaltet Rechte und Pflichten // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7.

16. BZ (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2001.

17. Claus R. Wer anderen eine Grube gräbt // Das Parlament. 1998. Nr. 45. 30. Oktober. S. 4.

18. Clement W. Perspektiven für Deutschland: Unsere Strategie für eine Nachhaltige Entwicklung. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. 84 S.

19. Clement W. Perspektiven im Osten: Investitionen, Innovationen, Infrastruktur. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. 52 S.

20. Diller K. Defizit jenseits der Verfassungsgrenze // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 10.

21. Eichel H. Rede zum Jahreswirtschaftsbericht 2002 der Bundesregierung: „Vor einem neuen Aufschwung – Verlässliche Wirtschafts- und Finanzpolitik fortsetzen“ in der Debatte der 218. Sitzung im Deutschen Bundestag (Berlin, den 21. Februar 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–11–1.

22. Fischer J. Die EU im Aufbruch: Der Vertrag von Amsterdam // IN-Press: Sonderthema. 1998. ST 2. 18 S.

23. Fischer J. Zentrale Aufgaben des deutschen Ratsvorsitzes in der EU: Rede vor dem Europäischen Parlament (am 12. Januar 1999 in Straßburg) // IN-Press: Sonderthema. 1999. ST 18. P. 10–20.

24. Lafontaine O. Eine Serie von gebrochenen Versprechen // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 4–6.

25. Metzger O. Dieser Haushalt ist verfassungswidrig // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 7–8.

26. Müller W. Rede auf dem Deutschen Werbekongress (München, den 7. März 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–17–1.

27. Neues Deutschland (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2000.

28. Neues Deutschland (Zeitung). Berlin (Deutschland). 2001.

29. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2000. Bd. 1.1. 336 S.

30. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. – Bd. 2.1. 400 S.

31. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2001. Bd. 2.2. 512 S.

32. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. Bd. 3.1. 480 S.

33. Rau J. Reden und Interviews. Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. Bd. 3.2. 672 S.

34. Schily O. Rede zum Entwurf eines Zuwanderungsgesetzes in der Debatte der 222. Sitzung des Deutschen Bundestages (Berlin, den 1. März 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–14–2.

35. Schreiner O. Es kommt nur noch heiße Luft // Das Parlament. 1998. Nr. 31. 24. Juli. S. 7–8.

36. Schröder G. Weil wir Deutschlands Kraft vertrauen: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Bonn, den 10. November 1998). Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1999. 88 S.

37. Schröder G. Gerechtigkeit im Zeitalter der Globalisierung: Die Regierungserklärung von Bundeskanzler Gerhard Schröder vor dem Deutschen Bundestag (Berlin, den 29. Oktober 2002). Berlin: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 2002. 48 S.

38. Schröder G. Rede bei der Teilnahme am Wirtschaftsforum der Außenhandelskammer Mexiko (Mexiko City, den 11. Februar 2002) // Bulletin 1996–2002 / CD-ROM-Version PC/MAC / Hrsg. vom Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Berlin, 2003. Nr. 2002–09–1.

39. Tagesspiegel (Zeitung). Berlin (Deutschland). 1996.

40. Waigel Th. Deutschland steht mitten im Aufschwung! // Das Parlament. 1998. Nr. 38. 11. September. S. 3–4.

Spisok slovarei i ikh sokrashchenii

41. CUGDR – Compact Universal Großwörterbuch deutsche Rechtschreibung / Chefred. A. Sendlinger. München: Compact Verlag, 2007.

42. DGWDS – Duden, Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: In 10 Bd. / Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.

Статья поступила в редакцию 07.05.2014

УДК 821
ББК Ш33

Маргарита Тодорова Терзиева,
доктор педагогических наук, профессор,
Университет им. Асена Златарова
(8000, Болгария, г. Бургас, бул. «Проф. Яким Якимов», 1)
e-mail: mater@abv.bg

Экологические послания канадской литературы для юношества и их переводная рецепция в Болгарии

Проекция лучших завоеваний западноевропейской литературы для юношества в экологическом направлении осуществлена в бывших метрополиях, где утверждаются европейские языки и налицо не только конкретное экономическое и политическое, но и культурное влияние, составной частью которого является экологический пласт.

Примером этого является канадская литература для юношества, которая считается ведущей в двух тематических направлениях – анималистическо-экологическом и в фантастике. Первое – это ее «визитная карточка», которой она легитимируется в мире более века. Из ее классического периода, безусловно, самым ярким именем является Эрнест Сетон-Томпсон (1860–1946), а во второй половине XX века среди самых известных имен находим имя Фарли Моуота (1921–2014). Мы проследили ее переводную рецепцию в Болгарии в XX веке.

Книги Эрнеста Сетон-Томпсона переводятся на болгарский язык с 1906 г., но экологическая тема представлена односторонне – не хватает научно-популярных произведений, адресованных скаутам. В 20–30-е гг. прошлого столетия отрывки из них представлены в детско-юношеской периодической печати. Фарли Моуот – наиболее часто переводимый писатель в 80–90-е гг., причем, большую популярность имела его книга «Не плачь, волк». В произведениях обоих авторов тенденциозность и дидактизм игнорируются за счет альтруистических посланий.

Ключевые слова: канадская литература для юношества, переводная рецепция.

Margarita Todorova Terziyeva,
Doctor of Pedagogy, Professor,
University of Asen Zlatarov
(1 blv.of Prof. Yakim Yakimov, Burgas, Bulgaria, 8000)
e-mail: mater@abv.bg

Ecological Messages in the Canadian Literature for Young People and their Translation Reception in Bulgaria

The projection of the best achievements of western literature for young adults in ecological aspect is occurred in the former dominions where the European languages became official and there was not only a certain economic and political but also a cultural influence, a major part of which was the ecological element.

An example of this is the Canadian literature for young adults, which has had a leading role in two thematic aspects: the animalistic ecological and science fiction. The first is its “ID card” that it has been recognized for in the world for over a century. In its classical period the most prominent name was undoubtedly Ernest Thompson Seton (1860–1946) and in the second half of the 20th century one of the most famous writers was Farley Mowat (1921–2014). We studied the reception of their translated works in Bulgaria in the 20th century.

Ernest Thompson Seton’s books have been translated into Bulgarian since 1906 but the ecological topic has been presented one-sidedly: they do not include the popular scouting fiction. In the 1920s and 1930s only part of it was published in children’s and young adults’ periodicals. Farley Mowat was mostly translated in the 1980s and 1990s, his book *Never Cry Wolf* gaining the greatest public acclaim. In both writers’ works tendentiousness and didacticism was ignored to give room to altruistic messages.

Keywords: Canadian literature for young people, translation reception.

Экологическая тематика присутствует в литературе для юношества еще в период зарождения индустриального общества в Западной Европе, но вначале она не несет в себе элементов критики и стремления к утопии. Забота о природе, которую человек несознательно, но с ужасающей систематичностью и последовательностью уничтожает, улавливается еще в первом современном романе, названном специалистами путевы-

© М. Т. Терзиева, 2014

ми заметками-сказками – «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции», носителя Нобелевской премии в области литературы Сельмы Лагерльоф (1906–1907). Делая акцент на социальную сторону жизни и угрозу мирового военного конфликта в этот период, авторы литературы для юношества отправляют гуманистические послания, в которых почти нет места для связки *человек-природа*, потому что основным конфликтом *является человек-человек / человек-общество*.

Во второй половине XX в. бурное развитие экологии как науки и последствия от появившегося в высокоразвитом индустриальном обществе экологического кризиса подталкивают авторов к этой проблематике, но преимущественно в качестве радетелей за охрану природы от последствий разрушительной деятельности человека. И если все-таки речь идет о приоритетном присутствии экологической темы, то обычно это выражено отчетливо дидактично или завуалировано в виде сказки. Отсутствие практицизма и реалистической прозы по проблеме становится «патентом» сравнительно молодой национальной литературы в странах на других континентах. В этом смысле проекция лучших завоеваний западноевропейской литературы для юношества в экологическом направлении была осуществлена в бывших метрополиях, где утверждаются европейские языки и налицо не только конкретное экономическое и политическое, но и культурное влияние, составной частью которого является экологический пласт.

Примером этого является канадская литература для юношества, которая не поражает исключительными завоеваниями, но является ведущей в двух тематических направлениях – анималистическо-экологическом и в фантастике. Первое – это ее «визитная карточка», котой она легитимируется в мире более века. Из ее классического периода, безусловно, самым ярким именем является Эрнест Сетон-Томпсон (1860–1946), а в наши дни среди самых известных имен находим имя Фарли Моуота (1921–2014).

Эрнест Сетон-Томпсон (известен и как Томпсон-Сетон) – англичанин по рождению, но истинный космополит, еще в молодые годы был признан художником дикой природы. Будущий писатель проводит сотни часов в американском музее естественной истории. Он готовит «Художественную анатомию животных», для этой цели едет в Париж, чтобы усовершенствовать свой стиль. В 1891 г. его картина «Спящий волк» выставлена в Парижском салоне. Озабоченный воспитанием самых маленьких, разносторонне одаренный творец организует мюзикл «Дикие животные играют для детей» (1900).

Самым существенным его культурологическим вкладом, однако, несомненно, является вклад в сферу художественной и научно-популярной литературы, где он умело контаминирует путевые заметки, ботаническое описание, пластический рисунок, чтобы раскрыть красоту девственных лесов и их обитателей. С точки зрения экологического воспитания, неоценимой остается его идея подготовить молодое поколение самостоятельно ориентироваться в незнакомой горной местности, «читать» азбуку природы, чтобы выжить, не нарушая равновесия в окружающей их среде. Тысячи юношей и девушек благодаря ему узнают, что враждебный и дикий мир растений и животных может превратиться в их естественного союзника, в место их обитания и средство пропитания.

Исследователи утверждают, что Эрнест Сетон-Томпсон является автором приблизительно десяти тысяч научно-популярных статей и очерков, в которых отстаивает свои взгляды защитника природы. В 1910 г. он избран председателем фонда американских бойскаутов и пишет первое руководство для них. В своем имении в Санта Фе популярный писатель лично обучает девушек и юношей умению выживать в лесу. Для них он пишет «Руководство: как вести себя в лесу; разведка и умение выживать» (1910), «Рольф в лесах» (1911), «Умение индейцев жить в лесу» (1912), «Руководство индейцев: как справиться в лесу» (1915), «Руководство: выживание в лесу для юношей» (1916), «Руководство: выживание в лесу для девушек» (1917), «Индейская хижина самых маленьких девочек-скаутов» (1921), «Как маркировать тропинки в лесу» (1928) и др. Факт, что в США и Канаде они переиздаются уже много лет и являются настольной книгой многочисленных скаутских организаций, еще раз показывает их актуальность и значимость.

В Болгарии его книга, впервые изданная в 1906 г., «Жизнь серого медведя» (перев. С. Андрейчина). В болгарской библиографии находим более 20 заглавий произведений канадского автора, некоторые из них много раз переиздавались. Среди переводчиков видим С. Велчева, Е. Андрейчина, М. Катранову, М. Никова, К. Калчева, Б. Дамянова, С. Фло-

рина, С. Стефанову. Однако среди его переводов нет книг о скаутах, что делает рецепцию его творчества в Болгарии в известной степени односторонней.

Свой вклад для полноценного восприятия Эрнеста Сетон-Томпсона внесла и критика, которая его не игнорирует, хотя, в общем, приравнивает к приключенческим авторам. Еще в 1906 г. в своей статье «Какая есть и какой должна быть наша детская литература» педагог Коста Домусчиев, утвердившийся переводчик и автор книг для детей, пишет: «Возьмите рассказ о дикой лошади. Как все лошади позволили повелителю-человеку поймать себя, приручить и использовать их труд, только старый конь не думал об этом. Наконец, поднявшись на высокое место, бросился вниз – предпочел умереть, быть примером прирученным лошадям, чем пожертвовать своей свободой!». Эта оценка, хотя и не имеет нужной критической глубины и остроты, подсказывает, как учительство охотно воспринимает предложенную воспитательную модель из анималистической прозы Э. Сетон-Томпсона для дидактических целей.

В Болгарии произведения Эрнеста Сетон-Томпсона находят радушный прием, и их идеи становятся достоянием детско-юношеской аудитории благодаря многочисленным переводам и публикациям в детско-юношеской периодической печати, в основном в 20–30-е гг. прошлого века – «Свежий букет» (1905–1907), «Венок» (1911–1943), «Детский мир» (1921–1943), «Дикая герань» (1921–1923), «Юношеское чтиво» (1924–1932). К сожалению, и критики, и авторы литературы для детей и юношества у нас оценивают только его научно-популярные произведения и подражают ему в этом направлении, а сегодня, с дистанции времени, мы оцениваем в основном как культурно-исторический факт, а не как литературный феномен.

Во второй половине XX в. экологическая тематика в канадской литературе для детей и юношества отстаивает свои художественные традиции, но также стремится к введению актуальных проблем, продиктованных общественно-историческим развитием страны. Это «наступление» цивилизации на все еще неизученные районы Арктики, защита редких растительных и животных видов, последствия человеческой небрежности, ведущие к экологическим катастрофам и т. п.

Автобиографический роман Фарли Моуота «Не плачь, волк» (1963, перев. 1981 С. Кынева и Пл. Вылкова) раскрывает любовь к миру животных, которую будущий автор несет с детских лет. «Волчий проект» является его первой научной задачей как молодого биолога. Установившись в Арктике, Моуот наблюдает за волчьими логовами, охотничьими тропами, мечеными территориями прайда, «складами» для припасов. Он начинает имитировать поведение волков, пробовать их еду; делает открытие, что выражение «пока смерть нас не разлучит» является иллюстрацией отношений между моногамными волчьими парами. История его двухлетнего пребывания среди диких зверей в Арктике вначале планировалась как фон для разоблачения «Его Величества бюрократа», но постепенно волк «оккупирует» сюжет и книга превращается в призыв к его сохранению.

Книга Моуота показательна и в другом отношении – она раскрывает как общение с «диким», неприрученным влияет на современного человека, чьи чувства пресыщены информационным потопом, который нас заливает, а его физическое состояние является неудовлетворительным: индивид не борется за свое выживание и постепенно притупил свои инстинкты к самосохранению, что может иметь гибельные последствия для него. По мнению автора, эта неспособность человека адаптироваться к природной среде и его неистовое желание изменить ее (иногда даже ценой уничтожения), в сущности, являются своего рода саморазрушением человеческой личности.

Творчество Фарли Моуота для детей и юношества отмечено престижными национальными и международными отличиями. Среди них есть и награды за его детское творчество. Он является носителем Награды ассоциации детских библиотекарей за 1957 г., а в 1965 г. он включен в почётный список IBBY награды «Ганс Кристиан Андерсен».

«Не плачь, волк» и остальные книги Фарли Моуота: «Неисправимая собака» (перев. 1990 г. Ю.Черневой), «Лодка, которая не хотела плыть» (перев. 1980 г. В. Ганева и Цв. Ганевой), «Убейте кита» (перев. 1989 г. В. Ганева) – переведены на десятки языков и утверждают его репутацию писателя-путешественника. Они, однако, являются ценным вкладом в природозащитное движение, которое превратилось в актуальную проблему и на территории Арктики.

Анализируя достижения обоих канадских авторов, мы можем сделать следующие обобщения:

• детско-юношеская литература – в том числе и канадская – создается писателями, сочетающими энциклопедизм ученого, талант рассказчика и образовательный потенциал педагога. Они игнорируют тенденциозность и дидактизм за счет альтруистического послания.

• экологическая тема в произведениях для юношества, которая продолжает быть актуальной и в начале XXI в., должна найти в любой национальной литературе творцов ранга Э. Сетон-Томпсона и Фарли Моуота, которые вдохнули бы жизнь значимым экологическим посланиям, а их произведения будут воспитывать в пиетете перед природой.

Список литературы

1. Домусчиев К. П. Какая есть и какой должна быть наша детская литература. В: Учительская мысль, 1906. кн.3. 21 с.

2. Иванов Ст. Болгарская детско-юношеская периодика 1878–1944 гг. София: ДЛИДЮ, 1992. 572 с.

References

1. Domuschiev K. P. Kakaya est' i kakoi dolzhna byt' nasha detskaya literatura. V: Uchitel'skaya mysl', 1906. kn.3. 21 s.

2. Ivanov St. Bolgarskaya detsko-yunosheskaya periodika 1878–1944 gg. Sofiya: DLIDYu, 1992. 572 s.

Статья поступила в редакцию 11.08.2014

УДК 81’255.2
ББК Ш118

Анастасия Викторовна Уржа,
кандидат филологических наук,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1)
e-mail: English2@yandex.ru

Перцептивизация как элемент переводческой тактики

В фокусе сопоставительного исследования – тактические приемы двух русских переводчиков, интерпретирующих текст повести П. Л. Трэверс о Мэри Поппинс и, в частности, фрагменты, сопряженные с детским восприятием сюжетных событий. Подбор общеперцептивной и частноперцептивной лексики для перевода ярких, необычных и забавных эпизодов, «подключение» дополнительных перцептивных каналов (слухового, вкусового, тактильного) к визуальному, творческое воспроизведение сравнений, звукоподражаний и аллитераций – все решения М. Литвиновой и Б. Заходера свидетельствуют об учете фактора адресата: оба переводчика ориентируют текст на невзрослого читателя, по-разному эксплицируя авторскую стратегию формирования фантастического, порой алогичного, но смешного мира повести. В русских переводах творчески воплощен оригинальный прием перцептивизации – создания насыщенного изобразительного плана текста с помощью лексики с семантикой восприятия цвета, света, звука, вкуса, запаха. Частноперцептивные значения слов получают в переводах различную интерпретацию, актуализирующую эмотивные семы, поддерживаемую звукописью. В некоторых случаях восприятие реальности в переводе конкретизируется с опорой на тот или иной перцептивный канал. Наконец, визуализация образов повести при помощи нестандартных сравнений также оказывается сферой творческого поиска переводчиков.

Ключевые слова: перцепция, семантика, визуализация, интерпретация, перевод для детей, адресат.

Anastasia Victorovna Urzha,
Candidate of Philology,
Lomonosov Moscow State University
(GSP-1, Leninskye Gory, Moscow, 119991)
e-mail: English2@yandex.ru

Perceptivisation as an Element of the Interpreter’s Tactics

The article concerns interpretation of perceptive passages in translation for children. The tactic devices employed in two translations of the novel “Mary Poppins”, carried out by Boris Zakhoder and Marina Litvinova, are in the focus of the comparative research. Both translators offer creative ways of verbalizing child perception in the text, using words connected with visual perception and adding lexis denoting auditory, tactile and even gustatory perception. Emotive connotations and intensifiers are also employed here, so the images of the fantastic world created in the novel appear to be colorful and convincing. Translators interpret unusual comparisons connected to the visual images so that they could be both understandable and funny. Some of such comparisons are based on idioms appealing to the child’s knowledge of the language and culture. Onomatopoeia and alliterations also contribute to the verbalization of “live” pictures aimed to impress the addressee and reflect author’s strategy in Russian translation.

Keywords: perception, semantics, visualization, interpretation, translation for children, addressee.

Увеличение количества слов с перцептивной семантикой является одним из приемов, акцентирующих присутствие наблюдателя в тексте. Наглядная картинка становится более выразительной, привлекает внимание читателя (как невзрослого, так и взрослого), он во всех подробностях следит за действием вместе с персонажами. «Наблюдаемое событие, происходящее в материальном мире, может выражаться в языке тремя способами: общеперцептивным, частноперцептивным, интерпретационным» [5, с. 8]. Общеперцептивная лексика основана на зрительном восприятии как основном канале получения информации об окружающей нас действительности, она формирует наше видение события в целом (*Девушка шла по коридору; Петя пишет за столом*), тогда как частноперцептивная лексика актуализирует определенный канал восприятия в соответствии с коммуникативным

© А. В. Уржа, 2014

намерением автора (например, вкусовой, частнозрительный (световой, цветовой), а также тактильный или слуховой: *Девушка цокала каблуками по коридору; Петя скрипит карандашом за столом*). «При интерпретационной номинации к наблюдению добавляется эмоционально-оценочная реакция, осмысление события, включение его в причинно-следственные связи, что уводит нас от непосредственной наблюдаемости в область трактовок, догадок, выводов» [2, с. 425]: *Девушка спешила на свидание; Петя сочиняет стихи.* Если перцептивная лексика представляет сферу реализации репродуктивного (изобразительного) когнитивного регистра, то интерпретационная лексика ведет нас в область информативного регистра: от восприятия – к выводному знанию [1, с. 349]. В противоположность интерпретации – естественной попытке объяснить воспринимаемое (эксплицировав причину события, намерение субъекта) и оценить его (выразив свое отношение и эмоции, вызванные происходящим), в художественных текстах существует и обратное явление – перцептивизация – «усиление, акцентирование, обогащение изобразительного плана путем замены общеперцептивного выражения на частноперцептивное» [4, с. 171].

Именно перцептивизация используется рядом авторов как осознанный прием локализации точки зрения наблюдателя в хронотопе происходящего (см. примеры из М. Булгакова, описанные М. Ю. Сидоровой: «Мышлаевский… зашлепал шпорами из гостиной» или «Прибежала, шурша, Елена»). Учитывая фактор адресата в организации текста, отметим, что такой прием обеспечивает подключение к данной точке зрения и читателя: тот словно сам видит, слышит, ощущает происходящее в сюжетном времени.

Неудивительно, что прием перцептивизации оказывается задействован при переводе художественных произведений: нередко в интерпретированном тексте события приобретают больше перцептивных признаков, чем в оригинале. Русские переводы повести П. Л. Трэверс «Мэри Поппинс», адресованной невзрослым читателям, представляют в данном случае показательный материал. Сопоставив варианты Б. Заходера[1] и М. Литвиновой, мы выделили три следующие группы случаев, сопряженных с перцептивизацией.

1. Различная интерпретация оригинальной частноперцептивной лексики в вариантах перевода.

2. Добавление переводчиками частноперцептивной лексики и активизация восприятия через разные каналы.

3. Визуализация образа при помощи общеперцептивной лексики и наглядных сравнений.

I. Различия в интерпретации частноперцептивной лексики

Оригинал	***Б. Заходер***	***М. Литвинова***
The watching children heard a terrific bang, and as she landed the whole house shook	Весь дом *так и задрожал*, когда она приземлилась!	*Стук раздался такой*, что *затрясся весь дом*
She wore so many brooches and necklaces and earrings that she jingled and jangled just like a brass band	Она носила столько ожерелий и серёг, что вся *звенела и гремела, как полковой оркестр*	Она носила так много брошек, ожерелий и серег, что ее движения *сопровождались звяканьем и звоном*

В первом фрагменте, описывающем прибытие Мэри Поппинс в дом на Вишневой улице, мы видим, что для интерпретации частноперцептивной лексики (*a terrific bang, the whole house shook*) переводчики выбирают глаголы, обозначающие разную степень интенсивности тактильного ощущения (*дом задрожал – дом затрясся*), М. Литвинова использует глагол *затрясся*, и этот вариант производит на читателя более сильное эмоциональное впечатление (в оригинале его вызывает интенсификатор *terrific*). Сюда же подключается и обозначение слухового восприятия *стук раздался* (в соответствии с английским оборотом *heard a bang*), которого нет в переводе Б. Заходера. Местоимение *такой* вводит придаточное меры и степени, также добавляя эмоциональную окраску и интенсификацию в перевод М. Литвиновой. А вариант Б. Заходера *так и задрожал* призван воздействовать на читателя в другом плане: он усиливает наглядность события, эффект соприсутствия наблюдателя.

Во втором фрагменте, описывающем внешний вид миссис Ларк, оба переводчика демонстрируют иронию повествователя по отношению к героине, но по-разному ее ин-

[1] Учитывая, что переводы Б. Заходера являются достаточно свободными и иногда приближаются к пересказу [7, с. 4; 3, с. 45], отметим, что в выбранных нами контекстах его вариант полностью сопоставим с оригиналом и с переводом М. Литвиновой.

терпретируют (*она… звенела и гремела, как полковой оркестр – ее движения сопровождались звяканьем и звоном*). Использование Б. Заходером сравнительного оборота делает перевод более точным (*like a brass band – как полковой оркестр*). При этом Б. Заходер употребляет слова в переносном значении по отношению к субъекту действия (*она… звенела и гремела*), что делает перевод ярче, образнее и понятней для невзрослого читателя. Важно заметить наличие в тексте оригинала аллитерации (*she jingled and jangled just like a brass band*), которую отчасти воспроизвела М. Литвинова (*звяканьем и звоном*).

Оригинал	*Б. Заходер*	*М. Литвинова*
Then, with a long, loud sniff that seemed to indicate that she had made up her mind, she said: «I'll take the position»	Наконец она громко *засопела*, что, как видно, свидетельствовало о том, что она приняла решение, и сказала: – Я принимаю ваше предложение	Затем она громко, протяжно *фыркнула*, что, по-видимому, означало – жребий брошен. И громко сказала: – Я остаюсь

В данном фрагменте переводчики прибегают к разным вариантам интерпретации английского глагола *sniff*. Б. Заходер выбирает приставочный глагол *засопела,* обозначающий начало длительного гомогенного действия, а М. Литвинова – глагол *фыркнула* со значением мгновенного действия. Но основное различие здесь не в базовой семантике, а в коннотациях глаголов. В русских текстах люди сопят, когда они обижаются, глубоко задумываются или, например, важничают. Фыркая, человек выражает другие эмоции – неодобрение или насмешку. Учитывая контекст ситуации (Мэри Поппинс принимает решение остаться в доме Бэнксов), можно допустить как «важничание» героини, так и ее насмешливость (обе черты неоднократно проявляются далее). Однако от выбора переводчика зависит, какая черта будет здесь выделена.

Оригинал	*Б. Заходер*	*М. Литвинова*
…(he)… had suddenly risen from the floor and was swooping through the air, roaring with laughter	…(он)…тоже взлетел и понёсся по воздуху, *заливаясь смехом*	…(он)…тоже полетел, *сотрясаясь от громоподобного хохота*
He was ramping up and down in his cage, coughing, and blowing his nose, and spluttering with rage	(И действительно, это был Адмирал Бум). Он носился взад и вперёд по всей клетке, *кашляя, сморкаясь и брызжа* слюной от ярости	(Это действительно был их сосед Адмирал Бум). Он бегал и прыгал по клетке, *кашлял и сморкался*, бурля от ярости

Можно сказать, что представленные фрагменты – это своего рода кульминации, яркие события в жизни невзрослых персонажей романа, поражающие их воображение. В первом отрывке, описывающем необычное чаепитие в доме у дядюшки Мэри Поппинс, в оригинале мы видим сочетание *roaring with laughter*, для интерпретации которого переводчики выбирают разные каналы восприятия. Б. Заходер, используя русский фразеологизм *заливаясь смехом*, активизирует у читателя слуховое восприятие, тем самым заставляя "слышать" этот задорный смех. М. Литвинова выбирает выражение *сотрясаясь от громоподобного хохота*, сочетая обозначение слухового восприятия с визуальным и приближая интенсивность впечатления к той, что представлена в оригинале.

В переводе второго фрагмента Б. Заходер удачно использует фразеологический оборот «брызжа слюной от ярости», который может быть истолкован не только как обозначение эмоций персонажа, но и буквально – как его конкретное, наблюдаемое действие (не забудем, что адмирал Бум, помещенный в клетку, напоминает детям животное, дикого зверя). Таким образом создается наглядная, «звучащая» картинка.

Немалую роль в создании эффекта соприсутствия при описании наблюдаемых событий играют звукоподражания. Воспроизведенный звук локализуется в определенной точке сюжетного хронотопа, тогда как упоминание о звуке вносит в изложение событий элемент интерпретации.

Оригинал	*Б. Заходер*	*М. Литвинова*
"Hsssst!" The snakes, with a soft hissing sound, were rising up on end and bowing to something behind Jane and Michael	Все змеи, негромко *шипя*, приподнялись на хвостах, кланяясь кому-то, кто был позади Джейн и Майкла	*– Ш ш ш, с с с*, – *свистели и шипели* змеи, вставали на хвосты и кланялись кому-то, стоявшему позади детей

Ономатоп *Hssssst!* в оригинале, вероятно, образован от английского глагола *to hiss* – шипеть, при этом звукоподражание намеренно сопровождается словами с соответствующей аллитерацией: *snakes with a soft hissing sound*. Мы видим, что только М. Литвинова использует в переводе данный прием, используя согласные звуки *ш* и *с*, которые при произношении создают звук, подобный шипению, а также сопровождает звукоподражание аллитерацией (*свистели и шипели*). Эта тактика, выбранная автором, замеченная и сымитированная переводчиком, представляется крайне важной в произведении для детей, ведь оно предназначено в том числе и для чтения вслух.

II. Добавление частноперцептивной лексики, активизация разных каналов восприятия

Оригинал	*Б. Заходер*	*М. Литвинова*
A delicious taste ran round his mouth. He turned his tongue in it	Восхитительно! Он проглотил лекарство и *чмокнул* языком	Ух, какая *сладость*! Он *пошевелил во рту языком и проглотил*
He was heaving and trembling and bursting with laughter at the thought of Aunt Emily's umbrella	И, сам того не замечая, он уже *трясся от смеха*. Он *фыркал и задыхался*, вспоминая зонтик тётушки Эмили	Не успел он закрыть рта, как опять *заколыхался от смеха:* надо же – спасли зонтик!
The bus roared on, wildly lurching and bounding	Автобус несся вперёд, *ревя мотором и покачиваясь*	Автобус ехал и ехал, *бешено трясясь и подпрыгивая*

Переводчики по-разному конкретизируют описываемые события, вводя частноперцептивную лексику. В вариантах, предложенных Б. Заходером, активизируется слуховой канал: *чмокнул языком; фыркал; ревя мотором*, а в переводе М. Литвиновой – вкусовой и тактильный (*сладость*, *пошевелил во рту языком и проглотил, бешено трясясь и подпрыгивая*). Можно полагать, что использование в переводе Б. Заходера слова *чмокнул*, отсутствующего в оригинале, было вызвано стремлением максимально приблизить читателя к происходящему действию, заставить «услышать» реакцию Майкла и представить, каким же все-таки восхитительным оказалось «лекарство». Слово *сладость*, выбранное Литвиновой, тоже отсутствует в оригинале, но в плане предпочтения перцептивного канала соответствует обороту *a delicious taste*, конкретизируя его так, чтобы было понятно ребенку: сладко – это, конечно, вкусно.

Во фрагменте, описывающем поездку главных персонажей на автобусе, Б. Заходер и М. Литвинова используют глаголы разной степени интенсивности тактильного ощущения (у М. Литвиновой переданное ощущение опять гораздо интенсивнее, ср. *покачиваясь* и *бешено трясясь и подпрыгивая)*. Глагол движения у Б. Заходера *(нёсся)* указывает на стремительность действия, а вариант М. Литвиновой *ехал и ехал* подчеркивает его продолжительность (дети, уставшие за полный удивительных приключений день, могут воспринимать поездку домой и таким образом). При этом оба переводчика формируют представление о движении автобуса, опираясь на свою трактовку частицы *on*. Что касается слова *roar*, то слуховое восприятие события находит отражение только у Б. Заходера (*ревя мотором*).

III. Визуализация образа при помощи общеперцептивной лексики и наглядных сравнений

Наглядное сравнение – это явление, возникающее «на границе» нескольких когнитивных контекстов. С одной стороны, оно вызывает в сознании адресата конкретную «картинку», с которой ему предлагается ассоциировать описываемое явление. С другой стороны, подобная ассоциация действенна только тогда, когда у читателя есть предшествующий опыт восприятия вводимого для сравнения элемента, есть определенные впечатления, а иногда даже эмоции и оценки, им вызванные. Наконец, автор рассчитывает в результате сравнения вызвать сходное впечатление у всех читателей, то есть ориентируется на общечеловеческий опыт. Используя классификацию коммуникативных регистров Г. А. Золотовой, противопоставляющую категориальные типы отражения действительности, можно сказать, что наглядное сравнение может возникнуть в контексте репродуктивного, информативного и даже генеритивного регистра [1, с. 355], однако основная сфера его функционирования – это репродуктивный (изобразительный) регистр речи.

Оригинал	*Б. Заходер*	*М. Литвинова*
For Miss Persimmon, quite against her will, was off the ground and was stumbling through the air, rolling from side to side like a very thin barrel, balancing the tray in her hand	Увы, ноги мисс Персиммон, совершенно против её воли, оторвались от пола, и она *заковыляла по воздуху, переваливаясь с боку на бок, словно очень тоненький бочонок*, с трудом *балансируя* своим подносом	Да, мисс Эйми Персиммон, вопреки себе, оторвалась от земли и, *качаясь, полетела по воздуху, как узкий длинный воздушный шар*, изо всех сил *жонглируя* подносом

Сравнительный оборот *like a very thin barrel* в переводе Б. Заходера скопирован (*словно очень тоненький бочонок),* но с добавлением уменьшительного суффикса к прилагательному и модифицирующего – к существительному (бочонок действительно меньше бочки). Создаётся образ с одной стороны фантастический, гротескный (бочонок может быть узким, но не «очень тоненьким»), но с другой стороны юмористический (даму сравнивают с бочонком) и нестрашный (уменьшительные суффиксы нивелируют резкость сравнения). Вспомнив о том, что диминутивы характерны для детской речи, предположим, что необычное сравнение мисс Персиммон с тоненьким бочонком могло возникнуть как раз в воображении детей: Джейн и Майкла. М. Литвинова меняет визуальный образ для сравнения, здесь незадачливая мисс похожа на *узкий длинный воздушный шар.* Нельзя не согласиться с тем, что такой наглядный объект гораздо более знаком и понятен современному ребенку, однако там, где у Б. Заходера фантастика сочетается с комизмом (бочонок «ковыляет по воздуху», «переваливаясь с боку на бок»), у М. Литвиновой остается только фантастика (мисс-воздушный шар «летит»). Слово *балансируя* передает смысл оригинала более точно (миссис Персиммон старается не уронить поднос и не упасть, а вовсе не развлекает детей), но слово это менее знакомо детям, чем цирковое *жонглировать*. В итоге Б. Заходер создает более сложный, но и более яркий, запоминающийся гротескный образ, тогда как М. Литвинова прежде всего стремится сделать картинку узнаваемой, понятной невзрослому читателю.

Таким образом, каждый из переводчиков во всех трех рассмотренных ситуациях реализует обдуманную тактику [6, с. 199], в которой учет фактора адресата играет решающую роль. И Б. Заходер, и М. Литвинова вдумчиво интерпретируют оригинал, поддерживая авторские приемы визуализации сюжетных событий вкраплениями колоритной частноперцептивной лексики, эмотивами и интенсификаторами, специфическими синтаксическими конструкциями с выделительным значением. При этом оба переводчика активно задействуют помимо зрительного слуховой канал восприятия, а М. Литвинова – еще и тактильный. В ее варианте действия предстают более интенсивными, а звукоподражания и аллитерации обязательно воспроизводятся. Можно сказать, что переводчица стремится удивить невзрослого читателя, создать запоминающиеся визуальные образы. Б. Заходер мастерски использует другой аспект воздействия на адресата – он читателя смешит, его картинки (в особенности наглядные сравнения) необычны, а вводимые в контекст русские идиомы (*заливаться смехом*), напротив, узнаваемы. Переводчик даже обыгрывает буквальные «визуальные» значения слов в идиомах: например, мистер Паррик говорит детям, что для того, чтобы перестать смеяться и вернуться из-под потолка на пол, им нужно «упасть духом», и в итоге им приходится «спуститься с небес на землю».

Обе выбранные тактики представляются удачными, более того, каждая из них по-своему отражает элементы стратегии оригинального текста: визуальные образы в нем ярки, их проявления интенсивны, они необычны, порой алогичны (ведь мы имеем дело с английской авторской сказкой) и по большей части забавны. Внимание к фактору адресата становится основой для переводческого решения, сочетающего корректную интерпретацию оригинала с творческим поиском.

Список литературы

1. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 366 с.
2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд-во филол. ф-та МГУ, 1998. 540 с.
3. Лунин В. Заходер – переводчик // Библиотека в школе. 2007. № 1. С. 20–21.
4. Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 2000. 416 с.

5. Сидорова М. Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) // Вестн. МГУ. Сер. Филология. 1997. № 6. С. 7–19.

6. Уржа А. В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник +, 2009. 292 с.

7. Шевченко О. Н. Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б. В. Заходера: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 13 с.

References

1. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. M.: Nauka, 1982. 366 s.

2. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka. M.: Izd-vo filol. f-ta MGU, 1998. 540 s.

3. Lunin V. Zakhoder – perevodchik // Biblioteka v shkole. 2007. № 1. S. 20–21.

4. Sidorova M. Yu. Grammatika khudozhestvennogo teksta. M.: Izd-vo MGU, 2000. 416 s.

5. Sidorova M. Yu. O sredstvakh formirovaniya kommunikativnykh tipov rechi (reproduktivnyi registr) // Vestn. MGU. Ser. Filologiya. 1997. № 6. S. 7–19.

6. Urzha A. V. Russkii perevodnoi khudozhestvennyi tekst s pozitsii kommunikativnoi grammatiki. M.: Sputnik +, 2009. 292 s.

7. Shevchenko O. N. Yazykovaya lichnost' perevodchika: na materiale diskursa B. V. Zakhodera: avtoref. dis. … kand. filol. nauk. Volgograd, 2005. 13 s.

Статья поступила в редакцию 10.09.2014

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

УДК 81
ББК 81.411.2–006

Лариса Владимировна Бутыльская,
кандидат философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
((672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: larissa76@list.ru

Лингвокультурное пространство поэзии Лариссы Андерсен

Данная статья посвящена анализу лингвокультурного пространства поэзии Лариссы Андерсен, одной из ярких представительниц восточной ветви Русского Зарубежья. Исследование наследия Русского Зарубежья даёт уникальную возможность для осмысления индивидуальной, языковой, культурной картины мира русских эмигрантов сквозь призму иной культуры, для постижения всех тех результатов, которые оставили неизгладимый след и в истории и культуре России, и в истории и культуре тех стран, где волею судьбы оказались русские эмигранты. Актуальность данной темы обусловлена, в первую очередь, ценностью интерпретации поэтических текстов Лариссы Андерсен в рамках изучения творчества представителей русских эмигрантов в Китае, а также в рамках преподавания русской культуры в китайской аудитории. Объектом исследования явилось творчество Лариссы Андерсен, русской поэтессы и балерины, начавшей свою литературную деятельность в Харбине. Предметом исследования выступили лингвокультурологические особенности поэзии Лариссы Андерсен (на материале стихотворений сборника «Одна на мосту»). Лингвокультурологический анализ стихотворений Лариссы Андерсен, выступивший в качестве цели исследования, позволил ярче представить образ одной из представительниц восточной ветви русского зарубежья в Китае, а также способствовал более глубокому представлению о жизни и быте, о культурных исканиях представителей российской эмиграции в Китае, об их замыслах и их судьбах. Прежде всего, в данном исследовании использовались культурологический, лингвокультурологический и литературоведческий подходы к изучению творчества Лариссы Андерсен. В качестве ведущих методов применялись анализ и синтез исторических, биографических (в т. ч. архивных), культурологических материалов по теме исследования. Ценность исследования объясняется возможностью использования его результатов в практике преподавания таких дисциплин, как «Теория межкультурных коммуникаций в языке и литературе»; «Когнитивная лингвистика»; «Теория метафоры»; «Образ автора в поэтических текстах» в русской и китайской аудитории.

Ключевые слова: лингвокультурное пространство, поэтические тексты, лингвокультурологический анализ, образы, символы, природная метафора.

Larisa Vladimirovna Butylskaya,
Candidate of Philosophy, Associate Professor
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: larissa76@list.ru

Linguistic-Cultural Space of Poetry by Larissa Andersen

This article is devoted to the analysis of linguistic and cultural space of the poetry by Larissa Anderson, one of the brightest representatives of the Eastern branch of the Russian Diaspora. The study of the heritage of the Russian Diaspora provides a unique opportunity for understanding the individual, linguistic, cultural picture of the world of Russian immigrants through the lens of another culture, to comprehend all the results that have left an indelible mark in the history and culture of Russia, and in the history and culture of countries where fate turned out to be Russian

© Л. В. Бутыльская, 2014

immigrants. The relevance of this topic is due, first of all, the value of the interpretation of poetic texts Larissa Andersen in the study were created by representatives of Russian emigrants in China, as well as through the teaching of Russian culture in the Chinese audience. The object of the study is the work of Larissa Andersen, Russian poet and dancers, who began her literary career in Harbin. The subject of the study is linguistic and cultural peculiarities of poetry by Larissa Andersen (based on the poems in the collection "One on the bridge"). Linguistic and cultural analysis of poems by Larissa Andersen, speaking as a purpose of the study, allowed to introduce brighter the image of one of the representatives of the eastern branch of the Russian Diaspora in China, and also contributed to a deeper understanding about life, about the quest for cultural representatives of the Russian emigration in China, about their intentions and their fates. First of all, this study used cultural, linguistic and cultural and literary approaches to the study of creativity Larissa Andersen. As the leading methods used analysis and synthesis of historical, biographical (including archives), cultural materials relating to the study. The value of the study is explained with the ability to use its results in the practice of teaching subjects such as "The theory of intercultural communication in language and literature"; "Cognitive Linguistics"; "The theory of metaphor"; "The image of the author's poetic texts" in Russian and the Chinese audience.

Keywords: linguistic-cultural space, poetic texts, linguistic and cultural analysis, images, symbols, natural metaphor.

История русской эмиграции в Китае, как известно, пережила три этапа: первый этап приходится на конец XIX – середину XX вв., и именно он связан со строительством КВЖД и города Харбина. Второй этап занимает 1926–1935 гг. Третий этап: 1936–1945 гг. Одними из главных причин эмиграции в Китай являются: постройка КВЖД, гражданская война, коллективизация сельского хозяйства, сталинские репрессии. Среди многочисленных русских эмигрантов в Китае оказалось немало представителей российской интеллигенции: писателей и поэтов, учёных и педагогов, музыкантов, артистов и художников. В Китае они продолжали заниматься литературной, научной, образовательной, культурной деятельностью, создавая разные школы, сообщества, кружки. Например, одним из известных литературных кружков был кружок молодых литераторов в Харбине «Чураевка»; кроме того, известны и печатные издания, такие как харбинские журналы «ХСМЛ», «Рубеж» и др.

Одной из ярких представительниц Русского Зарубежья в Китае была русская поэтесса и танцовщица Ларисса Николаевна Андерсен. В октябре 1922 г. после взятия власти большевиками в г. Владивостоке её семья отправилась в эмиграцию в г. Харбин. Здесь прошли детство и юность Лариссы, здесь она окончила школу и именно здесь начала свою творческую деятельность. Поэзия и балет – два увлечения Лариссы Андерсен, которым она не изменяла всю свою жизнь. И сегодня, читая её биографию, её письма и воспоминания и, конечно, её стихи, нельзя ответить однозначно, что для неё стояло на первом месте: поэзия или балет. В одном из документов её личного дела пишется: «По профессии танцовщица. Также занимается литературным трудом, сотрудничает в газетах и журналах» [7].

Первым результатом литературной деятельности Лариссы Андерсен является сборник стихотворений «По земным лугам», изданный в Шанхае в 1940 г. тиражом всего 100 экз. Поэтому сегодня эта книга – библиографическая редкость. Именно об этом сборнике Александр Вертинский напишет в одном из своих писем Лариссе: «Мой дорогой друг! Я хочу поблагодарить Вас за Ваши прекрасные стихи. Они доставили мне совершенно исключительное наслаждение. Я пью их медленными глотками, как драгоценное вино. В них бродит Ваша нежная и терпкая печаль «Levintriste», как говорят французы. Жаль только, что их так мало... Впрочем, Вы вообще не расточительны. В словах, образах, красках. Вы скупы – и это большое достоинство поэта...» [5]. Другая книга Лариссы Андерсен – «Одна на мосту» – выходит в 2006 году в московском издательстве «Русский путь» тиражом две тысячи экземпляров, в ней представлены её письма и воспоминания, статьи и стихи. Такой перерыв в сорок с лишним лет она объясняет так: «И всё же, я думаю, главная причина моего молчания в том, что я потеряла нужную атмосферу. Писать стихи на русском, живя среди иностранцев (а я всю жизнь пишу только на родном языке), – это то же самое, что танцевать при пустом зале…С волнением и надеждой возвращаюсь на родину… своими стихами. Они, так распорядилась судьба, писались на протяжении всей жизни вдали от России, но всегда по-русски. И поэтому, хочется верить, всё же найдут отклик в родной душе...» [5].

В анкете с биографическими сведениями, заполненной 29 декабря 1939 г., есть примечания следователя: «Развитая, вдумчивая, спокойная. Держит себя скромно, даёт исчерпывающие ответы. Одета очень скромно,

но чисто и аккуратно. Выше среднего роста, тёмная шатенка, гладкая причёска, косметика отсутствует» [1].

Данные воспоминания, письма, свидетельства помогают представить нам образ грациозной, лёгкой, нежной, умной, притягательной, талантливой личности. Читая же стихи Л. Андерсен, убеждаешься в правдивости созданного образа и представляешь тот мир, в котором она творила, и тот мир, который творил в её душе.

В сборнике «Одна на мосту» можно выделить несколько наиболее ярких тем: любви, дружбы, жизни, счастья, родины и др. Ещё одной не менее интересной и загадочной выступает тема гадания, колдовства, волшебства. Ей посвящены такие стихотворения, как «Колдунья», «Гадание», «Заклятье», «У гадалки», «Вы на Святках не гадали?», «Колдовство» и др. В этих стихотворениях основными образами выступают колдунья, девушка, произносящая заклинание, дьявол. Присутствуют и образы-стихии, которые являются ключевыми в ритуальных заговорных текстах: ветер, море, огонь, вода, звёзды, ночь, луна, месяц, солнце и т. д. В качестве колдовских действий можно увидеть: обращение к звёздам, начертание ритуального кольца, смывание нажити, гадание у ворот, по зеркалу, на кофейной гуще, на картах, в Святочную неделю, в крещенскую ночь, зажигание свечей и др. Ключевой лексикой в стихотворениях выступают слова: колдунья, колдовать, тайна, очертить кольцо, гадание, пророчество, околдованная мгла, мерцание свечей, заклятье, проклясть, проклятье, гадалка, дьявол, чёрт, пророчить, судьба, колдовство, нашёптывать, святки.

В одном из её «колдовских» стихотворений «Заклятье» описывается ритуал проклятия. Эпиграфом к нему служат строки из норвежской сказки: «*И прокляла девушка лодку его, и вёсла, и снасти…».* В стихотворении повествуется о том, как девушка насылает проклятие на своего возлюбленного, который, по всей видимости, её разлюбил. Парень отправляется в море ловить рыбу, но, несмотря на то, что он опытный и смелый рыбак, и шхуна крепка, его преследуют неприятности. Вместо рыбы его сети вылавливают только тину и траву. И море неспокойно: ему кажется, что оно вот-вот затянет его в пучину, во мрак: *«Только беда, – что ни кинет сети – // Тина… Трава…// Да внизу, под этим, // Странно шипя, шевелится мрак…».* Рыбак думает: «Почему меня преследуют непонятные беды: ведь мать благословила в дорогу, а на моём теле есть крест». Оказывается, морская стихия взбунтовалась неслучайно: девушка читает слова заклятия. *«На воде ли, на суше – // Вспомнишь ещё, как из-за шёлка девичьих щёк // Девичье сердце шутя ломать!»* [5].

Ларисса Андерсен уделяла большое внимание и морской теме в своих стихотворениях. Наверное, немалую роль сыграло и её имя, которое в переводе с греческого *larissa* означает «чайка», «морская птица», и которое подарило ей любовь к морю. Она писала: *«…море было первой сказкой и навсегда остался след, // меня прозвали «водолазкой», когда мне было восемь лет…»* [5]. Можно сказать, что именно море в её стихах помогает нам лучше понять и представить образ самой поэтессы.

На морскую тему написаны такие стихи, как «Море», «Ракушка», «Парус», «Пароход сумасшедший, пароход пьян…», «Рыбак», «Первое было море…» и многие др. В «морских» текстах Андерсен мы встречаемся с чайками, белыми птицами, ракушками, кораллами, парусниками, маяком, звёздами… В этих текстах море *«разворачивает свой сине-зелёный свиток»*, взволнованный ветер, *«о чём-то крича, за кормою плывёт вразмашку»*, ракушка *«шумела на ухо, вздоха тише»*, пароход *«с маху тычется в воду носом»*, маленький свет маяка *«в пустынном дыму тумана вкраплён»*, а сама Ларисса *«распахнёт калитку и в белом белой птицей взметнётся на утёс»*, и всем становится ясно, что *«море нельзя из жизни изъять: в играх, в счастье ли, в горе без моря прожить нельзя…»* [5].

Таким образом, море для автора – это бесконечная красота и спокойное счастье, свободное и лёгкое чувство, море символизирует свободу, простор, полёт, лёгкость, красоту и покой. Море – это родная стихия автора.

Также хотелось обратить внимание на те её стихотворения, в которых, как нам кажется, наиболее ярко показан мир чувств автора, отражённый через природу.

Стихотворение «Яблони цветут» очень мелодичное, тонкое, воздушное. Мы сразу обращаем внимание на строки, рисующие разные образы: *«месяц всплыл на небо, золотея, парус разворачивает свой», «разговор таинственный затеял ветер с потемневшею листвой», «только май, верхушки яблонь вспенив, лепестками белыми кружит», «месяц по стеклу оранжереи расплескал хрустальный образ свой», «маленькие эльфы пляшут, рея над росистой, дымчатой травой»…* [5].

В стихотворении автор использует разнообразные стилистические приёмы – метафору, сравнение, олицетворение, метонимию и т. д. Например, *«Разговор таинственный затеял ветер с потемневшею листвой…»* – олицетворение. *«Сердце словно распахнуло двери в ожиданье света и тепла!»* – сравнение. *«Месяц – парус, небо – звёздный пруд»* – метафора.

Автор через это стихотворение выражает свои чувства: печали и надежды. Мы это можем увидеть в строках *«Говорят, что если ждать и верить, – то достигнешь. Вот и я ждала…», «Всё как прежде…// Шевелятся тени, // Платье, зря пошитое, лежит…», «И никто не знает, // Как мне больно оттого, // Что яблони цветут»* [5].

Вспоминая «Яблони цветут», поэтесса утверждает, что оно вполне могло быть написано какой-нибудь романтической девушкой прошлого века в благополучном уединении поместья, и в нём не обязательно видеть эмигрантскую трагедию: может быть, девушку просто не пригласили на бал.

Интересно, на наш взгляд, стихотворение «Нарцисс», посвящённое китайской девушке Шу-хой: *«Шуй-сен хуа – цветок нарцисса. // Это значит – водяная нимфа. // Одинокий, молчаливый символ».*

В этом стихотворении сравнение является смыслообразующим приёмом. Во-первых, девушка-китаянка сравнивается с цветком нарцисса. Автор представляет образ девушки через образ цветка: *«словно стебли, ваши пальцы гибки», «гладкая головка», «запах сладкий», «вкрадчивое пенье», «мерцающий во тьме», «перламутровые краски».* Кроме того, используются такие сравнения, как: *«тонкой струйкой вьётся запах сладкий», «словно чьё-то вкрадчивое пенье», «словно стебли, ваши пальцы гибки»* и т. д. Такая рифма, как «гибки», «сказки», «краски», «рыбки» даёт ощущения нежности, ласки, добра. Автор называет нарцисс загадочным, сказочным цветком и наделяет образ девушки с этим именем лёгкостью, нежностью, добротой и загадочностью: «*Словно чьё-то вкрадчивое пенье, // Уводя меня в туман загадки // По мерцающим во тьме ступеням, // Где поёт, колдуя, запах сладкий…»; «По атласу платья бродят сказки»; «Ждёт загадочный цветок нарцисса»* [5]. Недаром китайцы называют цветок нарцисса «водяным волшебством».

В стихотворении «Осень» автор передаёт ощущение осени через глаголы «шуршит», «зябнет», «ёжится», «прячется», «копошится». В этом стихотворении используются метафоры: *«осень шуршит по чужим садам, // зябнет у чьих-то ржавых заборов…»; «небо протёрлось и там, и тут, – // лезут в прорехи на холод звёзды…»; «окна уставились жёлтым взором»; «темень свивает вороньи гнезда»; «вздрогнув, попятилась тьма к забору»* и др. А также олицетворения: *«только одна в пустоте простора // ёжится, кутаясь в дым, звезда»; «счастье-то… // спряталось в дом украдкой»* и т. д. Поэтесса делает противопоставление между осенью и счастьем, говорит нам, что такое счастье – свет, сладко, радушное кресло, печь, мохнатый большой халат, добрая мама, белая скатерть, чай с молоком. А осень – это зябко, пустота, темень, тьма, вороньи гнёзда и одиночество: *«А теперь, копошась в саду, // Темень свивает вороньи гнёзда. // Небо протерлось и там и тут, – // Лезут в прорехи на холод звёзды…» – «Очень радушное в доме кресло. // Счастье с ногами в него залезло, // Счастье в мохнатом большом халате…// Там добрая мама… // И белая скатерть…// И чай с молоком»* [5].

Тема родины в поэзии Л. Андерсен для нас самая притягательная, поскольку вопрос «Что для автора Россия?» как нельзя глубиннее раскрывается в её стихах. В подборку данной темы можно включить такие стихотворения, как «Я думала, Россия – это книжки…», «Бьётся колокол медной грудью…», «Капли», «Пьяная, жестокая, шальная…», «Я замолчала потому…», «Эмигрантская Берёзка», «Карусель», «Это просто минуты покоя…», «Пляшет содовый бисер в стакане…», «На мосту», «Я едва пробиваюсь тропинкою узкой…», «На французском чердаке».

Через ключевые символы родины-России: берёзки, тополя, колокольный звон, иконы, купола, молитвы, Пречистую деву-Мать, яблони, свет окна, русские песни, васильки – Ларисса Андерсен воссоздаёт образ России, той, которая запомнилась ей, которую она покинула и которой никогда не увидела более. Она пишет, что родина для нас – это *«…память. Не только наша – память матери и отца…»* («Эмигрантская берёзка»), родина – это сказки, это песни, это книжки. Но боль за свою родину, тоска по России слышны во всех её стихотворениях, посвящённых родине: *«Россия – вздох. // Россия – в горле камень. // Россия – горечь безутешных слёз»* («Я думала, Россия – это книжки»), *«Что ищу я, о чём тоскую, // Я сама не могу понять, // Но простишь ли меня такую // Ты, Пречистая Дева-Мать?»* («Бьётся колокол медной грудью…»), *«С тоской последнего бессилья // Всё чаще задаю вопрос, // Всё чаще думаю: Россия»* («Я замолчала потому…»), *«Наша родина…// Это грусть о каком-то доме, // Что остался среди берёз, // Где «всё было»…наверно, // Кроме этих маминых частых слёз…»* («Эмигрантская берёзка») [5].

Пожалуй, одним из ключевых стихотворений о России является самое короткое: *«Пьяная, жестокая, шальная, // Истерзанная, бедная, больная моя страна, // Которой я не вижу, – // Как я люблю тебя! // Как ненавижу…»* [5].

Таким образом, мелодия стихов Ларисы Андерсен строится с помощью природной метафоры: через тонкие образы цветов, ракушек, осени, моря нам открывается внутренний мир девушки, балерины, поэтессы Ларисы – морской птицы, парящей над волнами моря, лёгкой, грациозной, свободной.

Стихи Ларисы Андерсен пронизаны женственностью, чистотой, задумчивостью, грустью, болью о Родине. Эти стихи – как лёгкая, воздушная русская шаль-паутинка. Сплетены очень искусно, с любовью, с заботой, с желанием не просто высказаться, но и рассказать своим близким, что такое жизнь, любовь, Родина, друзья, увлечения, природа. А главное – что такое счастье: *«Счастье? // Тише. // К счастью надо красться, // Зубы сжав и притушив огни, // Потому что знает, знает счастье, // Что всегда гоняются за ним»* [5].

Список литературы

1. Кривченко Л. А. Ларисса Андерсен // Форум «Дань эпохе»: «Харбин-шоу». Возвращённые имена. № 2, 11 марта 2012. URL: http://petrleschenco.ucoz.ru/forum/47–588–1 (дата обращения: 13.08.2014).

2. Русский клуб в Шанхае: [сайт]. URL: http://www.russianshanghai.com/hi-story/then/post5174 (дата обращения: 13.08.2014).

3. Цзян Мяомяо. Образ моря в поэзии Лариссы Андерсен // Интерпретация текста: лингвистический литературоведческий и методический аспекты: сб. материалов VI Междунар. науч. конф. (Чита: ЗабГУ, 6–7 декабря 2013 г.) / Забайкал. гос. ун-т. Чита, 2013. С.51.

4. Цзян Мяомяо, Бутыльская Л. В. Мотив природы в творчестве Лариссы Андерсен (на материале сб.«Одна на мосту») // Русистика в Китае: традиции и инновации: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Цицикар, КНР, 23–26 октября 2013 г.) / Забайкал. гос. ун-т (Чита, РФ), фонд «Русский мир», Цицикар. ун-т (г. Цицикар, КНР). Чита–Цицикар, 2013. СПб: Златоуст, 2013. С. 69–76.

Источники

5. Андерсен Ларисса. Одна на мосту: Стихотворения. Воспоминания. Письма / Сост., вступ. ст. и примеч. Т. Н. Калиберовой; предисл. Н. М. Крук; послесл. А. А. Хисамутдинова. М.: Русский путь, 2006. 472 с. [Электронный ресурс]: URL: http://www.rulit.net/books/odna-na-mostu-stihotvoreniya-vospominaniya-pisma-read-238924–1.html (дата обращения: 13.08.2014).

6. Андерсен Ларисса. По земным лугам: сборник стихотворений. Харбин, 1940.

7. БРЭМ: Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Государственные архивы Хабаровского края [Электронный ресурс]: URL: http://archive.khabkrai.ru/brem/ (дата обращения: 13.08.2014). Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1126. Л. 10–17; Д. 454. Л. 1–39; Д. 1123. Л. 10–17.

References

1. Krivchenko L. A. Larissa Andersen // Forum «Dan' epokhe»: «Kharbin-shou». Vozvrashchennye imena. № 2, 11 marta 2012. URL: http://petrleschenco.ucoz.ru/forum/47–588–1 (data obrashcheniya: 13.08.2014).

2. Russkii klub v Shankhae: [sait]. URL: http://www.russianshanghai.com/hi-story/then/post5174 (data obrashcheniya: 13.08.2014).

3. Tszyan Myaomyao. Obraz morya v poezii Larissy Andersen // Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty: sb. materialov VI Mezhdunar. nauch. konf. (Chita: ZabGU, 6–7 dekabrya 2013 g). / Zabaikal. gos. un-t. Chita, 2013. S.51.

4. Tszyan Myaomyao, Butyl'skaya L. V. Motiv prirody v tvorchestve Larissy Andersen (na materiale sb.«Odna na mostu») // Rusistika v Kitae: traditsii i innovatsii: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Tsitsikar, KNR, 23–26 oktyabrya 2013 g.) / Zabaikal. gos. un-t (Chita, RF), fond «Russkii mir», Tsitsikar. un-et (g. Tsitsikar, KNR). Chita–Tsitsikar, 2013. SPb: Zlatoust, 2013. S. 69–76.

Istochniki

5. Andersen Larissa. Odna na mostu: Stikhotvoreniya. Vospominaniya. Pis'ma / Sost., vstup. st. i primech. T. N. Kaliberovoi; predisl. N. M. Kruk; poslesl. A. A. Khisamutdinova. M.: Russkii put', 2006. 472 s. [Elektronnyi resurs]: URL: http://www.rulit.net/books/odna-na-mostu-stihotvoreniya-vospominaniya-pisma-read-238924–1.html (data obrashcheniya: 13.08.2014).

6. Andersen Larissa. Po zemnym lugam: sbornik stikhotvorenii. Kharbin, 1940.

7. BREM: Glavnoe byuro po delam rossiiskikh emigrantov v Man'chzhurskoi imperii. Gosudarstvennye arkhivy Khabarovskogo kraya [Elektronnyi resurs]: URL: http://archive.khabkrai.ru/brem/ (data obrashcheniya: 13.08.2014). F. R-830. Op. 3. D. 1126. L. 10–17; D. 454. L. 1–39; D. 1123. L. 10–17.

Статья поступила в редакцию 20.08.2014

УДК 81’42
ББК Ш105.51

Янина Васильевна Олзоева,
доктор филологических наук, доцент,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а)
e-mail: bb2005@yandex.ru

Валентина Михайловна Хамаганова,
доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а)
e-mail: vmh2003@inbox.ru

О возможных путях исследования текстов русских старожилов Байкальской Сибири

Издание «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», созданного Г. В. Афанасьевой-Медведевой, сподвижником собирательского дела и лексикографической науки, открывает возможность изучения картины мира, вербализованной в речи русских старожилов, населяющих Байкальскую часть Сибири. Поскольку грамматика сибирских говоров остается малоизученной, особенно в части синтаксической, а текстовой уровень не был предметом исследования ни одной научной работы, актуальность текстового анализа иллюстративного материала Словаря представляется очевидной. Это интереснейший лингвистический материал, который должен быть тщательно изучен и описан, поскольку является частью вербализации уникальной картины мира наших предков.

Воссоздание ценностной картины мира должно осуществляться посредством привлечения дискурс-анализа. Он отвечает полипарадигмальной установке в изучении языка и позволяет учесть различные подходы к анализу текстов русских старожилов Байкальской Сибири, позволяет рассмотреть тексты с точки зрения выраженной в них идеологии, неотъемлемую часть которой составляют ценностные смыслы.

Наиболее адекватным для достижения поставленной цели представляется полипарадигмальный подход, соответствующий современным тенденциям и определяющий модель постановки проблемы и ее решений.

Объективное существование в современном русском языке разноуровневых единиц со сходным аксиологическим значением позволило представить аксиологическую оценку в качестве семантико-функциональной (содержательной) основы функционально-семантического поля (ФСП) оценки, семантика которой интегрирует средства разных уровней языка – фонетические, лексические, морфологические, синтаксические – в сложный оценочный комплекс и находит свое полное воплощение в тексте.

Ключевые слова: «Словарь русских говоров старожилов Байкальской Сибири», подходы к изучению, текстовой уровень, картина мира, дискурс-анализ, ценностные смыслы.

Yanina Vasilyevna Olzoyeva,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Buryat State University
(24 a Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000)
e-mail: bb2005@yandex.ru

Valentina Mikhaylovna Khamaganova,
Doctor of Philology, Professor,
Buryat State University
(24 a Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000)
e-mail: vmh2003@inbox.ru

On Possible Researching Ways of the Baikal Siberia Old-Timers’ Texts

The edition of “the Russian dialects dictionary of Baikal Siberia old-timers”, written by G. V. Afanasyeva-Medvedeva, the associate of database compiling and lexicographical science, opens the possibility of studying the world building, verbalized in speech of the Russian old-timers, living around Baikal Siberia. Since the Grammar of Siberian dialects remains poorly understood, especially in terms of syntax, and since the textual level has not yet been the subject of any scientific work, the relevance of textual analysis of the Dictionary material is obvious. It is the most interesting material of linguistic study to describe, as it is the part of the unique world building of our ancestries.

© Я. В. Олзоева, В. М. Хамаганова, 2014

The re-creation of value world building requires the involvement of discourse analysis. It meets the requirements of multi-paradigmatic installation in learning the language and allows considering different approaches to the texts analysis of Baikal Siberia old-timers, it also allows us to consider the ideology expressed in the text, which constitute an integral part of value meanings.

The most relevant way of reaching the goal appears to be the poli-paradigmatic approach, which meets the modern tendencies and determines the problem statement ant its solution.

The objective being of the split-level units with the same axiological meaning in the language gives the opportunity of rendering the axiological assessment as the semantic and functional (substantial) base of the assessment functional-semantic field (FSF), the semantics of which integrates the means of different language levels – phonetic, lexical, morphological, syntactical – in a multiple evaluating complex that founds its objectification in the text.

Keywords: "Russian dialects dictionary of Baikal Siberia old-timers", study approaches, text level, worldview, discourse analysis, axiological meanings.

Научная проблема описания вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири, на решение которой должны быть направлены усилия многих лингвистов, представляется чрезвычайно важной. В рамках исследования интерес представляет картина мира, вербализованная в речи русских старожилов, населяющих Байкальскую часть Сибири. Научная проблема может решаться на основе богатейших материалов «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири», созданного Г. В. Афанасьевой-Медведевой, сподвижником собирательского дела и лексикографической науки [5].

Байкальская Сибирь – это не только географическое понятие, но место жизни региональной русской культуры. Словарь содержит тексты, поразительно разнообразные по тематике, отражающие традиции земледелия, охоты, рыболовства, рисующие свойства пространства, его природное богатство, устои нравственности и добропорядочности.

Таков иллюстративный материал Словаря к описанию значения слова или фразеологизма – именно такая цель преследуется Словарем. В этих текстах передан дух народа, его менталитет, формировавшийся веками и передававшийся от отца к сыну, внуку, правнуку. Словарь представляет собой и документ времени, поскольку в речи русских старожилов нашли отражение нравственные понятия, этические и эстетические представления, нашли отражение этапы истории государства.

Огромный интерес вызывает возможность анализа социокультурных, психолингвистических свойств менталитета народа, чья речь представлена в Словаре. Его культурное наследие, так многообразно зафиксированное Словарем, не может оставить равнодушным специалистов-русистов.

Отсутствие до сих пор фиксированных текстов, отражающих речь русских старожилов Байкальской Сибири, послужило объективной причиной образования определенной лакуны в русистике: нет изысканий лингвистического, культурологического и социального характера, способствующих осмыслению вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири как части духовной культуры русского народа с точки зрения современных научных тенденций. Этим определяется актуальность исследования.

Издание словаря дает возможность изучать тексты, в которых отражается самобытность русских старожилов Байкальской Сибири, уникальность языковых картин мира (образ мира в слове «явленный»), отечественная история как процесс развития российского общества. Спецификой русских старожилов Байкальской Сибири является их взаимодействие с различными этносами, исторически населяющими данный регион, который развивался как полиэтнический. Взаимодействие различных культур, нашедшее свое отражение в речи русских старожилов Байкальской Сибири, представляет собой одну из актуальных задач современной науки. Реконструкция языковой картины мира также составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики. Понятие языковой картины мира включает идею о том, что в речи русских старожилов Байкальской Сибири изображены образы общества и культуры, индивидуальности и природы, составляющие вкупе культурную идентичность индивидуума и направляющую его жизнь. Поскольку языковая картина мира – это продукт сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка, необходимо тщательное изучение этих процессов взаимодействия для более полного понимания своей культуры, культуры других наций, себя, своего места в мире языков и культур.

Описание вербальной культуры старожилов предполагает изучение в первую очередь тех уровней языка, которые кладом «лежат»

в иллюстративном материале лексического значения слов – свойств текстового уровня. Поскольку в Словаре ставится задача фиксации семантики тематических разрядов лексики (лексика природы, лексика собирательства, лексика строительства и др.), без должного внимания остаются фонетический, грамматический уровни языка, текстовые же особенности речи старожилов Байкальской Сибири не анализируются даже в малой степени. Актуальность текстового анализа иллюстративного материала Словаря представляется очевидной.

В настоящее время лингвистика переживает смену научных парадигм, однако изучение русских народных говоров остается актуальной проблемой. Современный этап развития русского языка характеризуется широким воздействием средств массовой информации на языковое сознание диалектоносителей, что неминуемо ведет к глубинным изменениям в структуре говора. Но территориальные диалекты не умирают, трансформируясь в особые новые формы разговорной речи, в которой утрачиваются многие архаичные черты и развиваются новые особенности В связи с этим исследования, опирающиеся на материал, собранный в полевых условиях, приобретают важное значение. В настоящее время особую роль приобретает региональная лексикография: диалектные словари, сохраняя уже утраченные элементы живой речи, «обогащают национальный духовный потенциал, общий культурный фонд народа» [2, с. 4–12].

За последние годы было создано и вышло в свет более десяти сибирских региональных словарей, наиболее значительными из них являются: «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (Томск, 1967), «Словарь просторечий русских говоров СО АН СССР; «Словарь русских говоров Забайкалья» (М., 1980); «Иркутский областной словарь» (Иркутск, 1973–1979, т. 1–3), «Словарь говоров Среднего Приобья» (Томск, 1977), «Словарь русских говоров Новосибирской области» (Новосибирск, 1979), «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» (Институт филологии СО РАН, Новосибирск, 1999), «Словарь русских говоров Алтая», «Словарь старожильческих говоров средней части бассейна р. Амура», «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» (Иркутск, 2007).

Тем не менее, в русистике отмечается недостаточная изученность особенностей русского языка в Сибири.

О лексике и фонетических свойствах русских сибирских говоров написано много статей, несколько монографий. Обзор представлен в [1].

Грамматика же Сибирских говоров остается малоизученной, особенно в части синтаксической, а свойства диалектной речи на текстовом уровне не были предметом исследования ни одной научной работы, поэтому вовсе не описаны.

Анализ речи старожилов Байкальской Сибири относительно функционирования в ней различных структур текста показал, что в жанре рассказа, зафиксированного в Словаре, как и в литературном языке, используются все типы текста [4]. В большей степени применимы тексты повествования, рассуждения, характеризующие тексты. Такая разновидность описательного текста, как визуальное описание, находит свое место в редких случаях, обусловленных требованиями предметной ситуации. *Я где бы ни жила – чистота такая!...Зайду в телятник – что в горницу. Полы всегда вымыты, стаечки все выбелены, всё везде порядок* [6, с. 167]. Зато описание-характеристика включено, можно сказать, в каждый повествовательный текст: *Если потерялся в лесу, по деревьям надо, по сосне можно определить. Ну, северная сторона не загорает как бы, мох даже бывает на ней, на коре мох, и синяя цветом, синеватая цветом. А с южной стороны краснова-то, от солнца загорает как бы, и сучья направлены, толстые сучья, на юг* [6, с. 170]. Речь идет не о конкретной сосне. Здесь перечисляются свойства типичные для обобщенного понятия «сосна», для всех сосен, что свойственно характеристике как типу текста.

Говорящий стремится поведать свою историю, а разглядывание отдельных предметов, перечисление их признаков приостанавливает развитие сюжета, хотя конкретизирует ситуацию: *Я так плакала, шла по берегу, каменистое место-то, мошка, комары, пауты, жаркие дни…* [6, с. 93].

Чаще свойства предмета речи номинируются отдельными словами/словосочетаниями: *«Пришел прохожий, старичонка, невысокого росту»* [6, с. 108].

Как правило, описание-характеристика используется с прагматической наполненностью, ярко эмоционально и оценочно: *Молодежь так не ругалась раньше, как сейчас. Счас-то вот просто бы не знай, куда девал за это всё! И стариков уважали. А как уважали, Боже мой! Чтобы ты сказал там на кого-то «да не ври», да тебя застыдят! Не*

дай Боже, чё будет! А счас чё делатся?! Они не понимают ни старого, ни малого, валят маты, и ваших нет. Да куда дело годится? До чего дошло-то? Куда государство смотрит, а? [6, с. 193].

Тексты говоров русских старожилов полны примерами выражения жизненного опыта, проявления традиционного уклада жизни, нравоучений и рецептов. Вот как изготовляли холстину: *С Покрова пять недель он мок, тридцать – сорок дён, надо быть. А потом выташшат, зимой, привезут домой, по два воза, у нас их больше было, дак семья была же. И вот потом разоставят везде его, возле огородов, куда можно было, чтоб скот не лез, да и все к солнышку ближе…* [6, с. 159–160]. Рецепт оформлен повествовательным типом текста: одно действие должно сменяться другим, что имеет свой способ выражения грамматическими формами предикатов.

Тексты Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири представляют собой неизученный с точки зрения структуры и семантики пласт текстовых конструкций и дают интереснейший лингвистический материал, который должен быть тщательно изучен и описан, поскольку является частью вербализации уникальной картины мира наших предков.

Чрезвычайный научный интерес вызывает область прагматики, когнитологии, социологический и психолингвистический аспекты речи русских старожилов Байкальской Сибири. Эти научные направления представляют собой «белые пятна» на карте языковой картины мира, воспроизведенной в речи сибирских старожилов. Изученность названных направлений на настоящий момент, можно сказать, нулевая.

Одной из целей изучения вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири является воссоздание ценностной картины мира. Наиболее адекватным для достижения поставленной цели представляется полипарадигмальный подход, соответствующий современным тенденциям и определяющий модель постановки проблемы и ее решений. Данная модель включает три составляющие: установочно-предпосылочную (предполагающую наличие признанных научным обществом предшествующих знаний), предметно-познавательную (определяющую область исследования) и процедурную (Т. Кун, Е. С. Кубрякова) – и учитывает, таким образом, следующие параметры исследования: антропоцентризм, экспансионизм, неофункционализм, экспланаторность. Антропоцентризм и экспансионизм проявляют себя в ряде дисциплин, таких как лингвогносеология, лингвоаксиология, социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, социокультурология и др.: в центре лингвистических координат помещается человек; язык, соответственно, изучается по роли его в жизнедеятельности человека, что расширяет область языкового исследования. Неофункционализм ориентирован на разработку исходного набора, классификаций функций языковых единиц, что требует изучения текста. Экспланаторность позволяет объяснить язык в человеке и мир человека (внутренний и внешний) благодаря междисциплинарности исследования.

Аксиологическая оценка (значения «хорошо»/«плохо»), выявляющая ценностную картину мира как индивидуума, так и целого этноса, одна из основополагающих антропоцентрических категорий языка, имеющая достаточно полное освещение в науке (А. Айер, Н. Д. Арутюнова, В. В. Бабайцева, З. Вендлер, Е. М. Вольф, Г. Х. фон Вригт, О. П. Ермакова, А. А. Ивин, Е. В. Клобуков, Н. А. Лукьянова, Т. В. Маркелова, Дж. Мур, Н. П. Ноуэлл-Смит, Я. В. Олзоева, В. К. Харченко, Т. В. Шмелева, А. Н. Шрамм и др.). Аксиологическая оценка представляет собой ценностное отношение к кому/чему-либо, основанное на признании или, наоборот, отрицании достоинств и положительных качеств объекта, когда выявляется его положительное либо отрицательное значение для оценивающего субъекта [3].

Описание языка в рамках функционального подхода, основанного на учении о соотношении понятийных и грамматических категорий, ориентировано на семантику: объективное существование в современном русском языке разноуровневых единиц со сходным аксиологическим значением позволило представить аксиологическую оценку в качестве семантико-функциональной (содержательной) основы функционально-семантического поля (ФСП) оценки, наряду с ФСП модальности, темпоральности, персональности, посессивности, субъектности и т. д. (А. В. Бондарко, Т. В. Маркелова, Я. В. Олзоева). Важным представляется положение о том, что ценностное отношение как особый тип лексического значения коррелирует с оценочным значением семантической структуры высказывания, цель которого состоит в выражении ценностного отношения субъекта к объекту – одобрения или неодобрения, угрозы, похвалы и т. п. Необходимо, однако, подчеркнуть, что семантика аксиологической

оценки, интегрирующая средства разных уровней языка – фонетические, лексические, морфологические, синтаксические – в сложный оценочный комплекс, находит свое полное воплощение в тексте. Для наиболее адекватного описания ценностных ориентаций (как личностных, так и социальных) представляется необходимым привлечение дискурс-анализа как целостного комплекса, включающего в себя прежде всего философские предпосылки о роли языка в социальных структурах мира. Такой анализ отвечает полипарадигмальной установке в изучении языка и позволяет учесть различные подходы к анализу текстов русских старожилов Байкальской Сибири. С точки зрения дискурса, в тексте обнаруживаются различные пласты информации о мире, в котором живет человек: общественные ожидания, общественные практики, различные ценности и установки (M. A. K. Halliday). Подобное рассмотрение восходит к французским структуралистам и постструктуралистам, прежде всего М. Фуко. Исследователя интересуют конкретные разновидности дискурса, задаваемые широким набором названных параметров и описываемые под знаком двух вопросов: какой или чей дискурс, в рамках которого порождается текст (в данном случае – тексты русских старожилов Байкальской Сибири). Так, социокультурный подход, в рамках которого объект исследуется как целостный, позволяет рассмотреть тексты русских старожилов Байкальской Сибири с точки зрения выраженной в нем идеологии, неотъемлемую часть которой составляют ценностные смыслы.

Приведём ход примерного анализа одного из текстов: *А ачеульских-то здесь много кого кулачили <…>. Кто работал, того и... А кто ничем-то, ну, счас Пётр Констинтинович, вот у них дедушка, мало-малошки ладно живут, а рядом, может, или через дорогу, совсем ничего нету. Так же и мы. Вот мы ладно жили быдто бы раньше, а рядом жили – одна коровёночка у них, и то хрома, брать-то нечего у него! Но которы маленько получше жили, и уже:*

– Оне куркули. Оне такие, оне сякие! Оне плохие. Их надо подровнять!

И началося кулаченье. И говорят:

– Надо подровнять, чтоб ровно жили.

Ну и подровняли мужикох, самых работяших подровняли. А оне с рассвета до паута работали! Коней кормить в обед едут с поля (перед обедом мошка же), а дедушка был Платон, царство небёсно, он токо встаёт, вылазит из своёй халупы (против Вары жили):

– Так-то так! А подровнять-то надо!

Он выспался. А мужики наработалися, едут!– А подровнять-то надо!

Ну, вот таки-то были лени, которы лезли в верхушку-ту.

– Так-то, – говорит, – так, а подровнять-то надо! У него поросёнок худой, вот таким калачиком бегат по ограде, а у нас ходят вот таки свиньи – в воротах не пролазят! Или тама-ка тоже коровёнка одна всего была, и та всяко-разно! Худа! Домишко без ворот. Затворят потом ворота, а их нету! Ленивый был. Чужу работу работали, а свою не работали <…>. И теперь так же. Теперь тоже так <…>. На чужое идут, своё бросают! (записано от Мавры Сергеевны Толмачевой, 1924 г. р., проживающей в дер. Толмачево Качугского района Иркутской области).

Общая оценка события (т. е. раскулачивания) отрицательная, однако в тексте можно отметить только несколько номинаций (лексический уровень), которые выражают аксиологическую оценку: *Ленивый был; <…> вылазит из своёй халупы <…>*. Оценочное значение апеллирует к понятию нормы – нормативными являются действия, в которых проявляют себя усердие и трудолюбие, нарушением нормы является отвращение от усилий (проще говоря, лень):

А оне с рассвета до паута работали! – положительная оценка; *Коней кормить в обед едут с поля (перед обедом мошка же), а дедушка был Платон, царство небёсно, он токо встаёт, вылазит из своёй халупы* – отрицательная оценка.

Норма как таковая составляет фактуальный слой информации в тексте (И. Р. Гальперин). С точки зрения социальной практики в духе П. Бурдье, в тексте отчетливо прослеживается неприятие социальной акции, входящее в конфликт с традиционными ценностями: *А ачеульских-то здесь много кого кулачили <…>. Кто работал, того и...; Чужу работу работали, а свою не работали <…>. И теперь так же. Теперь тоже так <…>. На чужое идут, своё бросают!* Подобный конфликт чреват, по образному выражению Ф. Фукуямы, «концом истории».

Материалы исследования могут быть использованы в качестве теоретико-методологической базы по целому ряду научных направлений в области описания вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири; также могут найти широкое применение в базовых и инновационных учебных курсах и дисциплинах, входящих в социогуманитарный блок учебных (диалектология, языковая семантика, культурология и др.).

Список литературы

1. Игнатович Т. Ю. Восточнозабайкальские говоры севернорусского происхождения в синхронном и диахронном аспектах (на материале фонетики и морфологии): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 47 с.

2. Караулов Ю. Н. Современное состояние и тенденции развития русской лексикографии // Советская лексикография. М., 1988. С. 4–12.

3. Олзоева Я. В. О системности предложений с семантикой оценки действия // Русский язык в школе. 2005. № 3. С. 87–91.

4. Хамаганова В. М. Описательный текст в семиотическом аспекте. М.: Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 156 с.

Источники

5. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. Ф. П. Сороколетов. Иркутск, 2007. Т. 1. 576 с.

6. Афанасьева-Медведева Г. В. Словарь говоров старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / научн. ред. В. М. Гацак, С. А. Мызников. Иркутск, 2010. Т. 5. 544 с.

References

1. Ignatovich T. Yu. Vostochnozabaikal'skie govory severnorusskogo proiskhozhdeniya v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh (na materiale fonetiki i morfologii): avtoref. dis. … d-ra filol. nauk. Ulan-Ude, 2013. 47 s.

2. Karaulov Yu. N. Sovremennoe sostoyanie i tendentsii razvitiya russkoi leksikografii // Sovetskaya leksikografiya. M., 1988. S. 4–12.

3. Olzoeva Ya. V. O sistemnosti predlozhenii s semantikoi otsenki deistviya // Russkii yazyk v shkole. 2005. № 3. S. 87–91.

4. Khamaganova V. M. Opisatel'nyi tekst v semioticheskom aspekte. M.: Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2000. 156 s.

Istochniki

5. Afanas'eva-Medvedeva G. V. Slovar' govorov starozhilov Baikal'skoi Sibiri: v 20 t. / nauchn. red. F. P. Sorokoletov. Irkutsk, 2007. T. 1. 576 s.

6. Afanas'eva-Medvedeva G. V. Slovar' govorov starozhilov Baikal'skoi Sibiri: v 20 t. / nauchn. red. V. M. Gatsak, S. A. Myznikov. Irkutsk, 2010. T. 5. 544 s.

Статья поступила в редакцию 04.09.2014

МЕДИАЛИНГВИСТИКА
MEDIALINGUISTICS

УДК 81
ББК Ш1

Иосиф Михайлович Дзялошинский,
доктор филологических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(101000, Россия, г. Москва, Славянская площадь, 4, стр. 2)
e-mail: imd2000@yandex.ru

Медиалингвистика в контексте трансформирующихся медиа

Статья посвящена анализу основных тенденций трансформации современных медиа, оказывающих влияние на предмет и методы медиалингвистики: интеграции разных медиаплатформ и вхождению национальных медиа в мировое медиапространство, системной трансформации структурных компонентов медиасистемы, институционализации медиа. По мнению автора, эти процессы меняют привычные модели медиакоммуникации и имеют своим следствием фундаментальные изменения в конструкциях медиатекстов. Среди этих изменений выделяются: существенное усложнение смысловой нагрузки каждого текстового элемента, оперативность и визуальность.

В статье представлен анализ коммуникационных матриц, используемых для конструирования медиатекстов. Показано, что речь идет о таких лингвистических характеристиках современных медиа, как упрощение контента в расчете на восприятие его широкой целевой аудиторией; структурно-композиционная простота текстов, обусловленная тем, что потребитель контента должен принять решение о желательности для себя той или иной информации в результате одного взгляда на нее; трансформация языка коммуникаций, повлекшая за собой снятие целого ряда лингвистических норм, особенно это касается интернет-коммуникаций. В частности, речевые дефекты перестают быть коммуникативными ошибками, а становятся ресурсом формирования авторской индивидуальности.

Ключевые слова: медиа, медиалингвистика, социальные институты, коммуникационные институты, профессиональная культура журналиста.

Iosif Michaylovich Dzyaloshinsky,
Doctor of Philology, Professor,
National Research University "Higher School of Economics"
(2 p., Slavyanskaya Square, 4, Moscow, Russia, 101000)
e-mail: imd2000@yandex.ru

Media Linguistic in the Context of Transforming Media

The article analyzes main trends in the transformation of modern media that influence the subject and methods of media-linguistics. It examines integration of different media platforms and integration of the national mass media into the sphere of global mass media; transformation of structural components of mass media system, and institutionalization of mass media. According to the author, these processes change the traditional model of mass media and causes fundamental changes in the structure of media texts. Among these changes are a significant complication of the semantic load of each text element; responsiveness; and visuality.

The article presents the analysis of communication matrix used to construct media texts. It is shown that we talk about such linguistic characteristics of modern media, as a simplification of the content based on the perception of editorial boards target audience; structural-compositional simplicity of the media texts, due to the fact that members of audience must decide on the desir-

© И. М. Дзялошинский, 2014

ability for themselves certain information in a single glance at it; the transformation of the language of communication, which entailed the removal of a large number of linguistic norms, especially for Internet communications. In particular, incorrect speech transforms from a communication error into the source of creating distinctive author's individuality.

***Keywords**:* media, media-linguistic, social institutions, communication institutions, journalist's professional culture.

После появления работ Т. Г. Добросклонской [10; 11] стало развиваться самостоятельное научное направление – медиалингвистика, в рамках которой предлагается системный комплексный подход к изучению языка СМИ. На наш взгляд, дальнейшее развитие этого направления предполагает анализ некоторых малоисследованных аспектов масс-медиа, понимание которых открывает новые грани проблематики, изучаемой специалистами в области медиалингвистики.

1. Интеграционные процессы в мировом медиапространстве

Чрезвычайно важным аспектом интеграции масс-медиа следует считать формирование глобальных медиасетей, или – в других терминах – формирование нового глобального медиапорядка, в «пространство» которого включено относительно небольшое число экономических субъектов. Речь идет о таких транснациональных корпорациях, как, например: *Time Warner, Sony Corporation, Matsushita Electric Industrial, News corporation, Bertelsman, RAI, Walt Disney Company* и др. Глобализация интенсивно меняет не только экономический и политический ландшафты планеты, но и воздействует на картину коммуникационных отношений. Люди оказываются встроенными во все более всеохватную и быстродействующую коммуникационную сеть, располагая все меньшей возможностью лично влиять на объем циркулирующей в ней информации или темп быстродействия, не говоря уж о том, чтобы их контролировать. Скорее наоборот: наша жизнь все существеннее определяется глобальной коммуникацией.

2. Системная трансформация структурных компонентов медиасистемы

Интеграционные процессы в масс-медиа приводят к нескольким важным последствиям.

Меняется аудитория. Во-первых, появился принципиально новый феномен медиа-активности аудитории, который получил наименование «многозадачность». «Медийная многозадачность часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся, однако на самом деле эта особенность самым глубоким образом меняет способность потребителя воспринимать и помнить однажды увиденный контент и рекламные сообщения», – подчеркивает Дебра Аго Уильямсон, старший аналитик *eMarketer* и автор доклада «Многозадачные потребители: есть ли на самом деле с ними связь?» [37]

Во-вторых, вместе с наступлением новой эпохи – постиндустриальной – резко увеличилось количество «не средних» потребителей (т. е. тех, кому нужны специфические формы коммуникации).

В-третьих, аудитория продолжает сегментироваться и дифференцироваться по новым и новым основаниям, причем по собственной инициативе, а не под влиянием медиа.

Меняется вся система авторства. Институт авторства с расширением виртуального пространства преобразовался. Обсуждая вопрос о роли автора в новых медиа, А. Мирошниченко пишет о радикальной смене культуры публичного авторства. Ведь Интернет дает право публичного авторства каждому желающему. Огромные массивы частных мнений начинают переплетаться и подстраиваться, в них созревает феномен самоорганизации. Без посредников, без медиаторов – без медиа. Это феномен называется «вирусным редактором». Случайно натыкаясь на интересное сообщение, случайный юзер перепечатывает, комментирует, что-то добавляет, что-то убавляет. При этом юзер не только распространяет, но и редактирует сообщение, стараясь заразить других юзеров интересом. Если получается, если число перепостов достигает какого-то порогового значения, начинается тематическая эпидемия. Пройдя сотни или тысячи частных микроредактур, сообщение кристаллизует свою значимость. Вирусный редактор работает без денег, без центра управления. Он не имеет воли. Вместе с тем, он создает социальную значимость лучше и быстрее профессиональных СМИ. Вирусный редактор, а вовсе не замена носителя, – вот угроза не просто для газет, но для журналистики вообще. Вирусный редактор убивает профессию репортера, потому что блогер всегда оказывается на месте событий раньше репортера. Уже сегодня даже сами СМИ используют сообщения блогеров

вместо собственных запаздывающих репортажей. Вирусный редактор обладает очевидцами и экспертами любой компетенции по любой теме. Они вскладчину добавляют знания, тут же разносят информацию об итогах своей экспертизы. При этом производится много шума, но множество фильтров все-таки отбирает главное. Именно так вирусный редактор рождает альтернативную журналистику и новую демократию [20].

От обратной связи через интерактивность к диалогу. В начале 1990-х интернет-сайты СМИ, как и сами СМИ, не предоставляли, по сути, никакой обратной связи для читателя или зрителя. Единственной формой обратной связи и возможностью крайне ограниченно влиять на содержание СМИ были письма в редакцию, на которые редакция, впрочем, не была обязана отвечать. В середине девяностых начали развиваться возможности и услуги индивидуальной настройки и индивидуального вмешательства пользователя в содержание СМИ (возможность оставить комментарий на сайте, написать отзыв на статью, проголосовать за материал, отправить закладку другу и т. д.), а с другой стороны – интерактивными становятся традиционные СМИ.

В настоящее время СМИ начинают отвечать на потребность аудитории более не быть пассивным созерцателем, а стать активным пользователем. Интернет-сайты радиостанций все чаще и чаще используются для поддержания прямой связи с потребителями, для обсуждения в реальном времени определенных тем и переориентации дискуссий. При этом некоторые радиостанции на основе запросов пользователей, высказываемых через Интернет, меняют тему дискуссии, вводят новых героев. Появляются услуги голосования через мобильный телефон, чаты со зрителями, переписке с читателями и зрителями стали уделять особое внимание и т. д.

Наиболее современная тенденция – не просто интерактивный контент (контент, который можно «организовывать под себя»), а размещение на сайтах традиционных СМИ площадок для общения и дискуссионных клубов сотрудников редакции с читателями (блогов), а также постепенное разбавление материалов, подготовленных профессиональными журналистами, так называемым *user generated*-контентом, то есть контентом, созданным самими пользователями и присланным в редакцию. Сюда могут входить фотографии, сделанные мобильным телефоном, любительское видео, личные дневники пользователей (блоги). По сути мы наблюдаем процесс постепенного стирания грани между «профессиональной журналистикой» и «непрофессиональной журналистикой», что, безусловно, не может не вызывать споры и беспокойство журналистского сообщества.

Диалогический дискурс медиатекста характеризуется типичными чертами: знаниями говорящего о ценностном мире, об эмоциональных состояниях адресата и о способах их вербального манифестирования (связанных с обозначением действия, ситуации, мнения, установки, интенции, эмоции и оценки относительно самого себя и относительно партнера); учет знаний о себе, мнений о себе и т. д. у адресата; ориентацию на социальные роли и статус адресата в соотнесении с собственными ролями и статусом.

Современное медиапространство в значительной степени меняет особенности диалоговой коммуникации: временные, пространственные, языковые рамки стираются. Между тем определяющей становится общая система ценностей коммуникантов, которая сегментирует коммуникативное пространство, определяет выбор партнера и отношение к нему, продолжительность контакта, готовность предоставить информацию, успешность решения коммуникативных задач. Можно констатировать, что диалоговая стратегия – определяющая и наиболее перспективная форма коммуникации в современном медиапространстве [26].

Таким образом, сущность понятия «интегрированность» означает: во-первых, коммуникационную многомерность, которую можно определить как принципиальную возможность одновременного получения пользователем информации о событии, явлении и/или персоне из различных источников и освещающих запрашиваемое явление с различных сторон и в различных ракурсах; и, во-вторых, принципиальную возможность для пользователя принять участие в процессе создания информации по широкому спектру вопросов. При этом специфика контента в самом общем виде заключается в том, что текст, созданный профессионалами, но циркулирующий в системе интегрированных коммуникаций, перестает быть «индивидуально-авторским» в традиционном смысле этого слова, а становится «коллективно-соавторским», поскольку допускает как минимум комментирование (которое нередко бывает не менее информативным, чем основной текст) и как максимум – вмешательство в собственно содержание первоначального текста [5, с. 69].

3. Институционализация медиа

Не отрицая правомерности филологических подходов к массовой коммуникации, все большее количество специалистов склоняется к мысли о том, что массовая коммуникация есть специфический социальный (общественный) институт. Самое широкое и наиболее удачное определение институтов дают Дж. Марч и Й. Олсен: «Институт – это относительно устойчивый, встроенный в структуры смыслов и средств набор правил и организованных практик, который обладает относительной независимостью от смены персоналий и относительной сопротивляемостью к специфическим индивидуальным предпочтениям и ожиданиями, а также к меняющимся внешним обстоятельствам» [39, с. 3]. Соответственно, неинституциональные явления – все отношения, явления социальной жизни, под это определение не подпадающие.

По мнению Э. Остром, описание институтов как системы правил может быть представлено следующим образом:

• **позиционные правила** определяют набор позиций (статусов в обществе) и число людей, которые могут занимать каждую позицию;

• **ограничительные правила** устанавливают, как люди занимают и оставляют эти позиции;

• **правила сферы влияния** указывают, на что может оказывать влияние деятельность того или иного лица, каковы стимулы и/или издержки достижения определенных результатов;

• **правила управления** диктуют набор действий, которые может осуществлять лицо на определенном посту;

• **правила агрегирования** детализируют, каким образом действия лица на определенном посту преобразуются в промежуточные или окончательные результаты;

• **информационные правила** регулируют способы обмена информации между должностными лицами, язык и формы коммуникации между ними [40, с. 3–25].

Реализация институциональных функций в современном сложном обществе требует **специального организационного оформления.** Организации – это целесообразно сконструированные образования, предназначенные для осуществления определенных функций. Можно сказать, что **организация – это та конкретная форма, которую каждое данное общество находит для соответствующего социального института**.

Анализ коммуникационнных институтов показывает, что мы имеем дело со сложной, многоуровневой системой. На самом верху пирамиды находятся такие мегаинституты, как масс-медиа, реклама, PR, литература и искусство и др., которые обслуживают все общественные процессы. Этажом ниже находятся институты, обеспечивающие коммуникацию крупных сфер общественной жизнедеятельности: политической, экономической, социальной и культурной. Разумеется, эти сферы соприкасаются и взаимодействуют, что приводит к возникновению гибридных коммуникационных институтов. Еще ниже размещаются институты, которые регулируют коммуникационнные процессы в конкретных отраслях человеческой деятельности [8].

Все сказанное выше позволяет сформулировать важный для дальнейшего изложения вывод о том, что **коммуникации** – это довольно жесткая система правил, норм, общественных ожиданий, в соответствии с которыми должны осуществляться профессиональные действия. Эти правила, нормы, ожидания формализуются в определенный статус людей, обеспечивающих функционирование системы коммуникаций, а также в роли, исполнение которых возлагается (а иногда навязывается) на людей, ассоциирующихся с данным институтом.

Являясь частью институциональной системы общества, коммуникационные институты взаимодействуют с другими социальными институтами, создавая вместе с ними институциональную матрицу, определяющую способы жизнедеятельности людей. Институциональные матрицы всегда привязаны к определенному социальному или географическому ареалу, то есть имеют свое пространство, в рамках которого действуют определенные императивы. Другими словами, речь идет о некой реальной или виртуальной территории, население которой признает власть определенной матрицы.

Множество различных коммуникационных матриц, используемых для конструирования медиатекстов, можно свести в три основные группы: вертикальные, горизонтальные и гибридные матрицы.

Вертикальная матрица:

• субъекты коммуникации распределяются по вертикали (родители – дети; начальники – подчиненные; государство – подданные);

• государство играет доминирующую роль в большинстве коммуникационных процессов;

• доступ к информации затруднен множеством специальных нормативных актов;

• право на свободное выражение собственного мнения закреплено только за статусными индивидами.

Горизонтальная матрица:

• существуют партнерские отношения между субъектами коммуникации;

• отлажен механизм обратной связи;

• законодательно закреплено и реализуется право на свободный доступ к информации, на выражение собственного мнения, на личный выбор каналов коммуникации.

Гибридная матрица:

• распределяет субъектов коммуникации по кластерам, группам, внутри которых существуют горизонтальные отношения, а между которыми – вертикальные;

• обеспечен частичный доступ к различным информационным массивам, однако доступ к значительной части информационных ресурсов требует специального разрешения;

• круг субъектов, обладающих правом и возможностью выражать свое мнение, несколько шире, чем в рамках вертикальной матрицы, но существенно уже горизонтальной матрицы [9].

Таким образом, можно констатировать, что деятельность работников медиа-организаций осуществляется в рамках культурно и исторически обусловленного социального института медиа (масс-медиа), представляющего собой механизм социальной регуляции журналистики как вида деятельности. Через этот социальный институт, предъявляющий устойчивые требования к целям, задачам, функциям профессиональной деятельности, процесс и результаты ее реализации приводятся в соответствие с определенными образцами и стандартами [6].

В ответ на эти социальные регулятивы профессиональное сообщество вырабатывает комплекс принципов, норм и правил, которые целесообразно обозначить понятием «профессиональная культура». **Профессиональная медиакультура** – это не только способы деятельности, схемы профессионального поведения, но и специфические способы межличностных профессиональных отношений, принятые модели мироосмысления, профессиональные обряды, ритуалы (вроде клятвы журналиста) и т. п. Другими словами, профессиональная культура есть тот механизм, посредством которого складывается и самоосознается профессиональное сообщество как система взаимодействующих и взаимообусловленных профессиональных групп.

Следует заметить, что живой мир профессиональной культуры − это не только типичные формы деятельности, не только хранилище стандартов и стереотипов профессионального поведения, не только «память» профессионального сообщества, но и индивидуальное своеобразие, творческое воплощение и развитие форм профессиональной деятельности.

При вхождении в профессиональную среду начинающий работник вступает в мир ценностей, охраняемых и поддерживаемых системой социальных норм, предписаний, запретов, санкций, которые обеспечивают стабильность профессионального сообщества. В ходе общения, сотрудничества и совместной деятельности происходит все более глубокое усвоение профессиональных стандартов и ценностей данной профессиональной среды.

В результате глубинного усвоения и многократного применения исходных профессиональных принципов, простых и всеобщих норм профессиональной деятельности формируются стереотипы профессионального поведения, которые не осознаются как профессионально нормированные, так что вопрос «правильно ли я действую?» обычно и не возникает. Принятый образ деятельности, став привычным, становится потребностью.

Однако сама сущность медийного производства такова, что часто ставит профессионала в нестандартные ситуации, требующие нестандартных действий. И здесь возникает проблема поиска нестандартных решений, то есть проблема творчества.

Таким образом, **институционализация** представляет собой процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, которая способна действовать в направлении удовлетворения некоторой общественной потребности, а **творчество** представляет собой спонтанное и экспериментальное поведение, в процессе которого отыскиваются и апробируются эффективные схемы и модели, которые впоследствии станут элементами института.

Есть еще одна грань поднимаемой проблемы, на которую стоит обратить внимание. Результаты деятельности, их новизна и ценность, взятые сами по себе, еще не объясняют логики поведения субъекта медийной деятельности. Ибо человек творит не ради одной лишь полезности результатов труда, но и для того, чтобы осуществить себя в творчестве. **Творчество** имеет место там, где индивид не только действует в соответствии с внешней необходимостью, но одновременно выявляет и развивает свои индивидуальные способности. Творчество, следовательно, мо-

жет быть раскрыто как единство социального и индивидуального в деятельности человека. В процессе деятельности он преобразует окружающий мир, но вместе с тем реализует свою индивидуальность, творит себя. В свою очередь, проявляя собственную индивидуальность, реализуя свои способности, он тем самым преобразует, творит окружающий мир. Преобразование окружающего мира в отрыве от характера деятельности человека не образует творчества, как не составляет его самоутверждение индивида само по себе. Сведение творчества только к проявлению индивидуальных способностей личности лишает его объективного основания и придает ему субъективистский, индивидуалистический характер. Не объясняет творчества и противоположная позиция, выводящая его всецело из общественной обусловленности деятельности человека, так как при этом в стороне остается его носитель. Выражая единство индивидуального и социального в преобразовательной деятельности индивида, творчество выступает тем самым и как нравственная категория, тесно связанная со смыслом жизни, с предназначением человека.

Особую значимость эта проблематика приобретает в связи с переходом нашего общества из индустриальной в постиндустриальную фазу развития. В интересующем нас аспекте главной особенностью индустриальной фазы (эпохи модерна) было (и до сих пор есть) формирование целостного субъекта, активно самоопределяющегося в посюстороннем мире, стремящегося к выстраиванию своего «большого Я»-центра, который придает субъекту целостность и иерархию, подчиняет и контролирует весь набор ролей и языков, в которые он вовлечен. В индустриальном мире все процессы, структуры и отношения можно рассматривать в свете одного начала, одного принципа. На любой вопрос существует только один правильный ответ. Для решения любой ситуации существует только один, наилучший путь. Мышление пропитано принципом бинаризма: добро – зло, должное – сущее, добродетель – порок, аскетизм – гедонизм, альтруизм – эгоизм, коллективизм – индивидуализм и т. п.

В XX веке идея человеческой личности, центрированной вокруг «большого Я», потерпела крах. Личность рассыпалась на множество «маленьких Я», которые обеспечивают исполнение противоречивых социальных ролей и находятся друг с другом в сложных и противоречивых отношениях. Эти «маленькие Я» принципиально неполноценны и фрагментарны, они подсказаны индивиду извне, заимствованы им из окружающего мира. В проблему превратилась даже собственная идентичность. Человек не может однозначно ответить на вопрос, кто он такой. Регулярно проводимое автором статьи тестирование студентов старших курсов с использованием нестандартизированного самоописания (тест «Кто Я?») показывает, что тестируемые указывают свои самые общие социальные или гендерные характеристики: «я – человек», «я – девушка» – и затем переходят к перечислению своих «достоинств»: «я умная», «я красивая», «я хорошо учусь» и др. Из опыта использования этого теста известно, что отсутствие в представленном списке социальных ролей при наличии индивидуальных характеристик может говорить о кризисе идентичности или инфантильности личности.

Самую большую сложность для тестируемых представляет задание иерархизировать самохарактеристики или выделить одну главную. И понятно почему. Исследователи уже констатировали, что современный индивид децентрировался и его «маленькие Я» неспособны сложиться в иерархию. Ни одна из принятых им на себя социальных ролей не достойна того, чтобы стать сердцевиной личности. «Современная личность существует лишь как формальная точка пересечения определенного набора социальных ролей и функций, – или, другим языком, точка встречи нескольких разнородных дискурсов, позволяющая наладить между ними символический обмен. Индивид здесь является чем-то вроде тамагочи. Все его свойства и атрибуты, как внешние так и внутренние, – это атрибуты его функции, маски, они и воспринимаются как атрибуты маски, и изменить что-либо он не в состоянии» [16].

В этом новом мире перед личностью, самореализующейся в сфере коммуникации, возникает непростая этическая и профессиональная задача: как реализовать свою потребность выразить себя в медиа и не попасть под каток социальных репрессий. Что касается этического аспекта, то чаще всего принимается модель поведения отказа от личной ответственности за что бы то ни было. Ответственность перекладывается на власть, бизнес, обстоятельства и т. п.

Профессионально-творческий аспект медийной деятельности все чаще начинает связываться с эпатажем публики, демонстрацией своей неадекватности, поиском социальных дефектов, того, что на языке профессионалов называется сенсацией, «жареными

фактами». Чтобы быть замеченной, медийная личность должна либо связать себя с каким-либо социальным дефектом, изъяном, разломом традиционных представлений и отношений, либо выделиться особым взглядом, подходом к освещаемым событиям. И чем более странным кажется окружающим используемый дефект, тем более значительной представляется и себе, и окружающим личность, отождествившая себя с этим дефектом. Например, художник, бегающий голышом по улицам; или другой, прибивающий себя к Красной Площади; или Пусси Райт…

Выводы.

Интеграционные процессы в медиапространстве**,** системная трансформация структурных компонентов медиасистемы, институционализация медиа имеют своим следствием фундаментальные изменения в схемах, моделях, конструкциях медиатекстов.

Прежде всего, следует указать **на существенное усложнение смысловой нагрузки** каждого элемента любого послания: в условиях революционного увеличения объемов информации аудитория требует включать в минимальный объем максимум смысла. Происходит переход от локальных, линейных смыслов к многомерным смыслам, требующим от адресата коммуникации умения мыслить в нескольких пространствах сразу. В качестве метафоры здесь может быть использовано сравнение прямой асфальтированной дороги – линейный смысл и системы подземных пещер, блуждание в которых не всегда завершается выходом на поверхность, – многоуровневый смысл.

Оперативность. Если раньше выпуски новостей и комментариев готовились часами и передавались несколько раз в день, то теперь аудитория требует информацию из разных точек постоянно, каждую минуту, 24 часа в сутки.

Визуальность. Во второй половине XX века активное развитие телевидения, его переход на цвет привели к росту визуальной составляющей в других СМИ. В частности, большое распространение получили различные иллюстрированные журналы (так называемые «глянцевые»). Принципиально изменилась роль дизайна в печатных СМИ. Дизайн и инфографика теперь позволяют визуализировать то, что раньше было текстом – цифры, диаграммы, графики, показатели, хронологию событий, схемы местности и т. д.

Индивидуализированность. На протяжении XX века мы наблюдаем тенденцию индивидуализации медиапотребления. Очень ярко это видно на прослушивании музыки. В начале века ее слушали сообща в гостиных перед роялем, затем на его место встал патефон и фонограф, позднее – катушечный магнитофон, а еще позднее – музыкальный центр. С появлением плейера и воспроизводящих музыку мобильных телефонов этот процесс стал полностью индивидуальным. Сегодня эта тенденция распространилась и на телевидение: пассажиры метро, автотранспорта, пригородных поездов могут смотреть телевизионные новости на своих мобильных телефонах по пути на работу.

Скорость потребления. Сегодня более половины жителей крупных городов являются так называемыми «сверхзвуковыми читателями», то есть читают газеты крайне нерегулярно, не каждый день и очень выборочно. Нынешний пользователь медиа имеет в своем арсенале устройства, которые помогают ему потреблять информацию буквально налету (карманные компьютеры, смартфоны, ноутбуки, мобильные телефоны, *iPad*). Кроме того, это потребление максимально связано с тем, что его бюджет времени ограничен, и поэтому он при помощи новых мобильных устройств заполняет максимально свое свободное время (во время поездки в транспорте, в магазине, стоя в очереди на кассу, во время прогулки по улице) медиапотреблением, то есть новостями.

Что касается лингвистической составляющей современных медиа, то здесь необходимо отметить такие характеристики, как:

• **упрощение контента** в расчете на восприятие его широкой целевой аудиторией;

• **структурно-композиционная простота текстов**, обусловленная тем, что потребитель контента должен принять решение о желательности для себя той или иной информации в результате одного взгляда на нее;

• **трансформация языка коммуникаций**, повлекшая за собой снятие целого ряда лингвистических норм, особенно это касается интернет-коммуникаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что современной медиалингвистике предстоит взять на себя тяжелую ношу осмысления языка и речевых процессов, происходящих в трансформирующихся медиа.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть Автора. URL: http://omiliya.org/article/smert-avtora-rolan-bart.html (дата обращения: 25.07.2014).

2. Быченков В. М. Институты: сверхколлективные социальные образования и безличные формы социальной субъектности. М.: Российская акад. соц. наук, 1996. 976 с.

3. Волков А. А. Филология и риторика массовой информации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. С. 50–65.

4. Гавра Д. П. Социальные институты. URL: http://www.xserver.ru/user/sozin/ (дата обращения: 10.09.2014).

5. Дзялошинская М. И. Интегрированные коммуникации: от маркетингового подхода к гуманитарному // Информационное сопровождение социальных проектов в современном обществе: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. М.: АТиСО, 2013.

6. Дзялошинский И. М. СМИ и общественные институты: перспективы взаимодействия // Медиаскоп. 2008. Вып. 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/223 (дата обращения: 21.08.2014).

7. Дзялошинский И. М. Герои и антигерои российской журналистики // Журналист: социальные коммуникации. 2011. № 4. С. 84–92.

8. Дзялошинский И. М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 479 с.

9. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. 434 с.

10. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Современная английская медиаречь. URL: http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf (дата обращения: 15.07.2014).

11. Добросклонская Т. Г. Методология анализа медиатекстов в условиях конвергентных СМИ // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. С. 18–27.

12. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 2005. 352 с.

13. Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М., 2010. URL: http://silamedia.ru/hsemediabook.pdf (дата обращения: 05.03.2014).

14. Кирдина С. Россия как самоорганизующееся общество. URL: http: kirdina.ru/doc/mxat/special.ppt. (дата обращения: 25.07.2014).

15. Клюев Е. В. Речевая коммуникация. М.: Рипол Классик, 2002. 315 с.

16. Корнев С. Имидж в эпоху спектакля. URL: http://kornev.chat.ru/image.htm (дата обращения: 2.09.2014).

17. Лебедева Н. Н. Институциональный механизм экономики: сущность, структура, развитие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 76 с.

18. Луман Н. Реальность масс-медиа. М.: Праксис, 2005. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/socep/luman_realnost_massm.pdf. (дата обращения: 9.09.2014).

19. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2007. 464 с.

20. Мирошниченко А. Вирусный редактор Интернета и смерть газет // Журнал New Scientist (русское издание). 2010. Декабрь. URL: http://www.aka-media.ru/foresight/185/ (дата обращения: 25.07.2014).

21. Многозадачное медиапотребление: когда каждый второй – Цезарь: URL: http://prezentation.ru/articles/multitask_18_10_06.html (дата обращения: 26.09.2014).

22. Многозадачные дети. URL: http://www.mediarevolution.ru/audience/behavior/525.html (дата обращения: 25.07.2014).

23. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение / Тезис. Вып. 2. М., 1993. Т. 1. С. 69–91.

24. Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.

25. Остин Дж. Перформативные высказывания // Три способа пролить чернила. Философские работы. СПб.: Алетейя, 2006. 335 с.

26. Пильгун М. А. Особенности формирования контента в русскоязычном медиапространстве // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы: материалы науч.-практ. конф. (26–27 апреля 2013 г.). М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. С.262–271.

27. Радаев В. В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУ-ВШЭ, 2003. 328 с.

28. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М.: Новое тысячелетие, 1996. 224 с.

29. Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Новое тысячелетие, 1996. 326 с.

30. Рождественский Ю. В. Теория риторики. М.: Добросвет, 1997. 597 с.

31. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 56–75.

32. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. Том 1–3. URL: http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/spenser3.txt (дата обращения: 25.07.2014).

33. Стрейт Л. Изучение медиа как медиа: МакЛюэн и медиаэкологический подход. URL: http://www.mcluhan.ru/ (дата обращения: 20.07.2014).

34. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 35–56.

35. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1967. 247 с.

36. Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб.: Интерсоцис, 2009. 138 с.

37. 36 часов в сутки. URL: http://www.sale4.net/article.php?articleId=97 (дата обращения: 20.07.2014).

38. Encyclopedia of journalism/general editor Christopher H. Sterling. SAGE Publications, Inc. 2009.

39. March J. C., Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” // R. A. W. Rhodes, S. A. Binder, B. A. Rockman (Eds.) The Oxford Handbook of Political Institutions. N. Y.: Oxford University Press, 2006.

40. Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions // Public Choice, 1986, № 48.

41. Thompson John B. Ideology and Mass Culture. Oxford, 1990.

References

1. Bart R. Smert’ Avtora. URL: http://omiliya.org/article/smert-avtora-rolan-bart.html (data obrashcheniya: 25.07.2014).

2. Bychenkov V. M. Instituty: sverkhkollektivnye sotsial’nye obrazovaniya i bezlichnye formy sotsial’noi sub»ektnosti. M.: Rossiiskaya akad. sots. nauk, 1996. 976 s.

3. Volkov A. A. Filologiya i ritorika massovoi informatsii // Yazyk SMI kak ob»ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya. M., 2003. S. 50–65.

4. Gavra D. P. Sotsial’nye instituty. URL: http://www.xserver.ru/user/sozin/ (data obrashcheniya: 10.09.2014).

5. Dzyaloshinskaya M. I. Integrirovannye kommunikatsii: ot marketingovogo podkhoda k gumanitarnomu // Informatsionnoe soprovozhdenie sotsial’nykh proektov v sovremennom obshchestve: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M.: ATiSO, 2013.

6. Dzyaloshinskii I. M. SMI i obshchestvennye instituty: perspektivy vzaimodeistviya // Mediaskop. 2008. Vyp. 2. URL: http://www.mediascope.ru/node/223 (data obrashcheniya: 21.08.2014).

7. Dzyaloshinskii I. M. Geroi i antigeroi rossiiskoi zhurnalistiki // Zhurnalist: sotsial’nye kommunikatsii. 2011. № 4. S. 84–92.

8. Dzyaloshinskii I. M. Kommunikatsionnye protsessy v obshchestve: instituty i subekty. M.: NIU VShE, 2012. 479 s.

9. Dzyaloshinskii I. M. Mediaprostranstvo Rossii: kommunikatsionnye strategii sotsial’nykh institutov. M.: Izd-vo APK i PPRO, 2013. 434 s.

10. Dobrosklonskaya T. G. Medialingvistika: sistemnyi podkhod k izucheniyu yazyka SMI. Sovremennaya angliiskaya mediarech’. URL: http://www.ffl.msu.ru/research/publications/dobrosklonskaya/dobrosklonskaya-medialingvistika.pdf (data obrashcheniya: 15.07.2014).

11. Dobrosklonskaya T. G. Metodologiya analiza mediatekstov v usloviyakh konvergentnykh SMI // Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy. M.: Izd-vo APK i PPRO, 2013. S. 18–27.

12. Dyurkgeim E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. M., 2005. 352 s.

13. Zhurnalistika i konvergentsiya: pochemu i kak traditsionnye SMI prevrashchayutsya v mul’timediinye. M., 2010. URL: http://silamedia.ru/hsemediabook.pdf (data obrashcheniya: 05.03.2014).

14. Kirdina S. Rossiya kak samoorganizuyushcheesya obshchestvo. URL: http: kirdina.ru/doc/mxat/special.ppt. (data obrashcheniya: 25.07.2014).

15. Klyuev E. V. Rechevaya kommunikatsiya. M.: Ripol Klassik, 2002. 315 s.

16. Kornev S. Imidzh v epokhu spektaklya. URL: http://kornev.chat.ru/image.htm (data obrashcheniya: 2.09.2014).

17. Lebedeva N. N. Institutsional’nyi mekhanizm ekonomiki: sushchnost’, struktura, razvitie. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2008. 76 s.

18. Luman N. Real’nost’ mass-media. M.: Praksis, 2005. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/socep/luman_realnost_massm.pdf. (data obrashcheniya: 9.09.2014).

19. Maklyuen M. Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. M., 2007. 464 s.

20. Miroshnichenko A. Virusnyi redaktor Interneta i smert’ gazet // Zhurnal New Scientist (russkoe izdanie). 2010. Dekabr’. URL: http://www.aka-media.ru/foresight/185/ (data obrashcheniya: 25.07.2014).

21. Mnogozadachnoe mediapotreblenie: kogda kazhdyi vtoroi – Tsezar’: URL: http://prezentation.ru/articles/multitask_18_10_06.html (data obrashcheniya: 26.09.2014).

22. Mnogozadachnye deti. URL: http://www.mediarevolution.ru/audience/behavior/525.html (data obrashcheniya: 25.07.2014).

23. Nort D. Instituty i ekonomicheskii rost: istoricheskoe vvedenie / Tezis. Vyp. 2. M., 1993. T. 1. S. 69–91.

24. Ostin Dzh. Kak sovershat' deistviya pri pomoshchi slov? // Ostin Dzh. Izbrannoe. M.: Ideya-Press; Dom intellektual'noi knigi, 1999. S. 13–135.

25. Ostin Dzh. Performativnye vyskazyvaniya // Tri sposoba prolit' chernila. Filosofskie raboty. SPb.: Aleteiya, 2006. 335 s.

26. Pil'gun M. A. Osobennosti formirovaniya kontenta v russkoyazychnom mediaprostranstve // Razvitie russkoyazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy: materialy nauch.-prakt. konf. (26–27 aprelya 2013 g.). M.: Izd-vo APK i PPRO, 2013. S.262–271.

27. Radaev V. V. Sotsiologiya rynkov: k formirovaniyu novogo napravleniya. M.: GU-VShE, 2003. 328 s.

28. Rozhdestvenskii Yu. V. Vvedenie v obshchuyu filologiyu. M.: Novoe tysyacheletie, 1996. 224 s.

29. Rozhdestvenskii Yu. V. Obshchaya filologiya. M.: Novoe tysyacheletie, 1996. 326 s.

30. Rozhdestvenskii Yu. V. Teoriya ritoriki. M.: Dobrosvet, 1997. 597 s.

31. Serl' Dzh. Chto takoe rechevoi akt? // Filosofiya yazyka. M.: Editorial URSS, 2004. S. 56–75.

32. Spenser G. Opyty nauchnye, politicheskie i filosofskie. Tom 1–3. URL: http://lib.ru/FILOSOF/SPENSER/spenser3.txt (data obrashcheniya: 25.07.2014).

33. Streit L. Izuchenie media kak media: MakLyuen i mediaekologicheskii podkhod. URL: http://www.mcluhan.ru/ (data obrashcheniya: 20.07.2014).

34. Stroson P. F. Namerenie i konventsiya v rechevykh aktakh // Filosofiya yazyka. M.: Editorial URSS, 2004. S. 35–56.

35. Shchepan'skii Ya. Elementarnye ponyatiya sotsiologii. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1967. 247 s.

36. Yadov V. A. Sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya kak kontseptual'naya baza issledovaniya rossiiskikh transformatsii. SPb.: Intersotsis, 2009. 138 s.

37. 36 chasov v sutki. URL: http://www.sale4.net/article.php?articleId=97 (data obrashcheniya: 20.07.2014).

38. Encyclopedia of journalism/general editor Christopher H. Sterling. SAGE Publications, Inc. 2009.

39. March J. C., Olsen J. P. Elaborating the "New Institutionalism" // R. A. W. Rhodes, S. A. Binder, B. A. Rockman (Eds.) The Oxford Handbook of Political Institutions. N. Y.: Oxford University Press, 2006.

40. Ostrom E. An Agenda for the Study of Institutions // Public Choice, 1986, № 48.

41. Thompson John B. Ideology and Mass Culture. Oxford, 1990.

Статья поступила в редакцию 29.09.2014

УДК 811 : 002. 703.0
ББК 80 : 76.120.8

Ирина Викторовна Ерофеева,
доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Правда и истина в пространстве медиатекста: дихотомия справедливости

Статья содержит концептуальный анализ конструктов *истина* и *правда* в контексте их объективации в современном пространстве медиатекста. Автор предлагает обоснование ментальной востребованности и актуальности данных концептов для языковой личности автора медиатекста и его потребителя. Представлен обзор смысловых схем концептов в разрезе эволюции русского языка. Концепт *истина* отражает постоянную субстанцию, нечто вечное и неизменное, закон, начерченный человеку извне. Концепт *правда* – категория изменчивая, земная, демонстрирует личностные побуждения человека, символизирует внутренний закон и предполагает возможный плюрализм мнений.

Сценарий развертывания концептов *правды* и *истины* относительно достоверности, фактологичности, правильности имеет особое значение в медиатворчестве. Ключевыми компонентами указанного сценария являются: дихотомический вектор правды; новое осмысление пространства и времени; многоуровневый – стереоскопический взгляд на фактуру; центрирование текста информационной повесткой дня; наличие внешних акторов; особый хронотоп СМИ; виртуальная сущность медиатекста; параллельная репрезентация концептов (языковой личностью медиатекста, предлагающей субъективное отражение объективного мира, и языковой личностью адресата текста, дешифрирующего предлагаемый образ мира). Профессиональная деятельность автора медиатекста в системе корпоративных и ценностных координат также измеряется конструктами *правда*, *справедливость*, *истина*.

Ключевые слова: медиатекст, правда, истина, справедливость, концепт, дихотомия, хронотоп, виртуальность.

Irina Viktorovna Erofeeva,
Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: irina-jour@yandex.ru

Subjective Truth and Objective Truth in Space of Media Text: Dichotomy of Justice

The present study provides a conceptual analysis of the constructs ‘objective truth’ (*istina*) and ‘subjective truth’ (*pravda*) in the context of their objectivization in modern space of the media text. The author offers justification of a mental demand and relevance of these concepts for the linguistic personality of the author of the media text and its consumer. The review of semantic schemes of these concepts in terms of the Russian language evolution is presented. The concept ‘objective truth’ (*istina*) represents constant substance, something eternal and invariable, a law given to the person from the outside. The concept ‘subjective truth’ (*pravda*) is a changeable, terrestrial category which shows personal motives of the person, symbolizes the internal law and reflects possible pluralism of opinions.

The continuity of the concepts ‘objective truth’ (*istina*) and ‘subjective truth’ (*pravda*) concerning reliability, fact presentation, and correctness is of particular importance in the media creativity. The key components of this continuity are a dichotomizing vector of the subjective truth; new judgment of space and time; a multilevel – stereoscopic view of the pattern; centering of the text by information agenda; presence of external factors; a special chronotope of the mass media; virtual essence of the media text; a parallel representation of the concepts (by the linguistic personality of the media text offering subjective reflection of the objective world and the linguistic personality of the text addressee decoding the offered image of the world). Professional activity of the media text author in the system of corporate and valuable coordinates is also measured by constructs *‘subjective truth’*, *justice*, and *‘objective truth’*.

Keywords*:* media text, subjective truth, objective truth, justice, concept, dichotomy, chronotope, virtuality.

Творческая самореализация журналиста объединяет два лика воплощения. Фундаментом, из которого произрастают зёрна повествования и рассуждений, является национальное лоно культуры, в рамках которого родился и был воспитан автор. Яркость, необычность, игра художественных красок и смыслов медиатекста проистекает из лич-

© И. В. Ерофеева, 2014

ностного багажа журналиста – его внутреннего мира, скованного или обогащённого индивидуальной психологией, видом и уровнем образования. Подобный подход к оценке процесса и результата (продукта) творчества позволяет обнаружить не только своеобразие творческой лаборатории журналиста, но и выявить основные закономерности журналистики как специфического способа духовного производства и формы познания мира. Концептуальная схема конструктов *правда* и *истина,* представленная в информационном пространстве, демонстрирует один из вариантов детализации указанного подхода.

Конструкты *правда* и *истина* являются ядерными, основополагающими в картине мира человека – носителя российского менталитета. Н. Бердяев писал, что «мужественный дух потенциально заключен в России пророческой, в русском странничестве и русском искании правды» [3, с. 36]. На своем жизненном пути русский человек находится в постоянном поиске жизненного идеала, пребывает в сомнениях, ошибках и духовном движении под знаменем истины и правды. Звенящая струна нашей души предрекла популярность известной фразы главного героя фильма «Брат» Данила Багрова: «В чем сила, брат?... А я вот думаю, что сила в правде. У кого правда, тот и сильнее».

Особая ценность праведности для нашего соотечественника закреплена в многочисленных русских паремиях: «Правда светлее солнца», «Правда дороже золота (хлеба)», «Правда груба, да богу люба», «Простота, чистота, правота – наилучшая лепота» и др.

Трихотомия «правда – истина – справедливость» структурирует мотивы, действия и мечты носителя российского менталитета. Самоотверженная борьба за единственно верную справедливость стала трагическим парадоксом русской истории, который вылился в кровавые революции XX в. и разрушение СССР. Талантливые, яркие представители нации во имя правды и интересов народа «разрушали мир до основанья», на каменоломнях которого было нестерпимо трудно заниматься благостроительством. «Желаемое добро на крови, привело к потокам крови без добра», – отмечает Н. Жевахов [11, с. 92].

Устоявшиеся в русском языке словосочетания «искать правду», «постоять за правду» репрезентируют мотивационную основу поступков русского человека. Истина и правда – слова, одновременно связанные воедино и противопоставленные друг другу. Благодаря данным конструктам, пишет Ю. С. Степанов, «в русской культуре концептуализирована своеобразная духовная ценность» [12, с. 455].

Другие европейские народы способны вместить разноликие семы и коннотации в одно слово: англ. «truth», фр. «Verite», нем. «Wahrheit». У нас чёткое разделение категорий закрепилось во время существования Древней Руси. Но именно в имперской России семантические сдвиги ядерных понятий были особенно знаменательными.

В своем словаре В. И. Даль определяет *истину* как противоположность лжи, это всё, что верно, подлинно, точно, справедливо – это то, что способно «стоять перед вами и существовать». Истина коррелирует с объективностью и законностью, она – субстанция земная, преходящая, является плодом разума и ума человека. Старославянское ИСТЪ соответствует латинскому IÛSTUS – «справедливый, добросовестный, честный». Именно поэтому Владимир Иванович относит к умственному истину и ложь, а к нравственному – добро и зло. Добронравный и добродетельный человек обладает честным и чистым сердцем, живет в гармонии с совестью и законами правды.

Согласно всё тому же словарю, *правда* стоит в одном когнитивном слое с высшей правдой и правосудием, эта справедливость, данная небесами и воплощающая божественный нравственный закон. Правда символизирует благостный дар, добро и устремление к любви, божественному нраву и его воле. *Правда* древнерусским человеком воспринималась как чистая и святая связь с Богом, ассоциатами которой становились обет, обещание, заповедь, договор. Правда сближалась с благодатью. Прилагательное «правЪ» отражает прямую, правильную нить судьбы, её праведное наполнение. Древнерусское «пьрвЪ» кристаллизуется семой «первый», «морально-образцовый» – тот, за которым могут следовать другие, так как именно он воплощает норму бытия. Именно данные смыслы поэтически обыгрывает Ю. М. Лермонтов в поэме «Демон»: «Клянусь позором преступленья И вечной правды торжеством».

В результате справедливость становится денотативный почвой, в которой переплетаются право как условие, правда как причина и праведность как цель. Ю. С. Степанов относит представления о справедливости к этике крестьянства, выступившего «определённым сословием для русских как этноса» [12, с. 456]. Указанная этика формировалась

в лоне Православия, для которого традиционным идеалом справедливости могла быть лишь одна правда – правда Божия («Правда живет у Бога»). Лексико-фразеологическое поле Библии и дальнейшее цитатное варьирование фокусировалось в той же семантической плоскости: «Праведный судья одесную от спасителя стоит», «В боге нет неправды», «За правду бог и добрые люди», «Правда свята, а мы люди грешные» и т. д.

В эпоху имперской России произошло смещение смысловых доминант в семантике слов. *Истина* преобразилась в вечное и неизменное, стала олицетворять объективный закон мироздания – закон извне, начерченный человеку Богом. Конструкт *истина* прочно закрепился в сфере религии (Бог есть Истина, и Добро, и Красота). В философии различные ветви гностицизма подчёркивали идею определённого порядка в мире, согласно которому есть единая и неделимая истина, как правило, недоступная для обычных людей, но для избранных обретение гносиса (тайного знания) само по себе было спасительным.

В современном языковом пространстве подобная ядерная градация сохранилась, но динамика развития языка, секуляризация жизни способствовали зарождению прагматического контекста существования смысловых полей конструктов *истина* и *правда*, которые сублимировали в, соответственно, нравственные и социальные категории, регламентирующие нравственный и социальный порядок. Истина и правда стали мерилом отношения человека к объектам и субъектам мира, позволяющим оценить их духовную сущность, подлинность и фактологичность.

Так, И. М. Дзялошинский отмечает, что «существует только одна истина, недоступная нашему пониманию. И есть множество реальностей… Наша реальность – результат наших коммуникаций… у каждого свои связи и своя реальность» [7, с. 279–280]. Видение окружающего мира – не более чем сумма интерпретаций человека, различных уровней восприятия и осознания им этого мира. Спектр ощущений и толкований обусловлен уровнем интеллекта, степенью развитости воображения, темпераментом, характером, мировоззренческими позициями, в том числе таким преходящим фактором, как настроение. Объективный мир находится за пределами окна моей комнаты до тех пор, пока я не посмотрел в это окно и не увидел дорогой и близкий моей модели мира гештальт (целостный образ определённого среза бытия).

В статье «Конструкт и гештальт – неоинструментальные средства гуманитарной науки» доктор биологических наук В. Н. Бочарников задается вопросом: материальна или идеальна информация [5, с. 151]. Человек, конечно, познает мир, но он и живёт в нём, выстраивает свою персональную реальность. Мы обречены программировать окружающую действительность инструментарием личностных приоритетов и конструктов, сфокусированных в нашей картине мира. «Любое представление будет моделью, – пишет В. Н. Бочарников, – … сам человек является такого рода сущим, где встречается субъективное и объективное, познавательное и ценностное, фантастическое и действительное, теоретическое и практическое» [5, с. 156].

Именно концепт *правда* демонстрирует личностные побуждения человека. Правда замкнута на субъекте речи, в отличие от истины, которая отсылает к внешнему миру. *Правда* в современном русском языке символизирует внутренний закон, поэтому ассоциируется с земным, социальным и изменчивым. В данном контексте возникает особое ощущение справедливости, которое открывает чувственную, практическую истину поведения человека. Справедливость кристаллизуется в деятельный образ, подкрепляется делом и поступком, имеет свою историю и базируется на рациональных закономерностях: юридической и философской. Правда – критерий суждений личности о событиях и фактах. Каждый конкретный случай можно оценить в разрезе человеческого правосудия: «творить суд и правду», «стоять за правду».

Не случайно аксиома англосаксонской журналистики «Факты священны, комментарии свободны» естественно вписалась в информационную политику российских СМИ. Но, следует подчеркнуть, что адаптация правила шла с учётом нашего дихотомического менталитета, не предполагающего наличие середины между полюсами [см.: 8]. Поиск своей правды в медиатексте разворачивался в пространстве сосуществования параллельных моделей: коллективизм / индивидуализм; духовность / прагматизм; аскетизм / потребительская философия; слава / успех; труд / лень и т. д.

Игра с законами правды в постперестроечный период, да и сегодня, в эпоху третьей информационно-психологической войны, обнажила «страшную свободу духа русского человека» (Ф. М. Достоевский). В информационном поле, с одной стороны, закрепляются идеи о великой культуре и силе Русского мира, однозначности резуль-

татов Отечественной войны 41–45 гг., с другой стороны, сыпется град псевдорефлексий: «Мы – матрёшки в камуфляже… гроб с гниющими потрохами» (Виктор Ерофеев. Как тут жить дальше?); «Я ненавижу патриотизм, я с ним борюсь, он не воспитывает ничего кроме агрессии и невежества» (Ксения Ларина); «Нужно ли было сдать Ленинград, чтобы сберечь сотни тысяч жизней?» (канал «Дождь»).«Русь святая имела всегда обратной своей стороной Русь звериную», – писал Н. Бердяев [2, с. 44]. Тем не менее, полярность взглядов, подкреплённая соответствующими аргументами и контраргументами, составляет стержень качественного и свободного контента современных СМИ.

Правда, в силу своей субъективности, предполагает плюрализм мнений, что вербализирует и паремиологический комплекс русского языка: Истина одна, а правд много; Истина для всех одна, а правда у каждого своя; У всякого Павла своя правда. В современном секуляризированном мире божеский закон сменила научная истина, претендующая на свою единственность, но и она способна быть представленной как субъективная правда учёного, наблюдателя, очевидца.

Неоднозначность восприятия *правды* обусловлена, по мнению А. И. Редель, тем, что житель России, оценивая окружающий мир, пытается, в первую очередь, быть справедливым, простым и при этом он ориентируется на идею равенства [10]. Многие исследователи также отмечают, что именно по этой причине закон занимает подчинённое положение по отношению к справедливости [см.: 6]. Дух русского человека предпочитает оценивать нормы общежития исключительно с точки зрения нравственности, вбирающей родственные *истину* и *правду*. Скепсис к суду и закону нашел яркое отражение в лексико-фразеологическом поле русского языка: Судью подаришь, правду победишь; Пред богом с правдой, а пред судьей с деньгами; Поп ждет покойника богатого, а судья тягуна тороватого; В суд ногой – в карман рукой; Пред богом ставь свечку, перед судьей мешок и т. д.

Правовой нигилизм во многом проистекает из ментальной схемы миромоделирования русского человека, для которого законом может быть исключительно совесть: Правда суда не боится; Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили. Ощущение справедливости не приходит само по себе, оно воспринимается нами как воздаяние и вознаграждение за добродетельную жизнь. Жить по законам правды и истины – единственно возможный путь свободного выбора человека: Кто правду хранит, того бог наградит; Правда со дна моря выносит и т. д. Напротив, неспособность разделять и видеть сущность правды и лукавых деяний влечёт за собой кару, наказание за проступки и грехи: И в бедах люди живут, а в неправде пропадают; В неправде бог карает; Неправдой свет пройдешь, да назад не воротишься; В правде бог помогает, в неправде запинает и др. Ю. С. Степанов отмечает, что только в русской культуре справедливость соединяется с внутренним убеждением, граничит с правдой и включается в когнитивное поле истины [12].

Указанные ключевые компоненты мировидения являются корпоративно-значимыми для российских СМИ. Сценарий развёртывания концептов *правды* и *истины* относительно достоверности, фактологичности, правильности, справедливости приобретает особое значение в медиатворчестве. Существует немало изданий, обозначивших интересующие нас конструкты в своих названиях: «Комсомольская правда», «Журналисткая правда», «Украинская правда», «Казачья правда», «Слово правды», «Правда Севера», «Череповецкая истина», «Справедливая Россия» и др.

Создание медиапроизведения – процесс творческий, хоть и встроенный в определённые корпоративные алгоритмы. Знание технологий (сбора фактов, их обработки, изложения и т. д.) представляет собой лишь инструментальную схему воплощения творческого потенциала создателя медиатекста. Акт творения предполагает прорыв сквозь очевидное к новому осмыслению пространства и времени, он позволяет обнаруживать и открывать новое бытие. Сквозь устоявшиеся знания мы нацеливаем свой мозг на ранее неизведанное, начинаем продвигаться к истине.«В результате возникает особое эмоциональное состояние творчества, – пишет Н. М. Бехтерева, – которое преобразуя мир, своим базисом имеет творчески преобразованный мозг человека» [4].

Градусы объективности творческого процесса автора медиатекста зависят от формата и жанра последнего, но при этом и жесткая новостная форма не гарантирует независимости от внутренней готовности автора воспринимать объекты и реалии определённым образом. В психологии журналистики этот феномен получил название «подготавливающая установка». Работая с фактурой, журналисты предпочитают правдиво говорить: «Делаю новость».

Калейдоскоп фактов, широкая палитра реальности, представленная в информационном пространстве, не смущает читателя/ слушателя/ зрителя, который нацелен на получение информации, гармонирующей с его моделью мира. Возникающие при этом когнитивные диссонансы запускают либо механизм отторжения текста, либо процесс переосмысления своих собственных установок. В медиадиалоге конструкт правда/истина распадается на два сценария реализации, один репрезентирует языковая личность медиатекста, предлагающая субъективное отражение объективного мира, другой – языковая личность адресата текста – «из-обретающего» (дешифрирующего) предлагаемый образ мира. Знаменательно, что П. А. Флоренский достоверность называл «дискурсивной интуицией» – интеллектуальным чувством принятия произносимого суждения в качестве истинного.

Адекватное видение реальности, отражение всех его граней возможно только при наличии широкого, многоуровневого взгляда, охватывающего целостное пространство ситуации, явления, проблемы. «Множественность представлений, – справедливо отмечает В. Н. Бочарников, – даёт богатство цветов и оттенков картины мира, и здесь не страшно само расхождение отдельных изображений действительности, скорее, это будет плюс, состоящий в том, что появляется возможность восприятия как бы “стереоскопической” объёмной картины мира» [5, с. 155].

Ошибки в восприятии и представлении реальности неминуемы, глубокое познание действительности является аксиомой, например, научного дискурса, но далеко не данностью, для автора медиатекста указанная цель в лучшем случае остаётся путеводной звездой, которая определяет качество работы с фактурой в рамках определённого жанра и канала коммуникации. Уместно вспомнить известное утверждение Рабиндраната Тагора:«Если вы закроете двери перед всеми заблуждениями, истина также останется снаружи».

Современное информационное пространство зарождалось в постмодернистской парадигме и, несмотря на отдельные утверждения учёных о крахе данного направления, виртуальная реальность сохранила базовые черты постмодернизма: абсолютизация теории театра, амбивалентность смыслов, ориентированная на раскрепощенное – адогматическое сознание, неопределённость, открытость, постмодернистская чувствительность, мультиперспективизм и др.

Канва повествований и рассуждений в подобной виртуальной сфере секционирует реальность и предлагает свои представления о правде и истине. Так, объективный мир центрируется относительно ключевых точек интереса, информационная повестка дня (ИПД) определяет круг тем и событий, которые возводятся в ранг важных и отрабатываются практически всеми СМИ и социальными сетями. Учитывая доминирующую информационную политику современной России, наличие «информационного меню» позволяет диктовать не только то, о ЧЁМ думать среднестатистическому потребителю, но и КАК, в каком направлении выстраивать свои мыслительные операции.

Представления в эпоху рынка о честности, беспристрастности, нейтралитете средств массовой информации были названы Г. Шиллером мифом. А. Моль сложившееся положение вещей обозначил как «догматическое противоречие» СМИ, Г. Г. Почепцов – как парадокс мифологической интерпретации. СМИ зависят от общественного мнения, аудитории, власти, учредителей. Субъективизм автора медиатекста, его индивидуальная правда обогащается углом зрения внешних факторов. Особое место здесь занимают рекламные и PR-тексты, создающие гиперреальность, а порой и искусственно созданные ситуации или явления.

Идеологическая правда является краеугольным камнем общего медиатекста. Например, советская теория журналистики признавала приоритет классового интереса по отношению ко всем остальным, в том числе к закону истины и справедливости. В результате в информационном пространстве активно сталкивались «правда пролетарская» и «правда буржуазная».

Современная технологическая цивилизация, активное развитие СМИ значительно усложнили восприятие категории истинного, которая модифицировалась в осознание того, что же есть реальное, действительное, подлинное и настоящее – противоположное фальшивому и кажущемуся. Словосочетание «соответствующей истине» артикулирует не только идею совпадения с нравственным идеалом – святой истиной, но и соответствия действительности тому, что существует на самом деле, не является плодом воображения, тому, что правдиво, а значит реально и подлинно. В. И. Карасик выделяет среди основных текстуальных коррелятов подлинных предметов фальшивые, наигранные, формально имитируемые [9, с. 111].

Надо признать, что культ факта всегда оставался относительным критерием качественного медиатекста. В современных условиях чистое информирование не только не возможно априори (по уже указанным нами причинам), но и становится невостребованным, как со стороны медиапотребителя, тяготеющего к уже расставленным акцентам и образным – иконическим формам представления реальности, так и со стороны создателя медиапродукта, над которым довлеет задача завоевать целевую аудиторию, а в последствии удерживать её внимание и влиять на неё, включая и такую крайнюю форму, когда и обман уже – правда.

Так, сегодня все чаще появляются примеры массовой дезинформации, за которой стоят либо корпоративные интересы, либо политическая конъюнктура. Подобные формы принято называть «фейк» (от англ. fake – фальшивый, ненастоящий). «Сбросы» в СМИ стали информационным оружием, позволяющим доминировать, в том числе, в экономических и политических сферах. Технология не нова, например, в 2008 г. в зарубежных СМИ появилась новость о якобы тайных переговорах Грузии и России по разделу сфер влияния в Абхазии; в 2013 г. прошла информация о смерти М. С. Горбачева; «танцующий мост» в Волгограде активно обсуждали в мае 2010 г.; не так давно Валерию Гергиеву пришлось опровергать информацию о том, что он якобы поддержал панк-группу «ПуссиРайот» во время собственного выступления в «Ковент-Гарден».

Общий медиатекст создаёт свою систему символов пространства и времени. Хронотоп СМИ, с одной стороны, объективирует исторически накопленный опыт осознания русским человеком пространственно-временного континуума, с другой стороны, автор медиатекста открывает свои результаты познания и изучения времени и пространства, одновременно вступая в сферу смыслов и ценностей, что возможно, как отмечал М. М. Бахтин, «только через ворота хронотопа» [1, с. 290]. Глобализация информационного пространства еще более утяжеляет сферу правдивости и истинности. М. Кастельс писал, что новая коммуникационная система радикально трансформирует пространство и время: «Местоположение освобождается от своих культурных, исторических и географических значений и реинтегрируется в функциональные сети или в коллажи из имиджей, включающих и поточное пространство, которое замещает конкретное пространство и местоположение» [13, с. 75].

Мир медийных структур, ориентированный на потребности и вкусы аудитории, более привлекателен, нежели реальность, он завораживает, притягивает и подчиняет своим имиджам, колонизируя жизненный мир человека (Юрген Хабермас). Медиа – реально существующая сфера идеального, имитирующая реальность, которую она не отражает, а замещает. Участник массовой коммуникации это замещение принимает как отражение действительности, воспринимает данную реальность, как будто этой условности не существует. Имитация реальности – имманентная сущность СМИ, но именно за этим сознательно или бессознательно человек обращается к средствам массовой информации, а русская языковая личность, как в процессе конструирования текста, так и в процессе его дешифровки, особенно нуждается в дополнительных смыслах, семантических открытиях и откровениях по поводу предлагаемых фактов.

Особенно ярко трихотомия соотношений «истина – правда – справедливость» проявляет себя в аксиологическом пространстве измерения качества и эффективности работы СМИ.

Вопрос о правдивости и объективности СМИ – один из популярных, как в профессиональной среде, так и в кругу обывателей. Социологические исследования доверия аудитории средствам массовой информации проводятся регулярно. Аудитория различного возраста по-разному реагирует на государственные и коммерческие СМИ, больше доверяет государственным, высказывает большее доверие печатным изданиям. Тем не менее, общий скепсис в отношении людей в России к СМИ остаётся неизменным и в целом отражает когнитивную модель *правды* в русской картине мира.

Духовные формы существования нашей цивилизации определили доминирующий вектор переживаний русского человека, для которого осознание верхнего и нижнего, святого и скверного, горнего и дольнего, небесного и земного стало константой национального бытия. Д. С. Мережковский называл Россию «Марией, душой мира», в отличие от Европы, которая есть «Марта, работа мира». Душевные метания не только укрепляют русича в правоте своего дела, но и подталкивают к необходимым страданиям, позволяющим отделить правду от кривды, истину от лукавства, и которые возможны только при наличии сомнений в существовании истинной правды в мире людей: Уж сорок лет как правды нет;

Правда прежде нас померла; Была правда когда-то, да извелась; И наша правда будет, да нас тогда не будет и т. д.

Измерение труда журналиста законами объективной правды требует от создателя медиатекста определённых усилий и жертв по принципу: истину знает мудрец, а правду – праведник. В народе говорят: «Всяк правду ищет, да не всяк её творит». Постижение истинного мира, его объективной реальности в языке русской культуры сравнивается с особыми испытаниями, этимология слова «истина» включает сему «узнать всю подноготную, выявить подлинность чего-либо, отбросить лишнее – избавиться от подделки и лжи».

Обнаружить достоверный факт, добыть его, выверить масштабность и соотношение полученной информации действительным общественным проблемам и этическим профессиональным критериям творчества, обнародовать сведения – таков общий перечень ключевых пунктов работы с правдой в творчестве журналиста. Указанные виды переживания истины и осознания правды закреплены в паремиях русского языка: Хлеб-соль ешь, а правду режь; Варвара мне тётка, а правда сестра; Кто за правду горой, тот чистый герой; Лучше горькая правда, чем красивая ложь; Правда тяжелей золото, а в воде не тонет.

Культурозначимая информация о *правде* фокусируется в концептуальной метафоре прямого действия субъекта, обращённого к добру, любое уклонение от которого ведёт в противоположную сторону – к злу. Ю. С. Степанов артикулирует правду как предикат [12, с. 465], она репрезентирует состояние, в котором её носителю хорошо, тепло, уютно, благостно. Тем не менее, состояние *правды* и настойчивое стремление к *истине* часто обязывает к отречению от суетного и размеренно-покойного существования: Правда хорошо, а счастье лучше; Правду говорить – многим досадить; Сказал бы богу правду, да черта боюсь; Правдой не обуешься; Правдой не оденешься.

Автор медиапроизведения, попадая в неоднозначные ситуации «серых зон» журналистики, когда его жизненная позиция и представления о правде вступают в конфликт с мнением властных структур, или редактора, или большинства, вынужден выбирать между самоценностью истины и собственным благополучием. Категория правды, как и в журналисткой деятельности, так и в русской культуре имеет ценностное измерение, сложность и многомерность которого вписывается в общепринятые этические категории профессиональной чести, достоинства, совести, и, несмотря на неоднозначность решения журналиста, истина уже давно запечатлена и неизменна – «Всё минется – одна правда останется».

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетическое наследие и современность. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1992. Т. 2. 368 с.

2. Бердяев Н. А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. М.: СВАРОГ и К, 1997. 541 с.

3. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 346 с.

4. Бехтерева Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.: АСТ ; СПб.: Сова, 2007. 366 с.

5. Бочарников В. Н. Конструкт и гештальт нео-инструментальные средства гуманитарной науки // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2014. № 2. С. 150–157.

6. Волкова А. В. Гуманитарные технологии и формирование ценностей. URL: http://politjournal.spb.ru/120107.html (дата обращения: 23.07.2014).

7. Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 572 с.

8. Ерофеева И. В. Дихотомия современного медиатекста как зеркало полярности русской культуры // European Social Science Journal. Москва. 2012. № 2. С. 138–146.

9. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с.

10. Рёдель А. И. Духовность в структуре российского менталитета: дис. … канд. филос. наук. М., 2003. 173 с.

11. Россия: многообразие культур и глобализация / ответ. ред. И. К. Лисеев. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2010. 448 с.

12. Степанов Ю. С. Правда и Истина // Ю. С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. С. 455–471.

13. Castells M. The information Age: Economy, Society and Cultural. Vol. 1. The Rise of the Network Society. Malden; Oxford, 1995. 375 p.

References

1. Bakhtin M. M. Esteticheskoe nasledie i sovremennost'. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1992. T. 2. 368 s.

2. Berdyaev N. A. Russkaya ideya: osnovnye problemy russkoi mysli XIX v. i nachala XX v. M.: SVAROG i K, 1997. 541 s.

3. Berdyaev N. A. Sud'ba Rossii. M.: Sovetskii pisatel', 1990. 346 s.

4. Bekhtereva N. P. Magiya mozga i labirinty zhizni. M.: AST ; SPb.: Sova, 2007. 366 s.

5. Bocharnikov V. N. Konstrukt i geshtal't neo-instrumental'nye sredstva gumanitarnoi nauki // Gumanitarnyi vektor. Seriya Filosofiya. Kul'turologiya. 2014. № 2. S. 150–157.

6. Volkova A. V. Gumanitarnye tekhnologii i formirovanie tsennostei. URL: http://politjournal.spb.ru/120107.html (data obrashcheniya: 23.07.2014).

7. Dzyaloshinskii I. M. Kommunikativnoe vozdeistvie: misheni, strategii, tekhnologii. M.: NIU VShE, 2012. 572 s.

8. Erofeeva I. V. Dikhotomiya sovremennogo mediateksta kak zerkalo polyarnosti russkoi kul'tury // European Social Science Journal. Moskva. 2012. № 2. S. 138–146.

9. Karasik V. I. Yazykovye klyuchi. M.: Gnozis, 2009. 406 s.

10. Redel' A. I. Dukhovnost' v strukture rossiiskogo mentaliteta: dis. … kand. filos. nauk. M., 2003. 173 s.

11. Rossiya: mnogoobrazie kul'tur i globalizatsiya / otvet. red. I. K. Liseev. M.: «Kanon+» ROOI Reabilitatsiya, 2010. 448 s.

12. Stepanov Yu. S. Pravda i Istina // Yu. S. Stepanov. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury: izd. 3-e, ispr. i dop. M.: Akademicheskii proekt, 2004. S. 455–471.

13. Castells M. The information Age: Economy, Society and Cultural. Vol. 1. The Rise of the Network Society. Malden; Oxford, 1995. 375 p.

Статья поступила в редакцию 10.09.2014

УДК 070
ББК Ч60

Елена Владимировна Кузнецова,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–90)
e-mail: boiling-point@list.ru.

О, Дивный новый мир: постижение постмодернизма в русской философской публицистике (2010–2012 гг.)

Философская публицистика – это публицистика с чётко обозначенной мировоззренческой позицией автора, рассматривающая актуальные проблемы современности под углом основных вопросов бытия и мышления. В отечественной традиции такие тексты, от которых в середине XIX в. отпочковалась академическая философия, играют особую роль, дополняя и обогащая философию жизненным материалом.

В статье анализируется, каким образом в современной философской публицистике происходила рецепция понятия «постмодернизм». Выясняется, что к началу 2010-х гг. сложилась традиция стойкого неприятия этого явления и стоящих за ним социальных и эстетических практик. Однако проведённая в 2012 г. в «Литературной газете» дискуссия существенно изменила расклад сил. Часть публицистов высказали уверенность, что постмодерн в состоянии самостоятельно систематизировать наиболее страшное из собственных порождений – хаос, стать площадкой для изобретения новых смыслов и идеалов. В результате вместо фаталистически осмысленного «бесконечного тупика» постмодернизм предстал в виде своего рода энтелехии, самодвижущейся сущности, проблемы, решение которой кроется внутри нее самой. При этом особая роль отводилась постмодернистской эстетике, призванной стать средством борьбы с современной жизненной практикой, победить массовую культуру.

Полемика позволила раскрыть одну из важнейших функций философской публицистики – прогностическую. При этом сопоставление философско-публицистических и профессионально-философских текстов дало основания предположить, что в них использовались разные методы прогнозирования. Философы предпочитали создавать сценарий или модель грядущих событий, применяя рационалистические научные инструменты. Публицисты активно задействовали интуицию, прибегали к более поверхностному поисковому прогнозу, а также вживляли в ткань общества свои идеалы с помощью нормативного прогноза.

Ключевые слова: публицистика, философия, философская публицистика, журналистика, Россия, постмодернизм, прогноз.

Elena Vladimirovna Kuznetsova,
Postgraduate Student,
St. Petersburg State University
(7–90 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034)
e-mail: boiling-point@list.ru.

Oh, Brave New World: Understanding of Postmodernism in the Russian Philosophical Publicism (2010–2012)

The paper is devoted to the Russian phenomenon with a hardly translatable name “philosophical publicism”. Among the nearest analogues to it in Western culture there are “philosophical essays”, “philosophical journalism”, “intellectual journalism” and even “public philosophy”.

Philosophical publicism studies current social problems from a perspective of fundamental questions of being and thinking. Such texts gave a rise to philosophy in Russia in the mid-19th century. Having given a start to academic philosophy such texts play a special role supplying and enriching philosophy with true-life material in the 21st century.

The author of the paper analyses philosophical perception of the term “postmodernism” from 2010 to 2012. It turns out that strong rejection of this phenomenon and its aesthetic and social outcomes existed at the beginning of the 2010s. However in 2012 newspaper “Literaturnaya Gazeta” started a discussion that seriously altered the understanding of the term in question. A group of publicists claimed the ability of postmodernism to take over its own major outcome – chaos and become a new ground for invention of new values and meanings. Consequently, they stopped understanding postmodern as a fatalistic “endless deadlock” and started explaining it as a sort of entelechy or a problem that contains its own solution. Meanwhile, publicists laid big hopes on postmodern aesthetics, which could fight with mass culture and contemporary practices of every day life.

© Е. В. Кузнецова, 2014

The discussion allowed philosophical publicism to realize one of its main functions – prognostic one. Comparison of articles in “Literaturnaya Gazeta” with professional philosophy gives the idea that authors of the mentioned texts used different methods of forecasting. Philosophers preferred to create exact scenario or model of future events, using rational scientific instruments. Publicists engaged intuition and rough exploratory forecasting. They also “implanted” their ideals into social mind by normative forecasting.

Key words: publicism, philosophy, philosophical publicism, journalism, Russia, postmodernism, forecasting.

Рассуждения о том, что современное российское общество не приемлет постмодернизм, давно уже стали общим местом. Постмодернизм[1] «безоснователен», «циничен», «лишен идеалов», «ставит форму выше содержания». Список можно продолжать.

Однако если ситуация настолько безрадостна, то где и когда будет найден из нее выход? По каким законам станет функционировать общество, которое мы получим в результате? Обозначенные проблемы назрели и требуют разрешения. Об этом свидетельствует содержание современной российской философской публицистики[2]. Именно оно стало объектом изучения. Предметом послужили футурологические построения, фигурирующие в статьях.

Актуальность предпринятого исследования объясняется точностью прогнозов философской публицистики [8, с. 102]. Порой они сбывались безошибочно (вспомним историю «Вех») и не безболезненно для российского общества. Прислушаться к доводам философских публицистов значит, если не избежать исторических просчетов, то, по крайней мере, более объемно понять архитектонику современности и её возможных продолжений.

Рождение и смерть. С термином «постмодернизм» («постсовременность») жителей Советского Союза познакомил философ А. В. Гулыга. В 1988 г., вернувшись из Германии, он сообщил о возникновении этого явления, которое активно обсуждали зарубежные интеллектуалы. «Еще в прошлом году мне никто толком не мог объяснить, что это такое. Ныне я сижу, обложенный книжными новинками /.../, стараясь читать только самое существенное» [6, с. 155], – писал он.

Факт, что постмодернизм прижился и комфортно чувствует себя на российской почве, зарегистрировала философская публицистика. Об этом в 1991 г. в журнале «Знамя» заявил литературовед, культуролог М. А. Эпштейн. В статье «После будущего. О новом сознании в литературе» он отметил: постмодернизм оказался на удивление «родственным и давно предназначенным» распадающемуся Советскому Союзу. Действительность, наполненная симулякрами и умолчаниями, подтолкнула возникновение соответствующей – «усталой» и «арьергардной» – литературы. Писатели отказались от социального пафоса и служения, предпочтя им «дисциплину чувственности» [22, с. 229, 218, 228].

В некотором смысле эта работа стала канонической для отечественной философской публицистики. Последователи репродуцировали сам подход Эпштейна: рассматривая постмодерн как литературное явление, прослеживали связи с порождающей его жизненной практикой. В результате предметом анализа становились не только эстетика или социальные особенности постмодернизма, а его культура в целом. И мировоззрение носителей этой культуры.

В конце 1990-х – начале 2000-х М. А. Эпштейн вместе с другими критиками и литературоведами [9] отметился попытками похоронить постмодернизм. В 2001 г. он сравнил взрывы во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке с самоубийством постмодернист-

[1] Чтобы не вступать в спор о соотношении терминов «постмодернизм» или «постмодерн», мы будем употреблять их как синонимы. Это необходимо, чтобы избежать многочисленных отступлений при комментировании статей философских публицистов, которые не всегда различают эти понятия. «Постмодернизм» мы вслед за автором Новой философской энциклопедии Е. В. Петровской понимаем широко – как «тенденции, проявившиеся в культурной практике и самосознании Запада в течение /…/ последних десятилетий» (Петровская Е. В. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия в 4-х т. М., 2001. Т. 3. С. 297), со свойственными им децентрализацией, плюрализмом, цитатностью, текстоцентризмом.

[2] «Философская публицистика» – публицистика с четко обозначенной мировоззренческой позицией автора, рассматривающая актуальные проблемы современности под углом основных вопросов бытия и мышления. (Подробнее см.: Прохоров Е. П. Искусство публицистики: размышления и разборы. М., 1984. С. 208, 215; Семенова А. Л. Русская философская публицистика начала XX века: утопия радикального обновления / науч. ред. Г. В. Жирков. Великий Новгород, 2010. С. 17–19). В дальнейшем мы будем разграничивать философскую публицистику и «институциональную», или профессиональную философию. Философское содержание и той, и другой очевидно, однако первую отличает мощное политико-социальное основание и специфический вектор движения мысли: от сегодняшнего – к вечному, от частного – к общему, от современного – к вневременному.

ского мировоззрения, «утратившего границу между свободой – и всеприятием, разнообразием – и уравнительством» [23, с. 480]. По предположению философа, на смену постпериода человеческой истории пришел «прото-период», когда «размягчаются контуры настоящего» [24], и начинает вырисовываться будущее – освобожденное и от тоталитарных утопий, и от радикальной всеприимности.

Новое рождение. Постмодернизм, однако, оказался, скорее, жив, чем мертв. Это доказывают публикации, появившиеся в «Литературной газете» в начале текущего десятилетия. В 2010 г. влиятельный критик Л. В. Пирогов попытался построить собственную концепцию постмодерна, который понял как «реакцию человека на мироздание, лишенное Замысла». Рецензируя книгу Л. В. Сафроновой «Постмодернистский текст: поэтика манипуляции», автор заявил: «Постмодерновая культура не умерла, но стала чем-то вроде болезни, с которой настолько сроднилось общество, что перестало замечать ее». «Христианской цивилизации модерна постмодерн противопоставил языческое мировоззрение, линейное время сделал циклическим», – отметил публицист.

«Главное событие в жизни дикаря и животного – то, которое происходит сейчас, потому что “сейчас” – это и есть “всегда”. /…/ Жизнь происходит сию минуту, ты ничего не можешь отложить на потом, ничем не можешь пожертвовать. /…/ Не можешь измениться в будущем, которого нет»[1], – рассуждал Пирогов.

Трансформировалось понимание абсолюта (в его качестве ранее выступал Бог, а теперь функции высшей силы распределены между всеми атомами социального космоса), и, как следствие, философия авторствования. Писатели не желают добиваться божественного признания, менять «что-то в себе и в мире». «Они стремятся к “причастности ко всем”, популярность выступает “важнейшим символическим выражением власти”», – заключил Пирогов.

Его мысли о дальнейшем развитии ситуации оказались неконкретными, однако обладали некоторыми свойствами прогноза, обозначенного теоретиком журналистики В. А. Сидоровым как «поисковый». Пирогов «здесь и сейчас строил модель того, что произойдет там и потом», не навязывая читателю программы действий для достижения этой цели [20, с. 63]. «И всё же приятно думать, что когда-нибудь Постмодерн (в соответствии со своей циклической моделью хотя бы) закончится. Жаль только, жить в эту пору прекрасную… Хотя как знать. Всё бывает», – завершил статью Пирогов.

Таблица 1

Постмодернизм: концепция Л. Пирогова

	Модернизм	***Постмодернизм***
Время	Линейное, устремлено вперед	Циклическое
Характер общества	Христианское	Языческое
Хозяин жизни	Бог	Функции Бога формально распределены между всеми атомами социального космоса: «Возможно всё, что угодно всем»
Смысл творчества	Божественное признание, попытка изменить что-то в себе и в мире	Популярность как важнейшее выражение причастности всем и власти над всеми
Определение: «Постмодернизм – это реакция человека на мироздание, лишенное Замысла»		
Прогноз: «И всё же приятно думать, что когда-нибудь Постмодерн /.../ закончится»		

Иной взгляд высказала прозаик, главный редактор интернет-журнала «Молоко» Л. А. Сычева. В 2011 г. она опубликовала работу под названием «Венец творения в свободном падении» – отчет о конференции «Вера, надежда, любовь в российской семье». Здесь писательница предложила «физиологическую» трактовку современности. Постмодернизм, по мнению Сычевой, стал главным продуктом эпохи Просвещения, когда человек до того «механизировался», что полностью лишился животного начала, а вместе с ним – и близости к Богу.

«У человека машинного нет чувства исторического времени, нет патриотизма /.../, нет и вообще любви /…/ зато есть информированность – обо всём и ни о чём /…/. Постмо-

[1] Пирогов Лев. Постмодернисты, Сталин дал приказ // Литературная газета. 2010. 20 января. № 1. С. 6.

дернизм – это даже не отрицание Бога, свойственное ярым атеистам, это невозможность веры в него»[1], – ставила диагноз Сычева.

Литератор нашла в постмодернизме черты «женской» цивилизации, которой противопоставила традиционную «мужскую». «Кажется, что мужчины нынешнему мироустройству не нужны – территории освоены, войны отгремели /…/. Женская цивилизация – цивилизация комфорта, потребления, богатства, довольства, домовитости, порока и пресыщения. Цивилизация, в которой мужчины – неразумные мальчики, дети, блудные сыны», – описывала Сычева.

С ее точки зрения, постмодернизм обречен на исчезновение – вместе с его носителями. Их смоют с лица земли более молодые восточные цивилизации, не утратившие природных инстинктов. Россия оказалась в промежуточном положении между Европой и Азией в качестве «территории борьбы традиции и постмодернизма, смысла и симулякра, человека природного и биоробота». От выбора соотечественников зависит их историческое будущее, поэтому читателям рекомендованы традиционные ценности. «Чтобы выжить в эру постмодернизма, надо иметь крепкую голову и большую семью», – заключила писательница.

Таблица 2

Постмодернизм: концепция Л. Сычевой

	Традиционное общество	***Постмодернизм***
Центральные черты цивилизации	Мужественность, естественность, физиологичность, пассионарность, стремление к смыслу	Женственность, механизированность, экономия ресурсов, распространение симулякров
Субъект	Человек природный, естественный	Биоробот, человек машинный
Компетенции субъекта	Любовь, вера в Бога	Информированность
Определение: Постмодернизм – «концентрированное выражение женственности нынешней европейской цивилизации», продукт Нового времени, связанный с потерей человеком своего физиологического основания		
Прогноз: Постмодернизм падет под натиском молодых восточных цивилизаций, не утративших физиологического начала. У России, находящейся в промежуточном положении между постмодерном и традиционным обществом, есть шанс выжить, если она выберет традиционные ценности		

Гибель постмодернизма, таким образом, казалась предопределенной и неизбежной – в этом публицисты сошлись. Но когда и как произойдет столь значимое событие? – здесь согласия уже не наблюдалось. Меньше ясности обнаруживалось и в вопросе об особенностях общества, которое сбросит с себя постмодернистский покров.

Дискуссия-2012. Прогностический аспект философско-публицистических выступлений усилился в 2012 г., когда «Литературная газета» провела дискуссию «Постмодернизм: 20 лет спустя». Она с запозданием отметила двадцатилетие со дня выхода первой статьи М. Н. Эпштейна о постмодерне. Инициировавший прения отдел литературы «ЛГ» призывал коллег к «спокойному общефилософскому анализу феномена постмодернизма» и выражал готовность «дать слово всем заинтересованным сторонам, невзирая на лица»[2]. На разборе данной дискуссии мы остановимся подробнее.

Она длилась с января по сентябрь 2012 года и собрала 23 выступления, около 20 из которых можно маркировать как философскую публицистику. Авторами стали литературные критики, философы, журналисты, ученые, писатели из разных регионов России. Большинство из них объединило скептическое отношение к постмодерну, свойственное и некоторым представителям западной постмодернистской философии [4]. Все эпитеты, адресованные постмодернизму, перечислять не будем – это не входит в задачу исследования. Для характеристики эмоциональной стороны спора отметим только, что обозреватель «ЛГ» В. И. Шемшученко назвал постмодерн «дурилкой картонной»[3], журналист В. Рокотов – «утилем» и «творчеством обезьян»[4].

С эстетической точки зрения посткультуре вменяли в вину смакование насилия, тем «человеческого низа». Стремление к популярности, оттеснение смысла на второй план под влиянием языковой игры также зачитывалось против постмодерна. В мировоз-

[1] Сычева Лидия. «Венец творения» в свободном падении // Литературная газета. 2011. 10 августа. № 32–33. С. 9.

[2] Отдел литературы. Средь отвергнутых могил // Литературная газета. 2012. 18 января. № 1–2. С. 5.

[3] Шемшученко Владимир. Дурилка картонная // Литературная газета. 2012. 1 февраля. № 4. С. 5.

[4] Рокотов Валерий. Чапаев и простота // Литературная газета. 2012. 18 июля. №. 29. С. 5.

зренческом плане его характеризовали «расслабленностью» и бессмысленностью. Однако в качестве центральной черты постмодернизма публицисты отметили хаотичность. По наблюдениям профессора Иркутского государственного лингвистического университета В. П. Даниленко, «сущность постмодернизма очень проста. Она состоит в хаотизации представлений о мире. Главный критерий /.../: есть хаос – есть постмодернизм, нет хаоса – нет постмодернизма»[1].

Размышления о хаосе встречались более чем в десяти сочинениях, причем именно отношение к нему, по нашему мнению, определило позиции участников спора. Среди них можно выделить две главенствующих группы: члены одной выражали абсолютную неготовность принять хаос, другие же верили – беспорядочность постмодерна при определенных условиях может принести пользу. Также имелись две группы дополнительные, о которых будет сказано ниже.

Неприятие. В составе первой группы (назовем ее «не принимающие хаос») выступили В. П. Даниленко, Л. В. Пирогов, В. Рокотов, В. И. Шемшученко, А. Медведев, А. М. Мелихов, И. И. Рейдерман, В. Г. Куприянов, С. Г. Замлелова. Они продемонстрировали абсолютную неготовность примириться с постмодернизмом, признать хотя бы отдельные его положительные черты.

Хаос постмодерна отличается от хаоса, описанного классической русской литературой, неумением ясно распределить свет и тени, полагали эти авторы: из оппозиций «света–тьма» современность полностью исключает свет. Достоевский вел своих героев от безумия к просветлению, а нынешние писатели насаждают безальтернативные «абсурд, нонсенс, ненормальность», приводил примеры журналист А. Медведев. «Свобода от оков здравого смысла приводит к реальным оковам»[2], – предупреждал он.

«Теоретики постмодернизма учат абстрагироваться от реальности и предаваться играм со знаками. /…/ Художник отказался от всяких тайн. Он больше не предлагает читателю откровений»[3], – сетовала писательница почвенной ориентации С. Г. Замлелова.

Примечательно, что прогноз из большинства работ «антихаотиков» был исключен. Публицисты давали понять, что не способны предположить, когда окончится эра постмодерна. В этом плане новейшее течение сравнивали с реализмом и романтизмом, создавшими специфические культурные «ситуации», то обостряющиеся, то уходящие в тень с течением времени. «Постмодернизм, однажды возникнув, будет теперь жить долго»[4], – обрисовывал горизонты возможного Л. В. Пирогов в статье «Мальчик был, есть и хочет есть». С ним солидаризировался поэт И. И. Рейдерман. «Ситуация постмодерна, в которой все мы живём, никуда не исчезла. Она диктует “игру на понижение” как универсальную стратегию /.../. А это значит, что становятся неуместными высокое слово, поэтический пафос, вера, надежда и тому подобное»[5], – отмечал он.

Не приемлющие хаос, однако, высказывали и основания для оптимизма. «Хотя ситуацию постмодерна невозможно отменить, ее можно ослабить», – надеялись они. Для этого нужно применить универсальное лекарство простоты, скреплявшее еще советскую цивилизацию. Под простотой понималось умение с открытым забралом защищать вечные ценности, противостоять формалистическим тенденциям, предпочитать общественные интересы индивидуальным. «А чем его (постмодернизм – прим. авт.) извести? Да всё тем же самым: “наивностью”, “звериной серьёзностью”, “пошлостью” – всем тем, от чего положено сегодня нос воротить», – советовал Л. В. Пирогов.

Таким образом, авторы-«антихаотики», используя инструменты поискового прогноза, предрекли обществу постмодерна необозримо долгую жизнь. Вместе с тем, они рассчитывали ослабить ситуацию постмодернизма с помощью простоты, и в данном случае применяли прогноз нормативный.

Полунеприятие. Близкие, но не аналогичные убеждения транслировало небольшое объединение литературных критиков (Е. А. Ермолин, С. А. Баталов), не одобрявших эстетики постмодернизма, однако полагавших: под влиянием новых жизненных реалий она уже сходит на нет. Такие прогнозы основывались на включении постмодерна в политический контекст – его воспринимали как выражение разрухи 1990-х годов и мещанской беспринципности 2000-х.

[1] Даниленко Валерий. Есть хаос – есть постмодернизм // Литературная газета. 2012. 8 февраля. № 5. С. 5.

[2] Медведев Александр. Дай мне Бог сойти с ума! // Литературная газета. 2012. 3 мая. № 18. С. 5.

[3] Замлелова С. Прометей – Иоанн – Иуда, или Утрата бытия // Литературная газета. 2012. 1 августа. № 31. С. 5.

[4] Пирогов Лев. Мальчик был, есть и хочет есть // Литературная газета. 2012. 15 февраля. № 6. С. 5.

[5] Рейдерман Илья. Хитиновый покров постлитературы // Литературная газета. 2012. 16 мая. № 19 – 20. С. 5.

Так, Е. А. Ермолин объявил в статье «Поминки по постмодернизму», что «постмодернизм в России скорее мёртв, чем жив. Как спетая песня: больше не зажигает»[1]. По соображениям публициста, черту под бытием этого течения подвели политические протесты «неморозного, ростепельного декабря 2011-го», поддержанные новым литературным движением «трансавангарда». С. А. Шаргунов, Е. Н. Георгиевская и другие молодые прозаики «осознали и выразили истину», опираясь на «идеалы новой серьёзности, пафос ответственности и ангажемента, долга и миссии». «Мы угадываем здесь /.../ наличие недостижимого, непостижимого, но несомненного Неба. Неба души. Угадываем серьёзность вопроса, обращённого не столько вверх /.../, сколько вглубь», – подчеркнул Ермолин.

С. А. Баталов провел демаркационную линию между постмодернизмом и постпостмодернистской литературой по критериям «смысл» – «отсутствие смысла», «безыдеальность» – «поиски новых идеалов». «Сейчас другое время. Время мучительного осознания большой страной самой себя. /…/ Время больших идей, публицистики и дискуссий в интернет-блогах, пафоса. Литераторы стали предельно серьёзны»[2], – резюмировал критик.

Полуприятие. Теперь рассмотрим, о чем писала другая влиятельная группа мыслителей (А. В. Татаринов, А. Зенкин, В. Г. Бондаренко, А. Мамукина), которых мы условно назовем «почти принимающие хаос». Их отношение к постмодерну, пожалуй, точнее всего можно описать словами Гете о Мефистофеле: он – «часть той силы, что без числа творит добро, всему желая зла» [5]. Или метким выражением читателя «ЛГ» Г. Руколадова, рассудившего: «Со всякой нивы можно собрать урожай, если сочетать традиционное земледелие с новыми методами повышения плодородия почв»[3].

Публицисты этого склада уверены: в слабостях постмодерна может крыться его сила, в хаотичности и бессмысленности при желании можно найти почву для поиска идеалов и установления порядка. При этом особые надежды возлагались на постмодернистскую эстетику. Именно она призвана стать главным инструментом борьбы с постмодернистской практикой, «систематизировать творящийся в стране хаос»[4].

Здесь можно выделить несколько изгибов мысли. Так, доктор филологических наук, заведующий кафедрой зарубежной литературы Кубанского государственного университета А. В. Татаринов уповал, что постмодернизм начнет вместе с реализмом бороться с массовой культурой, «агрессивной по отношению к любому искусству». А. А. Проханов и В. О. Пелевин, В. Г. Сорокин и Г. У. Садулаев выступят единым фронтом против «грядущего хама», который «грозит вывести прозу, поэзию и драматургию из набора необходимых культурных ценностей», надеялся профессор.

«Пожалуй, главный грех постмодерна – неоправданное усложнение повествования при радикальном упрощении восприятия души, – рассуждал Татаринов. – Но это не значит, что так всегда и у всех. В самых сильных образцах русский постмодернизм не перестаёт быть особой – ледяной – метафизикой, в рамках которой решаются и религиозные, и историософские проблемы»[5]. Поэтому Татаринов предостерегал коллег от мифологизации постмодерна. Она превратит неоднозначное явление в «удобного дьявола, который всегда под рукой и молчаливо принимает на себя ответственность за все наши провалы, за безволие и поражения на разных фронтах последних десятилетий».

Иные основания для жизнеутверждающих выводов отыскали философ А. Зенкин и литературный критик, замредактора газеты «Завтра» В. Г. Бондаренко. В их понимании, постмодернизм был необходим в качестве средства эстетической реабилитации в годы безвременья, наставшего в конце XX века в европейском и постсоветском пространствах.

Обыгрывая моменты из минувшей жизни, забавляясь с литературными и историческими реминисценциями, постмодернисты помимо своей воли становились «собирателями камней», коллекционировали лучшие артефакты Советской империи, воспроизводили высшие достижения мировой словесности. «Из груды обломков постмодернисты достают кто бессмертного комдива Чапаева, кто “хорошего Сталина”, кто чекистов, кто ту же самую женщину с веслом»[6], – описывал В. Г. Бондаренко. «Модернизм и постмодер-

[1] Ермолин Евгений. Поминки по постмодернизму // Литературная газета. 2012. 25 января. № 3. С. 5.

[2] Баталов Сергей. «Нулевые» и обнуление // Литературная газета. 2012. 27 июня. №. 27. С. 5.

[3] Руколадов Геннадий. Где ж вы, где ж вы, очи карие? // Литературная газета. 2012. 8 февраля. №. 5. С. 5.

[4] Бондаренко Владимир. Жрецы русского постмодерна // Литературная газета. 2012. 12 сентября. № 36. С. 4.

[5] Татаринов Алексей. Что страшнее постмодернизма // Литературная газета. 2012. 22 февраля. № 7. С. 5.

[6] Бондаренко Владимир. Указ. соч. С. 4.

низм, противореча и внутренне противостоя классике, на самом деле продолжают попытку развития её задач. Социализм тоже родился из христианства, именно противостоя христианству, а в итоге развивая его же идеи! И это нетрудно понять, ибо цели классики, вообще культуры, глобальные, общечеловеческие»[1], – отмечал А. Зенкин.

Оба выступающих делали оговорку, что постмодерн бывает разный: «хороший» (кропотливо изучает опыт предшественников) и «плохой» (проявляет жажду популярности, насаждает протестные настроения), национально окрашенный (Ю. М. Поляков, А. А. Проханов) или уничтожительно-либеральный (В. О. Пелевин, В. Г. Сорокин, Д. Л. Быков). Однако в целом явление имеет потенциал, чтобы вместо падения оказаться «передышкой перед новым взлётом»[2], вместо отдыха от культуры – «культурой отдыха перед следующим грандиозным этапом созидания гармоничного мира»[3].

«Из постмодерна мы рано или поздно выйдем, как старые революционеры, ставшие строителями и охранителями, потеряв надежду на старые истины, но обретя в конце концов новые», – прокламировал В. Г. Бондаренко и даже обещал, что средствами постмодерна можно построить «Дивный новый мир».

Третью точку зрения в рамках «полуприятия» постмодерна развивала журналистка и «сетевая» поэтесса А. Мамукина. Ее концепция основана на ницшеанской философии культуры. Современность проявляет признаки темного дионисийского, а не возвышенного аполлонического начала, но это не повод заниматься ее тотальной критикой, отказавшись от объективности, предписывала автор «ЛГ»: «На пике счастья может раздаться крик ужаса. Но тогда справедливо и обратное: только спустившись по всем кругам ада, можно оказаться на небесах»[4].

Преобладание дионисийского начала не может длиться вечно, и аполлонические свойства культуры вновь восторжествуют, прогнозировала журналистка. Однако до этого времени нужно достойно дожить. «Может, нам необходимо возвышение не только над пороками и страстями, но и над самими собой?» – выдвигала идею автор статьи. Таким образом, она добавляла к поисковому прогнозу (постмодернизм просуществует, сколько необходимо, чтобы завершить его историческую программу и вновь перейти к аполлоническому витку культуры) нормативный: нужно усовершенствовать себя вместо того, чтобы менять сложившуюся общественную парадигму.

Приятие. Последняя группа участников дискуссии (Ф. Вотинцев, Г. Г. Муриков, В. Можегов) поддержала необходимость принять постмодернизм на любых условиях – без косметических улучшений или глобальной перестройки. Постмодерн рассматривался как неизбежный этап человеческого прогресса, наполненный существенными достоинствами. «Смирись, живи внутри своего отрезка времени, не претендуя на преобразование универсума, наслаждайся данным», – примерно такой сигнал адресовали читателям авторы газеты.

Литературный критик Муриков отмечал: «Постмодернизм – в широком понимании этого слова – это стиль и образ жизни в современную эпоху. Сейчас нельзя жить, будучи “реалистом”, а тем более “новым реалистом” в стиле Р. Сенчина и З. Прилепина. /…/ Постмодернизм – /…/ это то, в чём и как мы существуем. Игра слов, игра понятий, жизнь как игра»[5], – поучал он. Читатель «ЛГ» Ф. Вотинцев предлагал «отделить овец от козлищ» и понять, что постмодернизм не так страшен, как его малюют. «Говоря о вневременье, многие часто забывают об этой двойной формуле, о том, что оно может быть двух видов: во-первых, приближённым к религиозному ощущению вечности /…/, во-вторых, когда оно ничего, кроме сиюминутного, “современного”, не воспринимает. Постмодернизм вроде бы предполагает именно прорыв временных рамок и уход от “моды”»[6], – реабилитировал объект спора Вотинцев. И заключал: постмодерну не суждено скоро сойти с исторической сцены. Хотя бы в соответствии с народным поверьем: кого заживо хоронят, тот долго живет.

С оригинальной версией апологетики постмодернизма выступил журналист, сценарист, автор журнала «Континент» В. Можегов. В его понимании, постмодернизм – испытание, спровоцированное высшими силами, чтобы «лишённый всех внешних опор и привычных догм, человек нашёл своё собственное слово». Слово «кризис» не случайно в переводе с греческого означает «суд»: пост-

[1] Зенкин Александр. Создание текста и созидание текстом // Литературная газета. 2012. 25 апреля. № 17. С. 5.

[2] Бондаренко Владимир. Указ. соч. С. 4.

[3] Зенкин Александр. Указ. соч. С. 5.

[4] Мамукина Анна. Дионис или Аполлон? // Литературная газета. 2012. 30 мая. № 22. С. 5.

[5] Муриков Геннадий.Что наша жизнь? – Игра // Литературная газета. 2012. 18 апреля. № 16. С. 5.

[6] Вотинцев Фёдор. За дискурс отвечаете? // Литературная газета. 2012. 29 февраля. № 8. С. 5.

модерн выступил строгим и нелицеприятным судьей, «скептическим и ироничным шутом и жрецом Нового мира». Он, «как первозданный хаос и древний ужас /…/, уже подбирается к ножкам дивана, на котором зевает над свежей газетой /…/ рациональный разум»[1].

«Общество постмодернизма только начинает формироваться, и просуществует не одно поколение», – пророчил автор. Главным признаком этого строя станет отказ от скомпрометировавших себя рационалистических практик в пользу погружения в «глубины подсознания». «Энергия /…/ станет языком постмодернистского мира. Квантовая теория детерминированного хаоса – его математической основой. Экзистенциализм (постструктурализм?) – его философией», – фантазировал Можегов. Эти подходы позволят собрать воедино пеструю мозаику идеологий постмодерна, дадут общий язык его обитателям. «Пусть Вася Штырь из 2-го подъезда носит красно-белые цвета клуба “Спартак”, компьютерный гений Боб – значок “легалайз канабис” на майке с Че Геварой. /…/ Постмодерн проглотит нас всех, полюбив такими, как мы есть», – размышлял автор статьи.

Впрочем, рано или поздно за стеной постмодерна начнут проступать контуры нового социума, прогнозировал В. Можегов. Уточнений о том, каким он может быть, в статье не приводилось. Однако журналист не исключал, что особенную роль в его создании сыграет русская творческая элита. «Ведь мы всегда ощущали себя созданными для решения именно последних, эсхатологических вопросов. И, может быть, стать в каком-то смысле /…/ “Ковчегом спасения” для целого мира и есть наша метафизическая судьба? Венедикт Ерофеев, Андрей Тарковский, Иосиф Бродский, Егор Летов – вот имена, открывающие русский космос постмодерна, его метафизические пространства, где всё так “весело и страшно” пульсирует у самых границ Откровения», – обнадеживал публицист.

Взгляды Можегова, а также других авторов, принимающих или «полупринимающих» постмодернизм, оказались достаточно влиятельными. Это доказывает их положение в споре: работа Можегова открыла его 18 января вместе с вводной статьей отдела литературы, реплика Зенкина прозвучала в середине обсуждения – 25 апреля, статья Бондаренко – подвела итоги дискуссии 12 сентября. Представители данного лагеря фактически одержали победу в полемике. Что и неудивительно: они обозначили новые и позитивные грани решения проблемы. Как будто повторяя доводы одного известного политика, они утверждали: нужно изучить своего врага, чтобы бороться с ним. А может быть, осознать, что враг – не враг, а друг.

Таблица 3

Постмодернизм: прогностический аспект дискуссии в «Литературной газете»

	Постмодернизм			
Позиция	***Неприятие***		***Приятие***	
Как можно преодолеть постмодернизм	Извне		Ресурсы для борьбы с постмодернизмом содержатся внутри постмодернизма	Не надо искусственно преодолевать постмодернизм
	Полное	**Частичное**	**Частичное**	**Полное**
Представители	В. Даниленко, Л. Пирогов, В. Рокотов, В. Шемшученко, А. Медведев, А. Мелихов, И. Рейдерман, В. Куприянов, С. Замлелова	Е. Ермолин, С. Баталов	1) а) А. Татаринов, б) А. Зенкин, В. Бондаренко, 2) А. Мамукина	Ф. Вотинцев, Г. Муриков, В. Можегов
Понимание постмодернизма	Ситуация	Небольшой период российской истории, последовавший за развалом СССР, и отразившая его эстетика	1) а) – Период развития эстетики; б) «передышка» перед созиданием новой культуры; 2) этап в развитии культуры	Исторический этап

[1] Можегов Владимир. Чайник надежды // Литературная газета. 2012. 18 января. № 1–2. С. 5.

Нормативный прогноз: средства борьбы с постмодернизмом	Простота	Утверждение новых-старых идеалов	1) Постмодерновая эстетика преобразует постмодернистскую практику: а) она вместе с реализмом выступит против массовой культуры; б) «соберет камни», разбросанные цивилизациями модерна; 2) Улучшение себя	Метафизические поиски русской творческой элиты ненасильственно преобразуют постмодерн
Поисковый прогноз: когда закончится постмодернизм	Он бесконечен, может только ослабляться	Преодолевается на наших глазах	1) а) Нет прогноза; б) постмодернизм окончится скоро, но конкретный срок не указан; 2) пока культура вновь не войдет в аполлонический виток	Просуществует достаточно долго
Основные характеристики постмодернизма в сравнении с идеальной культурой прошлого и будущего	Прошлое: порядок, смысл, идеалы. Постмодернизм: хаос, бессмысленность, безыдеальность. Будущее: новый порядок, утверждение новых смыслов и идеалов			

Публицистика и философия. Прежде, чем перейти к выводам, зададимся вопросом: а что же философия институциональная? Ведь она не ограничилась выступлением А. Гулыги и продолжила осмысливать феномен постмодернизма. В таком случае, интересно понять, как соотносилось ее содержание с основным смыслом философско-публицистических работ, что было первичным, а что – вторичным, что оригиналом, а что – слепком с него.

О накоплении усталости от постмодерна российские философы впервые заявили в 1993 году на круглом столе журнала «Вопросы философии» [16, с. 15], но более настойчиво необходимость преодолеть новое течение постулировали в начале прошлого десятилетия. С таким прогнозом, в частности, выступили доктор философских наук, специалист по социологии Ю. М. Давыдов [7] и – в Новой философской энциклопедии – Г. С. Померанц [15].

К середине 2000-х гг. философское сообщество раскололось на два лагеря. Часть любомудров предположила, что проект постмодернизма еще далек от завершения [3]. Другие говорили о близящейся кончине постмодерна. Описывая происходящие внутри него сдвиги (виртуализация, создание техно-образов, «глокализация» сообществ, транссентиментализм [12]) философы проявили большую научную точность, чем публицисты. Размышляя о том, что будет дальше, мыслители присоединялись к западной теории постпостмодернизма [25] или выстраивали ее альтернативы. Так, доктор философских наук В. А. Кутырев убеждал, что заменить постпостмодерн с его античеловечной виртуализацией сможет «универсальный коэволюционизм», располагающий к мирному сосуществованию истинной и виртуальной реальностей [10]. Доктор философских наук А. И. Пигалев склонялся к тому, что постмодерн трансформируется в «контрмодерн», а человечество откажется от технического развития в целях достижения стабильности [14]. Доктор искусствоведения В. Г. Арсланов заявлял, что действенная альтернатива постмодерну уже найдена в теоретических трудах советского философа М. А. Лифшица и художественной практике М. А. Булгакова, О. Э. Мандельштама, А. Т. Твардовского [1]. Сотрудник Уральского отделения РАН Л. Г. Фишман верил, что выбраться из постмодернистской ловушки России поможет «тяга к социальному эксперименту и смелому политическому проектированию» [21, с. 230].

Таким образом, профессиональная философия сосредоточилась на сценарном прогнозе и моделировании, проявив большую тщательность в догадках, во что трансформируется постмодернизм, тогда как философская публицистика с интересом передавала сам механизм трансформации (перестраивающий себя хаос). Предположения философов создавали ощущение терпеливого научного исследования, публицисты же демонстрировали интуитивизм прозрений. Наслаивая поверх пунктирных элементов поискового прогноза нормативный, они выясняли, как следует действовать, чтобы бездуховная эпоха постмодернизма окончилась.

При этом философская публицистика обнаружила независимость как от отечественных, так и от западных философских теорий. Вобрав их суть, она вольно использовала соответствующую терминологию («симулякр», «ризомность», «плюрализм») без ссылок на источники, обошла вниманием новейшую концепцию постпостмодернизма. Этот факт лишь отчасти можно объяснить недоинформированностью публицистов, многие из которых обладали бесспорной образованностью или научными степенями. Речь идет о желании понять ситуацию изнутри, произвести независимые измерения на весах собственной совести. То есть вновь об интуиции – родовом инструменте журналистики [19, с. 105, 108], близком, впрочем, и философии. Неслучайно Н. О. Лосский считал интуицию третьим путем гносеологии, позволяющим преодолеть односторонность рационализма и эмпиризма [11, с. 194], а Н. А. Бердяев называл «симпатическим вживанием, вникновением в мир, в существо мира» [3, с. 34].

Итак, рецепция понятия «постмодернизм» и стоящих за ним социальных и эстетических практик длится в российской философской публицистике с 1991 года. За это время постмодерн, чьи завоевания воспринимаются настороженно, несколько раз был похоронен, однако возрождался в философско-публицистическом дискурсе. В 2012 году «Литературная газета» провела полемику, изменившую расклад сил. Тотальному неприятию постмодернизма она противопоставила политику частичного или полного его приятия. Вместо «бесконечного тупика», гнетущей ситуации хаоса постмодернизм предстал в виде энтелехии, самодвижущейся сущности, проблемы, решение которой кроется внутри нее самой. Часть публицистов уверяли, что постмодерн в состоянии сам систематизировать наиболее страшное из своих порождений – хаос. Особая роль отводилась постмодернистской эстетике, призванной побороть современную жизненную практику, победить массовую культуру, сохранить ценные (и ценностные) артефакты ушедших эпох.

Сопоставление философско-публицистических и профессионально-философских текстов приводит к выводу, что в них использовались разные методы прогнозирования. Философы предпочитали создавать сценарий или модель грядущих событий. Публицисты прибегали к более поверхностному поисковому прогнозу и вживляли в ткань общества свои идеалы с помощью прогноза нормативного, а также активно применяли интуицию.

Список литературы

1. Арсланов В. Г. Постмодернизм и русский «третий путь»: tertium datu российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007. 656 с.

2. Бердяев Н. Смысл творчества. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2010. 414 с.

3. Богатырева Е. А. Завершен ли «проект» постмодерна? // Вопр. философии. 2009. № 8. С. 56–65; Емелин В. А. Постмодернизм: проблемы и перспективы // Постмодерн. Культура и философия. URL.: http://postmodern.in.ua/?p=1184 (дата обращения: 10.04.2014).

4. Бодрийяр Жан. Прозрачность зла / Перев. с франц. Л. Любарской и Е. Марковской. М.: Добросвет, 2000. 258 с.; Он же. Симулякры и симуляция / Перев. О. А. Печенкиной. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.

5. Гете И. В. Фауст / Собр. соч.: в 10 т. «Фауст» / Пер. с нем. Б. Пастернака, под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. Худож. лит., 1976.Т. 2. С. 50.

6. Гулыга А. В. Что такое постсовременность // Вопр. философии. М., 1988. № 12. С. 153–159.

7. Давыдов Ю. М. Патологичность «состояния постмодерна» // Социс. 2001. № 11. С. 3–12.

8. Зеленина Е. В. Философская публицистика: ценностно-смысловые аспекты // Вопр. теории и практики журналистики. 2013. № 1. С. 100–110.

9. Иванова Н. Жизнь и смерть симулякра в России // Дружба народов. 2000. № 8. С. 187–196; Она же. Преодолевшие постмодернизм // Знамя. 1998. № 4. С. 193–204; Басинский П. Проплаченная культура // Октябрь. 1999. № 2. С. 188–190.

10. Кутырев В. А. Философия Иного, или небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 3–19.

11. Лосский Н. О. Интуитивизм // Лосский Н. О. Учение о перевоплощении; Интуитивизм. М.: Прогресс, 1992. С. 136–206.

12. Митрошенков О. Что придет на смену постмодернизму? // Свободная мысль. 2013. Март. № 3. С. 125–131.

13. Петровская Е. В. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 297.

14. Пигалев А. И. Постмодернистская апокалиптика как упреждающее обновление цивилизационного проекта // Вопр. философии. 2011. № 5. С. 30–40.

15. Померанц Г. С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 297–298.

16. Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // Вопр. философии. 1993. № 3. С. 3–27.

17. Прохоров Е. П. Искусство публицистики: размышления и разборы. М.: Советский писатель, 1984. 360 с.

18. Семенова А. Л. Русская философская публицистика начала XX века: утопия радикального обновления / науч. ред. Г. В. Жирков. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2010. 296 с.

19. Сидров В. А. Прогностика в современных СМИ: ценностный анализ прошлого и поиск идеалов // Журналистика в мире политики: модель для будущей России / ред.-сост. И. Н. Блохин, С. Г. Корконосенко. СПб., 2011. С. 63–76.

20. Сидоров В. А. Прогноз в журналистике: учеб. пособие. СПб.: Факультет журналистики СПбГУ, 2001. 123 с.

21. Фишман Л. Г. Постмодернистская ловушка: путь туда и обратно. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 236 с.

22. Эпштейн Михаил. После будущего. О новом сознании в литературе // Знамя. 1991. Январь. № 1. С. 215–230.

23. Эпштейн М. Н. Взрыв, а не всхлип // Эпштейн М. Н. Все эссе: в 2 т. Из Америки. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. Т. 3 . С. 477–480.

24. Эпштейн М. Будущее после «будущего» // Веер будущего. Техно-гуманитарный вестник под редакцией Михаила Эпштейна и Алексромы. URL: http://www.veer.info/01/v1_bud.html (дата обращения: 04.05.2014).

25. См., напр.: Gans E. The Post-Millennial Age // Anthropoetics: the Journal of Generative Anthropology. 2000. June, 3. URL: http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw209.htm (дата обращения: 10.04.2014).

References

1. Arslanov V. G. Postmodernizm i russkii «tretii put'»: tertium datu rossiiskoi kul'tury XX veka. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2007. 656 s.

2. Berdyaev N. Smysl tvorchestva. M.: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2010. 414 s.

3. Bogatyreva E. A. Zavershen li «proekt» postmoderna? // Vopr. filosofii. 2009. № 8. S. 56–65; Emelin V. A. Postmodernizm: problemy i perspektivy // Postmodern. Kul'tura i filosofiya. URL.: http://postmodern.in.ua/?p=1184 (data obrashcheniya: 10.04.2014).

4. Bodriiyar Zhan. Prozrachnost' zla / Perev. s frants. L. Lyubarskoi i E. Markovskoi. M.: Dobrosvet, 2000. 258 s.; On zhe. Simulyakry i simulyatsiya / Perev. O. A. Pechenkinoi. Tula: Tul'skii poligrafist, 2013. 204 s.

5. Gete I. V. Faust / Sobr. soch.: v 10 t. «Faust» / Per. s nem. B. Pasternaka, pod obshch. red. A. Aniksta i N. Vil'monta. Khudozh. lit., 1976.T. 2. S. 50.

6. Gulyga A. V. Chto takoe postsovremennost' // Vopr. filosofii. M., 1988. № 12. S. 153–159.

7. Davydov Yu. M. Patologichnost' «sostoyaniya postmoderna» // Sotsis. 2001. № 11. S. 3–12.

8. Zelenina E. V. Filosofskaya publitsistika: tsennostno-smyslovye aspekty // Vopr. teorii i praktiki zhurnalistiki. 2013. № 1. S. 100–110.

9. Ivanova N. Zhizn' i smert' simulyakra v Rossii // Druzhba narodov. 2000. № 8. S. 187–196; Ona zhe. Preodolevshie postmodernizm // Znamya. 1998. № 4. S. 193–204; Basinskii P. Proplachennaya kul'tura // Oktyabr'. 1999. № 2. S. 188–190.

10. Kutyrev V. A. Filosofiya Inogo, ili nebytiinyi smysl transmodernizma // Vopr. filosofii. 2005. № 12. S. 3–19.

11. Losskii N. O. Intuitivizm // Losskii N. O. Uchenie o perevoploshchenii; Intuitivizm. M.: Progress, 1992. S. 136–206.

12. Mitroshenkov O. Chto pridet na smenu postmodernizmu? // Svobodnaya mysl'. 2013. Mart. № 3. C. 125–131.

13. Petrovskaya E. V. Postmodernizm // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. M.: Mysl', 2010. T. 3. S. 297.

14. Pigalev A. I. Postmodernistskaya apokaliptika kak uprezhdayushchee obnovlenie tsivilizatsionnogo proekta // Vopr. filosofii. 2011. № 5. S. 30–40.

15. Pomerants G. S. Postmodernizm // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. M.: Mysl', 2010. T. 3. S. 297–298.

16. Postmodernizm i kul'tura: materialy «kruglogo stola» // Vopr. filosofii. 1993. № 3. S. 3–27.

17. Prokhorov E. P. Iskusstvo publitsistiki: razmyshleniya i razbory. M.: Sovetskii pisatel', 1984. 360 s.

18. Semenova A. L. Russkaya filosofskaya publitsistika nachala XX veka: utopiya radikal'nogo obnovleniya / nauch. red. G. V. Zhirkov. Velikii Novgorod: NovGU im. Yaroslava Mudrogo, 2010. 296 s.

19. Sidrov V. A. Prognostika v sovremennykh SMI: tsennostnyi analiz proshlogo i poisk idealov // Zhurnalistika v mire politiki: model' dlya budushchei Rossii / red.-sost. I. N. Blokhin, S. G. Korkonosenko. SPb., 2011. S. 63–76.

20. Sidorov V. A. Prognoz v zhurnalistike: ucheb. posobie. SPb.: Fakul'tet zhurnalistiki SPbGU, 2001. 123 s.

21. Fishman L. G. Postmodernistskaya lovushka: put' tuda i obratno. Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. 236 s.

22. Epshtein Mikhail. Posle budushchego. O novom soznanii v literature // Znamya. 1991. Yanvar'. № 1. S. 215–230.

23. Epshtein M. N. Vzryv, a ne vskhlip // Epshtein M. N. Vse esse: v 2 t. Iz Ameriki. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005. T. 3. S. 477–480.

24. Epshtein M. Budushchee posle «budushchego» // Veer budushchego. Tekhno-gumanitarnyi vestnik pod redaktsiei Mikhaila Epshteina i Aleksromy. URL: http://www.veer.info/01/v1_bud.html (data obrashcheniya: 04.05.2014).

25. Sm., napr.: Gans E. The Post-Millennial Age // Anthropoetics: the Journal of Generative Anthropology. 2000. June, 3. URL: http://www.anthropoetics.ucla.edu/views/vw209.htm (data obrashcheniya: 10.04.2014).

Статья поступила в редакцию 13.08.2014

УДК 070
ББК Ч612.18.3

Галина Сергеевна Мельник,
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9)
e-mail: melnik.gs@gmail.com

Борис Яковлевич Мисонжников,
доктор филологических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9)
e-mail: boris.misonzhikov.gmail.com

Тактические медиа: социальные приоритеты и прагматика текста

В статье рассматриваются проблемы генезиса, становления и функционирования тактических медиа, которые в настоящее время стали серьезным конкурентом уже давно существующих узаконенных средств массовой информации. Тактические медиа являются одной из форм коллективного существования политической активности художников. Их цель найти новые формы сотрудничества и обмена, производства и распределения во всех сферах жизни. По сути своей это издания оппозиционные, критически настроенные и адаптированные к политическим бурям. В статье дается типологическая идентификация тактических медиа, выясняется методология их текстуализации, анализируется механизм воздействия на аудиторию. В плане текстовой прагматики тактические медиа не стеснены никакими императивами и склонны к эксперименту, к решению поставленной задачи в качестве крайне заинтересованного суггестора. В нарративных текстах тактических СМИ герой олицетворяет злую силу, которая, однако, имеет шутливую коннотацию. В статье делается вывод о том, что практически всегда тактические медиа достигают социально-политических целей на волне максимума эмоциональной напряженности.

Ключевые слова: тактические медиа, текстуализация, оппозиция, воздействие, протест.

Galina Sergeyevna Melnik,
Doctor of Political Science, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034)
e-mail: melnik.gs@gmail.com

Boris Yakovlevich Misonzhnikov,
Doctor of Philology Science, Professor,
St. Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, Russia, 199034)
e-mail: boris.misonzhnikov.gmail.com

Tactical Media: Social Priorities and Text Pragmatics

The problems of genesis, formation and functioning of tactical media, which became the strong contender of the existing institutionalized mass media, are considered in the article. Tactical media is a form of collective existence of political activism artists. Their goal is to find new forms of cooperation and exchange, production and distribution in all spheres of life. Their goal is to find new forms of cooperation and exchange, production and distribution in all spheres of life. In their essence these editions are oppositional, critically adjusted and adapted for political storms. Typological identification of tactical media is given in the article; the methodology of their tekstualization becomes clear, the mechanism of impact on audience is analyzed. In respect of text pragmatics, tactical media are not constrained by any imperatives and are inclined to experiment, act as the extremely interested suggestor. In narrative texts of tactical media the hero embodies evil force, which, however, has a playful connotation. The article concludes that tactical media almost always reach their political target in the wake of high emotional tension.

Keywords: tactical media, textualization, opposition, impact, protest.

Эпоха социальных сетей, формирующих новые противоречивые пространства для медиа, искусства и критики, влияет на развитие теории СМИ и изменяет подходы к изучению пост-медиа. Взгляд исследователей перемещается в сторону изучения новых СМИ, среди

© Г. С. Мельник, Б. Я. Мисонжников, 2014

которых особое место занимают«тактические медиа», выросшие на почве альтернативных культурных течений в середине 1990-х гг., когда возникла мода на социально направленное и активное искусство [2]. Сегодня этот тип медиа представляет собой форму коллективного существования политического активизма художников. Термин введен в 1996 г. для обозначения особой формы медиаактивизма, отражающего интервенционистские медиа-арт-практики, так называемые hit-and-run вмешательства в медийную сферу.

Инновационное направление современного искусства занимается созданием художественных произведений и их распространением в медиа с использованием новых технологий (от bio-арта и science-арта до сетевого искусства и тактических медиа)[1]. Художники пытаются работать на самом краю новейших открытий и исследований, создавая прецеденты новых норм и правил. Арт- и медиакритик, куратор, руководитель проекта «гетто» (www.getto.ru), посвященного культурной и политической аналитике, Олег Киреев в интервью журналу «Эксперт» (онлайн версия) определяет этот вид медиа как такую зону, где «не создано никаких законов и прав, это зона, где нормы и новые понятия возникают мгновенно, по ходу, а законы пишутся после»[2].

По свидетельству медиактивистов, «искусство перестает быть аутсайдером, а скорее трендсеттером в области появления новых идей и внедрения их в различные, напрямую с ней не связанные области, например, СМИ. «Только искусство с его интуицией и силой воображения, не ограниченное ни дискурсом, ни статусом, ни нормой, оказывается в состоянии разглядеть общие контуры грядущего»[3].

Медиа-активизм, по мнению О. Киреева, начался с того, что анархисты-сквоттеры, современные художники и компьютерные фрики провозгласили: «*Нам нужны свои медиа, свои сети, своя информация*!»[4]. В политических манифестах создатели медиа обращались к журналистским сообществам, призывая всех к производству своих собственных СМИ в поддержку собственных политических противостояний. Своей целью они ставили поиск новых форм сотрудничества и обмена, производства и распределения во всех сферах жизни.

Новые компьютерные технологии также способствовали появлению экономически выгодных тактических медиа (бесплатное радио, мини-FM, кабельное телевидение). Зарождались такие медиа в Европе на информационной платформе пиратских ТВ и радиостанций, которые уже существовали (в Амстердаме, Берлине, Лондоне, Болоньи, в Вене и Риге).

В период с 1998 по 2013 гг. появлялось большое количество изданий анархистов и анархо-синдикалистов – «Автоном. Сражайся за мечту», «Прямое действие» и «Либертарная мысль», «Ситуация», «Воля», «Наперекор», «Община», «Прямое действие», «Анархия», «Либертарная мысль», «Черная звезда», «Свобода или смерть», «Новый Свет», «Петроградец», «Намерение», «Вольная Сибирь», «Удар», «Тротиловый эквивалент», «ТУМ-балалайка», «Ультиматум», «Утопия» и др., а также арт-фриковых и контркультурных изданий – «Забриски Райдер», «Дантес», «Русские джунгли», «Бабуния», «Трава» и «Воля»[5].

Ярко выраженную политическую окраску приобретают ангажированные фэнзины: «RebelDesire», «Имхопанг», «My-Xy-Xy», «MyRiotInward», «Анархозин», «Punxunite», «Armatura», «Конвейер», «Ипподром», «Randomorder», «Мысли вслух», «A-party», «Секретное рукопожатие», «Диванное безумие», «RadioHurma», «Ешь микрофон», «Zhest» и др.

В сентябре 2011 г. медиаактивистами создан информационный интернет-ресурс (www.tacticalmediafiles.ru), на котором эксперты анализируют случаи злоупотребления, коррупции и эксплуатации в мире искусства. Публикации на этой платформе сопровождаются серией политических дискуссий.

В противовес действиям военных и политиков медиаактивисты предлагают более «гуманные, мягкие и правильные подходы к тому, что появляется в этом мире». В частности, цель модернизма они видят в том, чтобы размыть границы между искусством и жиз-

[1] Засурский И. Границы тактических медиа и независимой журналистики // Международный симпозиум Про&Контра, Красноярск, 14–16 ноября 2011. URL: http://2011.procontra.mediaartlab.ru/tactical (дата обращения: 2.10.2014).

[2] Окраины свободы [интервью]. URL: http://expert.ru/ural/2006/08/interview_kireev_69727/ (дата обращения: 2.10.2014).

[3] Международный симпозиум Про&Контра, Москва 8–11 октября 2011. URL: http://2011.procontra.mediaartlab.ru/tactical (дата обращения: 2.10.2014).

[4] Виртуальная презентация книги Олега Киреева «Поваренная книга медиаактивиста». URL: http://www.gif.ru/afisha/svoi-media/view_print/ (дата обращения: 9.10. 2014).

[5] От «Кинопоезда» до «Прямого действия»: анархия в Интернете, в газетах, в литературе и на видео. URL: http://www.novayagazeta.ru/society/45577.html (дата обращения: 9.10.2014).

нью и использовать его в целях гуманизации капитализма. На страницах тактических медиа организуются с участием исследователей Центра по глобализации исследований Университета Амстердама, например, дебаты о роли социальных медиа в арабском мире и Китае[1].

Тактические медиа изначально позиционируют себя как радикальные и оппозиционные, направленные на критику политического режима. Медиаактивисты используют их для продвижения идей протеста, инакомыслия и бунта, что отражено во всех программных документах, в которых подчеркивается важность организации художественных акций сопротивления. Тактические медиа провозглашают борьбу с гегемонией, репрессиями эксплуатацией и корпоратизацией, для чего используют лозунг: *«Против власти, капитала и нищеты! Повседневной жизни!».*

Новые концепции контр-гегемонии находят воплощение в работе независимых медиа центров, таких как ИндиМедиа (Independent Media Center, сокращенно Indymedia), возникшего в 1999 г. в Сиэтле во время Всемирной торговой конференции, сопровождаемой акциями протеста. В наши дни центр приобрел значительную популярность. В Восточной Европе первая «Индимедиа» порождена пражскими событиями (осень 2000 г.). Русскоязычная версия «Индимедиа» появилась весной 2001 г., в настоящее время является частью всемирной сети независимых медиа-центров.

В ходе развития тактических медиа с помощью обучающих центров и лабораторий создавались сети медиаактивистов, которые позволяли ускорить распространение опробованных техник. Методики, отрабатываемые в Лабораториях, подобных *The Yes Lab*, использовались для мозгового штурма, развития лидерских качеств, обмена медийными технологиями.

Отношения между читателем и ньюсмейкером стираются: оставить сообщение на сайте может любой желающий. Например, *IndyVideo* – не только публикует записи акций, но и обучает всех желающих пользоваться камерой и монтировать видео. С этой целью были предприняты две масштабные акции под названием «Кинопоезд»: первая – в 2004 г., с посещением десяти городов России, вторая – в 2007-м, по шести городам Беларуси. Видеотрансляции современных протестных движений в России осуществлялись обученными гражданскими корреспондентами «Indyvideo», а также такими медиа, как *«Tv-Keep», «Veduyu_TV», «AnteUni»* и *«pink_xxc».*

Тактические медиа наполнены информацией о перфоменсах, где наряду с шуточными и, на первый взгляд, легкомысленными мероприятиями, например, такими как акция, организованная новосибирской группой «Бабушка после похорон» (направлена на борьбу за легализацию петрушки кучерявой, внесенной в список наркотических веществ), организуются и весьма серьезные акции, например, по защите Химкинского леса[2].

В медийных текстах содержатся простые призывы явиться в определенное место для проведения общего мероприятия. Практически в каждом номере изданий можно найти непритязательные объявления: *«Ждем в понедельник в 11 утра, присоединяйтесь к акции оссиру POPS для проведения короткой встречи. Разнообразие поразит вас, некоторых из вас акция может довести до слез. Отправная точка: Plaza Дюмонана 150 Восточной 34-й улице. Ближайшие станции метро 33 rd Street Station».*

Нередки и обращение к группам поддержки: «*Спасибо всем, кто присоединился к нам в прошлую субботу в MAN struate! Это было очень весело! Ваше участие бесценно на протяжении всего проекта, Вы определенно узнали много нового об организации демонстрации. Отдельное спасибо Кейти и Иеремии за съемки события».*

Анализ текстов тактических медиа показывает, что те не просто сообщают о событиях, а всегда являются их участниками. Тактические медиа организуют акции против глобальных организаций (G8, G20, WTO) и корпораций (Microsoft, Pepsi, Nike и др.); а также против государства, рынка, академической среды, правовых институтов и др. (http://tact-media.livejournal.com/). В России подобные акции были проведены впервые в канун парламентских (декабрь 2003) и президентских (март 2004) выборов.

Типичный пример побуждения аудитории к действию: *«Обращаемся ко всем свободным людям мира: Давайте работать вместе, чтобы остановить ежедневные массовые убийства, аресты и смещения в Сирии. Давайте работать вместе, чтобы уничтожить убийственный режим Асада в Сирии.*

Это призыв ко всем сирийским сообществам и всем свободным людям во всем

[1] The Occupied Times of London Editorial // Technology. November. 2013. URL: http://theoccupiedtimes.org/?p=12547 (дата обращения: 1.10.2014).

[2] МедиаУдар. Science=death. URL: http://www.timeout.ru/msk/artwork/245171 (дата обращения: 3.10.2014).

мире, чтобы организовать шествия и сидячие забастовки перед отделениями Организации Объединенных Наций по всему миру»[1].

Рост протестной активности на фоне парламентских и президентских выборов 2011–2012 в России стал причиной появления гражданских медиа, подобных *«Ustream»* и «Ридусу». Популярность трансляции акций протеста начали собирать беспрецедентное количество зрителей одновременно.

Как видим, художественные инновации в развитии медиасознательности и социального взаимодействия реализовались в процессе преодоления географических, культурных и других границ, пересмотра отношений между индивидуумом, политическими и финансовыми структурами[2].

Тактические медиа, повседневно отрабатывая арт-практики в политической сфере, в конечном итоге превратились в инструмент идеологического программирования. Это неминуемо отразилось на контенте текстов, наполненных событиями, с одной стороны, порождаемыми сферой культуры и компьютерных технологий, СМИ, академических научно-исследовательских учреждений, муниципальных музеев, галерей, культурных и медиацентров[3], а с другой стороны, явлений, связанных с политическим процессом.

Авторы тактических медиа не стеснены, как правило, никакими императивами текстопостроения и склонны безудержно экспериментировать, добиваясь поставленной задачи в качестве крайне заинтересованного суггестора. Субъект публикаций в тактических медиа стремится с максимальной эффективностью использовать именно текстовой ресурс с целью достижения предельного уровня внушения, а сегодня появилась возможность воссоздания мультимедийного пространства, феноменологически разнообразного и особенно яркого фактора внешнего побуждения объекта к действию, резко меняющего динамику эмоциональных состояний реципиента. В процессе коммуникации субъект моделирует «целые системы идей, верований, мифов, свойственных определенному сообществу» [3, с. 165].

Текст тактического медиа, с одной стороны, изначально базируется на идее, в которой особо актуализирован аспект целеполагания, и в силу высокой субъективности и даже эксплицируемой предвзятости автора – чаще всего, однако, это целый отряд, рекрутированный из политически однотипной среды, – данная идея изначально репрезентируется как мифологема. В ее конструкцию по возможности встраиваются блоки реально существующих деталей, которые могут выступать и в качестве аргументов, но в целом картина формируется во многом искаженная и деструктивная. Современной медиа системе, в том числе и зарубежной, вообще свойственны фантазийность и мифотворчество. Небезынтересно следующее суждение: «Интенциональный характер мифологемы и ее большой воздействующий потенциал позволяют рассматривать мифологему как особую коммуникативную технологию. С ее помощью авторы, работающие в сфере массмедиа, рекламы, паблик рилейшенз, порождают ситуацию за счет отбора из реальной ситуации или включения в нее нужных, заранее заданных элементов» [1, с. 115].

Апеллирование продуцента текстового материала, положенного в основу публикации тактического медиа, к глубинным психоэстетическим структурам праформ, которые, в свою очередь, становятся фундаментом для построения соответствующих мифологем, обусловлено исключительно высоким уровнем воздействия имманентных им архетипических кодов на сознание реципиента: субъект, воспринимающий знаковые комплексы, которые базируются на константных величинах, не требующих глубокой идентификации, максимально доступен для воздействия суггестивных технологий. Его дискурсивное мышление дает сбой, и вследствие трансформации и мифологизации объекта когнитивной практики субъект теряет ориентиры, впадает в амбивалентное состояние и компенсирует неэффективность дискурсивного мышления обращением к мышлению интуитивному, при этом оказываясь в своеобразной западне, так как в той или иной мере утрачивает способность анализировать – это может происходить спонтанно и вне зоны саморефлексии – и вынужденно доверяет чувственной перцепции. Сильнейшее воздействие могут оказывать хтонические образы объектов, способные создавать мощные энергетические поля и зачаровывать реципиентов в буквальном смысле слова, отвлекать от реальных предметов и ситуаций, порождать магический фон, воздействующий на эмоциональное состояние.

[1] Social media activism in the Arab world and China. URL: http//tacticalvediafiles.net (дата обращения: 30.08.2014).

[2] Международный симпозиум Про&Контра, Москва 8–11 октября 2011. URL: http://2011.procontra.mediaartlab.ru/tactical (дата обращения: 2.10.2014).

[3] Civic Media + Tactical Design in Contested Spaces. URL: http://civicmediatacticaldesign.wordpress.com (дата обращения: 30.08.2014).

Что касается мифологических страшилищ из тактических медиа, то, конечно, это не слишком серьезные и как бы не настоящие хтонические чудовища, поскольку основной субъект, их продуцирующий, это – «выпендрежный позер»[1]. Он выступает зачастую автором и повествователем, выстраивая соответствующий нарративный ряд. «Позер» любит «приколы», и чудовища в его интерпретации чаще всего «прикольные». В нарративной цепочке текстов тактических медиа в качестве героя зачастую репрезентируются, таким образом, силы зла, как правило, якобы не очень опасные и в определенном смысле даже забавные, вызывающие поначалу чуть ли не сочувствие. Но это глубокое заблуждение, поскольку зло в основе своей все равно остается злом, какую бы личину оно ни использовало.

Так, в Новосибирске «тактические медиа и Партизанинг» в рамках «фестиваля активистского искусства» в мае 2013 г. провозгласили «юбилей Монстрации» и пригласили публику «поучаствовать в создании летающих надувных монстров для первомайского кутежа». Для начинающих «пройдет мастер-класс по изготовлению вот таких надувных фиговин – будем делать их для Монстрации», – заявили авторы проекта. Коллективное изготовление монстров – занятие увлекательное, по большому счету – совершенно бесполезное, но «монстрация» – та основа, которая не предполагает рационального действия, делает ненужным дискурсивное мышление, а, раззадоривая, обращает субъектов интеракции к исключительно эмоционально-чувственному моделированию поведения. И вся эта затея «очень, очень смешна»[2].

Вербальный текст данной публикации не отличается пространностью, но может быть значительно развернут в результате обращения ко множественным гиперссылкам. Небольшой, на первый взгляд, материал благодаря значительному мультимедийному ресурсу превращается в развернутое полотно и будто надувается, как один из «летающих надувных монстров для первомайского кутежа». Актуализируется иконический текстовой компонент: экспрессивная графика, выполненная в яркой цветовой манере, привлекает, возбуждает и даже тревожит. Единое текстовое пространство дополняет и практически структурно завершает аудиовизуальный материал, представляющий, в частности, ожесточенную стычку в Берлине между адептами «монстрации» и полицейскими. Нарративный ряд публикации тактического медиа, кроме хтонических чудовищ, формируют и образы узнаваемые, например Усама бин Ладен. Предметом отражения в тактических медиа становятся британцы, которые «азартно бьют полицейских»[3], и, наконец, «маска с прорезями для бомбиста»[4]. Таким образом трансформируется, казалось бы, безобидная «монстрация».

Вся эта пестрая семиотическая мешанина, конгломерат, по сути, самых разных знаковых комплексов в силу особой семантической и психоэстетической сфокусированности выстраивается в текст, обладающий высоким мобилизационным ресурсом, метаграфемика которого с необходимой полнотой отражает «закономерности дополнительной и вспомогательной семиотической системы, в которую включены невербальные знаки и средства, участвующие (наряду с вербальными) в смысловой и информативной организации текста» [5, с. 56]. Данная разновидность текста оказывается избыточно актуализированной вследствие исключительно высокой изначальной интенциональности: практически всегда тактическое медиа создается для конкретной цели на волне достигающей своего максимума эмоциональной напряженности, и «сегодня тактические медиа представляют собой форму коллективного существования и политического активизма, суть которого в том, чтоб „сильным“ глобальным производителям информации противопоставить тактику „слабых“ (уловка, случаи, искусство делать ходы, рекомбинации и импровизации)»[5].

Следует подчеркнуть, что схема включения в действие тактических медиа и алгоритм их текстуализации никогда не является догматически неизменным и не представляет собой жестко заданную парадигму. Это практически всегда импровизация, активная реакция на злобу дня и поиск особо привлекательной формы выражения, что значительно повышает дискурсный уровень выступлений, связывает тексты во всем множестве их про-

[1] Самиздат имени Махно и Ким Чен Ира. URL: http://www.mhg.ru/publications/4D61601 (дата обращения: 8.10.2014).

[2] МедиаУдар, день2: тактические медиа и Партизанинг. URL: http://vk.com/mediaudar (дата обращения: 1.10.2014).

[3] Задирака В. Тактические медиа. URL: http://alternative_culture.academic.ru/121 (дата обращения: 8.10.2014).

[4] Секция Тактические медиа. URL: http://mediaudar.net/blog/2013/10/13/cekciya-takticheskie-media/ (дата обращения: 8.10.2014).

[5] Цит по: Мельник Г. С. Тактические медиа (facticalmedia) в межкультурной коммуникации. URL: elar.urfu.ru›bitstream/10995/25620/1/iurp-2014-… (дата обращения: 9.10.2014).

явлений с реальной жизнью. Это очень высокий уровень проявления онтологического аспекта текстуализации с отчетливо выраженной иллокутивностью материала: создатели тактических медиа преследуют совершенно явные цели и делают все возможное для их достижения. Наряду с явно эксплицируемой иллокуцией в тактическом медиа, приуроченном к «юбилей Монстрации», были попытки достижения и перформативного эффекта: уже сама номинация акции – «МедиаУдар» – содержит элемент действия. В связи с этим следует «обратить внимание на то, что особенность и своеобразие перформативных высказываний заключается в том, что они не описывают в своем пропозициональном компоненте некоторое от них не зависящее действие, а, взятые в своей комплексности, представляют собой непосредственно то действие, которое именует перформативный компонент» [4, с. 74].

Нельзя не обратить внимания на то, что сценарий «фестиваля активистского искусства», состоявшегося в Новосибирске и соответствующим образом отраженный в тактическом медиа, существенно отличался от фестиваля «МедиаУдар по Мурманску», проходившего спустя совсем короткое время, – в июне 2013 г. Мурманский «фестиваль» был очень четко спланирован и организован, проходил под лозунгом «Права человека в России», и тут уже не было места надувным монстрам. Создается впечатление, что к акции подключились опытные технологи, которые постарались сделать мероприятие предельно рациональным и эффективным. Материал был репрезентирован в формате именно тактического медиа и в его рамках был представлен лекционный курс «Активистское искусство и тактические медиа – мировое развитие и российский опыт», в котором, в частности, были обозначены «тактические медиа как медиа кризиса, критики и оппозиции. Тактические медиа – это средства молодой культуры, говорящие на языках небюджетного кино, видеоактивизма, интернет-порталов и соцсетей, пиратских радио, нон-профитных изданий, листовок и уличных акций, вторгающихся в официальные городские пространства»[1]. В этом случае при открыто декларируемой иллокуции совокупного медийного текста перформативное начало оказалось приглушенным, формально имплицитным, что отнюдь не свидетельствует о его ослаблении и тем более отсутствии.

Список литературы

1. Зарезина С. Н. Устойчивые мифологемы в статьях о России в англоязычной прессе // Лингвистика дискурса / под ред. С. Н. Плотниковой. Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. 162 с.

2. Интернет и интерактивные электронные медиа: исследования 2012. I часть. Ключевые тренды развития интернет-СМИ. М.: Факультет журналистики МГУ, 2013. 145 с.

3. Кашкин В. Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: АСТ : Восток – Запад, 2007. 256 с.

4. Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический анализ). М.: Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. 168 с.

5. Шубина Н. Л., Антошинцева М. А. Вспомогательные семиотические системы в устной и письменной коммуникации. СПб.: ПетроПресс, 2005. 292 с.

References

1. Zarezina S. N. Ustoichivye mifologemy v stat'yakh o Rossii v angloyazychnoi presse // Lingvistika diskursa / pod red. S. N. Plotnikovoi. Vestn. Irkutsk.gos. lingv. un-ta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2005. № 4. 162 s.

2. Internet i interaktivnye elektronnye media: issledovaniya 2012. I chast'. Klyuchevye trendy razvitiya internet-SMI. M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2013. 145 s.

3. Kashkin V. B. Osnovy teorii kommunikatsii: Kratkii kurs. Izd. 3-e, pererab. i dop. M.: AST:Vostok – Zapad, 2007. 256 s.

4. Romanov A. A., Novoselova O. V. Diskurs ugrozy v sotsial'noi interaktsii (funktsional'no-semanticheskii analiz). M.: Tver': IYa RAN, Tverskaya GSKhA, 2013. 168 s.

5. Shubina N. L., Antoshintseva M. A. Vspomogatel'nye semioticheskie sistemy v ustnoi i pis'mennoi kommunikatsii. SPb.: PetroPress, 2005. 292 s.

Статья поступила в редакцию 14.09.2014

[1] МедиаУдар по Мурманску. URL: hro.org›node/16793 (дата обращения: 9.10.2014).

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ORIENTAL STUDIES

УДК 811.581
ББК 81.711

Юлия Сергеевна Гашинова,
аспирант,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а)
e-mail: us_gashinova@mail.ru

Лексико-семантическое поле «пространственного предела» в китайском языке (на материале ассоциативного эксперимента)

В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента по выявлению лексико-семантического поля «пространственного предела», проведенного среди носителей китайского языка в два этапа. Проведенный на первом этапе ненаправленный ассоциативный эксперимент позволил выявить обширный круг лексических единиц с семантикой «пространственного предела». Для определения структуры исследуемого ЛСП был проведен направленный ассоциативный эксперимент, произведена сплошная выборка из «Большого китайско-русского словаря», а также работа с толковыми словарями китайского языка. На основании полученных результатов определена структура ЛСП «пространственного предела» в современном государственном языке Китая – путунхуа: ядро (1 лексема), околоядерная зона (20 лексем), зона периферии (95 лексем).

В статье предпринята попытка исследования языкового материала ЛСП: проведен графо-семантический анализ иероглифов, входящих в структуру изучаемого ЛСП, рассмотрены фразеологические единицы, содержащие в себе лексические единицы ЛСП «пространственного предела». Кроме того, рассмотрены некоторые работы китайских лингвистов, в которых описано формирование и развитие значений ядерных единиц в истории китайского языка. Результаты, полученные в ходе исследования, сопоставлены с некоторыми фактами, отражающими комплекс представлений, связанных с восприятием данной категории в русском языке. Тем самым, в статье обозначены сходства и различия в восприятии и объективации «пространственного предела» носителями китайского и русского языков.

Рассмотренный материал и проведенный эксперимент свидетельствуют о наличии в китайском языке большого количества слов со значением «пространственного предела». Представленное данными словами ЛСП достаточно хорошо структурировано.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, слово-стимул, лексико-семантическое поле, когнитивные слои, вербальные реакции, национальная специфика.

Yuliya Sergeyevna Gashinova,
Postgraduate Student,
Buryat State University
(24a Smolin St., Ulan-Ude, Russia, 670000)
e-mail: us_gashinova@mail.ru

The Lexical-Semantic Field of «Spatial Limit» in the Chinese Language (on the Results of Associative Experiment)

The article presents the results of the associative experiment to identify the lexical-semantic field of the «spatial limit», realized among Chinese native speakers in two stages. Non-directional associative experiment, held on the first stage, revealed extensive range of lexical items with the semantics of the «spatial limit». To determine the structure of the analyzed lexical-semantic field the directional associative experiment was realized, made a solid selection from “Big Chinese –

© Ю. С. Гашинова, 2014

Russian Dictionary", as well as explanatory dictionaries Chinese. Based on the results determined the structure of the lexical-semantic field of «the spatial limit» in the modern Chinese state language – Mandarin: kernel (1 lexical item), near-nuclear area (20 lexical items), and peripheral zone (95 lexical items).

The article attempted to study lexical material lexical-semantic field: realized graphical-semantic analysis of the characters within the structure of the studied lexical and semantic fields overviewed phraseological units which contained a lexical item lexical-semantic field of «the spatial limit». Moreover, we considered some of Chinese linguists that describe the formation and development of the values of the kernel units in the history of the Chinese language. The results obtained during the study, are compared with some facts reflecting the body of ideas associated with the perception of this category in the Russian language. Thus, the article marked similarities and differences perception and objectification of «spatial limit» of native Chinese and Russian speakers. The studied material and the realized experiments show the presence of a large number of Chinese words with the meaning of «spatial limit». The lexical-semantic field represented by the given words sufficiently is well-structured.

***Keywords*:** associative experiment, word-stimulus, lexical-semantic field, cognitive layers, verbal reactions, national identity.

Осознание границ заложено в самом названии Китая – 中国 (Чжунго – «Срединное государство»). «Наивное» языковое сознание наделяло «Срединное государство» покровительством Неба: считалось, что Чжунго за пределами «Срединной земли» – территория варваров. «Пространственный предел» являлся жизненно важным ориентиром, определяющим границы освоенного пространства. Ввиду значимости данного концепта, лексические средства объективации «предела» и способы его осмысления национальным сознанием представляют собой большой интерес для исследования в рамках когнитивной лингвистики.

В понимании «пространственного предела» особое значение имеет осознание границ. В современном китайском языке насчитывается около 149 иероглифов, обозначающих границы объектов. Выбор определенного иероглифа зависит от размера и формы описываемого предмета. Так, например, конец предметов, имеющих заостренную форму, обозначается иероглифом 尖 – jiān. Данную тенденцию номинации можно сравнить с встречающимся в русском языке топологическим ограничением слов с семантикой «граница», подробно описанным Е. В. Рахилиной в работе «Когнитивный анализ предметных имен» [9, с. 255].

В вопросе изучения концепта важную роль играет исследование лексико-семантического поля [4; 8; 12]. Используя метод сплошной выборки из «Большого китайско-русского словаря» в 4-х томах под ред. И. М. Ошанина [13] (около 250 000 слов) и результаты ассоциативного эксперимента, проведенного среди носителей языка, нами был определен состав лексико-семантического поля «пространственного предела» в современном китайском языке.

Ассоциативный эксперимент (АЭ) проводился в два этапа. В процессе эксперимента было опрошено 130 респондентов: студенты, магистранты, преподаватели гуманитарных и технических специальностей в возрасте от 18 до 28 лет. В качестве рабочего языка был выбран государственный язык Китая путунхуа. Общее количество вербальных реакций – 425 лексем.

На первом этапе респонденту предъявлялось слово-стимул «предел» и фиксировались возникающие ассоциации. На втором этапе мы руководствовались не свободным АЭ, когда респондент не ограничен в выборе возможных ассоциаций, а направленным, где его ассоциативный поток ограничен рамками заданной лексической группы. В данном эксперименте исследовалась предметная лексика (т. е. имена существительные), используемая для объективации «предела в пространстве». В процессе АЭ были выявлены парадигматические ассоциации – лексемы того же лексического поля, что и слова-стимулы. На данном этапе респондентам предлагалось выделить среди лексем, полученных на первом этапе и лексем, выявленных нами из «Большого китайско-русского словаря», наиболее продуктивные. Данная процедура позволила выявить структуру лексико-семантического поля.

Согласно «Большому китайско-русскому словарю», семантическое поле «пространственного предела» объективируется следующими лексемами:

边头疆畔界峰端末梢限顶尖沿底帽腳首根尾首口初极域杪垓境侧鋒畛廉缘终涯颖封嘴垠芒舍基际旁隅荒刃源本元原斥陲止岳纯至垂隆岬剽端疄量稜邏晲巔鏢摽鍏裔委藩完畦贯棱眉幅程廂圈面嶂宇脣防绪次臬里跋拔溜幽度陀砻略圻鄂浔膊

挚榻闲角分樊案阿棱始戒究崖源礎畿漘圉陬鏃濆幇窮幾塍徼訬缀绗錣衪濆險疇骹圉鍔邏營漘臘先开造因才 (149 лексем).

Как видим, языковой материал ЛСП представлен большим количеством слов. Это объясняется тем, что китайский язык является одним из самых богатых языков мира по числу слов. По словам выдающегося синолога В. И. Горелова, «ныне лексико-фразеологическая система китайского языка, пройдя длинный и сложный путь развития, представляет собой широчайшую и неповторимую область структурно-семантических и функционально-стилистических фактов и явлений, представляющих большой интерес для лингвистической науки» [6, с. 9].

По результатам ассоциативного эксперимента ЛСП «пространственного предела» в китайском языке представлено следующими лексемами:

边 – ядро ЛСП头末端尾畔首疆界峰梢限顶尖沿底帽腳根口终 – околоядерная зона→极域杪垓境侧鋒畛廉缘涯颖封嘴垠芒舍基际旁隅荒刃斥陲止岳纯至垂隆岬剽疄量稜邏畡巔鏢摽鋩裔委藩完畦贯棱眉幅程廂圈面嶂宇脣防绪次臬里跋拔溜幽度陀砮略圻鄂浔膊挚榻闲角分樊案阿棱戒究崖源礎畿漘圉陬鏃濆 – периферия (116 лексем).

Результаты ассоциативного эксперимента показали, что некоторые из выявленных методом выборки из словаря лексем уже не используются в современном китайском языке. Такие иероглифы, которые можно назвать архаизмами, получили распространение на Тайване, в Сянгане и, несомненно, в современной китайской литературе, где они используются для создания высокого стиля. К примеру, 幇, 窮, 幾, 塍, 訬, 稜, 錣, 險, 疇, 鍔, 邏, 營, 臘, 因, 才 уже не встречаются в современном путунхуа в значении границ объектов.

На основании результатов, полученных в ходе проведения эксперимента, было выделено ядро ЛСП «пространственного предела»: 边 – бянь (83/100 реакции), околоядерная зона и периферия.

Согласно китайскому этимологическому словарю, ядерная единица ЛСП «пространственного предела» 边 (83/100 реакций в ответах респондентов) имеет следующие значения:

1) границы предмета: 边缘, 边沿 – оба слова имеют значения «край», «грань»;

2) границы государства или определенной территории: 边疆, 边界, 边防, 边境, 边陲 – «территориальная граница»;

3) указывает на линии, которые образуют углы или геометрические фигуры: 等边三角形 – «равносторонний треугольник»;

4) сторона поверхности, направления;

5) союзное наречие и послелог, указывающий на положение в пространстве: «около», «близко», «снаружи», «внутри»;

6) глагол: «граничить с…», «соседствовать с…».

Несмотря на то, что в Китае с древних времен развита 训诂 – схоластика (наука, занимающаяся толкованием древних слов, выяснением их значений, существовавших в древности, но впоследствии забытых или изменившихся), из слов, составляющих ядро и околоядерную зону ЛСП, наиболее подробно описана филиация слова 头.

Так, исследователь Института иностранных языков Шанхайского университета Лю Юньпин, рассматривая слово «голова» 头 тоу, выводит 20 значений «голова» из древних и современных китайских словарей, среди которых представлена сема «граница». В древнем китайском языке вэньянь слово 头 имело полное написание 頭, отличающееся от современного языка байхуа наличием детерминатива 頁 «е», обозначающее «голова» и фонетика 豆 «до» со значением «бобы». В китайском языке в настоящее время существует синоним данной лексической единицы – «首», который также входит в околоядерную зону исследуемого ЛСП. Эти слова являлись синонимами еще в «Шо вэнь цзе цзы» – иероглифическом словаре, составленном в 100 г. до н. э. Считается, что словарь является важным этапом в развитии семантической мысли в Китае.

На основании результатов анализа 15 488 примеров из различных лексикографических источников, проведенного китайским лингвистом Лю Юньпином, среди которых 81 пример из источников эпохи Воюющих царств, 309 примеров – династии Хань, 503 примера – эпохи Шести династий, 5 290 примеров – династий Суй и Тан, 1 023 примера эпохи Пяти династий, 121 пример династии Сун, 1 703 примера из философских высказываний, 6 458 примеров династий Мин и Цин, установлены изменения в семантике слова 头. По данным автора, несмотря на то, что в древнем языке вэньянь, как и в современном байхуа рассматриваемое слово обозначало часть человеческого тела, в период Чуньцю (722–481 гг. до н. э.) посредством метафорических переосмыслений оно получило значение «переднего конца» неодушевленных предметов.

Во времена Борющихся царств (403–221 гг. до н. э.) слово 头 стало обозначать профессию человека. В труде «Исторические записки» Ши Цзи, написанном выдающимся ученым династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) Сыма Цянем, находятся примеры,

в которых 头 употребляется в качестве обозначения времени. При династии Хань 头 стало использоваться в качестве счетного слова для обозначения количества домашних животных. Лю Юньпин считает выбор данной лексемы в качестве счетного слова логичным, соответствующим модели мышления китайцев, согласно которой «голова» является самой важной частью [16, с. 26].

После династий Хань (Западная Хань – 206 г. до н. э. – 8 г. н. э. и Восточная Хань – 25–220 гг. н. э.) лексема 头 стала употребляться как аффикс с 方位词 – «существительными расположения и места». Изучая эволюцию лексемы «голова» китайский лингвист отмечает, что в связи с грамматикализацией 头 утратило свое основное значение. В языке династий Сун и Тан слово 头 использовалось для обозначения абстрактных и философских объектов. Кроме того, при династиях Сун и Тан 头, обозначающее ранее только «начало» во времени, теперь означает и «конец» во времени [16, с. 25–26].

Отечественный китаист О. П. Фролова, рассматривая историю данного суффикса, отмечает, что, по мнению китайских лингвистов Ли Цзинси, Лю Шижу и Ян Синьань, 头 относится к суффиксам имен существительных. Согласно исследованиям автора, развитие суффиксации лексемы 头 характеризуется двумя историческими периодами: до и после XI в. По словам автора, в текстах, датируемых X в., суффикс 头 был напрямую связан с формой описываемого предмета и использовался для обозначения конкретного предмета. Данное утверждение противоречит исследованиям китайского синолога Лю Юньпина, чье мнение описано выше. Выводы авторов сходятся в утверждении об употреблениях суффикса для образования слов с абстрактным значением, а также в том, что данный суффикс использовался с существительными, имеющими пространственное значение [11, с. 78–79]. Следует отметить, что даты, указанные в исследованиях обоих авторов, не совпадают. Согласно исследованиям китайского лингвиста, употребление 头 в качестве суффикса прослеживается в истории китайского языкознания раньше периодов, указанных О. П. Фроловой.

Китайский синолог Линь Сяохэн [15] также относит единицы ЛСП пространственного предела 边, 头, 面 к 方位词 – «существительным расположения и места». «В современном китайском языке существует особый класс существительных 方位词, образованных с помощью лексем 头, 面, 边. Данные структуры, образованные сложением с односложными словами, образовались после династий Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и Вэй (220–265 гг.) Рассматриваемые лексемы настолько продуктивны, что зачастую используются самостоятельно» [15, с. 64]. Отметим, что исследование 方位词 или 处所词 является начальным этапом изучения китайскими лингвистами представлений о пространстве.

Рассматривая лексемы 头,面,边 как компоненты «существительных расположения и места», китайские авторы отмечают их высокую продуктивность при обозначении пространственных объектов. Данные лексемы различают по частоте применения, выделяя самую распространенную пространственную лексему 边. Однако частотность употребления этих слов прослеживается, в основном, в мандаринском диалекте (путунхуа). К примеру, в цюэшаньском диалекте вместо слова 边 употребляется 沿, также относящееся к исследуемому нами ЛСП и находящееся в его околоядерной зоне. Однако в данном диалекте оно не является столь распространенным, как 边 в мандаринском.

Очевидно, что каждая из лексем ЛСП «пространственного предела» подверглась существенным изменениям. К примеру, в древнекитайском языке «начало» в пространстве обозначалось иероглифом 方 «квадрат» [8, с. 642]. В древнем языке иероглифы 初 и首, использовавшиеся для обозначения временной точки отсчета, в современном китайском языке манифестируют в качестве указания на «начало» многих предметов, демонстрируя семантическую деривационную регулярность.

Н. Д. Арутюнова полагает, что «наивный» язык ищет способы избавиться от геометрии в описании живых природных форм и движущихся природных объектов [8, с. 7]. В китайском языке такой тенденции не замечается. Китайское языковое сознание зачастую выбирает для обозначения «предела» объекты природного мира, которые, возможно, служили условной границей освоенного пространства. Например, согласно толковому словарю китайского языка, слово 峰 – употребляется для обозначения «предела» предмета, имеющего форму горы. Действительно, ассоциации пространственных объектов с природными объектами имели место в классическом китайском языке. Это явление доказывает, что носитель китайского языка глубоко созерцателен к природному миру. Графо-семантический анализ иероглифов данного ЛСП показывает большое количество детерминативов, отражающих природные явления. Такое явление относится и к другим ЛСП. В иероглифах, передающих значение «предела», наиболее часто встречаются графемы

山 – «гора», 木 – «дерево», 田 – «поле». По-видимому, иероглифы, отражающие понятие «пространственного предела», образовались в процессе освоения окружающего пространства и напрямую связаны с традиционным типом хозяйствования.

Антропоцентричность китайского языка, как и других языков, проявляется в выборе человека в качестве пространственного ориентира и точки отсчета. Так, под «пределом» понимается максимально удаленная точка в пространстве. При описании «пространственного предела» ключевое значение имеет понятие «границы». Следует отметить, что иероглифы, обозначающие территориальную границу, употребляются только в своем основном значении: 疆, 界 и т. д.

Анализ языкового материала показывает, что в китайском языке, как и во многих других, семантика «конца» гораздо более продуктивна, чем у «начала». У слов со значением «конец» больше конкретных значений. При этом в китайском языке не существует универсального слова «конец», применимого для обозначения предмета любой формы. Как было сказано выше, выбор определенного слова зависит от формы предмета. К примеру, если описываемый предмет в пространстве имеет вытянутую форму и два видимых конца, китайцы употребляют 头: 路头– «конец дороги» (описываемый предмет имеет вытянутую форму), 棍子头 – «конец палки» (описываемый предмет вытянутой формы с видимыми концами), 笔头 – «кончик ручки» (описываемый предмет с видимыми концами), 筷子头 – «кончик палочки для еды» (описываемый предмет вытянутой формы). Если предмет квадратной, треугольной, круглой формы или же он имеет несколько граней, употребляется 边: 裙子边 – «край юбки» (описываемый предмет треугольной формы)，圈边儿 – «граница круга».

Слова, составляющие периферию ЛСП, могут употребляться для обозначения как временных, так и пространственных пределов. Отметим, что при выборе определенного иероглифа для обозначения временного или пространственного предела всегда требуется второй компонент – определяемое, которое несет смысловую нагрузку. Определяемое слово называет предмет или его признаки. Например, 终 – «конец» при добавлении лексемы с пространственным значением будет обозначать «предел в пространстве», а при добавлении компонента с временным значением – «конец временного промежутка». В основном, лексические единицы семантического поля «пространственного предела» представляют собой производные слова, которые образованы путем корнесложения и аффиксации. Слова, отражающие категорию «предела» в большинстве своем образованные посредством определительной и сочинительной связи.

Ёмкие и абстрактные конструкты «начало» и «конец» могут объективироваться путем вторичной номинации и репрезентироваться в языке при помощи метафоры. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский в статье «Начало и конец в русской идиоматике» предлагают несколько направлений для исследования данных концептов во фразеологии [2, с. 28]. Один из них – изучение типов метафорических моделей. Следует заметить, что в этой области китайский язык имеет много общего с бурятским языком. К примеру, метафора вершины или бездны, эксплуатируемая для осмысления предела в бурятском языке [3, с. 117], занимает важное место и в китайском. Так, 峰顶 – «вершина горы», 杪 – «вершина, верхушка (дерева)», 葉尖 «верхушка листа», 底儿 «дно, основание, подошва» и др. Метафорическая модель тупика, так же как и в бурятском языке, реализует идею «пространственного предела». Например, 窮途 – «тупик, безвыходное положение». В китайском языке распространена зооморфная метафора: 尾 «хвост, конец, остаток», 头 «голова, начало». Данная метафора широко используется во фразеологизмах: 虎头蛇尾 «голова тигра, хвост змеи» (обр. в знач. «пойти на спад, не довести до конца»); 掐头去尾 «оторвать голову и отбросить хвост» (обр. в знач. «убрать лишнее и оставить главное»). Кроме того, в китайском языке распространена метафора острия: 鋒芒 «острие предметов, (явлений), 鋒刃 «лезвие, острие, клинок» и т. д. Известно, что в метафорах наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия этноса. Несмотря на то, что данные метафорические образы являются достаточно распространенными и в других языках, можно предположить, что данное сходство обусловлено общностью исторических фактов, т. е. непосредственными контактами этносов.

Другое предложенное направление раскрывает варианты сочетания сем актуального значения с идеями «начала» и «конца». В китайской фразеологии идея «конца» часто используется с отрицательным смыслом. Например, 本末倒置 – «ставить вопрос с головы на голову, делать как раз наоборот», 穷途末路 – «тупик, безвыходное положение», 海底捞月 – «ловить луну на дне моря» (обр. в знач. «черпать воду решетом; заниматься бесполезным делом»). Фразеологизмы, передающие идею «начала», имеют положитель-

но-нейтральный оттенок. Зачастую они несут смысл целостности, важности, умственной деятельности. Например, 头角峥嵘 – «успех, высокий как горный пик» (обр. в знач. «выдающийся ум, умен не по годам»); 河有源，树有根 «изменить небо поменять землю» (обр. в знач. «изменить в корне») и др.

Тождество концептов «начала» и «конца» в китайском, так же как и в русском языке, сказывается в нейтрализации их различий [7, с. 113]. В сознании носителя китайского языка некоторые предметы не имеют начала, а имеют два конца: 笔的两头 «концы ручки» и др.

В то же время, антонимия слов с семантикой «начала» и «конца» образует оппозицию, в которой «начало» и «конец» как части единого неделимого пространства формируют суждение о целом. Идиомы со смыслом «от начала до конца» 从头到尾 передают стереотипы носителей языка о целом как о совокупности двух основ.

В китайском языке данные слова, как и в русском языке, обладают не только ограничительной семантикой, но и разграничительной. При употреблении таких «ограничительных» слов предполагается наличие пространства за пределами описываемого. Иными словами, «конец» описываемого предмета может быть «началом», точкой отсчета для другого. Таким образом, в китайском языке понятия «начало» и «конец» амбивалентны. К примеру, 端 может обозначать: 1) «конец, верхушка, оконечность» 2) «предел, край» 3) «начало, основа, исток»; а 线头儿 «конец или начало клубка нитки».

На основании полученных результатов можно сделать вывод о существовании обширного лексико-семантического поля концепта «предел» в китайском языке. Анализ его полевой структуры показал, что семантика «предела» находит в языке достаточно широкий круг языковых репрезентантов. В общей сложности нами выявлено 149 лексических единиц. ЛСП «пространственного предела» достаточно хорошо структурировано: в нем различаются ядро (1 лексема), околоядерная зона (20), зона периферии (95 лексем).

Эксперимент показал, что словарный состав, отражающий анализируемый концепт, прошел длительный путь развития и, тем самым, претерпел изменения.

Кроме того, анализ устойчивых сочетаний и фразеологизмов, содержащих лексемы исследуемого ЛСП выявил наиболее употребительные метафоры для обозначения «пространственного предела», среди которых метафоры вершины, тупика, острия, а также зооморфная метафора. К весьма продуктивным зооморфным метафорам следует отнести соматизмы 尾 – «хвост, конец», 头 – «голова, начало». Сравнивая метафорические способы объективации «предела» в китайском языке с русским языком, отметим способ «очеловечивания» пространства через его связи с частями тела. Антропоморфная метафора является популярной моделью метафорического обозначения как в русском, так и в китайском языках.

Анализ верифицировал наши гипотезы о наличии в иероглифах, репрезентующих понятие «предела», детерминативов, отражающих природные явления.

Различия восприятия и объективации «предела в пространстве» между русским и китайским языками наблюдается, например, при обозначении предела вертикальных объектов. Русский язык избегает номинации границ таких предметов. Для вертикальных объектов есть специальные слова, обозначающие их границу – макушка, горловина и т. д. [9, с. 243]. В отличие от русского языка, в китайском языке существует множество лексем для обозначения пределов вертикальных предметов.

Таким образом, в ходе проведения эксперимента нами выявлено, что процесс осмысления «предела» происходил в китайском языке путем освоения окружающего пространства. Данный факт подтверждает состав лексических единиц, отражающих значение «предела» различных объектов. Например, иероглиф 疆 содержит следующие компоненты: ≡ «границы»,田 «поле», а также 弓 «лук» и 土 «земля, территория». Таким образом, данный иероглиф может быть интерпретирован как «территории (поля), разделенные границей при помощи лука (т. е. в ходе военных действий)». Исследование ЛСП «предела» позволило выявить основные когнитивные слои данного концепта в китайском языке: конец, край, линия.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 3–18.

2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. «Начало» и «конец» в русской идиоматике // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова М.: Индрик, 2002. С. 27–33.

3. Бардамова Е. А. Пространство в языковой картине мира бурят. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. 200 с.

4. Болдырев Н. Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Филология и культура: материалы международ. науч. конф. Тамбов, 1999. С.62–69.

5. Гак В. Г. Семантическое поле конца // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова М.: Индрик, 2002. С. 50–55.

6. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.

7. Мечковская Н. Б. Концепты «начало» и «конец»: тождество, антонимия, асимметричность // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 109–120.

8. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / Попова З. Д., Стернин И. А. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 30 с.

9. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Азбуковник, 2010. 448 с.

10. Солнцева Н. В. Понятие «начало» в древнекитайской философии // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 639–643.

11. Фролова О. П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. Новосибирск: Наука, 1981. 132 с.

12. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. 280 с.

13. Большой китайско-русский словарь: в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М.: Наука, 1983.

14. Е Шэнтао. Синьхуа цзидянь [叶圣陶。新华字典。北京: 北京商务出版社] Словарь синьхуа. Пекин: Бэйцзин шану чубаньшэ, 2011. 795 с.

15. Линь Сяохэн. «-бянь», «-мянь», «-тоу» лэйфанвэйци чаньшэн юаньинь таньси [林晓恒。“-边”，“-面”，“-头”类方位词产生原因探析。武汉：语言研究杂志编辑部] Анализ причин возникновения понятий «сторона», «голова» в составе существительных расположения и места. Ухань: Юйянь яньцзю цзачжибяньцзибу, 2010. С. 59–65.

16. Лю Юньпин. Гуаньюй «тоу» дэ жэньчжи яньбянь [刘云平。关于“头”的认知演变。邢台:邢台学院学报] Когнитивная эволюция «голова». Синтай: Синтай сюэюань сюэбао, 2009. С. 25–27.

References

1. Arutyunova N. D. V tselom o tselom. Vremya i prostranstvo v kontseptualizatsii deistvitel’nosti // Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa / sost. i otv. red. N. D. Arutyunova. M.: Indrik, 2002. S. 3–18.

2. Baranov A. N., Dobrovol’skii D. O. «Nachalo» i «konets» v russkoi idiomatike // Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa / sost. i otv. red. N. D. Arutyunova M.: Indrik, 2002. S. 27–33.

3. Bardamova E. A. Prostranstvo v yazykovoi kartine mira buryat. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat.gos. un-ta, 2011. 200 s.

4. Boldyrev N. N. Kontseptual’nye struktury i yazykovye znacheniya // Filologiya i kul’tura: materialy mezhdunarod. nauch. konf. Tambov, 1999. S.62–69.

5. Gak V. G. Semanticheskoe pole kontsa // Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa / sost. i otv. red. N. D. Arutyunova M.: Indrik, 2002. S. 50–55.

6. Gorelov V. I. Leksikologiya kitaiskogo yazyka. M.: Prosveshchenie, 1984. 216 s.

7. Mechkovskaya N. B. Kontsepty «nachalo» i «konets»: tozhdestvo, antonimiya, asimmetrichnost’ // Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa / sost. i otv. red. N. D. Arutyunova. M.: Indrik, 2002. S. 109–120.

8. Popova Z. D. Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh / Popova Z. D., Sternin I. A. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1999. 30 s.

9. Rakhilina E. V. Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost’. M.: Azbukovnik, 2010. 448 s.

10. Solntseva N. V. Ponyatie «nachalo» v drevnekitaiskoi filosofii // Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa / sost. i otv. red. N. D. Arutyunova. M.: Indrik, 2002. S. 639–643.

11. Frolova O. P. Slovoobrazovanie v terminologicheskoi leksike sovremennogo kitaiskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 1981. 132 s.

12. Shmelev D. N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka). M., 1973. 280 s.

13. Bol’shoi kitaisko-russkii slovar’: v 4 t. / pod red. I. M. Oshanina. M.: Nauka, 1983.

14. E Shentao. Sin’khua tszidyan’ [叶圣陶。新华字典。北京: 北京商务出版社] Slovar’ sin’khua. Pekin: Beitszin shanu chuban’she, 2011. 795 s.

15. Lin’ Syaokhen. «-byan’», «-myan’», «-tou» leifanveitsi chan’shen yuan’in’ tan’si [林晓恒。“-边”，“-面”，“-头”类方位词产生原因探析。武汉：语言研究杂志编辑部] Analiz prichin vozniknoveniya ponyatii «storona», «golova» v sostave sushchestvitel’nykh raspolozheniya i mesta. Ukhan’: Yuiyan’ yan’tszyu tszachzhibyan’tszibu, 2010. S. 59–65.

16. Lyu Yun’pin. Guan’yui «tou» de zhen’chzhi yan’byan’ [刘云平。关于“头”的认知演变。邢台:邢台学院学报] Kognitivnaya evolyutsiya «golova». Sintai: Sintai syueyuan’ syuebao, 2009. S. 25–27.

Статья поступила в редакцию 28.03.2014

УДК 811.512.1
ББК 81.2

Павел Валерианович Желтов,
кандидат филологических наук, доцент,
Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
(428015, Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 15),
e-mail:chnk@mail.ru

Реликты среднебулгарской эпохи в чувашском языке: отглагольные имена существительные на -ăx/-ĕx

Целью исследования, проведённого в работе, является выявление в исторической лексике чувашского языка реликтов среднебулгарской эпохи.

Применяемый для этого метод основан на выявлении дублетов – слов, одинаковых или почти совпадающих по значениям, но отличающихся с точки зрения исторического словообразования.

Эти отличия выявляются исходя из сведений об историческом развитии тюркских языков относительно древнетюркского, письменно зафиксированного в рунических памятниках VIII–IX вв., которые являются параллельными к древнебулгарскому.

В статье описаны архаичные отглагольные имена (существительные) в чувашском языке, оканчивающиеся на аффиксы *-ăx/-ĕx*, которые являются реликтами среднебулгарской эпохи.

Их архаизм доказывается их малочисленностью и наличием в чувашском языке их параллелей – более современными отглагольными именами, оканчивающимися на аффиксы -ă/-ĕ, совпадающими по значению, так же как и фактом, что одно из этих архаичных слов – пулăх “урожай” (от глагола пул- – “быть”, “стать”, “созреть”) было заимствовано из среднебулгарского языка в персидский, где оно является в настоящее время устаревшим словом – персидское болғэ “дневное пропитание”, “хлеб насущный”. Это слово – bolġɛ происходит от среднебулгарского *bolăġă, *bolġă<bolăx + аффикс 3-го лица –ă ~ современные чувашские аффиксы 3-го лица –ĕ/(-и) ~верховые чувашские аффиксы –ă/-ĕ (-и).

Областью применения полученных результатов является историческое языкознание и периодизация булгарского и чувашского языков, а также реконструкция среднебулгарского языка.

Ключевые слова: булгарский язык, чувашский язык, аффиксы, отглагольные имена.

Pavel Valerianovich Zheltov,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Chuvash State University named after I. N. Ulyanov
(15 Moscow Prospect, Cheboksary, Russia, 428015)
e-mail:chnk@mail.ru

The Relicts of Middle-Bulgharian Epoch in the Chuvash Language: Verbal Nouns with *–ăx/-ĕx* Affixes

The purpose of the study is the identification of the relicts of middle Bulgharian epoch in the historical lexicon of the Chuvash language.

The used method is based on the identification of doublets – words that have the same or nearly the same meaning, but different in terms of historical derivation.

These differences are identified on the basis of information about the historical development of the Turkic languages with respect to the ancient Turkic, lexicalized in the runic monuments of the VIII–IX centuries, which are parallel to the ancient Bulghar.

The archaic verbal nouns in the Chuvash languages, ending with affixes *–ăx/-ĕx* that are relicts of the middle Bulgharian epoch are described in the article

Their archaism is proved by their paucity and the presence of their parallels – more modern verbal nouns, ending with affixies *–ă/-ĕ* with the same meaning, as well as by the fact that one of these archaic words – *pulăx* “harvest” (from the verb *pul-* – “to be” , “to become”, “to (become) ripe”) was borrowed from the middle Bulgharian language into Persian where nowadays it is an obsolete word – Persian *bolġɛ* “one’s living”, “vital bread”. This word – *bolġɛ* comes from the middle Bulgharian **bolăgă*, **bolgă<bolăx* + the 3rd person affix *–ă* ~ the modern Chuvash affix of the 3rd person *–ĕ/-*(и) ~ upper Chuvash dialect - –ă/-ĕ (-и).

The field of the results application is historical linguistics and periodization of the Bulghar and Chuvash languages, as well as the reconstruction of the middle Bulgharian language.

Key words: the Bulghar language, the Chuvash language, affixes, verbal nouns.

Из истории развития тюркских языков известно, что древнетюркские ауслаутные финали *-ïγ/-ig* в современных тюркских языках перешли в *-ï/-i*, а в чувашском им соответствуют *-ă/-ĕ*, ср. др.-тюрк. *tarïγ* ‘просо’ ~ тур. *darı* | *darï* ‘просо’ ~ тюрк. *дары* | *darï* ‘просо’ ~ тат. *тары* /*тарый*/ | *tarĭ* ‘просо’ ~ чув. *тырă* | *tïră* ‘зерно’.

© П. В. Желтов, 2014

А древнетюркские аффиксы отглагольных имен и существительных на *-ïγ/-ig* (*-uγ/-üg*) ~ *-ïq/-ik* (*-uq/-üq*) представлены в соответственных тюркских языках также без *-γ/-g* финалей, в формах на *-ïq/-ik* (~*-uq/-üq/-oq/-ök*). В чувашском языке им соответствуют аффиксы *-ă/-ĕ*, ср. др.-тюрк. *ačïγ* ‘открытый’ (<*ač-* ‘открывать’ + афф. *-ïγ*) ~ тур. *açık* | *ačïk* ‘открытый’ (<*ač-* ‘открывать’ + афф. *-ïk*) ~ турк. *ачык* | *ačïq* ‘открытый’ (<*ač-* ‘открывать’ + афф. *-ïq*) ~ тат. *ачык* (*ачыкъ*) | *åčĭ̈q* / *åçĭ̈q* / *ačĭ̈k* /*acĭ̈k* ‘открытый’ ~ чув. *оçă* / *уçă* | *оś̱ă* / *uś̱ă* ‘открытый’ (<*oś-*/*uś-* ‘открывать’ + афф. *-ă*).

Известно, что древнее *q* перешло в булгаро-чувашском в *χ*, ср. общетюрк. *qara* ‘черный’ ~ чув. *χora*/*χura* ‘черный’, откуда можно предположить, что древнее ауслуатное *-q* в булгаро-чувашском также сначала перешло в *-χ*, а затем отпало. Исходя из чего чувашские аффиксы образования отглагольных имен существительных и прилагательных на *-ă*(*ы̆*)*/-ĕ* в древности должны были бы иметь формы *-ăx(ы̆x)/-ĕx* | *-ăχ*(*ïχ*)*/-ĕχ*(*ĭx*), которые в свою очередь должны восходить к формам типа **-ïq/-ik*.

Причем формы типа *-ăx/-ĕx* могли существовать еще в позднесреднебулгарскую (XV в.) и даже в собственно старочувашскую (XVI–XVII в.) эпоху, и в принципе дойти до наших дней, как это мы имеем в диалектной архаичной форме аффикса инфинитива *-мах* / *-мех* | *-маχ* / *-мех*, зафиксированной в составе слова *килмех* ‘прихождение’ в словаре Ашмарина [2, с. 219].

Действительно, имена на *-ăx/-ĕx*, образованные по сходной и прозрачной модели от глагольных корней в чувашском языке имеются: *пулăх* (<*пул-*) ‘урожай’ (‘плодородие’ по [9, с. 312]), *хывăх* (<*хыв-*) ‘1. отруби, высевки; 2. мякина, шелуха’ [9, с. 572], *тулăх* (<*тул-*) ‘1. полный, переполненный, полноводный; 2. прям., перен. жирный, тучный 3. изобилие, обилие, богатство, достаток || обильный, богатый, зажиточный’ [9, с. 492] (на наш взгляд, первым должно стоять 3-е значение ‘изобилие, обилие, богатство, достаток’; то, что данное слово образовано именно как *тул* + *ăx*, а не является вариантом слова *туллăх* (*тул* + *лăх*) с выпавшим *л* по типу *пылăх*<*пыллăх* ‘1. вырубка; 2. поляна’ [9, с. 324], доказывается формой *тулăхлăх* ‘изобилие, богатство, зажиточность, достаток’ [9, с. 492], ср. аналогичную форму *пулăхлăх* для *пулăх*) и *пӳлĕх* (*пӳл-* ‘судить (о судьбе)’) [1, с. 76].

Причем, у слов *пулăх*, *тулăх* и *пӳлĕх* имеются параллели на *-ă/-ĕ* совершенно идентичные по значениям: *пулă*, *тулă* и *пӳлĕ*.

Пулă имеется в общечувашской лексике в составе *тырă-пулă* ‘хлебы’ (букв. ‘зерно-урожай’), *тулă* с афф. 3-го лица в слове *тулли* ‘полный’, а о слове *пӳлĕ* см. далее.

Чувашское *пулăх* восходит к булг. *болăх* | *bolăχ*. Данное булгарское слово реконструируется из сравнительного анализа чув. *пулăх* [пулы̆х]/[пулӧх], приведенного в [9, с. 312] со значением ‘плодородие’ (I), и перс. [болґэ] уст. 1) ‘хлеб насущный’; 2) ‘дневное пропитание’ [5, с. 217]. Персидское *bolġε* [болґэ] является булгарским заимствованием, что доказывается этимологией данного слова, точнее булгарского слова-источника, представленного в чувашском языке в форме *пулăх* (низ. и средне-низ. диалект) и его однокоренными, но отличными по способу образования тюркскими параллелями, такими как тур. *bolluk* ‘обилие’, ‘изобилие’ ~ таг. *боллук*idem< огуз. *bol* ‘обильный’ + афф. *luk*. Вероятнее всего перс. *bolġε* из булг. **bolăğă* < *bolăχ* + афф. 3-го лица *-ă* ~ совр. чув. *-ĕ*/(*-u)*.Однако в верховом диалекте в отдельных говорах представлены аффиксы *-ă/-ĕ*(*ɬ-u)*.

Чув. *пулăх* (в верх. диалекте чув. яз. должно быть *полăх*, однако эта форма не представлена почему-то в словаре Ашмарина, в котором, кстати, не представлено и само слово *пулăх*, а только его производная *пулăхлă*, которую автор перевел как ‘дельный’: «*ку пулăхлă йапала* (дельный человек) || *кăçалхи мăйăр ун чухнехи пек пулăхлă пулмарĕ* (не было урожая)» [1, с. 271]) происходит от глагольного корня *пул-*/*пол-* (~ тюрк. *бол-*) ‘быть’, ‘становиться’, ‘получаться’, а также ‘созревать’: *улма пулнă* ‘яблоки поспели (созрели)’ + арх. афф. *-ăх* ~ совр. чув. *-ă*. Примечательно, что в чувашском языке читается еще и параллельная форма данного слова, а именно – *пулă*, представленная в парном слове *тырă-пулă* (*тырпул*), переведенном в [9, с. 506] как собир. ‘хлеб’ и ‘хлеба’. Слово *тырă* ‘хлеб’ и ‘хлеба’, ‘зерно’ [9, с. 505], употребляемая как самостоятельная лексема, в данном случае оттенило своими значением значение слова *пулă*, так что согласно словарю слова *тырă* и *тырă-пулă* стали синонимичны. Очень близкими по отношению к чув. *пулă* являются тур., тюрк., таг., аз. *bol* ‘обильный’ <*bol-* + афф. *u*, который в последствии отпал, однако форма *bolu* сохранилась в названии тур. города *Bolu* (букв. ‘изобилие’).

Между тем, исходя из вышесказанного, очевидно, что первичным значением слова *пулă* было ‘урожай’ (т. е. ‘то, что созрело’, ‘то, что поспело’). Это же значение имеет и слово *пулăх*. Приводимое же в [9, с. 312] в качестве значения *пулăх* русское слово ‘плодородие’ является для данного слова несколько неточ-

ным. Оно, однако, полностью соответствует чув. слову *пулăхлăх* (*пулăх* + афф. *лăх*), т. к. в русском языке является синонимичным слову ‘урожайность’, которое является точным переводом *пулăхлăх* (в [9, с. 312] переведено одним словом ‘плодородие’, значение ‘урожайность’ не приводится).

Слово *пулă* образовано по достаточно распространенной в чувашском языке модели для отглагольных существительных: корень глагола + словообр. афф. *-ă*, ср. *кул* ‘смеяться’, ‘улыбаться’ – *кулă* ‘смеях’, ‘улыбка’, *таш-ла* ‘плясать’, ‘танцевать’ – *ташă* ‘пляска’, ‘танец’.

А вот слово *пулăх* явно не вписывается ни в одну из описанных в чувашском языкознании словообразовательную модель, т. к. аффикс *-ăх/-ĕх/-х* в чувашском языке является аффиксом образования от имен существительных глагольных основ, ср. *вĕчĕ* ‘злоба’ – *вĕчĕх* ‘злиться’. Заметим, однако, что в чувашском языке имеется аффикс *-ăк/-ĕк*, который образует от отглагольных основ существительные со значением результата действия и качества, обусловленного действием: *хуç* ‘ломать’ – *хуçăк* ‘обломок’, ‘сломанный’, *шăт* ‘продырявиться’ – *шăтăк* ‘дыра’, ‘дырявый’. Можно было бы отнести аффикс *-ăх* в слове *пулăх* к алломорфам аффикса *–ăк*, посчитав, что конечное *х* является результатом перебоя *-к/-х*, однако, во-первых, последний в ауслауте свойственен только определенным верховым говорам (например, сундырскому говору верхнего диалекта), причем в обратном направлении (*х>к*, а не *к>х*, ср. *пăх* ‘смотреть’ ~ сунд. *пăк*), во-вторых, имена, образованные от глагольных основ путем прибавления афф. *-ăк/-ĕк,* могут иметь (и зачастую имеют) в рамках своих значений уменьшительный оттенок, ср. чув *çĕтĕк* (<*çĕт-*) ~ тюрк. *йыртык*/*жыртык* [3, с. 213], чув. *çорăк*/*çурăк* (<*çор-*/*çур-*) ~ тюрк. *jaruq* [8, с. 27], чув. *касăк* (<*кас-*) ~ тюрк. *kesäk* [8, с. 27] и, наконец, чув. *ӳӳçĕ* ‘кислый’ // *ӳӳçĕк* ‘кисловатый’ ~ др.-тюрк. *ačïγ* [8, с. 28], чего не скажешь о значениях слова *пулăх*, и в-третьих, имен на *-ăх/-ĕх*, образованных по сходной и прозрачной модели от глагольных корней в чувашском языке совсем немного: *пулăх* (<*пул-* ‘быть’, ‘становиться’, ‘созревать’) ‘урожай’ (‘плодородие’ по [9, с. 312]), *хывăх* (<*хыв-*) 1. ‘отруби’, ‘высевки’; 2. ‘мякина’, ‘шелуха’ [9, с. 572], *тулăх* (<*тул-*) 1. ‘полный’, ‘переполненный’, ‘полноводный’; 2. прям., перен. ‘жирный’, ‘тучный’ 3. ‘изобилие’, ‘обилие’, ‘богатство’, ‘достаток’ || ‘обильный’, ‘богатый’, ‘зажиточный’ [9, с. 492] (на наш взгляд, первым должно стоять 3-е значение ‘изобилие’, ‘обилие’, ‘богатство’, ‘достаток’; то, что данное слово образовано именно как *тул-* + *-ăх*, а не является вариантом слова *туллăх* (*тул-* + *-лăх*) с выпавшим *л* по типу *пылăх<пыллăх* ‘1. вырубка; 2. поляна’ [9, с. 324], доказывается формой *тулăхлăх* ‘изобилие, богатство, зажиточность, достаток’ [9, с. 492], ср. аналогичную форму *пулăхлăх* для *пулăх*) и *пӳлĕх* (*пӳл-* ‘судить (о судьбе)’) [1, с. 76]. Последнее слово в [9, с. 322], вслед за Н. И. Ашмариным считают тем же словом, что и *пӳлĕхçĕ* ‘миф. провидение (божество, якобы раздающее людям счастливые и несчастливые жребии)’. В действительности же исторически слово *пӳлĕх* обозначало не само божество (оно обозначалось как *пӳлĕхçĕ* => *пӳлĕх+çĕ* (*-çă/-çĕ* – афф. деятеля)), а ‘долю, жребий, судьбу’, а глаголы *пӳл-* ‘судить (о судьбе)’ и *пӳл-* ‘загородить’, разделяемые в [1, с. 76–77] суть едины, а их значения восходят к одному значению ‘делить’, ‘разделять’ (~ тюрк. *бöл-* | *böl-*), чему свидетельство многочисленные производные слова в чувашском и тюркских языках: *пӳлĕм* ‘комната’, ‘отделение’, ‘перегородка’ ~ чаг. *бöлӳм* ‘отделение, дистанция’ [8, с. 495], чув. *пӳлме* ‘закром’, ‘сундук’ ~ башк. *бүлмә* ‘комната’, чув. *пӳлмек* ‘комната’ [1, с. 78]. Слово *пӳлĕх* имеет в чувашском языке и параллельную форму *пӳлĕ* (*пӳл-* + *-ĕ*), которая встречается только с афф. 3-го л.: «*пӳлĕ*, по-видимому, то же, что *пӳлĕх*, фольк. *Ах туррипа, ах пӳлли! мĕлле пурнас, кун курас?*» [1, с. 79]. *Пӳлĕхçĕ* также употребляется зачастую с афф. 3-го л. в форме *пӳлĕççи, пӳлĕхçи* (удвоение *ç* в *пӳлĕççи и* есть результат регрессивной ассимиляции *х* в *пӳлĕхçи*, которая является для нее исходной): «*Туррипараҫ, пӳлĕхçи пӳрет*» [1, с. 79]. Таким образом, реконструируем чув. *пӳлĕх* ‘подарок, дар’, ‘доля, жребий, судьба’ и его параллельную форму *пӳлĕ* «тж» (также как и *пулăх*//*пулă* (в *тырă-пулă*)) и противопоставляемую по способу словообразования чув. *пӳлек*, которое по фонетическому облику (афф. *-ек*) сближается с тат. *бүләк* и отчасти с тур. *bölük*, чаг. *бöлӳк*, кирг. *бөлүк* ‘часть’, монг. *бэлэг* ‘подарок’, ‘дар’ (глагол *бэлэглэх* ‘дарить’, ‘преподносить в подарок’ образован от существительного *бэлэг*, что говорит о заимствовании слова *бэлэг* из тюрк.), як. *бэлэх* ‘подарок’, ‘дар’ [8, с. 460] (заимств. из монг.).

Таким образом, отглагольные имена на *-ăх/-ĕх* в чувашском языке являются архаизмами среднебулгарской эпохи, что доказывается наличием в языке их параллелей – более современных образований на *-ă/-ĕ*. В древнетюркском языке им соответствуют аналогичные образования на *-ïγ/-ig*.

Источники

1. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1999. Т. 9. 616 с.

2. Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. Т. 6. 336 с.

3. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.

4. Монгольско-русский словарь. М.: Русский язык, 1957. 716 с.

5. Персидско-русский словарь: в 2 т.. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 800 с.

6. Татарско-русский словарь: около 25 000 слов / под ред. Ф. А. Ганиева. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988. 462 с.

7. Туркменско-русский словарь: около 40 000 слов / под общ ред. Н. А. Баскакова, Б. А. Каррыева, М. Я. Хамзаева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 832 с.

8. Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1996. Т. 1–2. 470 с.

9. Чувашско-русский словарь / Андреев И. А., Горшков А. Е., Иванов А. И. [и др.]; под ред. М. И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985. 712 с.

Istochniki

1. Ashmarin N. I. Slovar’ chuvashskogo yazyka: v 17 t. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 1999. T. 9. 616 s.

2. Ashmarin N. I. Slovar’ chuvashskogo yazyka. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 1994. T. 6. 336 s.

3. Egorov V. G. Etimologicheskii slovar’ chuvashskogo yazyka. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo, 1964. 355 s.

4. Mongol’sko-russkii slovar’. M.: Russkii yazyk, 1957. 716 s.

5. Persidsko-russkii slovar’: v 2 t.. M.: Russkii yazyk, 1985. T. 1. 800 s.

6. Tatarsko-russkii slovar’: okolo 25 000 slov / pod red. F. A. Ganieva. Kazan’: Tatar. kn. izd-vo, 1988. 462 s.

7. Turkmensko-russkii slovar’: okolo 40 000 slov / pod obshch red. N. A. Baskakova, B. A. Karryeva, M. Ya. Khamzaeva. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1968. 832 s.

8. Fedotov M. R. Etimologicheskii slovar’ chuvashskogo yazyka. T. 1–2. Cheboksary, 1996. 470 s

9. Chuvashsko-russkii slovar’ / Andreev I. A., Gorshkov A. E., Ivanov A. I. [i dr.]; pod red. M. I. Skvortsova. M.: Rus. yaz., 1985. 712 s.

Статья поступила в редакцию 27.08.2014

УДК 81–22
ББК Д 4 (1)

Нариман Рамазанович Исрафилов,
кандидат филологических наук,
Дагестанский государственный педагогический институт
(367013, Россия, г.Махачкала, ул. М. Ярагского, 59)
e-mail: nariman-israfilov123@yandex.ru

Метафора как типологический фактор обогащения языка и культуры: интерпретация в грамматике и лексике

В языках Дагестана имеются различные способы передачи отражения реального мира. В данной статье анализируется словарный состав агульского языка лезгинской ветви нахско-дагестанской группы северокавказской семьи. В агульском языке выделяются следующие пути словообразования: морфологическое, лексико-семантическое, морфолого-синтаксическое. В статье на многочисленных примерах убедительно показаны различные способы образования слов. Общие структурно-семантические типы словообразования существуют в различных дагестанских языках. Агульская лексика непрерывно обогащается. Новые слова образуются на основе использования словообразовательных средств и приобретения ими нового смыслового значения, перехода слов одной части речи в другую. Наиболее продуктивным в агульском языке следует считать морфологический способ словообразования, при котором новые слова создаются на базе имеющегося в языке строительного материала путем закономерного сочетания морфем в слове. В лексике агульского языка имеется значительное количество слов, которые появились в результате сложения или же сочетания различных слов. Среди лексико-семантических способов образования слов как наиболее продуктивный выделяется безаффиксальный. Одним из морфолого-синтаксических способов образования новых слов в агульском языке выступает конверсия. Выделение общего лексического значения в дагестанских языках, различающихся определенной степенью грамматического оформления, позволяет судить о том, какие общие структурно-семантические типы словообразования существуют в различных дагестанских языках.

Ключевые слова: агульский язык, семантика, культура, корпус языка, грамматика, словообразование, метафора.

Nariman Ramazanovich Israfilov,
Candidate of Philology,
Dagestan State Pedagogical Institute
(59 M. Yaragsky St., Makhachkala, Russia, 367013)
e-mail: nariman-israfilov123@yandex.ru

Metaphor as a Typological Factor of Language and Culture Enrichment: Interpretation In Grammar And Vocabulary

Dagestan languages have various ways to reflect the objective world adequately. This article analyzes the lexicon of Agul language (Lezghian branch of the Nakh-Dagestan group in the North Caucasian family). One may notice such ways of word derivation as morphological, lexico-semantic and morphosyntactic. There are many examples given in this article demonstrate various devices of derivation in Agul. It also shown that different Dagestan languages share some common types of word derivation. Thus, Agul vocabulary is constantly growing. Beside mentioned derivational devices new words are introduced when acquiring a new meaning or transitioning from being one part of speech to another. The most productive way of word derivation still is morphological one, i. e. when a new word is formed by combining morphemes according to the grammar laws of the language. There are also many words, which were made up from combination of other words. The most common lexico-semantic way of derivation is non-affixal. One of the morphosyntactic derivational ways in Agul is conversion. Marking out common lexical meanings in Dagestani languages, even though different in their grammatical structure, gives opportunity to distinguish some common structural-semantic ways of word derivation.

Keywords: the Agul Language, semantics, culture, corpus of the language, grammar, word derivation, metaphor.

В науке, как известно, существует два понимания языка и культуры. В описании каждого возникает возможность по-разному представить её смысл: это положение стало общим местом когнитивной грамматики [3, с. 90]. Во-первых, это объясняется тем, что под крышу одного и того же языкового знака постепенно подводятся разные значения, наблюдаемые и осмысляемые в пространстве окружающих нас объектов. Во-вторых, это

© Н. Р. Исрафилов, 2014

объясняет, почему в осмыслении разных концептов нашего сознания присутствует свобода выбора собственных взглядов. Видение разных деталей или компонентов ситуации зависит от личных установок человека, если мир представляется так нам устроенным. Фон и фигура как бы меняются своими местами. Антропоцентричность реализации языка и культуры выражается в различных эффектах выбора собственной позиции в выборе присутствия говорящего, его оценок и взглядов. Характерной особенностью дагестанских языков является их различное восприятие в пространстве, предполагающее вполне релевантную семантику наличия или отсутствия контакта [1, с. 69].

Вопросы взаимодействия грамматических и лексических аргументов в дагестанских языках исследованы Б. Комри и М. Полинской. Взаимосвязь этих аргументов и взаимодействие, осуществляемое посредством передачи пространственных отношений, представляют интерес с точки зрения семантики пространства и структуры словосочетания [2, с. 71]. Тот факт, что в научной литературе представлено значительное количество трудов по исследованию того или иного аспекта интересующей нас проблемы, обусловлен не только актуальностью, но и различными фактами глоттогенеза языков.

Выделение общего лексического значения в дагестанских языках, различающихся определенной степенью переплетения разными способами грамматического оформления, позволяет судить о том, какие общие структурно-семантические типы словообразования существуют в различных дагестанских языках [5, с. 4]. Так, например, агульская лексика непрерывно обогащается. Новые слова образуются на основе использования словообразовательных средств и приобретения ими нового смыслового значения, перехода слов одной части речи в другую и т. д.

В агульском языке выделяются следующие пути словообразования: морфологический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический.

Морфологическое словообразование. Наиболее продуктивным в агульском языке следует считать морфологический способ словообразования, при котором новые слова создаются на базе имеющегося в языке строительного материала путем закономерного сочетания морфем в слове. В данном языке действуют следующие основные виды морфологического словообразования: аффиксальный (суффиксальный / префиксальный) и основосложение.

1. Суффиксальный способ является наиболее эффективным способом аффиксального образования слов. Рассмотрим наиболее продуктивные из суффиксов.

Суффикс ***-вел*** образует большое количество слов с отвлеченным значением почти от всех глаголов, прилагательных, существительных, а также некоторых наречий: *инсан-вел* «человечность» *(инсан* «человек»); *шараг-вел* «ребячество» *(шараг* «ребенок»); *варха-вел* «дальность, расстояние» (*варха* «далекий»); *джагвар-вел* «белизна» *(джагвар* «белый»).

Суффиксы *-чи, -хъан* от основ существительных, редко – от основ наречий образуют имена существительные, обозначающие людей по профессии, роду занятий, выполняемой ими работе: *чакма-чи* «сапожник» (*чакма* «сапог»); *далдам-чи* «барабанщик» (*далдам* «барабан»); *ккила-хъан* «пастух, ухаживающий за ягнятами» (*ккилар*-множ. число от *ккил* «ягненок»); *рехуь-хъан* «мельник» *(рех* мельница»); *хlаппа-хъан/хуьппа-хъан* «чабан» (*хlапп, хуьб* «овца») и др.

Суффиксы *-шуй*, *-хьуьй* (муж) от основ существительных образуют новые имена существительные, обозначающие людей по месту их жительства или рождения или же по их национальной принадлежности: *фитl-шуй* «фитинец» (*Фите* – название села); *хlурин-шуй* «сельчанин» (*хlур* «село»); *хlала-шуй* «гость»; *буркьун-шуй* «даргинец»; *йахул-шуй* «лакец»; хинхан-шуй «табасаранец» и др.

Посредством суффиксов *-ут, -т* от основ существительных образуются в агульском языке качественные прилагательные: *кьяш-ут* «влажный» (*кьяш* «влага»); *экв-ут* «светлый» (*экв «*свет»); *сукъур-т* «слепой» (*сукъур* «слепота»); *гашин-т* «голодный» (*гаш* «голод») и др.

Суффикс *-гала* от основ количественных числительных, находящихся в классе неразумных существ, образует кратные числительные: *са-гала* «однажды» *(сад* «один»); *lу-гала* «дважды» *(lуд* «два»); *хьибу-гала* «трижды» *(хьибуд* «три»); *йакьу-гала «четырежди»* (йакьуд «четыре») и др. В данном случае конечная согласная выпадает.

Суффикс *-ар* от основ количественных числительных, в зависимости от грамматического класса, образуют собирательные числительные: *lуд-ар* «оба» *(lуд* «два»); хьибуд-ар «втроем» (хьибуд «три»); йакьуд-ар «четверо» *(йакьуд* «четыре»).

Порядковые числительные в агульском языке образуются от количественных описательно по тому же типу, как и в других дагестанских языках, а именно посредством прибавления суффикса -пут: *сад-пут* «первый»

(сад «один»); *йерид-пут* «седьмой» *(йерид* «семь»); *къад-пут «двадцатый» (къад «двадцать»); хьимцlур-пут* «тридцатый» *(хьимцlур* «тридцать»); *верш-пут* «сотый» *(верш* «сто») и др.

Суффиксы *-тти, -ди* от основ прилагательных, числительных и существительных образует большинство наречий образа действия: *шад-тти* «весело» *(шад* «веселый»); *читинди* «трудно» *(читин* «трудный»); *гашин-ди* «голодно» *(гаш* «голод»); *йагъ-ди* «в течение всего дня; с утра до вечера» *(йагъ* «день») и др.

Суффиксы *-ана, -уд, -гана* от основ существительных, прилагательных, а также самих наречий образуют ряд наречий времени: хьид-ана «весной» (хьид «вода»); lурд-ана «зимой» (lурд «зима»); *гlул-ана* «летом» *(гlул* «лето»); цул-ана «осенью» (цул «осень»); йагъ-уд «днем» (йагъ «день»); *lуш-уд* «ночью» *(lуш* «ночь»); *гьидахlанди-гана* «утром» *(гьидахlанди* «утро»); *хебуьхъи-гана* «вечером» *(хебуьхъ* «вечер») и др.

Суффиксы *-ч, -саъас* от основ указательных местоимений образуют наречия места: *тич* «туда» (*ти* «то»);*гьоотисаъас* «оттуда» *(гьооти* «тот»); *гьоотич «туда» (гьооти «тот»); мич* «сюда» *(ми* «этот»); *мисаъас* «отсюда» *(ми* «этот»); *мич* «сюда» *(ми* «этот») и др.

Суффиксы -чи, -ич, -еч, -лех образуют существительные, являющиеся названиями лиц по характерному для них действию, свойству, внешним признакам. Производящими при этом, как правило, служат основы имен существительных, прилагательных и глаголов: *lамал-чи* «лжец» (*lамал* «ложь»); *хъуьнтl-ич «сопливый» (хъуьнтl «сопля»);* хьирхь-еч «слюнтяй» *(хьирхь* «слюна»); *тlуб-ач* «человек с изъяном в пальцах» *(тlуб* «палец»); *гаг-лех «*левша» *(гагурт* «левый»); *гучl-лех* «боязливый, дрожащий» (*гучl* «страх, боязнь») и др.

2. Префиксальный способ. При этом способе производящей основой служит как бы все слово в целом.

В производной основе глагола выделяются префиксы (превербы). Префиксы в основном участвуют в образовании глаголов. Превербы, присоединяясь к глагольному корню, создают различные оттенки и играют важную роль в глагольном словообразовании:

вес – «идти»
агъа-вес – «подняться»
атте-вес – «спуститься»
гьуте-вес – «пройти»
гьуче-вес – «подойти, спереди»
гъагьа-вес – «подняться на чем-либо»
хъуьтте-вес – «пройти сбоку»
хъуьче-вес – «подойти сзади».

3. Основосложение. В лексике агульского языка имеется значительное количество слов, которые появились в результате сложения или же сочетания различных слов.

Композиты-имена существительные: *йагъ-lуш* «день и ночь» (от *йагъ* «день» + *lуш* «ночь»); *дад-баб* «родители» (*дад* «отец» + *баб* «мать»); *кар-лихун* «работа, дело, занятие» (*кар* «работа» + *лихун* «дело, занятие»).

Композиты-имена числительные: *сахубджи* «чуть-чуть, несколько» (из *сад* «один» + *хубджи* «несколько»); *садlуд* «один-два» (из *сад* «один» + *lуд* «два»); *къад-сад* «двадцать один» (из *къад* «двадцать» + *сад* «один»).

Композиты-глаголы: *акьуб-дакьуб* «сделать для отмазки глаз» (из *акьуб* «делать» + *дакьуб* «не делать»); *итlуьб-ухуб* «питание» (из *итlуб* «кушать» + *ухуб* «пить»); *уьхьюб-адиб* «хождение» (из *уьхьюб* «идти» + *адиб* «придти обратно»); *уькьюб-гъузуб* «домашняя обстановка, положение, порядок» (из *уькьюб* «сидеть» + *гъузуб* «вставать»).

Композиты-наречия: *дахи-къанди* «рано или поздно» (из *дахи* «рано» + *кьанди* «поздно»); *агьал-хаб* «скоро, вот-вот» (из *агьал* «сейчас, в настоящее время» + *хаб* «затем, потом») и др.

Определенное место среди сложных образований в агульском языке принадлежит повторам, которые возникают в результате удвоения самостоятельных слов:

а) повторы – удвоения основ самостоятельных слов: *гагь-гагь* «иногда, время от времени» (из *гагь* «иногда»); *теке-теке* «по кусочку, по малу» (из *теке* «кусочек»); *яваш-яваш* «потихоньку», (из *яваш* «тихо, медленно»); *тlинкl-тlинкl* «по капельке» (из *тlинкl* «капля»); *джурид-джурид, герад-герад* «раздельно, каждый в отдельности» (из *джурид, герад* «раздельно»); хуппахъ-кlила «назад, задом» (из *хуппахъ* «сзади» + *кlил* «голова»)*; хъюхъер-муъулар* «лицо» (из *хъюхъ* «нос» + муъулар «губы»); *хулар-малар* «богатство» (от *хал* «дом» + *мал* «скотина») и др;

и) повторы – удвоения подражательных комплексов: *къаб-къуджагъ* «домашняя утварь, различные предметы»; *чахърехъ-пехърехъ* «подражание тарахтению, грохоту»; *пахъ-рахъ* «подражание шуму падающего предмета»; *тlапlрапl-тlапlрапl, тlинкl тlинкl* «подражание шуму капающих капель»; *цlакьракь* «подражание скрипу зубов» и др.

Лексико-семантическое словообразование. Среди лексико-семантических способов образования слов как наиболее продуктивный выделяется **безаффиксальный**. При этом способе словообразования имеющееся в языке слово приобретает новое смысловое

значение, т. е. наличие у слова разных исторически связанных значений. Появившиеся в результате полисемии лексемы существуют как в языке, так и в культуре (одинаковые слова с различными значениями). Таковы, например, слова *ваз* «луна» – *ваз* «месяц»; *муг* «гнездо птицы» – *муг* «нора диких зверей»; *тум* «семя, семена» – *тум* «закваска»; *удар* «зернышко» – *удар* «маленькая часть (чего-нибудь)»; *сив* «рот» – *сив* «пасть»; *гьич* «яблоко» – *гьич* «нисколько, совсем» и др.

Из приведенных примеров видно, что при лексико-семантическом способе словообразования формы слова, не подвергаясь каким-либо изменениям, переходят в самостоятельные слова. Это осуществляется переносом названия одного предмета или явления на другой предмет или явление по сходству внешних признаков, на основе реальных связей, существующих между ними в действительности и т. д.

Морфолого-синтаксическое словообразование. Одним из морфолого-синтаксических способов образования новых слов в агульском языке выступает конверсия. При конверсии внешняя форма слова не меняется, но слово переходит в другой грамматический разряд, приобретая при этом новое значение и новые функции. Например, при конверсии в агульском языке могут служить следующие прилагательные, которые переходят в разряд существительных: *джигъил* «молодой» – *джигъил* «юноша, молодой человек»; *Iуьсиф* «старый» – *Iуьсиф* «старик, старый человек»; *яшлу* «пожилой, немолодой – *яшлу* «пожилой человек»; *игит* «геройский, мужественный» – *игит* «герой, храбрец»; *дагълу* «горный, гористый» – *дагълу* «горец, пришелец»; *къарсач* «грязный» – *къарсач* «неряха»; *касиб* «бедный» – *касиб* «бедняк»; *бахттавар* «счастливый, беззаботный» – *бахттавар* «счастливый человек, счастливец» и др.

Из примеров в первом случае слова *Iуьсиф, яшлу, игит, дагълу, къарсач, касиб, бахттавар* называют признак, а во втором случае – предмет, характеризующийся наличием признака. При этом меняется не только грамматическое, но и лексическое значение слова. Таким способом, в лексике агульского языка появляются новые слова. Например: *ачухъсесер* «гласные»; *дюз чIал* «прямая речь»; *чIалан паяр* «части речи»; *кюмекпаяр* «служебные части речи»; *четингафар* «сложные слова»; *садпугаф* «предисловие» (букв. «первое слово»); *зегьметйагъ* «трудный день»; *цIайи ис* «Новый год» и др.

В настоящее время основным источником пополнения лексики агульского языка выступают терминологизированные фразеологизмы, соответствующие калькам и полукалькам. Как известно, кальки являются словами, возникшими на базе исконно агульского материала в результате буквального перевода. Из выше приведенных примеров видно, что калькирование в основном охватывает научные термины и понятия. В анализируемом языке значительно меньше количество слов, относящихся к терминологизированным фразеологизмам, чем семантико-тематических слов, обозначающих отношение человека к окружающему миру, его взглядов в различных эффектах говорящего.

Список литературы

1. Кибрик А. Е. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 403–407.

2. Комри Б., Полинская М. К вопросу об анализе падежных форм и падежных категорий в некоторых дагестанских языках // Девятый междунар. коллоквиум Европейского общества кавказоведов. Махачкала, 1998. С. 227.

3. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–93.

4. Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику: учеб. пособие. М., 2000. 384 с.

5. Талибов Б. Б. Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей цахурского языка // Именное склонение в дагестанских языках. Махачкала, 1979. С. 4–23.

References

1. Kibrik A. E. K tipologii prostranstvennykh znachenii (na materiale padezhnykh sistem dagestanskikh yazykov) // Problemy strukturnoi lingvistiki. 1972. M., 1973. S. 403–407.

2. Komri B., Polinskaya M. K voprosu ob analize padezhnykh form i padezhnykh kategorii v nekotorykh dagestanskikh yazykakh // Devyatyi mezhdunar. kollokvium Evropeiskogo obshchestva kavkazovedov. Makhachkala, 1998. S. 227.

3. Kubryakova E. S. O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva // Logicheskii analiz yazyka. Yazyki prostranstv. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. S. 84–93.

4. Plungyan V. A. Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku: ucheb. posobie. M., 2000. 384 s.

5. Talibov B. B. Morfologicheskaya i sintaksicheskaya kharakteristika padezhei tsakhurskogo yazyka // Imennoe sklonenie v dagestanskikh yazykakh. Makhachkala, 1979. S. 4–23.

Статья поступила в редакцию 12.09.2014

УДК 327(517.3)
ББК Ф4

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник
отдела истории и культуры Центральной Азии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670042,Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Монголия в начале XXI века: гримасы демократии[1]

В статье анализируется социально-политическая трансформация Монголии с середины 1980-х годов, после лидера МНРП и руководителя страны Ю. Цэдэнбала и до последних выборов Президента Монголии, на которых убедительную победу одержал представитель демократических сил Ц. Элбэгдорж. Одновременно с этим показан процесс партийного строительства и создания многопартийной системы как политической основы государства, а также процесс эволюции МНРП от марксизма к социал-демократии. Все это в свою очередь породило у монгольского общества иллюзии неограниченной свободы. В то же время этот процесс сопровождался жесткой борьбой противоборствующих сил, с одновременным ухудшением экономической ситуации в стране, массовой безработицей, ростом недовольства трудящихся масс в связи с отсутствием реальных демократических свобод, ослаблением роли Монголии на международной арене. В то же время в Монголии была создана многопартийная система, возникли устойчивые демократические институты, а монгольское общество стало открытым для цивилизованного мира. Однако внутриполитическая борьба МНРП и Демпартии привели к событиям июля 2008 г., которые получили известность как «юрточная революция» и имели негативный общественно-политический резонанс, в результате чего Указом Президента страны в столице Монголии был введен режим чрезвычайного положения. Корни этой драмы ощущаются и сегодня, что проявляется в растущей социальной дифференциации монгольского общества, низком уровне жизни значительных слоев населения, коррупции и безработице, борьбе политических партий и стоящих за ними политических сил за право распоряжаться природными богатствами, слабости и уязвимости относительно молодых демократических институтов.

Ключевые слова: СССР, МНР, КПСС, МНРП, Монголия, Россия, трансформация, партийное строительство, парламент, выборы, марксизм, социал-демократия.

Leonid Vladimirovich Kuras,
Doctor of History, Professor, Chief Researcher
of the Department of Central Asia History and Culture,
The Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of Siberian Branch, the Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 670042)
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Mongolia at the Beginning of the XXI Century: Faces of Democracy[2]

The article examines the social and political transformation in Mongolia from the mid-1980s, after the administration of Yu. Tsedenbal, leader of the Mongolian Communist party, to the recent presidential elections decisively won by Ts. Elbegdorzh. At the same time, the article traces the process of party construction and creation of the multi-party system as a political foundation of the state and the evolution of the Mongolian People's Workers' Party from Marxism to social democracy. In its turn, all this created an illusion of an unlimited freedom within the Mongolian society. At the same time this process was accompanied by uncompromising struggle of rivaling political forces, followed by the deterioration of the economic situation in the country, mass unemployment, growing grievances of the masses over the absence of real democratic freedoms and weakening of Mongolia's international position. On the other hand, a multi-party system and solid democratic institutions were created and the Mongolian society became open to the civilized world. However, the inter-partisan struggle of the Mongolian People's Revolutionary Party and Democratic Party

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии» № 14–18–00552.

[2] The research is performed within the project № 14–18–00552 "Mongolian People: historical experience of transformation of nomadic societies of Asia" of RHSF.

© Л. В. Курас, 2014

led to the events of July 2008 known as the «Yurt Revolution». They had a bad publicity and as a result, the presidential decree declared emergency situation in the capital. The roots of this drama can be felt even now. They appear in a growing social differentiation of the Mongolian society, low living standards of a large portion of the population, corruption and unemployment, political rivalry of the parties and political forces backing them for a right to distribute benefits from mining, weakness and vulnerability of relatively young democratic institutions.

Keywords: USSR, Mongolian People's Republic, CPSU, MPWP, Mongolia, Russia, transformation, party construction, parliament, elections, Marxism, social democracy.

К середине 1980-х гг. развитие экономики и культуры Монголии обнаружило явные признаки застоя, что закономерно начали связывать с ослаблением авторитета и власти лидера МНРП и руководителя страны Ю. Цэдэнбала. В августе 1984 г. на внеочередном VIII пленуме ЦК МНРП Ю. Цэдэнбал был освобожден от всех должностей. Генеральным секретарем ЦК МНРП был избран Ж. Батмунх, который в 1987 г. на XIII съезде Совета монгольских профсоюзов официально объявил, что страна взяла курс на перестройку. В 1988 г. состоялся V Пленум ЦК МНРП, на котором перестройка была продекларирована как неотложная задача в политической, экономической, образовательной и культурной отраслях. Но медленные темпы перестройки и отсутствие реальных результатов способствовали появлению реальной оппозиции. Во второй половине 1980-х гг. в стране обострилась продовольственная проблема, оставался неразвитым внутренний рынок, а 40 % госбюджета МНР формировалось за счет кредитов и помощи Советского Союза. В этот же период в стране начался процесс образования политических партий, а оппозиционное движение стало реальностью.

В мае 1990 г. на сессии ВНХ было закреплено решение МНРП об исключении статьи 82 из текста Конституции, а на сессии ВНХ были приняты Закон о политических партиях и решение о проведении досрочных выборов в ВНХ и местные органы власти. На сессии Хурала было решено создать постоянно действующий Малый Государственный Хурал (МГХ) и институт Президента страны. Именно эти события в Монголии принято считать демократической революцией. Последующие события – это череда свободных демократических выборов, которые способствовали укреплению многопартийной системы, что подарило монголам иллюзию неограниченной свободы. На этом этапе политические партии активно приступили к разработке новой Конституции, которая вступила в силу с 12 февраля 1992 г.

К началу XXI в. в Монголии сложилась партийная система и к апрелю 2004 г. было зарегистрировано 20 партий.

14 апреля 2004 г. по инициативе американского Фонда Сороса журналисты ведущих информационных агентств страны выработали соглашение, которое устанавливало следующие принципы предоставления отчета о выборах:

– публиковать только ту информацию, которая опирается на официальные документы;

– не выражать личное мнение, не призывать к выборам и не агитировать против определенных партий и кандидатов;

– не сообщать о незначительных промахах, чтобы этой информацией не повлиять на результаты выборов;

– указывать в государственных средствах массовой информации об источниках финансирования предвыборной агитации;

– указывать источник информации при публикации результатов голосования;

– указывать автора публикации или передачи;

– не разглашать источник информации в случае публикации секретной информации;

– немедленно исправлять профессиональные ошибки, если таковые будут допущены [9].

В целом, представители СМИ придерживались этой договоренности в течение всей избирательной кампании, допустив срыв лишь к концу избирательной кампании [6].

8 апреля 2004 г. в постановлении № 9 Великий Народный Хурал (ВНХ) назначил проведение выборов на 27 июня 2004 г., а начало подготовки к ним – на 12 апреля 2004 г.

По сообщению Центральной избирательной комиссии на участие в выборах подали заявку 11 партий. Демократическая партия, Родина – МДНСП и партия Гражданское мужество – Республиканцы объединились в предвыборный союз «Родина демократии». 8 партий пожелали выступить с собственными кандидатами. Объединенная партия женщин Монголии не была допущена к выборам, т. к. не смогла своевременно пройти регистрацию.

Выдвижение кандидатов стало причиной серьезной внутрипартийной борьбы как в МНРП, так и в союзе «Родина демократии». Это привело к организационным выводам,

в результате чего ряд руководителей МНРП были исключены из партии. Это подрывало авторитет партии в глазах избирателей.

Для того чтобы выдвинуть на выборы свою кандидатуру от партии, необходимо было внести в фонд партии взнос, размер которого варьировался. В этой ситуации преимущество получили предприниматели, что впоследствии отразилось на составе нового Великого народного хурала.

По мере наращивания темпов предвыборной кампании МНРП все больше избирателей выступали с ее критикой. Обсуждалось количество денег, потраченных на рекламные акции и, в частности, на плакаты. Многие жители столицы считали, что было бы лучше потратить эти деньги на ремонт улиц Улан-Батора, которые уже многие годы находились в плачевном состоянии. Лишь за несколько дней до выборов городское самоуправление начало ремонт некоторых улиц.

Оппозиционные партии вступили в предвыборную борьбу лишь на ее заключительном этапе. Основным средством агитации также стало размещение плакатов на главных улицах столицы. Вслед за правящей партией оппозиция обещала повысить благосостояние населения. Самый популярный плакат обещал: «Всем детям до 18 лет будет выдаваться ежемесячная доверительная сумма в размере 10 тыс. тугриков». Учитывая, что в Монголии на тот момент проживало более миллиона детей и подростков до 18 лет, становится очевидным, что на выполнение этого обещания ушла бы большая часть государственного бюджета.

Хотя доступ оппозиции к средствам массовой информации был более ограниченным по сравнению с МНРП, кандидаты союза «Родина демократии» смогли представить свою программу в прессе и электронных средствах. В Монголии в этот период выпускалось 6 ежедневных газет. Три из них – «Оодрийн Сонин», «Онодоор» и «Монголын Мэдээ» регулярно представляли кандидатов союза «Родина демократии» и их программы. Помимо этого предвыборная программа ДП была широко освещена в многотиражной продукции бульварных журналов, которые с большим сочувствием относились к партиям оппозиции. Эфирное время им охотно предоставляли частные радиовещательные станции.

Таким образом, предвыборная борьба оппозиции в столице оказалась возможной при поддержке СМИ. Существенная экономия оппозиционными партиями финансовых средств при осуществлении кампании была положительно оценена избирателями.

В сельской местности, где проживала большая часть граждан, имеющих право голоса, оппозиция столкнулась с определенными трудностями при агитации. Сельские жители получали информацию о предстоящих парламентских выборах из государственного телевидения и радио, в которых в предвыборный период доминировала МНРП. Пресса на селе играла незначительную роль. Только 2,6 % ежедневного издания всех газет имели сбыт в сельской местности. Причем, сюда входили и обязательные экземпляры, доставляемые в государственные учреждения. Местные журналы, которые продавались в аймаках, были, как правило, бедны информацией о выборах.

По итогам выборов МНРП получила 38 мандатов, союз «Родина демократии» – 34 мандата.

Особенностью нового парламента стало значительное количество депутатов-предпринимателей. Они являлись руководителями наиболее крупных предприятий страны: «Голомт банк», «Эрэл», «Фортуна», «Бридж», «Залуу Монгол», «Буян», «Оюуны Ундраа» и др. В прежние годы представители бизнеса не стремились участвовать в политической жизни страны. К середине 2000-х гг. руководители крупных предприятий Монголии стали понимать необходимость создания правовой среды для их экономической деятельности, тем более что существовавшие на тот момент законы, регулирующие предпринимательскую деятельность, не соответствовали новым экономическим условиям и тормозили развитие бизнеса. Кроме того, многие предприниматели руководствовались желанием защитить интересы монгольских компаний в конкуренции с иностранными предприятиями и особенно китайскими. Именно в этот период МНРП поставила 11 задач в области социально-экономического реформирования. В их числе: проект «Дорога 1000-летия», формирование свободных экономических зон, дальнейший процесс приватизации, в том числе земли. Одновременно с этим МНРП стремилась решить острые социальные проблемы: повышение пенсий, заработной платы работникам бюджетной сферы, расширение пакета социальных льгот.

В этот период Демократическая партия стремилась найти общую платформу с партией «Гражданское мужество – Республиканской партией», превратившейся после слияния двух партий в авторитетную политическую силу общества. По мере приближения очередных выборов оппозиция активизировала свои действия по объединению поли-

тических сил, призывая все противостоящие МНРП партии создать единую организацию, способную победить на президентских выборах 2005 г.

МНРП к середине 2000-х гг. насчитывала в своих рядах свыше 120 тыс. членов. Деятельность Президента Монголии Н. Багабанди, имевшего в этот период самый высокий политический рейтинг в стране, была сосредоточена на формировании внешнеполитического курса, направленного на создание положительного облика Монголии за рубежом, поиск иностранных партнеров и инвестирования социально-экономических реформ международными организациями, странами-донорами и зарубежными компаниями. Являясь главнокомандующим Вооруженных Сил, Президент уделял большое внимание реформированию армии, созданию специального отряда по борьбе с терроризмом.

Вместе с тем МНРП и Демократическая коалиция были вынуждены после парламентских выборов 2004 г. сформировать коалиционное «правительство национального согласия», которое, к сожалению, не стало примером результативного сотрудничества. Большинство постов в новом правительстве получили представители МНРП, а премьер-министром стал представитель демократов Ц. Элбэгдорж.

Президент Н. Багабанди, избранный до 2005 г., согласно действующей Конституции не имел права претендовать на этот пост. Поэтому его окружение занялось поиском возможностей реформирования политической системы с целью изменения Конституции и введения президентской формы правления. Так, группа общественных деятелей, куда вошли академик Ч. Далай, бывшие премьеры Д. Бямбасурэн и Д. Содном, а также лидер партии «Отечество» Н. Ням-Осор и др. подготовили проект введения президентского правления.

Вместе с тем парламентские выборы 2004 г. выявили в МНРП серьезные нарастающие проблемы, которые не способствовали сплоченности партии. В ходе предвыборной гонки МНРП была представлена по партийному списку в основном людьми из реформаторской группы во главе с председателем МНРП и спикером парламента Н. Энхбаяром, которые и вошли в состав правительства. В этой связи у него появились оппоненты внутри партии из числа консерваторов. В этой связи состоявшаяся 15 января 2005 г. партийная конференция МНРП официально признала возможность существования фракций внутри партии. В Уставе МНРП было закреплено положение, согласно которому фракцию можно официально создать только при поддержке более 1/4 части членов партийной конференции.

Немаловажное значение имело назначение на должность Генерального секретаря МНРП С. Баяра, являвшегося на тот период послом Монголии в России. Следует подчеркнуть, что председатель партии Н. Энхбаяр сам предложил кандидатуру С. Баяра, учитывая, что тот представлял интересы действующего Президента страны Н. Багабанди и связанной с ним группы партийцев консервативного толка. Кадровая рокировка продемонстрировала продуманную стратегию председателя МНРП Н. Энхбаяра, который упрочил собственные позиции. По мнению некоторых аналитиков, Н. Энхбаяр исходил из того, что в партии сохранились устойчивые позиции и влияние консервативного крыла в партии. Кроме того, возникла опасность раскола в МНРП. И, наконец, предполагалось, что С. Баяр на посту Генерального секретаря МНРП станет своеобразным балансом, «золотой серединой», что позволит снизить разногласия в партии и сплотить ее ряды в преддверии предстоящих президентских выборов, где официальным кандидатом от МНРП станет Н. Энхбаяр. В этой связи не исключалась вероятность будущего назначения С. Баяра председателем МНРП после Н. Энхбаяра.

Парламентские выборы лета 2004 г. оказали большое влияние и на расстановку сил в демократическом лагере. Еще до выборов демократическую оппозицию раздирали личные амбиции лидеров партий и постоянные усобицы. В Демократической партии не было единства по принципиальным вопросам о создании коалиционного союза, в частности, по кандидатурам будущих руководителей коалиции и партийным квотам на парламентские места.

На 22 мая 2005 г. были назначены очередные президентские выборы, в которых участвовали четыре кандидата: от МНРП – Н. Энхбаяр, от Демократической партии – М. Энхсайхан, от Республиканской партии – Б. Жаргалсайхан и от партии «Отечество» – Б. Эрдэнэбат.

Н. Энхбаяр победил на выборах президента Монголии, набрав 53,4 % голосов избирателей. Его ближайший соперник М. Энсайхан получил около 20 % голосов. При этом эксперты отмечали, что хотя выборы в Монголии «известны своей непредсказуемостью..., практически ни у кого не было сомнений, что главой государства станет бывший премьер» [1].

В начале 2006 г. «правительство национального согласия», возглавляемое тогдашним председателем ДП Ц. Элбэгдоржем, было торпедировано неожиданным выходом из него 10 министров-членов МНРП. Утрата правительством легитимности была официально подтверждена руководящим советом МНРП, который принял заявление об его отставке. Кредит доверия к правительству был девальвирован снижением жизненного уровня большей части населения, дестабилизацией общественно-политической ситуации и чрезмерной политизацией исполнительной власти. В этих условиях было сформировано новое правительство, контролируемое МНРП. Но симпатии монгольского общества в этот раз были на стороне Демпартии [2, с. 110–111]. Поэтому, по оценке специалистов, на предстоящих парламентских выборах 2008 г. ДП должна была получить равное с МНРП число голосов избирателей (допускалась даже победа демократов). Однако обнародованные Центризбиркомом 29 июня 2008 г. данные итогов голосования показали, что верх одержала МНРП, проведя в ВГХ 48 своих депутатов против 25 представителей от Демпартии. Последовавшие за этим события 1 июля 2008 г. – это своеобразные гримасы демократии, получившие известность как «юрточная революция» и имевшие крайне негативный общественно-политический резонанс. Представители гражданских движений, недовольных итогами выборов, организовали митинг протеста, который завершился массовыми беспорядками. В результате погибло пять человек, сотни получили ранения, был нанесен значительный материальный ущерб (офис МНРП был фактически сожжен вместе с архивом партии). Указом Президента страны в столице Монголии был введен режим чрезвычайного положения. По оценке признанного монголоведа М. И. Гольмана: «Корни этой драмы кроются в растущей социальной дифференциации монгольского общества, низком уровне жизни значительных слоев населения, коррупции и безработице, борьбе политических партий и стоящих за ними политических сил за право распоряжаться природными богатствами, слабости и уязвимости относительно молодых демократических институтов» [3]. Руководство страны дало согласие рассмотреть факты нарушений в ходе парламентских выборов и частично пересмотреть итоги голосования, в результате чего МНРП получила 39 мест в парламенте, а Демократическая партия – 25. Разразился затяжной политический кризис, выходом из которого стало «нестандартное решение» МНРП об образовании коалиционного с ДП правительства в составе 8 министров-членов МНРП и 5 членов ДП. По мнению специалистов, это правительство и в настоящее время продолжает работать весьма эффективно, хотя и подвергается перманентной критике с обеих сторон.

В апреле 2009 г. на конференции МНРП Н. Энхбаяр был вновь выдвинут кандидатом на пост Президента Монголии. В тоже время внутри МНРП сохранялась сложная и противоречивая ситуация, связанная с тем, что в результате формирования коалиционного правительства ряд членов МНРП не получил государственных постов и министерских портфелей. Внутри партии образовалось несколько фракций: а) Увснурская, представленная выходцами из Увс аймака и западных регионов Монголии. Претендентом от этой фракции рассматривался действующий министр внутренних дел и юстиции, бывший спикер парламента Ц. Нямдорж, покинувший должность спикера по настоянию Президента Н. Энхбаяра; б) Сухэ-Баторская, представленная выходцами из восточных и юго-восточных аймаков страны. Главными фигурами в этой фракции стали члены Великого Государственного Хурала (ВГХ), экс-министр финансов Ч. Улан, бывший министр иностранных дел С. Батболд и бывший министр юстиции и внутренних дел Ц. Мунх-Оргил; в) Городская (столичная) фракция, лидером которой стал экс-мэр г. Улан-Батора, действующий вице-премьер М. Энхболд, который, несмотря на давление Президента, отказался передавать российской стороне часть акций на право эксплуатации крупного месторождения серебра «Асгат». Фракцию поддерживает интеллектуальная элита страны, входящая в Демпартию под названием «Алтан Гадас» (Полярная звезда); г) Молодежная фракция, лидером которой является У. Хурэлсух, назначенный на должность секретаря МНРП.

Первоначально шансы действующего президента Н. Энхбаяра оценивались достаточно высоко. В его пользу говорили имеющийся широкий административный ресурс, личный авторитет, умение наладить конструктивные контакты с любыми политическими партнерами.

Кандидат в президенты от Демократической партии Ц. Элбэгдорж выдвинул центральным лозунгом своей избирательной кампании – выборы демократического президента. При этом он не пытался маскировать откровенную ставку на помощь со стороны

Запада, взяв за образец американские демократические институты. Уже после окончания первого заседания весенней сессии Великого Государственного Хурала Ц. Элбэгдорж встречался с иностранными послами, принимавшими участие в открытии сессии, а его сторонники выехали в США и ряд других западных стран с целью привлечения финансовой подпитки и политической поддержки избирательной кампании своего кандидата.

На первом этапе избирательной кампании кандидат Н. Энхбаяр значительно опережал своего соперника среди электората старшего возраста, а также сельского населения страны. Ц. Элбэгдорж имел сильные позиции в молодежной среде, а также в столице, где сосредоточено большинство избирателей. Высокий рейтинг Ц. Элбэгдоржа наблюдался в западных аймаках и в г. Эрдэнэте, где он начинал свою политическую карьеру. В то же время в рядах Демпартии, которая не являлась единой сплоченной организацией, насчитывалось немало сторонников других кандидатов. Поэтому Ц. Элбэгдорж попытался создать альянс с партией «Гражданская воля» (С. Оюун) и Партией зеленых (Д. Энхбат). Однако реального влияния на электорат эти партии не имели.

Оба кандидата в президенты провозглашали фактически идентичные принципы внешней политики, учитывающие приоритет исторических и географических соседей – России и Китая. Однако в печати активно проскальзывала мысль о приверженности действующей власти в лице президента Н. Энхбаяра и премьера С. Баяра российскому и китайскому вектору внешней политики в ракурсе предстоящих визитов российского президента и премьер-министра в Монголию и подготовки к торжественной дате 60-летия со дня установления дипломатических отношений МНР и КНР. В то время как Ц. Элбэгдорж ориентировался на сотрудничество со странами Запада, Китаем, Японией [7, с. 4].

Старт избирательной кампании показал явные промахи Н. Энхбаяра, связанные с тем, что кандидату в президенты не удалось организовать мобильную, мощную рабочую команду, способную хотя бы не девальвировать оставшийся кредит доверия граждан. Многие авторитетные представители руководящего корпуса МНРП фактически не принимали участия в агитации за кандидата от партии. Предвыборная кампания велась устаревшими методами, преобладал акцент на личные встречи кандидата с электоратом в подготовленных залах различных учреждений, а коллектив российских имиджмейкеров, задействованных предвыборным штабом Н. Энхбаяра, не смог освежить облик кандидата в президенты и усилить ход агитации.

Ц. Элбэгдорж проводил предвыборную кампанию в напористом, жестком и даже агрессивном стиле. Он активно встречался с жителями Улан-Батора на площадях, рынках, игровых площадках, в скверах, парковых зонах. Его консультировали американские политтехнологи, имевшие опыт президентских избирательных кампаний в США. Заокеанские имиджмейкеры сделали ставку на ораторское искусство кандидата, включая нереальные обещания и русофобскую критику действующей власти. При этом он использовал некорректные аргументы, направленные на дискредитацию отношений между двумя странами, подчеркивающие якобы неравноправные связи между Россией и Монголией, хотя сам Ц. Элбэгдорж окончил факультет журналистики Львовского военно-политического училища.

Часть монгольских СМИ стала публиковать тенденциозные статьи явно заказного характера, характеризующие хищническое отношение России к богатствам страны [5, с. 2], в неприглядном виде подавалась информация о состоянии УБЖД, «большого долга» Монголии России (10 млрд долларов), деятельности российской горнорудной компании «Золотой Восток-Монголия», приватизации нескольких жилых домов, где проживают монгольские и российские граждане.

Дальнейшие события показали, что предвыборный штаб действующего президента во время избирательной кампании не отличался активностью, а в настроениях сторонников Н. Энхбаяра наблюдалось упование на инерцию прошлого успеха, стремление использовать административный ресурс и авторитет партии. Российские консультанты, приглашенные представителями МНРП, не смогли противопоставить пропаганде и агитации соперника серьезные аргументы, допустили серьезные просчеты. Так, например, попытка выставить кандидата от Демпартии как выходца из Китая, вызвала обратный эффект и сыграла в пользу Ц. Элбэгдоржа.

Итоги избирательной кампании показали, что представитель Демпартии Ц. Элбэгдорж, набрав 51,24 % голосов избирателей, одержал победу.

С приходом нового президента концепция внешнеполитической стратегии Монголии не изменилась. Выступая на первом митинге в связи с избранием президентом, Ц. Элбэг-

дорж подчеркнул последовательность и преемственность внешнеполитического курса, отметив важность и приоритет отношений с Россией и Китаем.

Вопреки ожиданиям, 2010 г. не только не принес стабильности в Монголии, но и ознаменовался апрельским политическим кризисом, обусловленным невыполнением предвыборных обещаний депутатским корпусом ВГХ и Президентом страны. Речь шла о повышении зарплаты и пенсий бюджетной сфере, увеличении минимального уровня оплаты труда и денежных дивидендах всем гражданам Монголии от эксплуатации крупнейших горнорудных месторождений страны в размере 1,5 млн тугриков каждому гражданину. Причем, страна стояла перед угрозой всеобщей забастовки в масштабах всей страны. В этой связи правительство приняло решение о распределении по 120 тыс. тугриков каждому гражданину страны из бюджета специально созданного «Фонда развития человека». В целом же предполагалось выплатить 1,5 млн тугриков каждому гражданину Монголии в виде отчислений на пенсионное и медицинское страхование, права на осуществление платежа за образовательные услуги, услуги здравоохранения и покупку жилья и выдачи наличных денег в течение срока полномочий действующих составов ВГХ и правительства. Это было обусловлено тем, что большинство безработных граждан, аратов-скотоводов и индивидуальных предпринимателей (около 800 тыс. чел.) были не охвачены пенсионным страхованием, а 400 тыс. граждан – медицинским страхованием. С 2011 г. планировалась выплата страховых сборов этих граждан из «Фонда развития человека» для получения пенсий и медицинских услуг. Это позволило бы перейти к социально ориентированной политике, созданию всеобщей системы пенсионного и медицинского страхования.

В проекте «Новая железная дорога» правительство объявило о создании железнодорожной инфраструктуры, в которой стратегическая дорога будет проложена с запада страны и пройдет через Таван толгой – Сайншанд – Чойбалсан и до восточных окраин. Именно этот маршрут позволит начать разработку месторождений меди, угля, железа, урана и нефти, расположенных в восточном, центральном и гобийском регионах и откроет возможности развития и укрепления экономических связей со странами Северо-Восточной Азии.

На обеспечение условий для комфортного и здорового проживания граждан столицы Монголии нацелен проект «Улаанбаатар без дыма», в котором предусмотрены реализация программы «Жилье на 100 тыс. квартир», масштабное озеленение города.

Это решение правительства позволило преодолеть политический кризис в стране и в то же время стало ярким свидетельством демократических завоеваний Монголии, уровня зрелости монгольского общества, его способности отстаивать собственные интересы.

6–9 ноября 2010 г. состоялся XXVI съезд МНРП. Съезд подавляющим большинством голосов изменил прежнее название партии на первоначальное, устранив слово «революционная». Тем самым, Монгольская народная партия (МНП) продемонстрировала дистанцирование от коммунистического прошлого и стремление обновить ряды партии за счет молодежи.

В это же время начала формироваться третья политическая сила под руководством экс-президента страны Н. Энхбаяра, не пожелавшая расстаться с прежним названием партии – МНРП. В апреле 2012 г. Н. Энхбаяр был арестован. Ему было предъявлено обвинение в коррупции и превышении служебных полномочий, а также в причастности к гибели нескольких человек во время июльских беспорядков 2008 г. После вынесения официального приговора в августе 2012 г. Н. Энхбаяр не признал своей вины, указал на политические причины судебного процесса и извращение фактов.

Другие 13 политических партий (особенно «Гражданская воля», «Партия зеленых», «Новая национальная партия» и др.) в преддверии парламентских выборов 2012 г. искали пути для объединения усилий в предвыборной борьбе. Но главными игроками на политической арене Монголии в выборах 2012 г. в Великий Государственный Хурал оставались Монгольская Народная партия и Демократическая партия.

28 июня 2012 г. состоялись выборы в Великий Государственный Хурал, на которых победу с небольшим преимуществом одержала Демократическая партия Монголии. По мнению М. И. Гольмана, на такой исход выборов решающее влияние оказали два политических события, имевшие место после выборов ВГХ в 2008 г. Во-первых, это переименование правящей более 70 лет в Монголии МНРП на её XXVI съезде 6 ноября 2010 г. в изначальную Монгольскую народную партию 1921–1924 гг., изменение устава и концепции партии, что вызвало раскол и, как писала монгольская пресса, «от МНРП

отпала одна нога» [8]. Вторым событием, повлиявшим на поражение МНП, явился давно созревший выход ДП 5 января 2012 г. из состава коалиционного правительства с МНП, сформированного 12 сентября 2008 г. с целью преодоления политического кризиса [4, с. 77–78]. Однако итоги избирательной кампании не внесли ясности в сложную политическую ситуацию в стране, а лишь стали началом нового этапа противостояния между крупнейшими политическими силами Монголии.

Список литературы

1. Вновь вкусившие // Коммерсантъ – Первый рейтинг. 2006. 1 сентября. (№ 1).
2. Гармаева И. Б. Особенности демократизации Монголии: внутренние и внешние факторы: дис. … канд. полит. наук. Улан-Удэ, 2011. 169 с.
3. Гольман М. И. Монголия. Долгое эхо бурного лета 2008-го // Азия и Африка сегодня. 2009. № 9. С. 43–46.
4. Гольман М. И. Победа демократов // Вестн. Бурят. науч. центра Сибир. отд-ния Российской акад. наук, 2012. № 4(8). С. 77–78.
5. Билэгт О. Ерөнхийлөгч хэзээ тангараг өргөх вэ? // Үндэсний шуудан. 2009. 16 мая.
6. Дарангуйлагч // Одрийн Сонин. 2004. 25 июня.
7. Идэрхангай Г. Монголын баялаг сөрөг хүчний мэдэлд орлоо // Үндэсний шуудан. 2009. 28 мая. С. 4.
8. Монцамэ. 2011. 31 января.
9. Сэтгуулчид сонгуулийн уеэр баримтлах зарчмаа тохиров // Зууны Мэдээ. 2004. 15 апреля.

References

1. Vnov’ vkusivshie // Kommersant» – Pervyi reiting. 2006. 1 sentyabrya. (№ 1).
2. Garmaeva I. B. Osobennosti demokratizatsii Mongolii: vnutrennie i vneshnie faktory: diss. … kand. polit. nauk. Ulan-Ude, 2011. 169 s.
3. Gol’man M. I. Mongoliya. Dolgoe ekho burnogo leta 2008-go // Aziya i Afrika segodnya. 2009. № 9. S. 43–46.
4. Gol’man M. I. Pobeda demokratov // Vestn. Buryat. nauch. tsentra Sibir. otd-niya Rossiiskoi akad. nauk, 2012. № 4(8). S. 77–78.
5. Bilegt O. Erөnkhiilөgch khezee tangarag өrgөkh ve? // Yndesnii shuudan. 2009. 16 maya.
6. Daranguilagch // Odriin Sonin. 2004. 25 iyunya.
7. Iderkhangai G. Mongolyn bayalag sөrөg khүchnii medeld orloo // Yndesnii shuudan. 2009. 28 maya. S. 4.
8. Montsame. 2011. 31 yanvarya.
9. Setguulchid songuuliin ueer barimtlakh zarchmaa tokhirov // Zuuny Medee. 2004. 15 aprelya.

Статья поступила в редакцию 10.08.2014

УДК 811.51.512.3
ББК (Ш) 81

Ирина Александровна Ламожапова,
кандидат филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александро-Заводская, 30)
e-mail: Lamira76@mail.ru

Типология фонетического освоения бурятско-монгольских топонимов Забайкалья

Цель статьи – дать сведения о том, как топонимы бурятско-монгольского языкового происхождения Восточного Забайкалья изменяются, адаптируются в русской языковой среде в плане фонетики.

Методологической базой исследования явились описательный, аналитический, типологический методы, метод ближайшей реконструкции.

Материалом исследования послужили названия географических объектов бурятско-монгольского языкового происхождения Забайкальского края, представленные в словаре топонимов Забайкалья проф. Т. В. Федотовой.

Вокализм и консонантизм в основах топонимов языка-источника субституируются, т. е. заменяются таковыми, схожими в плане реализации. Так, в бурятском слове может быть один и более долгих гласных или долгого гласного в слове не может быть вообще. Русское же слово характеризуется одноударностью, т. е. только один гласный в слове отличается силой и долготой. Представляются несколько вариантов реализации долготы / краткости языка-источника. Например, бурятский долгий гласный реализуется как краткий в безударной позиции, бурятская долгота переходит в последующий слог, краткий гласный обретает ударность в русском варианте. Результаты исследования служат опорой при дальнейшей этимологизации, которая имеет важное значение в современной ономастической науке.

Ключевые слова: топонимы, бурятско-монгольское языковое происхождение, фонетическая адаптация, субституция, этимология.

Irina Aleksandrovna Lamozhapova,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: Lamira76@mail.ru

Typology of Phonetic Development of Buryat-MongolianToponyms of Transbaikalia

The purpose of this article is to show the adapting process of toponyms of Buryat-Mongolian language to the Russian language environment in terms of phonetics.

The methodological bases of the research were descriptive, analytical, typological methods and the method of the nearest reconstruction.

Research materials are geographical names of the Buryat-Mongolian language origin of Zabaikalsky Region, given in a dictionary of toponyms of Zabaikalsky Region by prof. T. V. Fedotova.

Vowels and consonant sound in the basics of toponyms of the basic language are substituted, i. e. are replaced by similar options in terms of implementation.

Thus, in the Buryat word there can be one or more long vowels, or a long vowel in the word cannot be at all. The Russian word is characterized by a single-impact, that is only one vowel in the word has a power and longitude.

The author of the article presents several options for the longitude / short vowel of the basic language. For example, a Buryat long vowel is realized as a short in unstressed position, a Buryat longitude of vowel goes to next syllable, a short vowel becomes shock vowel in the Russian version.

Results of the research will give a support in the further in etymologization, which is essential in the modern onomastic science.

Keywords: toponyms, Buryat-Mongolian language origin, phonetic adaptation, substitution, etymology.

Исследования, посвященные топонимам Забайкалья, представлены в ономастической науке в большом количестве, их роль и значение огромно – труды Э. Р. Рыгдылона [8], М. Н. Мельхеева [5; 6], В. Ф. Балабанова [1], Э. М. Мурзаева [10], Р. Г. Жамсарановой, Л. В. Шулуновой [4], Т. В. Федотовой [12] и др. Посредством изучения географических названий возможно получить сведения не только лингвистического характера, но и историче-

© И. А. Ламожапова, 2014

ские, этнографические, фольклорные. Топонимы ярко отражают историю той местности, названием которой они являются. В 2003 г. вышел в свет труд Т. В. Федотовой – Словарь топонимов Забайкалья. В этой работе представлены данные исследований предшествующих ономастов практически всех разрядов топонимов Забайкалья, произведены систематизация материала, тщательный анализ, а также предложены авторские версии этимологизации названий географических объектов не только с чисто лингвистической точки зрения, а, самое главное, они основаны на фольклорных сведениях, которые порой и являются толчком любых научных исследований. Исследование автором предпринято на большом фактологическом материале – анализу подвергнуты около 1000 названий.

Обоснованием настоящего сообщения явилось множество в словаре названий бурятско-монгольского языкового происхождения, и это является закономерным явлением. Забайкалье – регион с благоприятно сложившимся многоконфессиональным составом населения, этническим и культурным разнообразием, а также исконная родина и территория исторического сформирования монгольских племен и народов.

Под топонимами бурятско-монгольского происхождения мы понимаем формы, образованные на базе апеллятивов[1] и иных образований языков, относящихся к монгольской группе языков – бурятского, собственно монгольского, калмыцкого и др. – являющихся между собой родственными, поскольку носители их являются потомками единого монгольского мира.

Эти названия, а также основы названий претерпели значительное изменение в русской языковой среде. Задача сообщения – выявить типологию их фонетической адаптации.

Сначала приведем примеры изменений в вокализме. Характеристика звуков бурятского языка дается по книге И. Д. Бураева, Т. П. Баженовой, Е. С. Павловой «Атлас звуков бурятского языка» [2]; русского языка – «Русская грамматика» [7].

Характеристика и субституция бурятских гласных и согласных при их реализации в русском языке зависит, безусловно, от норм принимающего русского языка. К примеру, в бурятском слове может быть один и более долгих гласных или долгого гласного в слове не может быть вообще. Русское же слово характеризуется одноударностью, т. е. только один гласный в слове отличается силой и долготой. Представим несколько вариантов реализации долготы / краткости языка-источника.

• долгие гласные в бурятском варианте заменяются однотипным ударным гласным в русском: бур. **зумбар<u>аа</u>(н)** «суслик» стало основой для топонима, который в русском произносится **Жимбир<u>а́</u>** (село, Карымский район Забайкальского края, *далее* – р-н ЗК). Топоним такой вариант произношения имеет и в бурятской речи. Как отмечает бурятский экспериментальный фонетист О. Д. Бухаева [3, с. 37], в количественном отношении долгие гласные бурятского языка произносятся дольше, чем русские гласные в ударной позиции.

• бурятский долгий гласный реализуется как краткий в безударной позиции: бур. **хайл<u>аа</u>hата,** где **хайлааha(н)** «вяз, ильм приземистый» + суф., имеющий значение наличия чего-либо, **-та** – рус. **Кайл<u>а</u>сту́й** (село, Краснокаменский р-н ЗК). Долгота переходит в последующий слог: бур. **Шул<u>уу</u>тай** – рус. **Чел<u>у</u>та́й** (село, Агинский р-н Агинского Бурятского округа, *далее* – АБО), бур. **Таб-та<u>аа</u>най** – рус. **Тапт<u>а</u>на́й** (село, Дульдургинский р-н АБО).

• бурятский краткий гласный приобретает в русском варианте ударность: бур. **эшэ<u>э</u>гэн** «козленок» – рус. **Ишэ́га** (село, Нерчинско-Заводский р-н); бур. **жэрхэ<u>э</u>(н)** «бурундук» – рус. **Жирек<u>е́</u>н** (село, Чернышевский р-н ЗК).

Субституция бурятского заднеязычного широкого неогубленного гласного нижнего подъёма ***а***

• по степени подъёма поднимается вверх, по ряду или месту подъёма языка продвигается вперед и реализуется как переднерядный верхнего подъёма неогубленный «**и**»: бур. **алб<u>а</u>та** «подвластный, данник» – рус. **Альб<u>и</u>туй** (село, Красночикойский р-н ЗК); возможно, бур. **Тарбаг<u>а</u>та** «тарбаган» – рус. **Тарбаз<u>и</u>туй** (река, поселок, Краснокаменский р-н ЗК) [12, с. 97].

• как огубленный верхнего подъёма **у**: предположительно, бур. **бул<u>а</u>н** «угол» – рус. **Бул<u>у</u>м** (село, Оловяннинский р-н ЗК); бур. **Бут<u>а</u>тай** – рус. **Бут<u>у</u>нтай**; бур. **Дарh<u>а</u>н** – рус. **Дарас<u>у</u>н** (поселок, ж.-д. станция, Карымский р-н ЗК); бур. **нарh<u>а</u>н** «сосна» – рус. **Нарас<u>у</u>н** (село, Акшинский р-н ЗК).

• переходит в нейтральнорядный верхнего подъёма **ы**: бур. **тah<u>а</u>рхай** – рус. **Та-с<u>ы</u>рхой**. Примечательно, бур. **тahархай**

[1] Апеллятив – имя нарицательное в противоположность имени собственному [8, с. 37]. Обычно апеллятив служит основой для образования имени собственного.

«оторванный, разорванный» стало основой нескольких вариантов топонимов: **Тагархай** (село, республика Бурятия), **Тасырхой** (озеро, Борзинский р-н ЗК), **Тасырхай** (поселок, Борзинский р-н ЗК) и, возможно, **Тасуркай** (гора, река, Приаргунский р-н) [12, с. 97]. Здесь возможно проследить изменение и гласных, и согласных в основе-источнике при переходе в разряд онимов русской языковой среды: конечный [**аэ]** - в [**oj]**, фарингальный **h** реализуется как смычный **г** или переднеязычный глухой **с.**

• по степени подъёма поднимается выше – среднего подъёма, по ряду или месту подъёма языка продвигается вперед – переднего ряда и реализуется как **э**: бур. **тахяаша** «разводитель кур» – рус. **Такеча** (село, Акшинский р-н ЗК).

• переходит в гласный среднего подъёма, становится лабиализованным, ряд сохраняется – заднего ряда - **о:** бур. **мухар** «тупик, конец, край», **хүнды** «пространство» **–** рус. **Мухор-Кондуй** (село, Читинский р-н).

Заднеязычный узкий огубленный высокого подъёма долгий монофтонг **у** сохраняет сильную позицию, т. е. имеет ударную позицию, но на одну степень подъёма опускается, ряд и огубленность сохраняет и реализуется как **о**, а краткий монофтонг **у** реализуется как средний по качеству между [**и**] и [**е**]: средне-верхнего подъёма, переднего ряда, нелабиализованный, поскольку имеет предударную позицию, а предшествующий согласный становится аффрикатой **ч,** а когда предшествующий согласный не аффрикатизируется, реализуется как средний между [**ы**] и [**э**] непереднего ряда: бур. **Адуун-Шулуун**, где **адуун** «табун», **шулуун** «камень» – рус. **Адон-Челон** (село, Агинский район АБО**)**; бур. **гэр** «юрта, дом» **шулуун** «камень» – рус. **Гыршелун** (река, ж.-д. станция, Хилокский р-н ЗК).

Заднеязычный широкий огубленный среднего подъёма дифтонг [**оэ**] реализуется следующим образом. Первый компонент опускается по степени подъёма ниже, второй компонент переходит в последующий слог, палатализуя при этом предшествующий согласный, обретает силу и долготу: бур., монг. **мойлто** «черемуховый» – рус. **Малёта** (село, Петровск-Забайкальский р-н ЗК).

Переднеязычный широкий огубленный среднего подъёма долгий монофтонг **өө** субституируется кратким средним между [**ы**] и [**э**]:бур. **бүйлөөһэн** «абрикос дикий (дерево)» **–** рус. **Буйлэсан** (село, Ононский р-н ЗК).

Субституция бурятского переднеязычного неогубленного широкого гласного среднего подъёма ***э***

• в основном сохраняет качество, но по степени подъёма опускается, по ряду образования отодвигается назад – заднерядный - **а**: бур. **эшэгэн** «козлёнок» – рус. **Ишага** (село, Нерчинско-Заводский р-н ЗК).

• в русской лексеме соответствует среднерядному узкому краткому неогубленному верхнего подъёма **ы**: бур. **бэрхэ** «1) ловкий; искусный; смелый (человек); 2) трудный; тяжелый (подъём, путь)» – рус. **Бырка** (село, Оловяннинский, Приаргунский р-ны ЗК); бур. **үхэр** «корова»– рус. **Укыр** (село, Красночикойский р-н ЗК).

• отодвигается на задний ряд, обретает огубленность, поднимается по степени подъёма – **у**: бур. **хүйтэн** «холодный» – рус. **Куйтун** (село, Краснокаменский р-н ЗК), бур. **үндэгэн** – рус. **Большой Ундугун** (озеро), бур. **Хүнхэр** – рус. **Кункур** (село, Агинский р-н АБО).

• также реализуется как заднерядный огубленный, степень подъёма сохраняется – **о**: бур. **үбэр** «склон, обращенный на юг» – рус. **Убор-Тохтор** (село, Акшинский р-н ЗК); бур. **Жэбхээһэн** – рус. **Жипхоши** (река).

• сохраняет свои качественные и количественные характеристики в русском варианте топонима: бур. **Дэлюун Болдог** – рус. **Делюн Болдог** (урочище в долине Онона). Также в русском варианте палатализует предшествующий согласный: бур. **түргэн** «быстрый» – рус. **Турген** «река, село, Кыринский р-н ЗК); бур. **Жэбхээһэн** – рус. **Жипхеген** (село, Хилокский р-н ЗК); бур. **бүүргэ** «лука (у седла)» или **бүргэд** «беркут» – рус. **Бургень** (село, Читинский р-н).

• переходит на степень подъёма выше, палатализует предшествующий согласный – **и**: бур. **бэлигтэй** «разумный, мудрый, талантливый» – рус. **Биликтуй** [12, с. 21] (село, Борзинский р-н ЗК).

• теряет свою изначальную йотированность, субституируется **и**: бур. **ехэ** «большой» **арал** «остров» – рус. **Икарал** (село, Ононский р-н ЗК).

Среднеязычный узкий неогубленный верхнего подъёма **и** теряет палатализованность, по ряду или месту подъема языка переходит в средний ряд и становится **ы**: бур. **харим** «крещеный бурят или вступивший в брак с русскими» [12, с. 56], «карым *областное выражение* (родившийся от брака бурята

и русской или наоборот)» [13, с. 555] – рус. **Карымка** (село, Улетовский р-н ЗК), **Карымское** (поселок, Карымский р-н ЗК).

Мягкорядный переднеязычный узкий огубленный краткий гласный **ү** бурятского языка сохраняет свои признаки и заменяется эквивалентным по качеству русским гласным **у**: бур. **Хүнхэр** – **хүнхэр** «долина, лощина, впадина, лог, низина, большой овраг» – рус. **Кункур** (село, Агинский р-н АБО); вероятно, бур. **хүхэ** «синий», **хүхы** «кукушка» – рус. **Кука** (река, приток Ингоды; село, курорт, Читинский р-н).

Йотированность гласной сохраняется, меняются способ образования, место образования: бур. **баян сагаан** «*букв*. богатый; белый» – рус. **Баин-Цаган** (село, Ононский р-н ЗК). Это возможно проследить и в именах личных: бур. **Баяр** «радость» – рус. **Баир**.

Примечательно, если в начальной основе бурятского слова между согласными гласный слабо произносится и в письме не отражается, то при переходе в русскую языковую среду, этот гласный становится слогообразующим, четко произносимым, что обусловлено, возможно, его предударной позицией: бур. **нар_һан** «сосна» – рус. **Нарасун** (село, Акшинский р-н ЗК); бур. **Дар_һан** – рус. **Дарасун**; бур. **хуб_хай** «скудный, бедный» – рус. **Кубухай** (село, Ононский р-н ЗК); бур. **тол_гой** «голова» – рус. **Яман-Тологой** (гора, Акшинский р-он ЗК); бур. **сур_хай** «щука» – рус. **Новоцурухайтуй** (село, Приаргунский р-н ЗК).

Особо следует отметить тенденцию в производных топонимах образования конечных дифтонгов, которые восходят к кратким монофтонгам: бур. **Могойто** – рус. **Могойтуй** (село, АБО); бур. **ахата** «старший» [12, с. 9] – рус. **Акатуй**(гора, село Александрово-Заводский р-н ЗК**)**; бур. **Сahаша**, где **саһа(н)** «снег» – рус. **Верхний Цасучей** (село, Ононский р-н ЗК); бур. **хүнды** «пустое пространство» – рус. **Кондуй** (село, Борзинский р-н ЗК); бур. **хүхы** «кукушка» [там же, с. 58] – рус. **Кокуй** (село, Сретенский р-н ЗК); бур. **Урта** – от монг. **урта** «длинный» – рус. **Ортуй** (село, Могойтуйский р-н АБО); бур. **Алхана** – рус. **Алханай** (священная гора АБО); бур. **тоон-то** «место захоронения последа» – рус. **Большой, Малый Тонтой** (села, Шелопугинский р-н ЗК). Образования с суффиксом -**та** (см. первые два примера) представляют производную форму образований с суффиксом -**тай**, который имеет значение наличия чего-либо, например, **Могойто** – от бур. **могойтой** «местность, где есть змеи». Подобные топонимы имеют распространение в Забайкалье, как и топонимы эвенкийского происхождения с суффиксом со значением наличия чего-либо -**нга**: **Селенга** (река, республика Бурятия) – от эвенк. **сэлэ** «железо»; **Куэнга** (река, Сретенский р-н ЗК) – от эвенк. **куе** «дикий олень» [там же, с. 66].

А теперь рассмотрим изменения в консонантизме.

Бурятский смычный заднеязычный звонкий твердый **г** теряет смычность, становится щелевым, продвигается вперед по месту образования – переднеязычный, сохраняет участие голоса – звонкий, но палатализуется – **з’**: по одной из версий, бур. **Тарбагатай** – рус. **Тарбазитуй** (река, поселок, Краснокаменский р-н ЗК) [там же, с. 97].

Бурятский фарингальный **h** переходит в переднеязычный щелевой глухой твердый **с**: бур. **Хулһата – хулһа(н)** «тростник, камыш» – рус. **Кулусутай** (село, Ононский р-н ЗК). Более схожий звук, но палатализованный **г’** получает в топониме **Жипхеген** (село, Хилокский р-н ЗК) – бур. **жэбхээһэн**.

Бурятские щелевые **ш**, **з**, **ж**, **с** обретают смычность и становятся аффрикатами **ч, дж, ц**: бур. **Шандагата – шандага(н)** «заяц» – рус. **Чиндагатай (**село, Александро-Заводский р-н ЗК**)**; бур. **Шулуутай** – **шулуу(н)** «камень» – рус. **Челутай** (село, Агинский р-н ЗК); возможно, в рус. **Улача** (река, падь, село, Акшинский р-он ЗК) бур. **улааша(н)** «1) ямщик; кучер; возчик; 2) *уст*. подводчик»; по одной из версий [12, с. 40]; бур. **зэд** «медь» – рус. **Джида** (село, Балейский р-н ЗК); бур. **жаргалан** «наслаждение, блаженство» – рус. **Джаргалантуй** (река в бассейне реки Кыры ЗК); бур. **хабсагайта**, **хабсагай** «скала, гольцы, утес» – рус. **Капцегайтуй** (село, Краснокаменский р-н ЗК).

Бурятский заднеязычный щелевой **х** реализуется как смычный **к**: бур. **жэрхэ(н)** «бурундук» – рус. **Жирекен** (село, Чернышевский р-н); бур. **хангил** «гольцы» – рус. **Кангил** (село, Нерчинский р-н ЗК); бур. **горьёхо** «журчать» – рус. **Горека** (река, село Улетовский р-н ЗК).

Согласные во многих бурятских основах в русских вариантах топонимов палатализуются: бур. **шэбэр** «1) чаща, густой лес; 2) *тунк.* болото (в лесу)» – рус. **Сибирь**, **Хара-Шибирь** (село, Могойтуйский р-н АБО); **түргэн** «быстрый» – **Верхний Тергень** (река, Шелопугинский р-н ЗК); **бэлшэр** – **Бильчир** (озеро, Агинский р-н АБО); **албата** «подвластный, данник» – **Альбитуй** (село, Красночикойский р-н ЗК); **үмхэй**

«тухлый, вонючий» – **Верхний Умы<u>к</u>ей** (село, Нерчинский р-н ЗК); **Сагаан-Уу<u>л</u>а** – **Цаган-О<u>л</u>ь** (село, Могойтуйский р-н АБО).

Бурятский сонорный смычно-проходной носовой переднеязычный зубной **н** сохраняет участие шума, способ образования, но меняет место образования – губной **м**: вероятно, бур. **булан** «угол» – рус. **Булу<u>м</u>** (село, Оловяннинский р-н ЗК).

Топоним **Даурия** отражает такое фонетическое изменение, как выпадение интервокального согласного, поскольку в основе онима – племенное название **дагур,** где еще сохраняется интервокальный согласный **г.** Такое фонетическое явление имело место в историческом развитии бурятского языка: ***agula**>***aula**>**уула** «гора, вершина».

Итак, в сообщении приведены далеко не все случаи изменения фонетического облика топонимов. Думается, что представленная типология изменений названий географических объектов послужит опорой для дальнейших этимологизаций имен собственных, в частности топонимов. Примечательно образное выражение выдающихся российских ономастов А. В. Суперанской и Н. В. Подольской, что апеллятив подобен тени, сопровождающей имя собственное и способствующей его мотивированности: «… чем дольше живет имя в языке, тем бледнее становится «тень». Наступает такой момент, когда она совсем исчезает из поля зрения. Учёные начинают её поиски, называя это ономастической этимологизацией, как ищут археологи пропавшие города, от которых осталось только имя» [11, с. 41].

Список литературы

1. Балабанов В. Ф. В дебрях названий. Иркутск: Восточно-Сибир. кн. изд-во, 1977. 78 с.
2. Бураев И. Д., Бажеева Т. П., Павлова Е. С. Атлас звуков бурятского языка. Улан-Удэ: АН СССР СО ИОН БФ, 1975. 69 с.
3. Бухаева О. Д. Типологическое сопоставление фонем и их сочетаемости в русском и бурятском языках. Новосибирск: НГУ, 1991. 132 с.
4. Жамсаранова Р. Г., Шулунова Л. В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита: ЗабГПУ, 2003. 128 с.
5. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири: Иркутская и Читинская области. Иркутск: Восточно-Сибир. кн. изд-во, 1969. 186 с.
6. Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. 168 с.
7. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 784 с.
8. Рыгдылон Э. Р. Топонимические этюды // Зап. БМНИИК. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1955. Т. 22. С. 89–96.
9. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская [и др.]. М.: Наука, 1986. 256 с.

Источники

10. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
11. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука,, 1978. 198 с.
12. Федотова Т. В. Словарь топонимов Забайкалья. Чита: Поиск, 2003. 128 с.
13. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: СЭ, 1973. 803 с.

References

1. Balabanov V. F. V debryakh nazvanii. Irkutsk: Vostochno-Sibir. kn. izd-vo, 1977. 78 s.
2. Buraev I. D., Bazheeva T. P., Pavlova E. S. Atlas zvukov buryatskogo yazyka. Ulan-Ude: AN SSSR SO ION BF, 1975. 69 s.
3. Bukhaeva O. D. Tipologicheskoe sopostavlenie fonem i ikh sochetaemosti v russkom i buryatskom yazykakh. Novosibirsk: NGU, 1991. 132 s.
4. Zhamsaranova R. G., Shulunova L. V. Toponimiya Vostochnogo Zabaikal'ya. Chita: ZabGPU, 2003. 128 s.
5. Mel'kheev M. N. Geograficheskie nazvaniya Vostochnoi Sibiri: Irkutskaya i Chitinskaya oblasti. Irkutsk: Vostochno-Sibir. kn. izd-vo, 1969. 186 s.
6. Mel'kheev M. N. Toponimika Buryatii. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1969. 168 s.
7. Russkaya grammatika. M.: Nauka, 1980. T. 1. 784 s.
8. Rygdylon E. R. Toponimicheskie etyudy // Zap. BMNIIK. Ulan-Ude: Burmongiz, 1955. T. 22. S. 89–96.
9. Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanii / A. V. Superanskaya [i dr.]. M.: Nauka, 1986. 256 s.

Istochniki

10. Murzaev E. M. Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov. M.: Mysl', 1984. 653 s.
11. Podol'skaya N. V. Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii. M.: Nauka,, 1978. 198 s.
12. Fedotova T. V. Slovar' toponimov Zabaikal'ya. Chita: Poisk, 2003. 128 s.
13. Cheremisov K. M. Buryatsko-russkii slovar'. M.: SE, 1973. 803 s.

Статья поступила в редакцию 26.06.2014

УДК 81’342
ББК Ш105.1(2Рос.Бур)

Жамьян Шарапович Санжанов,
аспирант,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(672047, Россия, г.Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6 а)
e-mail: elo81@mail.ru

Фонетический способ словообразования общественно-политической лексики бурятского языка (на примере чередования *h/c*)

В статье исследуется фонетический способ словообразования в бурятском языке на примере чередования фонем *h* и *c*, выявляются особенности его функционирования у бурят, проживающих на территории Монголии, Китая, РФ, определяется роль данного чередования в словообразовании общественно-политической лексики.

В настоящее время чередование фонем *h* и *c* имеет важное практическое значение для бурятского языка, так как существует проблема формирования и развития общественно-политической лексики, прежде всего, в языке СМИ.

Данный способ словообразования позволяет: во-первых, расширить семантику существующей, но пассивной лексики (*найд* ‘сановник’ → *сайд* ‘министр’); во-вторых, восстановить термины, которые перешли в 1930-х гг. в разряд пассивной лексики; в-третьих, дает возможность скоррелировать современную общественно-политическую и социально-экономическую лексику с современной лексикой бурят, проживающих в Монголии и Внутренней Монголии (*нан* ‘казна’ → *сан* ‘фонд’).

Чередование *h/c* стало одним из основных способов словообразования и развития современной лексики бурят, проживающих в Монголии и Внутренней Монголии, то есть в их языке сохраняется изначальная семантика лексики с фонемой *h*, но при замене на фонему *c* происходит изменение семантики и появляется новая лексема.

Таким образом, на современном этапе развития бурятского языка чередование фонем *h/c* можно рассматривать как один из перспективных способов словообразования общественно-политической лексики в языке бурят, проживающих в РФ.

Ключевые слова: бурятский язык, монгольская письменность, фонетический способ словообразования, общественно-политическая лексика.

Zhamiyan Sharapovich Sanzhanov,
Postgraduate Student
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(6a Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia, 672047)
e-mail: elo81@mail.ru

Phonetic Method of Derivation of Political Lexicon of the Buryat Language (on the example of Alternation *h/s*)

The article is devoted to the phonetic method of derivation of the political vocabulary of the Buryat language as an example of alternation of *h/s*, the distinctive features of its functioning among the Buryats living in Mongolia, China, the Russian Federation, defines the role of the alternation in the derivation of political lexicon.

Currently, the alternation of phonemes *h* and *s* an important practical value for the Buryat language, since there is the problem of formation and development of political lexicon, especially in the media.

This method allows the derivation: first, to extend the semantics of the existing, but passive vocabulary (*haid* ‘dignitary’ → *said* ‘minister’); secondly, to restore the terms that have moved in the 1930s. in the category of passive vocabulary; thirdly, allows to correlate the modern socio-political and socio-economic vocabulary with a modern vocabulary Buryats living in Mongolia and Inner Mongolia (*han* ‘treasury’ → *san* ‘fund’).

Alternation of *h/s* is one of the main ways of word formation and development of the modern vocabulary of the Buryats living in Mongolia and Inner Mongolia. Their original language is preserved semantics of vocabulary with the phoneme *h*, but the replacement for the phoneme with *s* change in word semantics.

Thus, at the present stage of development of the Buryat language alternation of phonemes *h/s* can be regarded as one of the promising methods of derivation of political lexicon in the language of the Buryats living in the Russian Federation.

Keywords: the Buryat language, classical mongolian script, phonetic method.

© Ж. Ш. Санжанов, 2014

В функционировании бурятского языка на современном этапе прослеживаются негативные процессы, остро стоит проблема сохранения и развития бурятского языка [8, с. 132–138]. Наблюдаются процессы активного заимствования лексики в целом и общественно-политической лексики, в частности, из русского языка [18, с. 2–15]. Предлагаются разные подходы к решению проблем языка, начиная от предложения по смене базового диалекта вплоть до издания словарей по отдельным диалектам. Эти предложения вызывают споры среди сторонников существующего литературного бурятского языка [20]. В данных предложениях исходят из того, что буряты владеют тем или иным диалектом лучше, чем литературным языком. В связи с этим предполагается решение проблемы сохранения языка, хотя бы на уровне владения тем или иным диалектом [19]. На наш взгляд, активное обсуждение в обществе такого подхода является следствием кризиса наддиалектного вектора развития языка.

В истории бурятского языка наддиалектный этап развития связан с письменным языком, основанным на монгольской письменности (старомонгольской письменности) [13, с. 5]. В современном бурятоведении до сих пор существует мнение, что литературный бурятский язык, созданный на основе монгольской письменности первой трети XX в., является навсегда устаревшим и архаичным письменным языком, не отвечающим современным требованиям [5, с. 19]. Однако исследования общественно-политической лексики бурятского языка 1920–30-х гг. дают основания считать, что литературный язык на основе монгольской письменности был достаточно разработан и отвечал современным общественным и языковым требованиям [11, с. 6]. Думается, что более глубокое исследование и освещение процесса развития литературного бурятского языка на основе монгольской письменности будет способствовать пониманию сути языковой проблемы, в частности разрешению дискуссий о диалектах. Исследование фонетического способа словообразования, а именно теоретическое обоснование чередования *h/c* в литературном бурятском языке дает не только возможность разрешить дискуссию по смене базового диалекта, но и будет способствовать развитию современной общественно-политической лексики бурятского языка, например: *һонин* ‘новость’ и *сонин* ‘газета’, *һан* ‘казна’ и *сан* ‘фонд’ и т. д.

В настоящее время чередование *h/c* становится крайне актуальным в силу того, что сегодня существует острейшая потребность в современных общественно-политических и социально-экономических терминах в бурятском языке РФ. Данный способ словообразования позволяет: во-первых, расширить семантику существующей, но пассивной лексики (*һайд* ‘сановник’ → *сайд* ‘министр’); во-вторых, восстановить термины, которые перешли в 1930-х гг. в разряд пассивной лексики; в-третьих, дает возможность скоррелировать современную общественно-политическую и социально-экономическую лексику с современной лексикой бурят, проживающих в Монголии и Внутренней Монголии (*һан* ‘казна’ → *сан* ‘фонд’).

Общественно-политическая лексика бурятского языка исторически восходит к лексике монгольской письменности, в которой отсутствует фонема *h,* вследствие чего буряты до конца 1930-х гг. не использовали фонему *h* в письменном языке*,* ограничившись ее использованием в разговорном языке некоторых диалектов [16, с. 184]. С переходом в 1939 г. на кириллицу в бурятском языке фонему *с* стали повсеместно заменять фонемой *h,* которая была орфоэпической вариацией фонемы *с* в разговорном языке. Механическая замена фонемы *с* на *h* рассматривалась не как способ словообразования современной лексики письменного языка, а как реализация политики приближения к разговорному бурятскому языку, отхода от старомонгольской письменности и общемонгольской лексики. Данная политика была одним из основных направлений языкового строительства в 1930-е гг. [5, с. 15–17]. Как отмечает ученый Л. Д. Шагдаров, «вышестоящие органы требовали ориентации литературного языка на один из диалектов бурятского языка и замены старомонгольского алфавита» [17, с. 162]. Однако наличие огромного пласта лексики с фонемой *с* требовало теоретического обоснования. В результате чередование *c/h* в бурятском языке было объяснено исследователями как фонетический способ словообразования [15, с. 22; 2, с. 269; 6, с. 17].

Б. Я. Владимирцов отмечал, что в письменном монгольском языке наблюдается чередование фонем в словах, которые фонетически отличаются, но семантически оказываются близкими. Исследователь относил к фонетическому словообразованию чередование только гласных заднего и переднего ряда [4, с. 126–133]. Исследователь Ц. Б. Цыдендамбаев считал, что фонетический спо-

соб словообразования можно использовать в создании новой лексики, а именно общественно-политических терминов, например: *һүйд* ‘беда’ и *сүйд* ‘катастрофа’, *һахюул* ‘караул’ и *сахюул* ‘охрана’ и т. д. Ученый отмечал, что при данном способе словообразования слова приобретают новую семантику, а также подчеркивал необходимость рационального использования фонетических различий бурятских диалектов [15, с. 22–23].

В работах исследователей Т. А. Бертагаева и У-Ж. Ш. Дондукова отмечалось, что фонетический способ предшествовал аффиксальному словообразованию, а также явлению сингармонизма в монгольских языках [2, с. 269; 5, с. 14]. Т. А. Бертагаев показал, что чередование фонем распространяется на согласные, а также в корневых и аффиксальных морфемах [2, с. 270–276]. У-Ж. Ш. Дондуков отмечал, что фонетический способ словообразования до XX в. «находился в состоянии статики и архаичности, поэтому данный способ считался совершенно непродуктивным», но оказался весьма продуктивным в образовании новой лексики. Более того, исследователь подчеркивает, что «словообразование, основанное на чередовании звуков, является одним из видов фонетического словообразования. Этот вид фонетического словообразования монгольских языков еще нуждается во всестороннем специальном исследовании. Изучение фонетического способа словообразования вообще способствует разъяснению некоторых аспектов истории развития словообразовательной системы монгольских языков, восстановлению древних корней монгольских слов, а также имеет большое значение в выявлении исторической закономерности в фонетических изменениях, в уточнении фонетических средств словообразования, определения тождества и различия слов» [6, с. 168–173].

Фонетическое чередование *h/c* стало одним из основных способов словообразования современной лексики бурят Монголии и Внутренней Монголии, то есть в их языке сохраняется изначальная семантика лексики с фонемой *h*, но при замене на фонему *с* происходит изменение семантики и появляется новая лексема (*утаһан* ‘нить, нитка’ → *утас* ‘телефон’, *һахилга* ‘охрана, присмотр’ → *сахилга* ‘дисциплина’, *һубаг* ‘канал речной’ → *субаг* ‘канал телевизионный’ и т. д.). Активное использование чередование *h/c* подтверждается языковой практикой бурят, проживающих во Внутренней Монголии. Шэнэхэнские буряты в письменном языке вместо фонемы *h* используют только фонему *с* [10, с. 247]. Несмотря на это, в их разговорной речи фонема *h* сохранилась и широко представлена, особенно в бытовой лексике [9, с. 16–18]. Однако это не значит, что надо полностью заменить фонему *h* на *с* в бурятском языке. Общепринятые слова с фонемой *h* должны быть сохранены согласно устоявшейся орфографии и фонетике бурятского языка (например: *наһан* – ‘возраст, жизнь’, *һалхин* – ‘ветер’, *саһан* – ‘снег’ и т. д.).

Что же касается создания новой современной общественно-политической лексики путем восстановления ее пассивного пласта и историзмов в более современном значении (например: историзм *һайд* ‘сановник’, в современном значении *сайд* ‘министр’), то субъективное стремление придерживаться только фонемы *h* можно рассматривать как игнорирование и ограничение научно-обоснованного фонетического способа словообразования современной лексики (например: *нурбажалагша* вместо *сурбажалагша* ‘корреспондент’, *һэдэб* вместо *сэдэб* ‘тема’ (данные слова пишутся через *с*) [3, с. 708].

Огромный пласт лексики с фонемой *с* в бурятском языке демонстрирует материал газеты «Буряад-Монголой Үнэн» за 1920–1930-е гг. Восстановление данного пласта в современных семантических значениях позволит решить проблему недостатка общественно-политической лексики, в частности в языке СМИ. В газетных номерах методом сплошной выборки выявлена общественно-политическая лексика с фонемой *с*, которая не представлена в современном языке бурят РФ. Данная лексика имеет четкие дефиниции, что дает возможность однозначного понимания слов и словосочетаний, например:

– п.-мо. ***sayid***, монг. ***сайд***, бур. ***сайд*** ‘министр’: *sayid uni udaɣan saɣataqu* ‘министр надолго задержался’ [БМУ 1924.10.22 № 43, с. 5]. В газете данное слово имеет значение ‘министр’. Однако с переходом на кириллицу в бурятско-русских словарях советского периода слово *һайд* означает ‘сановник’, что относило его к историзмам и переводило в разряд пассивной лексики. В лексике бурят Монголии и Внутренней Монголии слово *һайд* благодаря фонетической дифференциации стало *сайд* со значением ‘министр’. Данное слово широко использовалось в летописных памятниках бурят XIX в. [1, с. 150].

– п.-мо. ***elčin sayid***, монг. ***элчин сайд***, бур. ***элшэн сайд*** ‘посол’: *qolboɣatu ulus-un elčin sayid* ‘посол федеративного государства’ [БМУ 1924.01.14 № 10, с. 3];

– п.-мо. ***sanaγačilγa***, монг. ***санаачилга***, бур. ***ҳанаашалга*** ‘инициатива’: *nam-un üryi-e bičig-ün qariu-du eb qamtu nam-un sanaγačilγa-yi ese jöbsiyen qariγučabai* ‘не согласовали инициативу коммунистической партии в ответе на письмо партийной ячейки’ [БМУ 1926.08.01 № 37, с. 1];

– п.-мо. ***songuγuli***, монг. ***сонгууль***, бур. ***ҳунгуули*** ‘выборы’*: jöblel-üd-ün songγuli* ‘выборы в Советы’ [БМУ, 17 октября 1923, № 2, с. 1]. В бурятском языке также используется слово *ҳунгалта* ‘выбор’. В халха-монгольском языке и лексике бурят Монголии и Внутренней Монголии (шэнэхэнские буряты) эти слова семантически четко различаются: *ҳунгуули* означает ‘политические выборы’, а слово *ҳунгалта* используется в значении ‘выбор’;

– п.-мо. ***samaγun,*** монг. ***самуун,*** бур. ***ҳамуу(н)*** ‘беспорядки, смута’: *ejerkeg-ünbayildaγan baqubisγal-un temečel samaγun-ača yeke maγudaγsan* ‘сильно ухудшилось из-за беспорядков, связанных с захватническими боями и революционной борьбой’ [БМУ 1925.07.10 № 24, с. 1];

– п.-мо. **ündüsün qauli**, монг. ***үндсэн хууль***, бур. ***үндэҳэн хуули*** ‘конституция’: *ündüsün qauli-yi jirumjilan küliyejü abuγsaγar edüge nige jil γurban doluγan qonoγ ün ggereged bayiqu* ‘с момента принятии конституции прошел 1 год 3 недели’ [БМУ,1 августа 1924, № 31, с. 1]. С конца 1930-х гг. в бурятском языке данное слово было вытеснено словом *конституция*, но оно до сих пор широко используется в халха-монгольском языке, а также среди бурят Монголии и Внутренней Монголии;

– п.-мо. ***sanal,*** монг. ***санал,*** бур. ***ҳанал***, ‘предложение’ чего-либо: *jasaγ-un sanal küsel-i sayisayaγsan* ‘одобрили предложения и пожелания властей’ [БМУ 1923.12.07 № 5, с. 2]. В бурятском языке данное слово также используется в значении ‘мнение’. В лексике бурят Монголии и Внутренней Монголии (шэнэхэнские буряты) в значении ‘предложение’ чаще используется слово *ҳанал*, а в значении ‘мнение’ употребляется слово *бодол*;

– п.-мо. ***surγaγči,*** монг. ***сургагч***, бур. ***ҳургагша***, ‘преподаватель’: *ajilčin-u qolboγan-u dergede jaγuburičin surγaγči nar-un jöbleldegen-i bayiγulaγsan bayimui* ‘организовали совещание инструкторов и преподавателей при профсоюзе’ [БМУ 1925.07.10 № 24, с. 5];

– п.-мо. ***solilγa,*** монг. ***солилго,*** бур. ***ҳолилго***, ‘обмен’: 14 *qonoγ-un quγučaγa dotor ködüge ajiltan ba qota qoyar inu ed-ün solilγa üyiledümüi* ‘сельские работники и город в течение 14 сут. проведут обмен товарами’ [БМУ 1924.01.14 № 10, с. 1]

– п.-мо. ***kölüsün,*** монг. ***хөлс***, бур. ***хүлҳэн***, ‘сдельная заработная оплата’: *doγadu kölüsün-ü küdelmürčid* ‘трудящиеся с минимальной заработной оплатой’ [БМУ 1925.07.10 № 24, с. 3]. Данное слово использовалось в значении договорной, сдельной оплаты за выполнение временной наемной работы. В современном бурятском языке используется слово *салин* в значении ‘оклад, заработная оплата’.

– п.-мо. ***sonin***, монг., бур. ***сонин*** ‘газета’: *dumdatu ulus-un sonin* ‘китайская газета’ [БМУ 1924.01.14 № 10, с. 3];

– п.-мо. ***sang,*** монг., бур. ***сан***, ‘фонд’: *degedü jakirugan-u üjemji-ber qaγan-u sang arad-i müljikü* ‘по усмотрению высшей администрации царский фонд эксплуатирует народ’ [БМУ 1923.12.07 № 5, с. 2]. В лексике бурят Монголии и Внутренней Монголии используют слово *сан* в значении ‘фонд’. В лексике бурят, проживающих в РФ, *ҳан* имеет устаревшее значение ‘казна’, в значении ‘фонд’ чаще используется слово *жаса*, которое имеет 2 значения: 1) ‘казна, хозяйство’; 2) ‘монастырское хозяйство’.

При переходе на кириллицу механическая замена *с на ҳ* не коснулась лишь небольшой части общественно-политической лексики бурятского языка, например:

– п.-мо. ***asaγudal,*** монг., бур. ***асуудал,*** ‘проблема, вопрос’: *gürün-ü bayidal-luγa urida tanilčaγsan ügei-eče jarim kündü asaγudal-ud-un sidkebüri berketei bolqu maγad*‘ из-за того, что не ознакомились предварительно с положением страны, решение некоторых проблем, возможно, будет сложным’ [БМУ 1923.12.04 № 5, стр. 1]. В бурятском языке также используется слово *асуулта* в значении ‘вопрос’. В халха-монгольском языке и лексике бурят Монголии и Внутренней Монголии (шэнэхэнские буряты) эти слова семантически четко различаются: ‘*асуудал’* означает ‘проблема’, а слово *асуулта* используется в значении ‘вопрос’;

– п.-мо ***jasaγ***, монг., бур. ***засаг*** ‘власть’ *jöbleltü jasaγ-un kereg üyile-yi 6 jil dotur-a jiγan kütelbürilejü bayiγsan oros-un eb qamtu-yin nam-un kütelbüri* ‘программа коммунистической партии России, по которой в течение 6 лет руководствовались в мероприятиях советской власти’ [БМУ, 4 декабря 1923, № 5, с. 1]. Данное слово часто используется в словосочетании *түрэ засаг* в значении «власти», «государство» как социального института в халха-монгольском языке и лексике бурят

Монголии и Внутренней Монголии (шэнэхэнские буряты), но реже в языке бурят РФ. Однако надо отметить, что слово *засаг* ‘власть’ использовалось еще в «Сокровенном сказании монголов» [12, с. 453].

– п.-мо. ***soyol,*** монг., бур. ***соел*** ‘культура’: *qota-yin ködelmürčin arad ulas törü-yin kereg-tü bolbosuγulun mün erdem soyol- dur bolbasuraqu yabudal-i ulam-yiar kügjigülümüi*‘ приобщать городских трудящихся к политике, а также еще более приобщать к знанию и культуре [БМҮ 1925.07.10 № 24, с. 2].

В пользу целесообразности применения фонетического способа словообразования, а именно создания или восстановления лексики с фонемой *с* вместо *h* говорит тот факт, что современное поколение бурят (не владеющих бурятским языком) испытывает трудности при произношении фонемы *h*, которая зачастую произносится как фонема *х.* Например, вместо слова *hонин* ‘новость’ произносится слово *хонин* ‘овца’ и т. д. Поэтому в словообразовании новой и актуализации пассивной лексики использование фонемы *с* вместо *h* является оптимальным способом при совершенствовании обучения и изучения бурятского языка.

Таким образом, на современном этапе развития бурятского языка чередование фонем *h/c* можно рассматривать как один из перспективных способов словообразования общественно-политической лексики, а не просто как механическую замену фонем, и тем более его нельзя понимать как попытку смены базового диалекта бурятского языка.

Список литературы

1. Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 295 с.
2. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков. М.: Наука, 1974. 383 с.
3. Буряад-род толи. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. Т. 2. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. 708 с.
4. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика письменного монгольского языка и халхаского наречия. Л., 1929. 436 с.
5. Дарбеева А. А. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. М.: Наука, 1969. 151 с.
6. Дондуков У-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. Улан-Удэ. Бурят. кн. изд-во, 1970. 79 с.
7. Дондуков У-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков.Улан-Удэ: ГУП Буряад үнэн, 2004. 270 с.
8. Дырхеева Г. А. Языковая ситуация в Бурятии: двадцать лет спустя // Вестн. БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2011. С. 132–138.
9. Патаева В. Д. Традиционная культура и язык шэнэхэнская бурят // Локальные особенности бурятской этнической общины Внутренней Монголии Китайской Народной Республики. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. С. 11–23.
10. Санжанов Ж. Ш. Современная общественно-политическая лексика бурят Внутренней Монголии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 246–250.
11. Санжанов Ж. Ш. Общественно-политическая лексика бурятского языка // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Улан-Удэ, 2013. С. 6–10.
12. Сумьябаатар Б., Нарангэрэл Б. Монголын нууц товчооны тол. Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академийн түүхийн хүрээлэн, 2008.453 х.
13. Цыбиков Г. Ц. Монгольская письменность как орудие национальной культуры. Верхнеудинск, 1928. 17 с.
14. Цыбиков Г. Ц. Избранные труды: в 2 т. Новосибирск: Наука, 1981. Т. 2. 240 с.
15. Цыдендамбаев Ц. Б. Об общественной политической терминологии в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1948. 30 с.
16. Цэбэг-үн Бурийад монгол-ун ном бичиг-үн хэлэн-ү дүрим (Грамматика бурят-монгольского языка письменного языка). Верхнеудинск: Изд-во Бур.-монг. учкома, 1924. 83 с.
17. Шагдаров Л. Д. Основные вехи бурятского языкознания: 20–70-е гг. XX в. // Вестн. БНЦ СО РАН. Улан-Удэ, 2012. С. 154–172.
18. Чимитова С. Д. Особенности новообразования в современных средствах массовой информации (на примере бурятского языка) // Мир науки, культуры, образования. № 6 (25). 2010. С. 12–15.
19. Ян А. «Плач» по бурятскому языку. URL: //http://www.infpol.ru/kultura2/item/94-plach-po-buryatskomu-yazyku.html/ (дата обращения: 09.09.2014).
20. Ян А. Первые в истории Бурятии словари диалектов бурятского языка выпускают дацаны. URL: http://www.infpol.ru/obshchestvo2/item/3350-pervye-v-istorii-buryatii-slovari-dialektov-buryatskogo-yazyka-vypuskayut-datsany.html (дата обращения: 09.09.2014).

References

1. Badmaeva L. B. Yazykovoe prostranstvo buryatskogo letopisnogo teksta. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2012. 295 s.

2. Bertagaev T. A. Leksika sovremennykh mongol'skikh literaturnykh yazykov. M.: Nauka, 1974. 383 s.

3. Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar': v 2 t. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2008. T. 2. / sost. L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov. 708 s.

4. Vladimirtsov B. Ya. Sravnitel'naya grammatika pis'mennogo mongol'skogo yazyka i khalkhaskogo narechiya. L., 1929. 436 s.

5. Darbeeva A. A. Razvitie obshchestvennykh funktsii mongol'skikh yazykov v sovetskuyu epokhu. M.: Nauka, 1969. 151 s.

6. Dondukov U-Zh. Sh. O razvitii terminologii v buryatskom yazyke. Ulan-Ude. Buryat. kn. izd-vo, 1970. 79 s.

7. Dondukov U-Zh. Sh. Razvitie leksiki mongol'skikh yazykov.Ulan-Ude: GUP Buryaad үnen, 2004. 270 s.

8. Dyrkheeva G. A. Yazykovaya situatsiya v Buryatii: dvadtsat' let spustya // Vestn. BNTs SO RAN. Ulan-Ude, 2011. S. 132–138.

9. Pataeva V. D. Traditsionnaya kul'tura i yazyk shenekhenskaya buryat // Lokal'nye osobennosti buryatskoi etnicheskoi obshchiny Vnutrennei Mongolii Kitaiskoi Narodnoi Respubliki. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2005. S. 11–23.

10. Sanzhanov Zh. Sh. Sovremennaya obshchestvenno-politicheskaya leksika buryat Vnutrennei Mongolii // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2013. № 6. S. 246–250.

11. Sanzhanov Zh. Sh. Obshchestvenno-politicheskaya leksika buryatskogo yazyka // Vestn. Buryat. gos. un-ta. Ulan-Ude, 2013. S. 6–10.

12. Sum'yabaatar B., Narangerel B. Mongolyn nuuts tovchoony tol. Ulaanbaatar: Mongol ulsyn shinzhlekh ukhaany akademiin tүүkhiin khүreelen, 2008.453 kh.

13. Tsybikov G. Ts. Mongol'skaya pis'mennost' kak orudie natsional'noi kul'tury. Verkhneudinsk, 1928. 17 c.

14. Tsybikov G. Ts. Izbrannye trudy: v 2 t. Novosibirsk: Nauka, 1981. T. 2. 240 s.

15. Tsydendambaev Ts. B. Ob obshchestvennoi politicheskoi terminologii v buryat-mongol'skom yazyke. Ulan-Ude: Burmongiz, 1948. 30 s.

16. Tsebeg-үn Buriiad mongol-un nom bichig-үn khelen-ү dүrim (Grammatika buryat-mongol'skogo yazyka pis'mennogo yazyka). Verkhneudinsk: Izd-vo Bur.-mong. uchkoma, 1924. 83 s.

17. Shagdarov L. D. Osnovnye vekhi buryatskogo yazykoznaniya: 20–70-e gg. KhKh v. // Vestn. BNTs SO RAN. Ulan-Ude, 2012. S. 154–172.

18. Chimitova S. D. Osobennosti novoobrazovaniya v sovremennykh sredstvakh massovoi informatsii (na primere buryatskogo yazyka) // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 6 (25). 2010. S. 12–15.

19. Yan A. «Plach» po buryatskomu yazyku. URL: //http://www.infpol.ru/kultura2/item/94-plach-po-buryatskomu-yazyku.html/ (data obrashcheniya: 09.09.2014).

20. Yan A. Pervye v istorii Buryatii slovari dialektov buryatskogo yazyka vypuskayut datsany. URL: http://www.infpol.ru/obshchestvo2/item/3350-pervye-v-istorii-buryatii-slovari-dialektov-buryatskogo-yazyka-vypuskayut-datsany.html (data obrashcheniya: 09.09.2014).

Статья поступила в редакцию 15.08.2014

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
VOCATIONAL EDUCATION

УДК 81
ББКШ 100

Мария Николаевна Ахметова,
доктор педагогических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672007, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30)
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Письменная речь школьника как педагогическая проблема (синергетический закон «возвращения» технологий живого образа)

В данной статье раскрывается проблема потребности ребенка в самовыражении, желании самому организовать свои действия. Реализуется такая потребность в письменной речи школьника. Такая речь «в молчании» обращена к воображаемому слушателю. Педагогическим условием ее проявления, как показывает описанный в статье опыт работы учителя русского языка и литературы, является прежде всего эмоциональный настрой. Рождаются чувства экзистенциальности, которые необходимо поддерживать. Эти чувства требуют поддержки. В статье раскрываются условия становления метапоэтического пространства как интеллектуально-эмоционального «поля» общения с книгой и живой природой. Раскрывается технология организации переживания школьников, вчитывания, вчувствования, вслушивания в жизнь природы и слова. Метапоэтическое пространство приобретает особенности метапредметного, внутреннего принятия образа – «внутреннего зрения». В статье представлен опыт организации наблюдения школьников, в котором созерцание сочетается с осмыслением и описанием увиденного. Раскрывается технология синкретического закона «возвращения» живого образа. Многочисленные исследования выдвигают на первый план игру как «школу мысли», как организацию эмоционального поведения детей и подростков. В условиях обучения такой игрой выступает театрализация. Театрализованный урок в классной комнате или на берегу реки, представляющий героев рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг». Урок эмоционально включает каждого в образ, эпоху, ситуацию. Именно так формируется речь «в молчании», обращенная к воображаемому слушателю. Театрализованный урок побуждает школьников к внутреннему диалогу. Внутренняя деятельность как содержание живого образа становится ключом постижения метаобраза в письменной речи. В статье утверждается: непосредственное чувствование формирует умения думать и письменно выражать свои мысли.

Ключевые слова: письменная речь, речь внутренняя, театрализация как технология «возвращения» живого образа.

Mariya Nikolaevna Akhmetova,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: galia.akhmetova@gmail.com

Written Pupil's Speech as a Pedagogical Problem (Synergetic Law of "Returns" of a Live Image Technologies

The problem of child's need of self-expression, intention to organize the actions himself is revealed in the article. Such need is revealed in the written speech. Such speech "in silence" is turned to the imagined person. Pedagogical conditions of its manifestation, as the experience of the teacher of the Russian language and literature shows, firstly is the emotional spirit. Feelings of an existential condition are arisen, and it is necessary to support it. These feelings demand the

© М. Н. Ахметова, 2014

support. The conditions of metapoetic space formation as an intellectual and emotional “field” of communication with the book and wildlife are reveal in the article. The metapoetic space takes the features of meta-subject, internal image acceptance – “inner sight”. The experience of the organization of pupils’ supervision are presented in the article. where contemplation is combined with judgment and the description of the seen object. The technology of the syncretic law of a live image “returns” is revealed. Numerous researches put the game as a “school of thought”, as an organization of children and teenagers’ emotional behavior on the first place. In the training conditions staging acts as such game. The lesson emotionally includes everyone in an image, an era, a situation. The speech “in silence”, turned to the imagined person, is formed in mentioned way. The dramatized lesson makes pupils be involved into internal dialogue. Internal activity as a live image content becomes a key of meta-image comprehension in written speech. It is suggested: the direct perception forms the abilities to think and express thoughts in written form.

Keywords: written speech, internal speech, staging as a “returns” live image technology.

Исследования показывают, что, научившись писать и читать, школьник значительно отстает в отношении развития письменной речи. Это отставание фиксируется уже в начальной школе. Ученые считают, что это происходит, в частности, потому, что письменная речь абстрактнее устной. Это речь без интонации, а именно интонация важна для понимания речи – «широкой речи», а не отдельных слов. Широкая речь воспринимается школьниками чаще всего как «тень речи» (Л. С. Выготский).

Письменная речь, как замечает учёный, сложна уже тем, что совершается без собеседника. Надо вообразить себе слушателя. Представить, что он рядом. Это речь без реального звучания, речь «в молчании». В письменной речи ребенок и школьник-подросток самостоятельно создают образовательную ситуацию. Внутренняя речь, как пишет Л. С. Выготский, есть «ключ к письменной речи» [4, с. 442].

Как стимулировать внутреннюю речь? Напомним некоторые «забытые технологии» (из опыта учителей г. Читы): учитель литературы приносит на урок особенной формы и цвета камень. Школьники передают его друг другу, рассматривают, о чем-то думают, вспоминают. Учитель просит написать то, о чем подумал каждый. Внутренняя речь становится «ключом к речи письменной». Надо вообразить себе собеседника, представить его рядом. Так, по А. Н. Леонтьеву, внутренняя деятельность формируется в процессе внешней предметной деятельности. Принципиальная общность строения внешней и внутренней деятельности определяется тем, что обе они опосредуют связи человека с миром. Внутренняя деятельность как содержание живого образа становится ключом постижения метаобраза. В. Л. Бабурин пишет, что именно речь впервые позволила объединить внутренние миры человека в коллективный мир, индивидуальный интеллект – в коллективный разум [1, с. 111]. Синергетическое понятие закона «возвращения» технологий (в нашем случае – технологий живого образа) представляет значимость созерцания. Умения правильно постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, к бытию. Такова роль «непосредственного чувственного бытия» [6, с. 342–343].

В письменной речи (по описанию А. В. Хуторского) школьник сам создает образовательную ситуацию: учитель литературы выводит класс в поле и просит каждого взять в руки комок земли. Учитель просит поразмышлять, подумать, осмотреться вокруг, почувствовать связь с родиной. «Сверхзадача образования заключается в том, чтобы гамма чувств, переживаний, размышлений каждого ребенка оказалась вплетена в учебный процесс» [7, с. 166]. На уроках предстоит изучение былин о русских богатырях. Раздвигаются рамки личного и ограниченного опыта ребенка, как замечает Л. С. Выготский. Метапоэтическое пространство позволяет и ребенку, и школьнику осмыслить мир как образ, как «живое» знание. Метапредметный подход – современная технологическая система, противостоящая «кустарной технологии» разрозненных подходов. «Живое знание, – как замечает В. П. Зинченко, – при всей своей неизмеримости и концептуальной неопределенности есть «жизнь, истина и путь <…>». Главные достоинства живого знания в том, что человек узнаёт себя в нем, оно не выступает в качестве чужой (отчужденной) для него реальности или силы» [4, с. 41]. Это «со-бытие», которое способствует тому, что письменная речь ребенка и школьника-подростка воспринимается как путь к себе, овладение собой, своими чувствами. Воспитанник сам находится в условиях, которые создает. Пример: ситуация в коридоре школы № 4 (г. Чита). Директор вдруг видит подростка в заплатанной старой рубашке и босиком.

– Ты кто? – тревожно спрашивает директор.

– Я Ванька Жуков. У нас урок литературы.

Замечено, что театрализация способствует эмоциональному включению каждого в образ, эпоху, ситуацию (по С. В. Ниловой). В ситуативном фрагменте образа мира все время «высвечивается» отдельный предмет – и так без конца [5, с. 206]. На основе сказанного А. А. Леонтьевым мы можем представить рождение «живого образа», который становится «живым» письменным текстом школьника.

Ситуация необычная: урок литературы должен состояться на берегу реки Ингода, возле скал Сухотино. Записи подростков:

1. «Отчаянные мальчишки уже спускались с отвесных уступов, усаживались на природные карнизы и там что-то записывали в блокнотах, оглядываясь внимательно по сторонам. Появилось желание попробовать свои силы в поэзии. Так родились стихи, может, и не совсем удачные, но не это важно. Важно то, что красота природы вызвала желание рассказать о ней стихами».

2. «Небо надо мной такое чистое, безоблачное, безграничное, что хочется не отрываясь смотреть в его голубую даль».

3. «На следующей сопке четко вырисовываются силуэты сосен. Они встали в ряд, взялись за руки и словно охраняют родной край».

4. «Город окутывает туман. Он клубится, постепенно подбирается к сопкам. Тихо. Я смотрю на эту дорогую, знакомую картину и думаю: «Ну, как не полюбить этот край!»

В развитии письменной речи школьнику важно видеть «микромир», что не очень просто: остановиться, прислушаться, вглядеться, заметить необычное в обычном:

1. «Листья березы, пахучие, светло-зеленые. Потом зелень станет темнее, узор крупнее, а сама березка останется такой же молодой».

2. «Крохотные цветы: фиалки, кашка, незабудки – прятались за лепестки травы, словно опасаясь, что скоро наступят морозы. Даже ромашки незаметны».

3. «Усердные муравьи старательно стаскивают в кучу песчинки. А около гнезда, насвистывая, хлопочет маленькая птичка…».

4. «Но вот мы и пришли. У реки горит костер. Вокруг сидят мальчики в латаной одежде, ну, прямо-таки как тургеневские!»

На берегу реки начинался урок по рассказу И. С. Тургенева «Бежин луг». Рассказ был хорошо знаком. Но все было неожиданным: из-за пригорка выходил бочар Вавила со жбаном; с вершины скалы слышался крик лешего и сыпались стремительным потоком камни; с распущенными волосами в белом длинном платье, словно из воды выходила русалка. И слышался тихий, печальный, тоскливый голос: «Павлуша, а Павлуша! Подь сюда!..» (из опыта школы № 4, г. Чита).

Событийная основа подобных уроков предполагает цепь спонтанных действий, соимпровизацию в общении, происходящую вне сценария урока. Образовательная ситуация оказывается реальностью. Школьники «строят образ не только реального, но и вымышленного мира (возможных миров)», как замечает В. П. Зинченко. Литература учит строить образ, углубляться в него, искать его смысл. Мысль делается наглядной, становясь основой внутреннего образа. «Внутреннего человека» воссоздает сочувственное понимание [2, с. 91]. Это извне идущая активность по отношению к внутреннему миру.

Итак,

1. Особую значимость приобретает личный опыт обучающихся, который помогает школьнику «узнать себя как средоточие различных возможностей» (Анри Валлон).

2. В письменной речи школьники сами создают образовательную ситуацию, где и формируется речь «в молчании», обращенная к воображаемому слушателю.

3. Письменная речь взаимосвязана с внутренней, которая предполагает обдумывание, рождение «фраз про себя» (А. С. Выготский). Непрерывное функционирование внутренней речи становится первой школой мысли для ребенка, где происходит столкновение «множества реакций». Игра – лучшая форма организации эмоционального поведения.

4. Такой игрой выступает театрализация в учебной деятельности, которая решает многие педагогические проблемы, в том числе проблему письменной речи: происходит «возвращение» технологии живого образа, возрастает роль непосредственного «чувственного бытия». Формируется метапоэтическое пространство, позволяющее ребенку и школьнику осмыслить мир как образ, «живое знание», которое станет потом письменным текстом как творчеством, имеющим чисто «психологическую полезность».

Урок на берегу реки – это театрализованная игра, «живая школа мысли», одна из форм «возвращения» технологий живого образа.

Список литературы

1. Бабурин В. Л. Эволюция российских пространств: от «большого взрыва» до наших дней: Инновационно-синергетический подход. М.: УРСС, 2002. 272 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М: Советская Россия, 1979. 320 с.
3. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991. 449 с.
4. Зинченко В. П. Живое знание: Психологическая педагогика. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самар. Дом Печати, 1998. 296 с.
5. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2003. 282 с.
6. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 423 с.
7. Христосенко И. В. Психологические маргиналии на полях вероятностного эксперимента: сноски к маргиналиям / И. В. Христосенко, А. М. Лобок. Екатеринбург: АМБ, 2002. 172 с.

References

1. Baburin V. L. Evolyutsiya rossiiskikh prostranstv: ot «bol'shogo vzryva» do nashikh dnei: Innovatsionno-sinergeticheskii podkhod. M.: URSS, 2002. 272 s.
2. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. M: Sovetskaya Rossiya, 1979. 320 s.
3. Vygotskii L. S. Pedagogicheskaya psikhologiya. M.: Pedagogika, 1991. 449 s.
4. Zinchenko V. P. Zhivoe znanie: Psikhologicheskaya pedagogika. 2-e izd., ispr. i dop. Samara: Samar. Dom Pechati, 1998. 296 s.
5. Leont'ev A. A. Osnovy psikholingvistiki. M.: Smysl, 2003. 282 s.
6. Rubinshtein S. L. Problemy obshchei psikhologii. M.: Pedagogika, 1973. 423 s.
7. Khristosenko I. V. Psikhologicheskie marginalii na polyakh veroyatnostnogo eksperimenta: snoski k marginaliyam / I. V. Khristosenko, A. M. Lobok. Ekaterinburg: AMB, 2002. 172 s.

Статья поступила в редакцию 07.02.2014

УДК 372.881.161.1
ББК 74

Татьяна Митрофановна Иванова,
кандидат педагогических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул.Александро-Заводская, 30)
e-mail: ivanovatchita@mail.ru

Системно-деятельностный подход в преподавании русского языка как иностранного при обучении основным видам речевой деятельности

В настоящее время в образовательных системах разных стран проблема образования иноязычных студентов становится чрезвычайно актуальной. В связи с этим необходимо создание эффективных систем обучения, использование современных форм и способов представления учебного материала, поиск новых педагогических приёмов и средств в преподавании русского языка как иностранного. Поскольку формирование профессиональной компетенции будущих специалистов происходит на русском языке, многоаспектные проблемы преподавания русского языка как иностранного приобретают особую значимость и актуальность, тем более в настоящее время в условиях быстрого обновления информации важно не только пробудить интерес к накоплению знаний, расширению кругозора, но и раскрыть будущего специалиста как личность, способную удовлетворить свои образовательные запросы. Обучение иностранных учащихся практическому русскому языку представляет двуединый процесс. С одной стороны, общепризнано, что необходим творческий подход к преподаванию русского как иностранного, с другой стороны – индивидуализация обучения, предполагающая учёт конкретных целей иностранного учащегося и его уровня владения языком, а также личностный подход к обучаемому, отношение к нему не только как к объекту, но и субъекту обучения. Очевидно, что для реализации этих требований в современной методике преподавания русского языка как иностранного необходимо определение методологических основ, среди которых особенное место занимает такая категория, как подход. На примере системно-деятельностного подхода в преподавании русского языка как иностранного автор рассматривает обучение основным видам речевой деятельности студентов-иностранцев, поскольку формирование профессиональной компетенции будущих специалистов происходит на русском языке.

Ключевые слова: подход, система, деятельность, компетенции, общение, виды речевой деятельности: рецептивные, продуктивные.

Tatyana Mitrofanovna Ivanova,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskay St., Chita, Russia, 672039),
e-mail: ivanovatchita @ mail. ru

System-Active Approach in the Teaching of Russian as a Foreign Language in the Principal Types Teaching of Speech Activity

Currently in the educational systems of different countries the problem of the education of foreign students is becoming extremely urgent. In this regard, it is necessary to create the effective systems of training, use of modern forms and methods of presentation of educational material, search of new pedagogical techniques and tools in the teaching of the Russian as a foreign language. Since the formation of professional competence of future specialists is in Russian, multidimensional problems of teaching of the Russian as a foreign language are of particular importance and relevance, especially, at present, in the conditions of rapid updating of information is not only important to awaken the interest to knowledge, expand horizons, but also to reveal the future specialist as a person capable to satisfy their educational queries. Training of foreign students to the practical Russian language is a twofold process. On the one hand, it is accepted that requires a creative approach to the teaching of the Russian as a foreign language, on the other hand – the individualization of education, involving into account the specific goals for the foreign student and his level of proficiency and personal approach to the learner, it not only as an object, but a subject of education. Obviously, for the implementation of these requirements in modern methodology of teaching of the Russian as a foreign language it is necessary to define the methodological foundations, among which there is such special category as an approach.

On the example of system-activity approach in teaching of the Russian as a foreign author considers training of the principal types of speech activity of students-foreigners, since the formation of professional competence of future specialists in the Russian language.

Keywords: approach, system, activity, competence, communication, types of speech activity: receptive, productive.

© Т. М. Иванова, 2014

В современной ситуации глобальных изменений в образовании, нарастании тенденций интеграции в образовательных системах разных стран проблема образования иноязычных студентов становится чрезвычайно актуальной. Это связано как с реализацией Болонского процесса и нарастанием необходимости обеспечения академической мобильности студентов, трансферта образовательных услуг в другие страны, так и проектированием образования иностранных студентов в условиях российских вузов. В связи с этим необходимо создание эффективных систем обучения, использование традиционных и современных форм, способов представления учебного материала, поиск новых педагогических приёмов и средств преподавания русского языка как иностранного на филологическом факультете. Поскольку формирование профессиональной компетенции будущих специалистов происходит на русском языке, многоаспектные проблемы преподавания русского языка как иностранного приобретают особую значимость и актуальность, тем более в настоящее время в условиях быстрого обновления информации важно не только пробудить интерес к накоплению знаний, расширению кругозора, но и раскрыть будущего специалиста как личность, способную удовлетворить свои образовательные запросы. Обучение иностранных учащихся практическому русскому языку представляет двуединый процесс. С одной стороны, общепризнано, что необходим творческий подход к преподаванию русского как иностранного, с другой стороны, индивидуализация обучения, предполагающая учёт конкретных целей иностранного учащегося и его уровня владения языком, а также личностный подход к обучаемому, отношение к нему не только как к объекту, но и субъекту обучения. Очевидно, для реализации этих требований в современной методике преподавания русского языка как иностранного необходимо определение методологических основ, среди которых особенно занимает такая категория, как подход. Подход в лингвистике чаще трактуется как общая теоретико-практическая позиция, определяющая: стратегию и принципы обучения; тактику, методы и приёмы обучения русскому языку (в данном случае русскому как иностранному). Номенклатура подходов филологического образования сегодня до конца не определена. Современные методические подходы не противоречат в целом, а дополняют друг друга. Относительно самостоятельные, где независимое существование каждого из подходов, на самом деле, должно быть обусловлено его ролью в общем учебном процессе на определённых основаниях, отражающих иерархию отношений и связей. Кратко охарактеризуем каждый из подходов и остановимся на системно-деятельностном подходе и его роли в лингвистике.

В качестве основных направлений в филологии определяют личностно-ориентированный (А. А. Леонтьев, И. С. Якиманская и др.); деятельностный (И. А. Зимняя, В. И. Капинос, Т. А. Ладыженская, А. А. Леонтьев, С. И. Львова и др.); системный (В. А. Бухбиндер, И. Д. Салистра, В. В. Бабайцева, А. Л. Бердичевский, А. Д. Дейкина, А. Н. Щукин и др.); когнитивно-коммуникативный (Е. С. Антонова, Е. А. Быстрова, Б. А, Глухов, А. Н. Щукин, Е. И. Пассов, С. И. Львова, Л. Г. Ларионова и др.); текстоцентрический (Е. А. Антонова, Е. А. Быстрова, Н. С. Болотнова, А. Д. Дейкина, Н. А. Ипполитова, В. И. Капинос, С. И. Львова, Т. М. Пахнова и др.).

В основе личностно ориентированного подхода – признание уникальности каждого учащегося, как личности, и индивидуальности его развития. Обучение учащихся разных возрастных групп в аспекте личностно ориентированного подхода предполагает организацию деятельности с учётом его индивидуального уровня, интеллектуального, речевого и филологического развития. Когнитивно-коммуникативный подход в качестве ведущего компонента выделяет знания (когниции). Именно они выполняют функции ориентиров как в деятельности, в том числе, учебно-познавательной и коммуникативной, так и при развитии разных групп умений и когнитивных стратегий, а также при решении разнообразных (коммуникативных, познавательных) задач, где именно знания являются тем фундаментом, на котором выстраивается вся система филологического образования. Формирование всех видов компетенций (лингвистической, языковой, коммуникативной и культуроведческой) осуществляется в процессе учебной коммуникации, обеспечивая синтез лингвистичекого, речемыслительного и интеллектуального развития обучающихся. Деятельностный подход состоит в формировании компетенций учащихся и осуществляется в деятельности (учебной, познавательной, коммуникативной и др.), которая представляет собой совокупность побудительно-мотивационной, аналитико-синтетической и исполнительной фаз, где каждая состоит из действий и операций, которым предшествует возникновение потребности, мотивов и постановка за-

дач. Поэтому обучение студентов должно сопровождаться формированием мотивов учебной деятельности, научением их ставить перед собой цели и задачи собственной деятельности, осуществлять рефлексивный контроль её процесса и результата, а также в случае необходимости осуществлять коррекцию действий. Изучение любого языка должно сопровождаться занимательностью, радостью преодоления трудностей, различными эмоциями, в таком случае интерес к изучаемому языку делается устойчивым и целенаправленным. Деятельность, по мнению А. А. Леонтьева, выступает также как процесс, в котором порождается психическое отражение мира в сознании человека и выхода индивида за пределы определённой культуры в процессе взаимодействия с «чужой культурой», что является важным условием в нашей работе [16, с. 9]. Можно считать, что деятельность представляет синтез процессов, отношений, которые обусловливают развитие человека и определяют его отношение с внутренним и внешним миром. М. Н. Вятютнев, В. Г. Костомаров, Д. О. Митрофанова, З. Ю. Сосенко, Е. М. Степанова, рассматривая преподавание русского языка как иностранного, уточняют содержание деятельности и анализируют структуру деятельности. В структуре деятельности учёные выделяют следующие компоненты: познавательная сторона деятельности, обеспечивающая формирование, хранение и функционирование необходимых образцов, моделей реального мира; ценностно-ориентированная сторона или целемотивационная, которая устанавливает отношение между объектом и субъектом деятельности; операционно-инструментальная (или преобразовательно-технологическая); коммуникативная, связанная с общением [20]. Поэтому в качестве структурных компонентов деятельности определяется познавательная сторона (мышление, с точки зрения психологии, есть познание) и операционно-инструментальная сторона, в составе которой была выделена коммуникация. Наиболее тесно с понятием «деятельность», «мышление», «речь» соприкасается подход, который называется коммуникативным (Е. И. Пассов, Н. И. Формановская); коммуникативно-деятельностным (И. А. Зимняя); личностно-деятельностным (И. А. Зимняя, А. А. Леонтьев); речедеятельностным (А. Н. Щукин) [10; 18; 24]. Несмотря на то, что учёные используют различные наименования, в качестве основы они рассматривают общение. Развивая учение Е. И. Пассова, И. А. Зимней, учёные уточняют, углубляют понимание подхода, основой которого является коммуникация, представляющая речевое общение, включающее слушание или чтение, понимание и воспроизведение прослушанного или прочитанного в письменной или устной диалогической или монологической форме [14, с. 47]. В актах коммуникации единицы культуры и языка, обладая самостоятельными значениями, приобретают смыслы и значимости [5, с. 47]. Материалом для занятий, построенных на основе коммуникации, должны становиться ситуации реального общения, поскольку в актах коммуникации происходит постоянный творческий процесс порождения значений, смыслов и значимостей, понимания их и принятия адекватных решений, на что указывают А. Н. Щукин, М. И. Вятютнев. По мнению Н. И. Формановской, коммуникативный подход вскрывает такие свойства языковых единиц, которые проявляются в общении, т. е. в коммуникативных взаимодействиях партнёров в процессе обмена мыслями, чувствами для решения важных жизненных задач. Именно здесь актуализируются интенциональные, социальные и другие коммуникативные смыслы [23, с. 5]. По мнению сторонников коммуникативного подхода, общению следует обучать только через общение, т. к. оно является одним из путей реализации воспитательной, познавательной и развивающей целей обучения [9, с. 78]. Так как коммуникативный подход определяется связью с общением, Я. Янушеком были выделены уровни коммуникации: 1) передача и приём информации, её кодирование и декодирование; 2) совместная деятельность, решение общей задачи; 3) выработка общей оценки достигнутых результатов, определение вклада отдельных участников [25, с. 112]. Дискурсивный подход состоит в «рассмотрении текста как социального речедействия, которому следует специально обучать». Текст определяется не только как речевое произведение, но и как процесс; и результат коммуникации в определённой социокультурной ситуации обусловливает обращение особого внимания на речевую ситуацию, интенции и цели, которые производитель текста (речи) должен достичь. Немаловажным также является анализ и сравнение возможных путей достижения прагматической цели общения (выбора возможных средств выражения, построения речи, использование определённых речевых моделей и т. д.). Текстоцентрический подход предполагает организацию обучения посредством текста с целью научения студентов осмысленно воспринимать и продуци-

ровать тексты (речевые произведения). Также текст как наиболее целостная единица позволяет объединить все аспекты характеристики языка наиболее полно, где его можно охарактеризовать с языковой точки зрения (фонетической, морфемной, лексической, грамматической); с речеведческой (стилевой, стилистической характеристики, характеристики текста с точки зрения употребления изобразительно-выразительных средств и т. п.); с культурологической точки зрения (выявления культурных смыслов, которые он несёт, прежде всего, это относится к художественному, а потом уже и публицистическому и др. стилям речи, т. е. текст объединяет все аспекты его характеристики. Стремление осуществить системный подход при исследовании объекта характерно для многих направлений современной науки. Системно-деятельностный подход также является одним из основных при обучении русскому языку (родного и неродного). В зарубежных исследованиях системный подход (sustem-sapproach) требует систему выявления составляющих основных компонентов и определения природы их взаимосвязи, а также перспективного видения целей и задач, стоящих перед системой. Применение системного подхода в работах зарубежных исследователей используется в форме различного рода моделей. Возникновение системного подхода, т. е. метода научного познания, в основе которого лежит рассмотрение объектов систем, относится к концу XIX и началу XX вв. В названиях некоторых подходов присутствует эпитет «системный»: системно-семантический (Е. Н. Соловьёва); системно-функциональный (Л. Г. Петрова); системный (Е. Д. Гурлиев, Т. В. Смирнова, Г. А. Харламов и др.). В работах, имеющих в своём названии «эпитет» «системный», не даётся определение этого понятия, оно представляется интуитивно ясным и используется в качестве синонима к слову «упорядоченный», а понятие «система» понимается как «набор», «комплекс», «группа» и «упорядоченность» некоторого множества, тогда как основное понятие системного подхода – система – это «такой комплекс избирательно вовлечённых компонентов, у которых взаимодействия и взаимоотношения принимают характер взаимодействия компонентов на получение фокусированного полезного результата» [2]. Системный подход требует рассматривать обучение как «энергийный (системный) эффект креативного, диалектического синтеза преподавания – учения» [15]. Понятие системы широко используется в смежных с методикой русского языка дисциплинах (лингвистике, педагогике, психологии и др.). Лингвистика усматривает в языке систему отношений, «автономную общность с внутренними зависимостями» (Луи Тролле Ельмслев), связывающими воедино его элементы и уровни. Так, идея о системной организации языка была развита представителями структурного направления в лингвистике, ставившими перед собой задачу выделения и классификации единиц языка и установления общих типов отношений между ними. Одним из первых лингвистов, положивших в основу изучения языка понимание системных отношений между входящими в его состав элементами, был родоначальник структурной лингвистики в Европе, шведский языковед Ф. Де Соссюр, который писал: «Язык есть система, элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только из одновременного наличия прочих [22, с. 147]. В лингвистике «система определяется …как известным образом организованное, т. е. упорядоченное иерархическое целое, обладающее структурой… для выполнения определённых целей [22, с. 30]. Большинство существующих определений языка сводится к его пониманию как системы, служащей целям хранения и обмена информации в обществе и человеческом сознании, внутри которой существует фонетическая, лексическая, морфологическая и др. подсистемы. При этом каждая отрасль лингвистики уточняет общее понятие системы применительно к своим задачам. Так, представители теории текста считают системой каждый отдельный текст, а грамматисты в качестве подсистем языка выделяют отдельные грамматические категории рода, числа, вида, падежа и др. Овладение той или другой системой позволяет с помощью ограниченного числа сообщений создавать бесконечное количество правильных высказываний в устной и письменной форме на изучаемом языке. Не менее важную роль играет усвоение и грамматики для понимания прочитанного или услышанного, т. е. для всех видов речевой деятельности. В последнее время заметно возрос интерес к системным исследованиям в методике преподавания разных дисциплин, в том числе, и в методике преподавания русского языка как иностранного. С давних пор методисты ощущали потребность в системном анализе учебного процесса, использовании комплекса согласованных и взаимосвязанных способов обучения. В рамках данной дисциплины (методики

преподавания русского языка родного (неродного) понятие системы обучения является одной из базисных категорий и трактуется как совокупность основных компонентов учебного процесса, определяющих отбор учебного материала для занятий, формы и способы его подачи на занятиях, методы и средства обучения. С позиции системного подхода в методике преподавания русского языка (родного и неродного) принято выделять следующие компоненты системы обучения: подходы к обучению, цели и задачи, содержание, процесс, принципы, методы, средства, организационные формы обучения. Перечисленные компоненты являются системными образованиями, так как направлены на достижение единой цели – обучению языку и тесно связаны между собой, проявляясь в каждом конкретном учебном действии (в учебной деятельности), и формируются под влиянием среды (научной, общественной, духовной), которая диктует требования, чему и как надо обучать в связи с основными потребностями обучаемого. Данные компоненты объединяются друг с другом через посредство обучения как системообразующего компонента системы, определяющего процессы передачи и усвоения учебной информации и способы познавательной деятельности учащихся, все компоненты системы находятся между собой в определённой иерархической зависимости, однако доминирующая роль в системе принадлежит целям обучения, которые формируются в определённой среде и оказывают влияние на выбор методов, принципов, средств и организационных форм обучения. Через посредство перечисленных компонентов система обучения реализуется (функционирует) в виде учебного процесса, организационно-структурной единицей которого является на занятиях по практике языка – практическое занятие, а функциональной – система речевых действий и операций, объединяемых в циклы учебной деятельности. Таким образом, системный подход должен быть осуществлён в отношении различных аспектов учебного процесса. При изучении языка (родного и неродного) сталкиваемся с двумя видами явлений: во-первых, особенностью языка как системы (внутренние свойства); во-вторых, присутствуют социолингвистические и психологолингвистические факторы, связанные с жизнью данного языка в определённом языковом коллективе, в определённый период времени (внешние признаки). Вследствие этого и в языке системность трактуется как внутренне организованная совокупность различных элементов (единиц) языка (в данном случае в русском языке), связанных устойчивыми отношениями, свойственными данному языку и определяющими построение речевых высказываний, а существующие подсистемы сливаются в единое целое благодаря своей иерархической подчинённости и функциональности взаимодействия [3, с. 412]. Поэтому русский язык существует как некая система разноуровневых единиц: система гласных и согласных, акцентно-интонационная система, предложно-падежная, видовременная система, системы склонения (именных частей речи, причастия), система спряжения глагола и т. п. Сочетание внутренних системных отношений в языке с особенностями функционирования языковых единиц в речи образует функциональную систему. Принцип системности призван обобщить языковые единицы, привести их в порядок, придать стройность, определить закономерности функционирования языковых единиц различных уровней. При формировании языковой системы в сознании учащихся должна быть подчинена вся стратегия обучения. Так, при изучении предложно-падежной системы русского языка первоначально закладываются ключевые значения падежей: именительный падеж как падеж, называющий активного деятеля (субъекта действия), винительный падеж как падеж прямого объекта, дательный падеж в значении адресата действия и т. п. При изучении видовременной системы формируются основные значения настоящего, будущего и прошедшего времени и такие видовые значения процессуальности, результативности и др. Уже на начальном этапе обучения русскому языку у студентов начинается формирование семантического пространства языка и функционально-семантических категорий, т. е. осуществляется подход от «функции к форме», где на первых занятиях русского языка студенты знакомятся с тем, что «субъект» может выражаться не только формами именительного падежа, но и формами других падежей: дательного в значении субъекта состояния или в значении субъекта долженствования, родительного в значении субъекта наличия или отсутствия, овладения чем-либо. При изучении русского языка как иностранного в пределах всех языковых тем соблюдается наибольшая системная организация языковых материалов, допустимая на разных этапах обучения, поскольку системное представление языкового материала способствует его лучшему восприятию и запоминанию. Таким образом, постепенно овладе-

вая русским языком, студенты-иностранцы должны научиться постигать языковую структуру языка, семантику структурной единицы, сферу и закономерности её употребления, научиться осознавать и закреплять элементы изучаемого языка. Системное описание русского языка предпринималось неоднократно: так, ещё в 60-е гг. прошлого столетия была создана и до сих пор используется в учебном процессе книга И. М. Пулькиной, Е. Б. Захавы-Некрасовой, системно описывающая русскую грамматику со структурно-семантических позиций; с функциональных позиций описан русский язык в книге под общей редакцией Н. С. Метс; в настоящее время о языковой системе как компоненте структуры языка описывается в работах В. В. Бабайцевой «Система языка как целостное образование». При изучении русского языка как иностранного в пределах всех языковых тем соблюдается наибольшая системная организация языковых материалов, допустимая на разных этапах обучения, поскольку системное представление языкового материала способствует его лучшему восприятию и запоминанию. Таким образом, постепенно овладевая русским языком, студенты-иностранцы должны научиться постигать языковую структуру языка, семантику структурной единицы, сферу и закономерности её употребления, научиться осознавать и закреплять элементы изучаемого языка.

При обучении речевой деятельности студентов-иностранцев важнейшими признаками целостной системы обучения РКИ необходимо считать: связь между элементами; фиксированность их взаимного расположения; способность к функциональному взаимодействию. Каждая система по-разному реализует эти требования. Система в обучении речевым действиям должна начинаться с овладения языковым материалом, проходить стадию овладения операциями с материалом (т. е. формирование первичных умений и навыков) и завершаться овладением речевыми действиями и деятельностью в целом (развитием и совершенствованием речевых умений) [17, с. 40–49]. Речевая деятельность – один из видов человеческой деятельности человека, понимаемый методистами как «активный, целенаправленный, опосредованный языковой системой и обусловленной ситуацией общения процесс передачи и приёма сообщения» [11]. Обучение речевому общению является одной из центральных задач, осуществляемых преподавателями РКИ. Речевое общение предусматривает «приём – переработку – выдачу» информации (Н. И. Жинкин), поэтому главное внимание уделяется формированию речевых навыков и умений, речевой деятельности (РД), которая представляет собой активный, творческий, целенаправленный процесс восприятия, понимания, порождения информации, опосредованный языковой системой и обусловленной ситуацией. Речевые действия в методике рассматриваются в качестве единицы обучения, а все виды речевой деятельности выступают в тесном взаимодействии, поэтому, приближая условия учебного процесса к условиям естественной коммуникации, необходимо формировать умения и навыки студентов-иностранцев во всех видах речевой деятельности: аудировании, говорении, чтении и письменной речи, – сочетая с обучением языковым аспектам фонетики и интонации, лексики и фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса. В целях поддержания мотивации студентов-иностранцев необходимо разрабатывать конкретные речевые ситуации, моделирующие естественные личностно и социально значимые для будущих специалистов ситуации общения, а также подбирать материал, отвечающий интеллектуальным, эстетическим, профессиональным и личностным интересам. На начальном этапе обучения русскому языку как иностранному важно сформировать в сознании учащихся модель изучаемой языковой системы. На продвинутом этапе обучения приобретаются речевые минимумы, необходимые для формирования умений пользоваться языком, для овладения будущей профессии, для делового, разговорного общения. М. А. Рыбникова писала: «Систему создаёт понимание необходимости каждого из типов работ, расположение их в порядке нарастающей трудности; систему выдержит тот учитель, который будет понимать специфику каждого задания…» [21, с. 9]. Стремление к общению (на любом языке) – ведущий мотив человека, побуждающий его к совместной познавательной или практической – взаимовлияющей деятельности. По характеру выполняемой роли в процессе общения виды речевой деятельности делятся на инициальные (стимулирующие) – говорение и письмо и реактивные (ответные) – слушание и чтение. По направляемости осуществляемого речевого действия виды речевой деятельности определяются как рецептивные (слушание, чтение) и продуктивные (говорение и письмо). Если для устного речевого общения у человека имеется сформированная самой природой генети-

ческая предрасположенность, то чтение и письмо представляют собой более сложные виды речевой деятельности, требующие целенаправленного обучения. Как известно, чтобы говорить на бытовые темы с носителями языка, можно обойтись 1000–1500 единицами, а чтобы понимать на слух речь, нужно владеть 3000 единиц, чтобы читать, понимая текст, необходим запас слов в 6000 единиц [1]. Различные формы речевой деятельности предполагают различные формы речи: внешняя устная, внешняя письменная и внутренняя или мыслительная. Обратимся к одному из видов речевой деятельности – говорению, т. к. говорение – наиболее продуктивный и мотивированный вид речевой деятельности, посредством которого осуществляется устное (вербальное) общение. Термин «говорение» может выступать в качестве синонима у словосочетания «устная речь». Предметом говорения и общения является мысль, реализованная в продукте говорения, т. е. высказывания. Начальным этапом говорения является мотив как начальный момент речевого высказывания (теория речевой деятельности А. А. Леонтьева): возникновение потребности, сопряжение потребности с предметом говорения – мыслью говорящего, эмоциональный интерес, волевая его регуляция. Затем включается механизм деятельности общения с общей коммуникативной мотивацией, являющейся фоном для ситуативной мотивации, которая создаёт мотивационную готовность обучаемых, связанную с другими видами деятельности: эвристической (у человека появляется речевая способность, которая формируется под влиянием речевого общения), избирательной и строго иерархичной. Любую деятельность человек может осуществлять в том случае, если он умеет это делать, а речевые умения управляют речевой деятельностью. По Е. И. Пассову, речевое умение есть способность управлять речевой деятельностью в условиях решения коммуникативных задач общения. Каждое умение формируется определёнными навыками, ибо речевые умения системны и структурны. Умение общаться возникает на базе других умений, оно очень сложно, потому что представляет собой систему различных умений. В число умений, необходимых для устного общения, следует отнести: собственно-речевые умения, связанные с говорением и аудированием как видами речевой деятельности и средствами общения: умение вступать в общение, уметь поддерживать общение, умение завершить общение, умение быть убедительным, умение прогнозировать результат общения, умение говорить чётко и убедительно, умение говорить спонтанно, умение передать увиденное, пересказать прочитанное и т. д. Для овладения речевым материалом до уровня умения проходит три этапа: этап формирования навыков, этап совершенствования навыков и этап развития речевого умения, где на первом этапе, когда осваивается произносительная сторона говорения, работа с учащимися ведётся на основе устного опережения, упражнения выполняются устно, без предъявления текста, но со зрительными опорами (чтение микротекстов), аудиативными опорами (прослушивание микротекстов), двигательными опорами (запись слов, моделей и пр.). На втором этапе осуществляется работа над разговорным текстом (устным высказыванием, зафиксированным в письменной форме). На третьем этапе речевой материал используется для решения более сложных речемыслительных задач, когда иллюстративный материал используется как стимул к высказыванию. Анализируя природу устной речи, необходимо установить сходство и различие аудирования и говорения. При аудировании происходит восприятие чужой речи, и в этот момент слушающий выделяет отдельные элементы речи, которые кажутся ему существенными, и синтезирует их в единое целое. В понимании речи главную роль играет процесс узнавания языкового материала. При говорении происходит воспроизведение своих мыслей. Говорящий выбирает из имеющегося у него запаса языковых средств те средства, которые ему необходимы для порождения речи, и объединяет их в единое целое. Поэтому задача преподавателя – научить студентов использовать монологические и диалогические высказывания в общении, т. к. научение общению есть конечная цель всех обучающихся любому языку. При формировании навыков говорения необходимо формирование лексических, грамматических навыков, формирование произносительных навыков, а также формирование и совершенствование речевых навыков. «Под лексическим навыком мы понимаем «синтезированное действие по выбору лексической единицы адекватно замыслу и её правильному сочетанию с другими, совершаемое в навыковых параметрах, обеспечивающее ситуативное использоывание данной лексической единицы и служащее одним из условий выполнения речевой деятельности» [19, с. 136]. «Грамматический навык есть действие по выбору модели адекватной речевой

задаче в данной ситуации, и правильному оформлению речевой единицы любого уровня, совершаемое в навыковых параметрах и служащее одним из условий выполнения речевой деятельности» [19, с. 150]. Необходимо помнить, что автоматизация грамматических навыков говорения имеет шесть последовательных стадий: стадию восприятия, стадию имитации, стадию подстановки, стадию трансформации, стадию репродукции, стадию комбинирования, что составляет системную функциональную стратегию формирования грамматических навыков говорения. «Произносительный навык есть способность осуществлять синтезированное действие, совершающееся в навыковых параметрах и обеспечивающее адекватное звуковое оформление «речевой единицы» [19, с. 164]. Процесс формирования произносительного навыка говорения проходит пять стадий: восприятия-ознакомления, имитации, осмысления, репродукции и комбинирования. И последний этапом является этап совершенствования речевых навыков, заключающийся в репродукции речевого материала на основе его комбинирования и трансформации в целях выражения собственного отношения к содержанию разговорного текста, который выполняет несколько функций, а именно, является стимулом к высказыванию, является образцом высказывания, служит содержательной базой высказывания, создаёт условия для совершенствования речевых навыков, поэтому разговорный текст должен отвечать ряду требований: быть коммуникативно направленным, интересным, эмоциональным, адресным, связным, цельным, логичным, информативным; нацеленным на разные типы восприятий. Как указывалось ранее, компонентом общения является монологическое высказывание. По Е. И. Пассову – это отрезок речи, который находится между двумя высказываниями и обладает определёнными характеристиками, к примеру, может быть разноуровневым: словом, фразой, сверхфразовым единством, разговорным текстом. Монологическое высказывание можно рассматривать как деятельность и продукт деятельности (на уровне сверхфразового единства), где монологическая речь образуется в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие. Обучение диалогу и монологу должно быть взаимосвязано и идти параллельно. В последние годы методисты склоняются к мнению, что обучение диалогу и монологу должно быть взаимосвязано и идти параллельно. Динамику развития как диалога, так и монолога определяет расширение тематики общения, использование всё более сложных структур, увеличение общего объёма высказывания. Среди диалогов следует выделить диалоги-шаблоны (речевые формулы), которые можно использовать в стереотипных ситуациях речевого общения. Эти диалоги служат хорошим средством обучения запоминанию и ситуативного употребления различных разговорных клише для студентов-иностранцев. Так, например, при теме «Знакомство» усваиваются речевые формулы: Разрешите представиться…; Меня зовут…; Как Вас зовут? и др. Основные наиболее типичные речевые формулы распределяются по подтемам и разделам. Диалогическая форма общения открыла дорогу групповым формам общения в речевых группах. В процессе обучения речевой деятельности целесообразно выделять два типа упражнений: подготовительные, формирующие механизм восприятия или порождения, и речевые, обеспечивающие практические навыки в конкретном виде и форме коммуникации. Подготовительные упражнения (иногда из называют языковыми) направлены на тренировку и автоматизацию языкового материала, т. е. на выработку языковых навыков, на понимание и запоминание в устном или письменном сообщении структурных компонентов языка. При выполнении языковых упражнений внимание студентов-иностранцев направлено на усвоение формы, значение и употребления языковой единицы. Подготовительные упражнения должны быть построены так, чтобы обеспечить относительную безошибочность и быстроту выполнения. Работа по развитию речевой деятельности должна быть распланирована и разработана так, чтобы обеспечить прогрессивное движение студентов-иностранцев, при этом необходим сдвиг в уровне сформированности у них новых навыков и умений речевых действий, в расширении коммуникативных возможностей, в совершенстве речевой деятельности в её разных проявлениях и воплощениях. В решении проблемы развития речевой деятельности, коммуникативных возможностей студентов большое место занимает работа с текстом. Среди видов текстовой деятельности, выделенных Н. С. Болотновой, текстообразующая деятельность предполагает создание как первичных текстов, так и вторичных текстов, а обучение текстообразующей деятельности является ключевой проблемой современного языкового образования [4]. В системе обучения текстоо-

бразованию в соответствии с принципами системности, градуальности, учёта экстралингвистических факторов целесообразно использовать репродуктивные и продуктивные методы обучения: от моделирования слов, словосочетаний и предложений – к творческим работам большого объёма и к моделированию адекватных речевым ситуациям текста. Глубокое понимание, постижение закономерностей построения текста, знакомство со стилистическими ресурсами языка необходимо для самостоятельного применения знаний и умений при создании собственного текста разных видов в устной и письменной форме, поэтому работу с текстом и над текстом следует воспринимать как единый процесс, обеспечивающий развитие речевых коммуникативных навыков, где речевая деятельность обучающихся также развивается и в учебном речевом общении и строится как разговор на определённые ситуации, темы, позволяет решать важные речевые задачи; тем более, пополняет речевую память студентов о средствах и способах создания текстов разных функциональных стилей.

Таким образом, использование системно-деятельностного подхода при обучении РКИ нацелено на развитие личности студентов, изучающих русский язык как иностранный, что даёт возможность сделать процесс обучения эффективным, творческим, а также помогает максимально облегчить усвоение традиционно трудных для иностранцев разделов русской грамматики, а системность и компактность описания грамматической системы русского языка формирует у студентов системные знания, вследствие чего учит осмысленно воспринимать все виды речевой деятельности в устной и письменной форме, обучение через общение (в нашем случае – с совместной деятельностью преподавателя и студента), что является важным условием в данной работе.

Список литературы

1. Акишина А. А., Коган О. Е. Учимся учить. М.: Русский язык. Курсы, 2012. 266 с.
2. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональной системы. М.: Медицина, 1980. 198 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Совет. энцикл., 1966. 608 с.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Ч.III. Структура текста. Текстообразующие возможности языковых единиц. Факторы текстообразования: учеб. пособие для филологов. Томск: ТГПУ, 2005. 506 с.
5. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М.: Рус. яз., 1984. 144 с.
6. Дейкина А. Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. М. – Оренбург: Агентство, Пресса, 2009. 308 с.
7. Дейкина А. Д. Характеристика текста как вид учебной деятельности в современном школьном обучении русскому языку // Мир русского слова. 2011. № 2. С. 77–84.
8. Жинкин Н. И. Механизм речи. М.: АПН РСФСР, 1958. 378 с.
9. Зайцева С. Е. Использование коммуникативного подхода при формировании иноязычных коммуникативных умений будущего специалиста // Актуальные проблемы современной науки. 2005. № 6. С. 72–76.
10. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение,1991. 222 с.
11. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
12. Крючкова Л. С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. 480 с.
13. Леонтьев А. А. Язык. Речь, речевая деятельность. Изд. 6-е. М.: КРАСАНД, 2010. 216 с.
14. Матухин Д. Л. Особенности обучения иноязычному общению студентов нелингвистических специальностей на основе коммуникативного подхода // Вестн. Томск. пед. ун-та. 2011. № 6. С. 55–58.
15. Невская В. И. Психофизиологическая характеристика навыков, умений и её методическая интерпретация // Вопр. методики преподавания иностр. яз. в шк. Ученые записки. Вып. 54. Горький: ГТПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1972. С. 108–132.
16. Основы теории речевой деятельности / отв. ред. А. А. Леонтьев. М.: Наука, 1974. 368 с.
17. Общая методика обучения иностранным языкам / под ред. А. А. Миролюбова, И. В. Рахманова, В. С. Цетлин. М.: Просвещение, 1967. 357 с.
18. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
19. Пассов Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам. М.: Русский язык, 1977. 276 с.

20. Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания.VII Конгресс МАПРЯЛ. Методика преподавания русского языка как иностранного / О. Д. Митрофанова [и др.]. М.: Русский язык, 1990. 268 с.

21. Рыбникова М. А. Избранные тр. М.: Академия пед. наук РСФСР, 1977. 164 с.

22. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 400 с.

23. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.

24. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. 334 с.

25. Янушек Я. Коммуникация трёх участников совместной деятельности / Проблемы общения в психологии. М.: Наука, 1981. С. 168–178.

References

1. Akishina A. A., Kogan O. E. Uchimsya uchit'. M.: Russkii yazyk. Kursy, 2012. 266 s.

2. Anokhin P. K. Uzlovye voprosy teorii funktsional'noi sistemy. M.: Meditsina, 1980. 198 s.

3. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M.: Sovet. entsikl., 1966. 608 s.

4. Bolotnova N. S. Filologicheskii analiz teksta. Ch.III. Struktura teksta. Tekstoobrazuyushchie vozmozhnosti yazykovykh edinits. Faktory tekstoobrazovaniya: ucheb. posobie dlya filologov. Tomsk: TGPU, 2005. 506 s.

5. Vyatyutnev M. N. Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy). M.: Rus. yaz., 1984. 144 s.

6. Deikina A. D. Formirovanie yazykovoi lichnosti s tsennostnym vzglyadom na russkii yazyk: metodologicheskie problemy prepodavaniya russkogo yazyka. M. – Orenburg: Agentstvo, Pressa, 2009. 308 s.

7. Deikina A. D. Kharakteristika teksta kak vid uchebnoi deyatel'nosti v sovremennom shkol'nom obuchenii russkomu yazyku // Mir russkogo slova. 2011. № 2. S. 77–84.

8. Zhinkin N. I. Mekhanizm rechi. M.: APN RSFSR, 1958. 378 s.

9. Zaitseva S. E. Ispol'zovanie kommunikativnogo podkhoda pri formirovanii inoyazychnykh kommunikativnykh umenii budushchego spetsialista // Aktual'nye problemy sovremennoi nauki. 2005. № 6. S. 72–76.

10. Zimnyaya I. A. Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole. Zimnyaya I. A. M.: Prosveshchenie,1991. 222 s.

11. Zimnyaya I. A. Psikhologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke. M.: Prosveshchenie, 1985. 160 s.

12. Kryuchkova L. S. Prakticheskaya metodika obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu: ucheb. posobie. M.:FLINTA: Nauka, 2014. 480 s.

13. Leont'ev A. A. Yazyk. Rech', rechevaya deyatel'nost'. Izd. 6-e. M.: KRASAND, 2010. 216 s.

14. Matukhin D. L. Osobennosti obucheniya inoyazychnomu obshcheniyu studentov nelingvisticheskikh spetsial'nostei na osnove kommunikativnogo podkhoda // Vestn. Tomsk. ped. un-ta. 2011. № 6. S. 55–58.

15. Nevskaya V. I. Psikhofiziologicheskaya kharakteristika navykov, umenii i ee metodicheskaya interpretatsiya // Vopr. metodiki prepodavaniya inostr. yaz. v shk. Uchenye zapiski. Vyp. 54. Gor'kii: GTPIIYa im. N. A. Dobrolyubova, 1972. S. 108–132.

16. Osnovy teorii rechevoi deyatel'nosti / otv. red. A. A. Leont'ev. M.: Nauka, 1974. 368 s.

17. Obshchaya metodika obucheniya inostrannym yazykam / pod red. A. A. Mirolyubova, I. V. Rakhmanova, V. S. Tsetlin. M.: Prosveshchenie, 1967. 357s.

18. Passov E. I. Kommunikativnyi metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu. M.: Prosveshchenie, 1991. 223 s.

19. Passov E. I. Osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam. M.: Russkii yazyk, 1977. 276 s.

20. Russkii yazyk i literatura v obshchenii narodov mira: problemy funktsionirovaniya i prepodavaniya.VII Kongress MAPRYaL. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo / O. D. Mitrofanova [i dr.]. M.: Russkii yazyk, 1990. 268 s.

21. Rybnikova M. A. Izbrannye tr. M.: Akademiya ped. nauk RSFSR, 1977. 164 s.

22. Trudy po yazykoznaniyu. M.: Progress, 1977. 400 s.

23. Formanovskaya N. I. Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskii podkhod. M.: Russkii yazyk, 2002. 216 s.

24. Shchukin A. N. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: ucheb. posobie dlya vuzov. M.: Vyssh. shk., 2003. 334 s.

25. Yanushek Ya. Kommunikatsiya trekh uchastnikov sovmestnoi deyatel'nosti / Problemy obshcheniya v psikhologii. M.: Nauka, 1981. S. 168–178.

Статья поступила в редакцию 30.03.2014

ТРЕБОВАНИЯМ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР»

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объем
статья (*теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором*)	0, 5 п. л. *(20 000 знаков)*
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. *(12 000 знаков)*
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. *(8 000 знаков)*

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

Печатный и электронный вариант статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.

Договор на оказание услуг – в 2 экземплярах.

Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.

Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант, соискатель учёной степени кандидата наук.

Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

Структура статьи, представаляемой в редколлегию журнала

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языке строчными буквами (не заглавными).

Аннотация объёмом около 200 слов на русском и английском языке. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языке.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы даётся в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

Правила оформления статьи

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов, применяемых в тексте представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. На последней странице указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается место и год издания, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде сносок (постранично). Маркер сноски – арабская цифра.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т.д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Черно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/ авторов и названия статьи. Размер рисунка 170х240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисуночные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, **отсылается по адресу**:

672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129.

Забайкальский государственный университет,

для «Редакции научных журналов ЗабГУ».

Редактор О. Г. Мисюркеева
Редактор перевода
А. С. Атрощенко
Дизайн обложки: А. А. Михалев
Вёрстка: М. Р. Коптелова

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial».
Подписано в печать 16.12.2014.
Усл. печ. л. 18,6. Уч-изд. л. 13,3.
Заказ № 28014. Тираж 1000 экз.

Забайкальский
государственный университет
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Managing editor O. G. Misyurkeeva
Editor of the English Translation:
A. S. Atroshchenko
Cover design: A. A. Mikhalyev
Make-up: M. R. Koptelova

Format 60×84 1/8. Offset paper
Headset «Arial».
Signed to print 16.12.2014.
Conv. quires 18,6. Ed.-print quires. 13,3.
Order № 28014. Circulation 1000 copies.

Zabaikalsky
State University
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya St.